

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Виктор Евгеньевич Кулаков

Министерство культуры Российской Федерации
Государственный историко-культурный
и природный музей-заповедник А.С. Грибоедова
«Хмелита»

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН
Институт российской истории РАН

Первые Кулаковские чтения

НА ПОЛЯХ ВОИНСКОЙ СЛАВЫ РОССИИ

МОСКВА – 2023

УДК 069:94(47+57)“1941/1945”
ББК 63.3(2)лб:63.3(2)622
П26

<https://elibrary.ru/dkxswc>

*Печатается по решению Ученого совета
Института мировой литературы имени А. М. Горького РАН*

При поддержке Фонда «История Отечества»

Редакционная коллегия:

*Н.В. Кулакова (председ.), Е.А. Папкова (ред.), Б.У. Серазетдинов (ред.),
М.В. Скороходов (отв. ред.)*

Рецензенты:

*А.С. Акимова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
(Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук);*

*И.В. Быстрова – доктор исторических наук, главный научный сотрудник,
(Институт российской истории Российской академии наук)*

**Первые Кулаковские чтения: На полях воинской славы
П26 России** : сборник статей / отв. редактор М.В. Скороходов. –
Москва : МАКС Пресс, 2023. – 344 с.
ISBN 978-5-317-07091-5
<https://www.doi.org/10.29003/m3629.khmelita-19>

Центральная тема издания, продолжающего серию «Хмелитские сборники», – сохранение памяти о героической борьбе советского народа за свободу и независимость Родины. Значительное внимание уделяется анализу художественных и публицистических произведений, созданных во время Великой Отечественной войны, творческого наследия ее участников и современников, вопросам музеефикации мест, связанных с важнейшими событиями истории Отечества. Сборник посвящен памяти В.Е. Кулакова (1944–2019) – создателя и первого директора Государственного историко-культурного и природного музея-заповедника А.С. Грибоедова «Хмелита». Ориентирован на широкую читательскую аудиторию, будет востребован литературоведами, историками, культурологами, занимающимися советским периодом, вопросами восприятия событий военной истории, исследованием литературы периода Великой Отечественной войны и последующих десятилетий.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, поля воинской славы России, русская литература XX в., публицистика, историография, В.Е. Кулаков.

УДК 069:94(47+57)“1941/1945”
ББК 63.3(2)лб:63.3(2)622

ISBN 978-5-317-07091-5

© Музей-заповедник «Хмелита», 2023
© Авторы статей, 2023
© Оформление. ООО «МАКС Пресс», 2023

Ministry of Culture of the Russian Federation
State Historical, Cultural and Nature Museum-Reserve
Named after A.S. Griboedov “Khmelita”
A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences

First Kulakov Readings

ON THE FIELDS OF RUSSIA'S MILITARY GLORY

MOSCOW – 2023

Supported by the History of the Fatherland Foundation

Editorial Board:

N.V. Kulakova (Managing Editor), E.A. Papkova (Editor),
B.U. Serazetdinov (Editor), M.V. Skorokhodov (Executive Editor)

Reviewers:

A.S. Akimova – Candidate of Philology, Senior Researcher,
(A.M. Gorky Institute of World Literature of The Russian Academy of Sciences);

I.V. Bystrova – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher,
(Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences)

**First Kulakov Readings: On the Fields of Russia's Military
Glory:** collection of articles / ed. M.V. Skorokhodov. – Moscow:
MAX Press, 2023. – 344 p. (In Russian)

ISBN 978-5-317-07091-5

<https://www.doi.org/10.29003/m3629.khmelita-19>

The central theme of the scientific book (continuation of the series *Khmelitsky Sbornik*) is the preservation of the memory of the heroic struggle of the Soviet people for the freedom and independence of the Motherland. Considerable attention is paid to the analysis of artistic and journalistic works created by the participants of the Great Patriotic War, the creative heritage of its participants and contemporaries, the issues of museification of places associated with the most important events in the history of the Fatherland. The book is dedicated to the memory of V.E. Kulakov (1944–2019) – the creator and first director of the State Historical, Cultural and Natural Museum-Reserve of A.S. Griboyedov “*Khmelita*”. It is oriented to a wide readership, will be in demand by literary critics, historians, culturologists dealing with the Soviet period, issues of perception of the events of military history, the study of literature of the Great Patriotic War and subsequent decades.

Keywords: The Great Patriotic War, the fields of military glory of Russia, Russian literature of the XX century, journalism, historiography, Victor E. Kulakov.

ISBN 978-5-317-07091-5

© Museum-Reserve “*Khmelita*”, 2023

© Research Team, 2023

© MAKS Press LLC (design), 2023

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редакционной коллегии</i>	11

I

<i>Воронцова Г.Н.</i> Категория «ненависть» в статье А.Н. Толстого «Я призываю к ненависти» и рассказе М.А. Шолохова «Наука ненависти»	19
<i>Папкова Е.А.</i> Трилогия Всеволода Иванова о Бородинском поле: контексты истории	29
<i>Коржова И.Н.</i> Образ Смоленщины в творчестве К.М. Симонова	45
<i>Поль Д.В.</i> Тема плена в публицистике и прозе К.М. Симонова, М.А. Шолохова и И.Г. Эренбурга 1941–1942 гг.	60
<i>Королева А.М.</i> «Мир оказался подогнанным, подведенным под стихи Бориса Пастернака», – неопубликованные фронтовые эго-документы читателя в архиве поэта	76
<i>Николаев Д.Д.</i> «С победоносным Новым годом, непобедимая страна!»: поэзия «Правды» начала 1943 года	99
<i>Скорыходов М.В.</i> Грибоедов в фокусе периодических изданий периода Великой Отечественной войны	129
<i>Андреева Е.А.</i> Древнерусские мотивы и образы в стихотворениях Арсения Тарковского 1941–1945 гг.	149
<i>Федорчук Е.И.</i> Песни и стихи партизан, написанные в тылу врага. Смоленщина – Беларусь, 1942–1944 гг. (из фондов Быховского историко-краеведческого музея)	160
<i>Павельева Ю.Е., Рябцева Ю.А.</i> Тематический комплекс «Куликово поле» в произведениях И.С. Шмелева и А.И. Солженицына	175
<i>Миннуллина Ф.Х.</i> Великая Отечественная война в татарской драматургии 1940–1950-х гг.	194
<i>Галиева Л.Ш.</i> Письма татарских писателей-фронтовиков как отражение литературной жизни в годы Великой Отечественной войны	202

<i>Борисова Д.М.</i> Судьба музея-усадьбы военного времени в прозе К.Г. Паустовского	211
<i>Воронина Ю.Н.</i> Усадьба Л.И. Кашиной в селе Константиново в военные и послевоенные годы и ее восстановление	223
<i>Алексеева А.А.</i> Работа с исторической информацией на занятиях РКИ (славные страницы военной истории России в аудитории иностранных курсантов)	235

II

<i>Серазетдинов Б.У.</i> Отражение событий в Вяземском котле в 1941 г. в воспоминаниях народных ополченцев Москвы (документы Научного архива ИРИ РАН)	249
<i>Дроздов К.С.</i> Бои на Богородицком поле в октябре 1941 г. глазами бывших московских ополченцев: по материалам стенограмм бесед комиссии Минца	266
<i>Безугольный А.Ю.</i> Несформированные дивизии народного ополчения Москвы.....	284
<i>Каркотко А.Ю.</i> Воинские захоронения XIX–XX веков на территории Вилейского района Минской области Республики Беларусь.....	295
<i>Ельчанинов А.И.</i> Советские захоронения в Китайской Народной Республике: опыт создания информационного свода памятников советским воинам.....	309
<i>Жижиян С.Ф.</i> «Окопное творчество» периода Великой Отечественной войны. Примитивное искусство по обе линии фронта.....	320
<i>Зайцева Г.А.</i> Поля сражений как ассоциативный культурный ландшафт	330

CONTENTS

<i>Preface</i>	11

I

<i>Vorontsova, Galina N.</i> Category of <i>Hatred</i> in A.N. Tolstoy's Article <i>I call for Hatred</i> and M.A. Sholokhov's Short Story <i>The Science of Hatred</i>	19
<i>Papkova, Elena A.</i> Vsevolod Ivanov's Trilogy about the Borodino Field: Historical Contexts.....	29
<i>Korzhova, Inessa N.</i> The Image of Smolenschina in K.M. Simonov's Works.....	45
<i>Pol, Dmitry V.</i> The Theme of Captivity in the Journalism and Prose of K.M. Simonov, M.A. Sholokhov and I.G. Ehrenburg 1941–1942.....	60
<i>Koroleva, Angelina M.</i> “The World Turned out to be Fit, Adjusted to the Poetry of Boris Pasternak”: unpublished readers' Front Ego-documents in the Archive of the Poet	76
<i>Nikolaev, Dmitry D.</i> “Happy Victorious New Year, Invincible Country!”: “ <i>Pravda</i> ”'s Poetry in the Beginning of 1943.....	99
<i>Skorokhodov, Maxim V.</i> Griboyedov in the Focus of Periodicals of the Great Patriotic War Period.....	129
<i>Andreeva, Ekaterina A.</i> Ancient Russian Motifs and Images in the Poems of Arseny Tarkovsky 1941–1945.....	149
<i>Fedorchuk, Evgenia I.</i> Songs and Poems of Partisans Written behind enemy Lines. Smolenschina – Belarus, 1942–1944 (from the Foundations of the Bykhov Museum of Local History).....	160
<i>Pavelieva, Yulia E., Ryabtseva, Yulia A.</i> Thematic Complex <i>Kulikovo Pole</i> in the Works of I.S. Shmelev and A.I. Solzhenitsyn.....	175
<i>Minnullina, Fatyma Kh.</i> The Great Patriotic War in the Tatar Drama of the 1940s–1950s.....	194
<i>Galieva, Lyaysan Sh.</i> Letters of Tatar Frontline Writers as a Reflection of Literary Life During the Great Patriotic War.....	202

<i>Borisova, Daria M.</i> The Fate of the Estate-Museum in Wartime in the Prose of K.G. Paustovsky.....	211
<i>Voronina, Yulia N.</i> Estate of L.I. Kashina in the Village of Konstantinovo in the War and Post-war Years and its Restoration	223
<i>Alekseeva, Anastasia A.</i> Working with Historical Information at RFL Classes (Glorious Pages of Military History of Russia in the Audience of Foreign Cadets).....	235

II

<i>Serazetdinov, Boris U.</i> Reflection of the Events in the Vyazemsky Cauldron in 1941, in the Memoirs of the People’s Militia of Moscow (Documents of the Scientific Archive of the Institute of Russian History RAS)	249
<i>Drozдов, Konstantin S.</i> The Battles on the Bogoroditsky Field in October 1941 Through the Eyes of Former Moscow Militias: based on Transcripts of Conversations of the Mints Commission	266
<i>Bezugolny, Alexey Yu.</i> Unformed Divisions of the People’s Militia of Moscow	284
<i>Karkotko, A.Yu.</i> Military Burials of the 19th–20th Centuries on the Territory of the Vileika District of the Minsk Region of the Republic of Belarus.....	295
<i>Elchaninov Anatoly I.</i> Soviet Burials in the People’s Republic of China: Experience in Creating an Information Collection of Monuments to Soviet Soldiers.....	309
<i>Zizhiyan, Sergey F.</i> Trench Art the Period of the Great Patriotic War. Primitive Art on both Front Lines.....	320
<i>Zaitseva, Galina A.</i> Battlefields as Associative Cultural Landscape	330

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Сборник посвящен памяти Виктора Евгеньевича Кулакова – замечательного русского подвижника, создателя и первого директора Государственного историко-культурного и природного музея-заповедника А.С. Грибоедова «Хмелита».

В «Послесловии» к первому выпуску «Хмелитского сборника» (1998) Виктор Евгеньевич ярко и емко охарактеризовал особенность Хмелиты как места притяжения людей, любящих и знающих наследие России, созидающих и сберегающих Русский мир: «Мы предлагаем всем, кому дорога русская культура, сотрудничать с нами и приглашаем всех, кому небезразлично многовековое наследие России, в наш музей-заповедник. Будем рады видеть вас в Хмелите»¹. Эти слова человека, который не только буквально по кирпичикам возродил уникальный усадебный комплекс, но и наполнил его жизнью, присоединил к Хмелите места, где провел детство адмирал П.С. Нахимов, где героически прорывались из окружения бойцы Красной армии, сохраняют свою актуальность уже более 25 лет. И будут актуальны в дальнейшем.

Русская история и культура, Россия в меняющемся мире, современники Грибоедова и Нахимова, герои Великой Отечественной войны, наследие Смоленской земли, деятельность ее уроженцев и защитников – такова многообразная тематика музейных выставок и культурно-образовательных программ, научно-практических конференций, «Хмелитских сборников». Такова повседневная жизнь музея-заповедника «Хмелита», открытого к сотрудничеству.

Виктор Евгеньевич Кулаков (8.6.1944, г. Андижан, Узбекская ССР в составе СССР – 16.7.2019, с. Хмелита, Смоленская обл.), архитектор-

¹ Кулаков В.Е. Послесловие // А.С. Грибоедов: Хмелитский сборник / Российская академия наук. Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом); Гос. музей-заповедник «Хмелита». Смоленск: Смоленский гос. ун-т, 1998. С. 413.

реставратор, историк искусств, музейный деятель. С 1985 г. – член Союза архитекторов Москвы, Заслуженный деятель искусств Российской Федерации (1998), почетный гражданин города Вязьма (2002). Награжден орденами: Дружбы (2004), Почета (2010); медалями: «За заслуги в увековечении памяти погибших защитников Отечества» Министерства обороны Российской Федерации (2010), имени П.Д. Барановского (2019). Лауреат Санкт-Петербургской премии имени академика Д.С. Лихачева (2009), Всероссийской литературной премии имени Александра Невского (2010), Всероссийской премии «Хранители наследия» в номинации «Хранитель» (2019 г.; посмертно).

С 1966 г., после окончания автомобильно-дорожного техникума, Кулаков работал в «Моспроекте-3», сначала техником-конструктором (мастерская № 7; реставрация памятников архитектуры Москвы); в 1969–1971 гг. – в Центральной художественной реставрационной мастерской им. академика И.Э. Грабаря, в 1971–1973 гг. – во Всероссийской специальной научно-реставрационной производственной мастерской, в 1973–1988 гг. – в Российском специализированном научно-реставрационном производственном тресте «Реставрация»; первоначально – чертежником, впоследствии – главным архитектором проекта. С середины 1970-х гг. Кулаков учится в Институте живописи, ваяния, архитектуры им. И.Е. Репина АХ СССР в Ленинграде (окончил в 1980 г.). Особенно значимой в биографии В.Е. Кулакова оказалась встреча с выдающимся архитектором, реставратором памятников древнерусского зодчества П.Д. Барановским, учеником которого он становится.

Впервые Виктор Евгеньевич приехал в село Хмелита Смоленской области на руины принадлежавшего роду Грибоедовых усадебного комплекса в 1967 г. вместе с Барановским. С того времени отдавал все свои силы возрождению усадьбы и ее музеефикации; изучал окрестности Хмелиты, в том числе места, связанные с биографией и творчеством философа А.С. Хомякова и писателя М.А. Булгакова, с жизнью флотоводца П.С. Нахимова.

В конце 1980-х гг. Кулаков установил контакты с потомками последних владельцев усадьбы Волковых-Муромцевых, в 1917 г. эмигрировавших в Великобританию, получил от них чертежи усадьбы и ее планировку, включая схему расстановки мебели. Под ру-

ководством Виктора Евгеньевича и на основе разработанного им как главным архитектором проекта в 1969–2018 гг. в Хмелите восстановлены главный дом-дворец, галерея, флигели, церковь во имя Казанской иконы Божьей Матери, служебные постройки; благоустроена парковая территория. В.Е. Кулаков – в 1988–2011 гг. – директор, в 2012–2018 гг. – генеральный директор музея, созданного как филиал Смоленского музея-заповедника, а в 1990 г. преобразованного в Государственный историко-культурный и природный музей-заповедник А.С. Грибоедова «Хмелита» и в 2012 г. переданного из областного в федеральное ведение.

Виктор Евгеньевич – соавтор экспозиций: «Грибоедов и его время» (1995), «В гостях у героев комедии А.С. Грибоедова “Горе от ума”» (2008); «А.С. Грибоедов: жизнь, творчество, эпоха, судьба» (2015). Он стал инициатором создания и организатором посвященного П.С. Нахимову мемориально-ландшафтного комплекса «Верный сын России» (открыт в 2002; соавтор экспозиции); мемориала «Памяти воинов Западного и Резервного фронтов “Богородицкое поле”» (2004), посвященного героизму советских воинов, задержавших в 1941 г. продвижение фашистов к Москве; музея «Усадьба Богородицкое» (2012), входящих в состав музея-заповедника «Хмелита». По инициативе В.Е. Кулакова с 1986 г. проводится ежегодный Всесоюзный, позже – Всероссийский Грибоедовский праздник, с 2002 г. – Нахимовский праздник (с 2002 г.).

Виктор Евгеньевич умел устанавливать контакты с разными людьми и силой убеждения доказывать свою правоту, привлекать собеседников на свою сторону, решать поставленные задачи, многие из которых казались невыполнимыми. Он тесно взаимодействовал с представителями Министерства культуры Российской Федерации и Центрального совета ВООПИиК, с администрацией Смоленской области и руководителями различных учреждений. Это позволило успешно реализовать программу развития музейного комплекса, который стал центром изучения и популяризации жизни и творчества А.С. Грибоедова, одним из самых посещаемых объектов культуры Смоленской области и наиболее значимых литературных музеев России.

В.Е. Кулаков похоронен на территории музея-заповедника у церкви во имя Казанской иконы Божьей Матери в Хмелите.

В 2020 г. в музее-заповеднике «Хмелита» прошла выставка «Виктор Кулаков: “Я – счастливый человек!”», посвященная памяти основателя музея. На ней были представлены личные вещи, характеризующие творческую биографию Виктора Евгеньевича, и собранные им музейные предметы, раскрывающие историю возрождения усадьбы Грибоедовых.

Первая научная конференция, задуманная Кулаковым, состоялась в возрождаемой Хмелите в 1988 г., сборник по ее итогам – «А.С. Грибоедов: Материалы к биографии» – был выпущен ленинградским отделением издательства «Наука» под грифов Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР в 1989 г. Затем конференции стали регулярными, подготовленные на основе докладов статьи включались в «Хмелитские сборники». В соответствии с замыслом В.Е. Кулакова статьи не ограничивались только темами, связанными с биографией и творчеством Грибоедова. Были выпуски, посвященные двум писателям-современникам – Грибоедову и Пушкину, русской усадебной культуре, славянофильству и одному из его основоположников, жившему неподалеку от Хмелиты, – А.С. Хомякову, последним владельцам Хмелиты Волковым-Муромцевым, учителю В.Е. Кулакова П.Д. Барановскому, событиям Отечественной войны 1812 г. Когда В.Е. Кулаков узнал о «Вяземском котле» – одной из наиболее трагических страниц истории Великой Отечественной войны, он энергично занялся восстановлением памяти о героических защитниках Отечества. Одним из результатов этой работы явились тематические «военные» выпуски «Хмелитских сборников».

Памяти Виктора Евгеньевича Кулакова были посвящены Первые Кулаковские чтения, которые прошли 9–11 октября 2023 г. при поддержке Фонда «История Отечества» в Государственном историко-культурном и природном музее-заповеднике А.С. Грибоедова «Хмелита». Их организаторы – Государственный историко-культурный и природный музей-заповедник А.С. Грибоедова «Хмелита», Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН и Институт российской истории РАН. В Чтениях приняли участие литературоведы, историки, географы, картографы, экологи, музейные работники, в том числе молодые исследователи, из разных регионов России и из Республики Беларусь.

Приехавшие в Хмелиту ученые приняли участие в традиционной военно-патриотической акции «Время помнить» в музее «Усадьба Богородицкое» 11 октября в 16.00 – в тот час, когда в 1941 г. в районе Богородицкого была предпринята успешная попытка прорыва из окружения частей 19-й и 32-й армий и группы Болдина под общим командованием генерал-лейтенанта М.Ф. Лукина.

* * *

Сборник, подготовленный по итогам Чтений, выходит в особый для России год – год 80-летия судьбоносных сражений в истории нашего Отечества – побед под Сталинградом и в Курской битве, освобождения от фашистов Кавказа, Смоленской области и других регионов СССР.

Центральная тема Первых Кулаковских чтений – сохранение памяти о героической борьбе советского народа за свободу и независимость Родины. Значительное внимание уделено анализу художественных и публицистических произведений, созданных во время Великой Отечественной войны, творческого наследия ее участников и современников, вопросам музеефикации мест, связанных с важнейшими событиями истории Отечества. Сборник является междисциплинарным и свидетельствует о важности научного взаимодействия филологов, историков, географов, картографов, представителей музейного сообщества. Историки обращаются в своих статьях к анализу событий культурной жизни, цитируют периодику военных лет, используют примеры из художественной литературы, а филологи работают с материалом как профессиональные историки и искусствоведы.

Сборник состоит из двух разделов.

Статьи первого раздела ориентированы прежде всего на комплексный анализ художественных и публицистических произведений, созданных в период Великой Отечественной войны А.Н. Толстым, М.А. Шолоховым, Вс. Ивановым, К.М. Симоновым, И.Г. Эренбургом и др. Исследователи обращаются также к фронтовым письмам, адресованным Б.Л. Пастернаку, к материалам газеты «Правда», газетным и журнальным публикациям военного времени, посвященным А.С. Грибоедову, выявляют древнерусские мотивы и образы в стихотворениях Арс. Тарковского 1941–1945 гг. Интерес представляет

изучение песен и стихов партизан, написанных в тылу врага в 1942–1944 гг., тематического комплекса «Куликово поле» в произведениях И.С. Шмелева и А.И. Солженицына, рассмотрение вопросов отражения событий Великой Отечественной войны в татарской драматургии 1940–1950-х гг., обзор писем татарских писателей-фронтовиков. Также уделяется внимание судьбам музеев-усадб военного времени в прозе К.Г. Паустовского, истории сохранения и восстановления усадьбы Л.И. Кашиной в селе Константиново. Завершает раздел статья, посвященная различным аспектам работы с исторической информацией на занятиях РКИ (славные страницы военной истории России в аудитории иностранных курсантов).

Для статей второго раздела, некоторые из которых основаны на впервые вводимых в научный оборот архивных материалах, характерно внимание к событиям Великой Отечественной войны, к сохранению памяти об их участниках и потомках. Первые две статьи, основанные на документах, хранящихся в ИРИ РАН, непосредственно связаны с военной историей Вяземского района Смоленской области – в них показано, как события в «Вяземском котле» и бои на Богородицком поле в октябре 1941 г. отразились в воспоминаниях народных ополченцев Москвы. Также прослеживается история несформированных дивизий народного ополчения Москвы, исследуются воинские захоронения XIX–XX вв. на территории Вилейского района Минской области Республики Беларусь и советские захоронения в Китайской Народной Республике. В разделе помещена статья, характеризующая «окопное творчество» периода Великой Отечественной войны. Завершает книгу исследование, в котором поля сражений рассматриваются как ассоциативный культурный ландшафт.

Сборник ориентирован на широкую читательскую аудиторию. Он будет востребован литературоведами, историками, культурологами, занимающимися советским периодом, вопросами восприятия событий военной истории, исследованием литературы периода Великой Отечественной войны.

I

<https://www.doi.org/10.29003/m3630.khmelita-19/19-28>

<https://elibrary.ru/bzktgo>

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2=411.2)

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NoDerivatives
4.0 (CC BY-ND)

КАТЕГОРИЯ «НЕНАВИСТЬ» В СТАТЬЕ А.Н. ТОЛСТОГО «Я ПРИЗЫВАЮ К НЕНАВИСТИ» И РАССКАЗЕ М.А. ШОЛОХОВА «НАУКА НЕНАВИСТИ»

© 2023. Г.Н. Воронцова

Аннотация: Одной из наиболее популярных оппозиций в литературе периода Великой Отечественной войны была оппозиция «ненависть к врагу» – «любовь к Родине». Заявив о себе в первые дни военного противостояния, она обусловила присутствие категории «ненависть» в произведениях различных жанров, более всего в публицистике. Данная статья основана на анализе статьи А.Н. Толстого «Я призываю к ненависти» (1941) и рассказа М.А. Шолохова «Наука ненависти» (1942). Само слово «категория» употребляется в статье в значении понятия, отражающего характерные свойства восприятия действительности. В статье Толстого категория «ненависть» переводится из деструктивного в созидательное русло. Писатель предлагает разбудить в себе ненависть не «черную, которая разрушает душу, но светлую, священную <...> которая объединяет и возвышает, которая родит героев нашего фронта и утраивает силы у работников тыла». Рассказ Шолохова представляет собой повествование о том, как его главный герой, лейтенант Герасимов, не по собственной воле учился ненависти к врагу, отправившись на войну человеком, который «книги немецких писателей читал и любил и как-то привык с уважением относиться к немецкому народу». Название произведения может быть прочитано двояко. И как указание на одну из составляющих мировосприятия человека периода войны, и как описание того процесса, многотрудного и бесчеловечного, который приводил к зарождению соответствующего чувства.

Ключевые слова: А.Н. Толстой, М.А. Шолохов, военная публицистика, категория «ненависть».

Информация об авторе: Воронцова Галина Николаевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0003-3546-0472

E-mail: Voroncova.96@mail.ru

Для цитирования: Воронцова Г.Н. Категория «ненависть» в статье А.Н. Толстого «Я призываю к ненависти» и рассказе М.А. Шолохова «Наука ненависти» // Первые Кулаковские чтения: На полях воинской славы России / отв. ред. М.В. Скороходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 19–28. <https://www.doi.org/10.29003/m3630.khmelita-19/19-28>

**CATEGORY OF HATRED IN A.N. TOLSTOY'S ARTICLE
I CALL FOR HATRED
AND M.A. SHOLOKHOV'S SHORT STORY
THE SCIENCE OF HATRED**

© 2023. Galina N. Vorontsova

Abstract: One of the most popular oppositions in the literature of the Great Patriotic War period was the opposition of *hatred of the enemy* and *love of the Motherland*. It appeared in the first days of the military confrontation and caused the presence of the category of “hatred” in the works of various genres, most of all in journalism. This article is based on the analysis of A.N. Tolstoy’s article *I Call for Hatred* (1941) and M.A. Sholokhov’s story *The Science of Hatred* (1942). The word *category* itself is used in the article as a concept that reflects the characteristic properties of the reality perception. In Tolstoy’s article, the category of *hatred* passes the way from a destructive feeling to a constructive one. The writer proposes to awaken hatred in oneself – not *the black one which destroys the soul but the bright one, the sacred one, <...> which unites and elevates, which will give birth to the heroes of our front and triple the strength of the rear workers*. Sholokhov’s work is a story about how its protagonist, Lieutenant Gerasimov, learned to hate the enemy. It was not a voluntary process as he started the war as a man who *read and loved the books of German writers and somehow got used*

to respecting the German people. The title of the work can be read in two ways. It may be seen as an indication of one of the components of the person's worldview during the war and as a description of the difficult and inhuman process which led to the emergence of the relevant feeling.

Keywords: A.N. Tolstoy, M.A. Sholokhov, military journalism, the category of *hatred*.

Information about the author: Galina N. Vorontsova – PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0003-3546-0472

E-mail: Voroncova.96@mail.ru

For citation: Vorontsova, Galina N. Category of *Hatred* in A.N. Tolstoy's Article *I call for Hatred* and M.A. Sholokhov's Short Story *The Science of Hatred*. *First Kulakov Readings: On the Fields of Russia's Military Glory*. Ex. ed. Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 19–28. (In Russian). <https://www.doi.org/10.29003/m3630.khmelita-19/19-28>

Одной из наиболее популярных оппозиций в литературе периода Великой Отечественной войны была оппозиция «ненависть к врагу» – «любовь к Родине». Заявив о себе в первые дни военного противостояния, она обусловила присутствие категории «ненависть» в произведениях различных жанров, более всего в публицистике. Данная статья основана на анализе статьи Алексея Николаевича Толстого «Я призываю к ненависти» (1941) и рассказа Михаила Александровича Шолохова «Наука ненависти» (1942). Само слово «категория» употребляется в статье в значении понятия, отражающего характерные свойства восприятия действительности.

Годы Великой Отечественной войны стали последними в жизни Алексея Толстого. Он скончался 23 февраля 1945 г., совсем немного не дожив до победы. Статьи и очерки писателя этого периода в значительной своей части – заметное достижение отечественной литературы, так как были направлены на утверждение чувства родины, России, русского национального самосознания, что в годы лихолетья способствовало сплочению нации. Всего за время войны Толстой написал и напечатал свыше 80 публицистических произведений, на-

писанных в Москве и Барвихе, Ташкенте и Алма-Ате, Куйбышеве, Ленинграде, Харькове.

Статья Толстого «Я призываю к ненависти», седьмая статья писателя на военную тему, была опубликована в газете «Правда» 28 июля 1941 г., спустя месяц с небольшим после начала Великой Отечественной войны. К этому времени за три недели боев вооруженные силы Советского Союза потеряли около 30 дивизий, около 3 500 самолетов, свыше половины складов горючего и боеприпасов. Около 70 советских дивизий лишились свыше 50 процентов личного состава. Были оставлены города Витебск, Псков, Кишинев, Смоленск, Ельня, Великие Луки, шло сражение за Киев. Однако это не помешало Толстому написать: «Настанет день, который будет отмечен в мировой истории золотой чертой. И Гитлер, и фашизм взорвутся под нашими ударами, и зарево от этого пожара озарит освобожденный мир» [Толстой, 1941b].

Статья «Я призываю к ненависти» небольшая по объему и по форме своей напоминает воззвание. Начинается она с обращения «Товарищи, вы увидели, вы почувствовали, что такое фашизм» и заканчивается здравицей: «Да здравствуют победные багряные знамена нашей славной Красной армии, да здравствуют братские народы Советского Союза, да здравствует весь русский народ, да здравствует Москва, да здравствует наш главнокомандующий Сталин!» [Толстой, 1941b]. Толстой также писал: «Враг коварен и силы у него еще много. Мы должны объединиться в одной воле, в одном чувстве, в одной мысли – победить и уничтожить Гитлера и его армии, которые несут смерть и рабство, рабство и смерть и больше ничего» [Толстой, 1941b].

Слово «ненависть» встречается в тексте произведения пять раз и всего в одном абзаце. Приведем его полностью: «Для этой великой цели [речь идет о победе над Гитлером и его армией. – Г. В.] нужна ненависть. В ответ на вторжение Гитлера в нашу страну – ненависть, в ответ на бомбардировки Москвы – ненависть. Сильная, прочная, смелая ненависть... Не черная, которая разрушает душу, но светлая, священная ненависть, которая объединяет и возвышает, которая родит героев нашего фронта и утраивает силы у работников тыла» [Толстой, 1941b].

Если мы обратимся к определению ненависти в современных словарях и энциклопедиях, то увидим, что она характеризуется как

интенсивное, отрицательно окрашенное деструктивное чувство, отражающее неприятие, отвращение и враждебность к объекту ненависти (человеку, группе лиц, неодушевленному предмету, явлению). Или как активная враждебность и полярность любви, как отрицательное отношение, доведенное до аффекта, до страсти. При этом ненависти часто предшествует острое недовольство, если события развиваются не так, как хочется. Чувство ненависти способно вызвать все, что противоречит потребностям, убеждениям и ценностям человека.

В своей статье Толстой отказывается от традиционного определения ненависти, переводя эту категорию из деструктивного в созидательное русло. Писатель предлагает разбудить в себе ненависть не «черную, которая разрушает душу, но светлую, священную <...> которая объединяет и возвышает, которая родит героев нашего фронта и утраивает силы у работников тыла».

Невозможно не заметить переключки вышеприведенного текста из статьи Толстого с рефреном самой популярной песни времен Великой Отечественной войны «Священная война» (слова В.И. Лебедева-Кумача, музыка А.В. Александрова): «Пусть ярость благородная / Вскипает, как волна! / Идёт война народная, / Священная война!», – где «ярость благородная» предвосхищает «священную ненависть», а вскипающая «волна» предполагает «волну народного гнева». Характеристики ярости – очень сильной эмоции, импульсивной и агрессивной, крайней формы гнева, – по примеру ненависти у Толстого здесь также трансформированы путем перевода ее в категорию благородной.

Рассказ М.А. Шолохова «Наука ненависти» был написан примерно через год после статьи Толстого и напечатан в номере «Правды» от 22 июня 1942 г. Меньше месяца оставалось до трагических событий на Дону, в ходе которых писатель потерял мать и лишился собственного дома. Исследователями не раз отмечалась связь заглавия произведения с названием книги А.В. Суворова «Наука побеждать». Однако переключается оно и с названием упоминавшейся выше статьи Толстого.

Вполне возможно, что импульсом к созданию рассказа стал один из разговоров в редакции газеты «Красная звезда», где и Толстой, и Шолохов служили военными корреспондентами. Главный редактор издания Давид Иосифович Ортенберг, вспоминая о беседе Толстого,

Шолохова и Эренбурга в августе 1941 г., рассказывал, что писатели, делясь своими фронтовыми впечатлениями, говорили о «благодарности» солдат Красной армии первых месяцев войны: «Против благодарности, – сказал Толстой, – есть одно лишь средство – ненависть. Такая, чтобы не давала ни спать, ни дышать... Надо об этом писать больше, острее, постоянно...» [Ортенберг, 1973, с. 399].

Об упомянутом Ортенбергом «благодарности» рассказывает герою-рассказчику лейтенант Виктор Герасимов в рассказе Шолохова «Наука ненависти»: «В конце июля наша часть прибыла на фронт. В бой вступили двадцать седьмого рано утром. Сначала, в новинку-то, было страшновато малость. Минометами сильно они нас одолевали, но к вечеру освоились мы немного и дали им по зубам, выбили из одной деревушки. В этом же бою захватили мы группу, человек в пятнадцать, пленных. Помню, как сейчас: привели их, испуганных, бледных; бойцы мои к этому времени остыли от боя, и вот каждый из них тащит пленным все, что может: кто – котелок щей, кто – табаку или папирос, кто – чаем угощает. По спинам их похлопывают, “камрадами” называют: за что, мол, воюете, камрады?.. А один боец-кадровик смотрел-смотрел на эту трогательную картину и говорит: “Слюни вы распустили с этими ‘друзьями’. Здесь они все камрады, а вы бы посмотрели, что эти камрады делают там, за линией фронта, и как они с нашими ранеными и с мирным населением обращаются”. Сказал, словно ушат холодной воды на нас вылил, и ушел» [Шолохов].

Название шолоховского произведения может быть прочитано двояко. И как указание на одну из составляющих мировосприятия человека периода войны, и как описание того процесса, многотрудного и по сути бесчеловечного, который приводил к зарождению соответствующего чувства. Рассказ лейтенанта Герасимова представляет собой повествование о том, как он не по собственной воле учился ненависти к врагу, отправившись на войну человеком, который «книжки немецких писателей читал и любил и как-то привык с уважением относиться к немецкому народу» [Шолохов].

«Школа ненависти» героя включает в себя виденные им «сожженные дотла деревни, сотни расстрелянных женщин, детей, стариков, изуродованные трупы попавших в плен красноармейцев», «изнасилованных и зверски убитых женщин, девушек и девочек-подростков...», а также плен, из которого Герасимову чудом удается

бежать и вернуться в строй. Не в штрафбат, и не в лагерь, как многим и многим, а именно в строй, чем подчеркивалось в произведении то, что не все плененные врагом были трусами и предателями.

Для героя рассказа война – это тот «осолок», где «все чувства отлично оттачиваются». Свою ненависть к врагу он уравнивает не менее сильной любовью к родине: «Казалось бы, любовь и ненависть никак нельзя поставить рядышком; знаете, как это говорится: “В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань”, – а вот у нас они впряжены и здорово тянут! Тяжко я ненавижу фашистов за все, что они причинили моей родине и мне лично, и в то же время всем сердцем люблю свой народ и не хочу, чтобы ему пришлось страдать под фашистским игом. Вот это-то и заставляет меня, да и всех нас, драться с таким ожесточением, именно эти два чувства, воплощенные в действие, и приведут к нам победу. И если любовь к родине хранится у нас в сердцах и будет храниться до тех пор, пока эти сердца бьются, то ненависть всегда мы носим на кончиках штыков» [Шолохов].

В то же время автор дает понять читателю, что психологическое состояние героя неестественно и в какой-то степени даже болезненно для него самого. Отсюда слово «тяжко» в словосочетании «тяжко я ненавижу фашистов», то есть нелегко, трудно. Герасимов не может видеть живых немцев, о чем рассказывает политрук части: «Ничего не поделаешь, – нервы. Он в плену у немцев был, разве вы не знаете? Вы поговорите с ним как-нибудь. Он очень много пережил там, и после этого живых гитлеровцев не может видеть, именно живых! На мертвых смотрит ничего, я бы сказал – даже с удовольствием, а вот пленных увидит и либо закроет глаза и сидит бледный и потный, либо повернется и уйдет» [Шолохов].

Поведение Герасимова в бою внушает страх окружающим: «Политрук придвинулся ко мне, перешел на шепот: – Мне с ним пришлось два раза ходить в атаку; силища у него лошадиная, и вы бы посмотрели, что он делает... Всякие виды мне приходилось видывать, но как он орудует штыком и прикладом, знаете ли, – это страшно!» [Шолохов].

В какой-то степени герой шолоховского рассказа выступает здесь антиподом героя другого произведения писателя, романа «Тихий Дон», Григория Мелехова, которому так и не удалось пробудить в себе ненависть к врагу, но и он болен войной, психологически надлом-

лен, хотя и сражается героически. Алексей Толстой в своем докладе «Четверть века советской литературы» отметил: «...от Мелехова до воина Красной армии, бросающегося со связкой гранат под вражеский танк, чтобы подорвать его своим телом, – не протянуть генетической линии» [Толстой, 1986, с. 384].

Таким образом, обращаясь к категории «ненависть» в своих произведениях, названные авторы либо наделяли понятие дополнительными характеристиками и смыслами, вступающими в противоречие с первоначальными, как например, у Толстого, не «черная», но «светлая, священная» ненависть. Либо уравнивали это чувство другим, а именно, любовью к родине в сердце, как у Шолохова. При этом и в том, и в другом случае ненависть выступала состоянием, необходимым для победы над врагом.

Подобные настроения, характерные и особенно актуальные для первых лет войны, не раз потом отзовутся в более поздних произведениях на военную тему, литературных, драматических, кинематографических. Так, герой Леонида Быкова, капитан Титаренко из фильма «В бой идут одни старики» скажет, что до Сталинграда он отступал с любовью, но теперь, оказавшись в Берлине, с удовольствием и не названным чувством мести напишет на обломках логова врага: «Развалинами Рейхстага удовлетворен».

Впоследствии, в годы Великой Отечественной войны, в своих произведениях ни Толстой, ни Шолохов столь явно к категории «ненависть» больше не прибегали.

Так, Алексей Толстой, осознавая войну как героический период в истории народа и государства, создавал в своих публицистических статьях особый образный строй. Обращаясь к сражающейся Красной армии, он называл ее «Армией героев», писал о «храбрости, которой изумляется весь мир, находчивости, русской сметке, стальной стойкости», о «стальной груди танков, жерлах метких и сокрушительных орудий, свинцовом урагане огня, тысяче боевых самолетов, зорких и смелых, как соколы, быстрых и смертельных, как молнии» [Толстой, 1941а].

Героическому лейтмотиву в публицистике Толстого сопутствовало контрастное сопоставление русского, советского с фашистским. С одной стороны, «чудо-богатыри», с другой – «наци, дегенераты, алкоголики, любители чужой собственности, явные или потенциаль-

ные убийцы» во главе с «мировым бандитом» Гитлером и его «шайкой дипломатов, проповедников и погромщиков». С одной стороны, умные, честные, смелые защитники родины, с другой – «бескрылый черный мир фашизма, для которого человек есть лишь только покорный водитель машин и механизмов разрушения, а человеческий мозг – лишь мишень для разрывной пули» [Толстой, 1942a].

В статье Толстого «Родина», одной из самых популярных, написанной осенью 1941 г., главное внимание уделено Москве, «средоточию и сердцу всей русской земли», городу, над которым нависла смертельная опасность. «Москва, – писал Толстой, – это больше, чем стратегическая точка, больше, чем столица государства. Москва – это идея, охватывающая нашу культуру в ее национальном движении. Через Москву – наш путь в будущее» [Толстой, 1941с]. Основополагающий вектор отечественной истории писатель прокладывал через «красные щиты Игоря в половецких степях», «стоны русских на Калке» и «установленные над хорутвиями Дмитрия мужицкие копыя на Куликовом поле», через время «Грозного царя», «раздвинувшего единые, отныне нерушимые пределы земли от Сибири до Варяжского моря», и, наконец, через эпоху «Медного всадника», «поднявшего коня на берегу Невы, указывая путь в великое будущее...» Определяя доминанту истории России как общенародную борьбу за укрепление силы и независимости государства, писатель видел в войне советского народа против фашистской Германии продолжение дела «оттич и дедич», что само по себе являлось залогом неминуемой победы.

Позже, уже в дни Сталинградской битвы, учреждение новых боевых орденов (Александра Невского, Суворова и Кутузова) позволило Толстому обратиться к периоду русской истории конца XVIII – начала XIX в. Среди трех полководцев он особо выделил фигуру Александра Васильевича Суворова, победы которого должны были стать примером для сражающегося народа.

В статье «К подвигам, к славе!» Толстой писал: «В конце XVIII века, когда замечательные и блестящие русские люди укрепляли величие государства, русский солдат был призван к трудным подвигам. И он нашел своего великого полководца. Даже Александр Македонский, Юлий Цезарь и Наполеон бывали биты, – Суворов не проиграл ни одного сражения. Он любил своего солдата, понимал его простое и скромное величие, его гордость званием русского <...>. Суворов

сам был первым солдатом. Его гений был гением русского народа» [Толстой, 1942b].

Таким образом, в публицистических статьях Толстого периода Великой Отечественной войны представлен широкий спектр различных категорий и понятий, отсылающих как к актуальному мировосприятию, так и к историческим событиям. В них также нашла отражение гражданская позиция писателя, неоднократно озвученная им, – твердая уверенность в победе советского народа над фашизмом, Советского Союза над фашистской Германией.

М.А. Шолохов после «Науки ненависти» в малых жанрах в годы Великой Отечественной войны больше не работал. Д.И. Ортенберг вспоминал: «Не раз наша газета писала о воздаянии воинских почестей погибшим воинам. На эту тему печатались статьи, корреспонденции, передовицы. Попросили мы и Шолохова выехать в действующую армию, посмотреть, как там и что делается. Взялся писатель, можно сказать, с интересом за эту важную эмоциональную тему. Отправился он в путь, побывал в частях. Но не получился очерк, и он не был напечатан» [Ортенберг, 1984, с. 30].

Однако все увиденное писателем на войне нашло отражение в его новом романе «Они сражались за Родину».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Ортенберг Д.И. [Воспоминания об А.Н. Толстом] // Воспоминания об А.Н. Толстом. М.: Советский писатель, 1973. С. 395–417.
2. Ортенберг Д.И. Это останется навсегда. М.: Политиздат, 1984. 335 с.
3. Толстой А.Н. Армия героев // Красная звезда. 1941. 9 июля. С. 3.
4. Толстой А.Н. Я призываю к ненависти // Правда. 1941. 28 июля. С. 3.
5. Толстой А.Н. Родина // Правда. 1941. 7 ноября. С. 4.
6. Толстой А.Н. Большой ученый // Правда Востока. 1942. 9 мая. С. 1.
7. Толстой А.Н. К подвигам, к славе! // Известия. 1942. 30 июля. С. 2.
8. Толстой А.Н. Собр. соч.: в 10 т. Т. 10. М.: Худож. литература, 1986. 512 с.
9. Шолохов М.А. Наука ненависти // Правда. 1942. 22 июня. С. 3.

<https://www.doi.org/10.29003/m3631.khmelita-19/29-44>

<https://elibrary.ru/fyvsrb>

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2=411.2)

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NoDerivatives
4.0 (CC BY-ND)

ТРИЛОГИЯ ВСЕВОЛОДА ИВАНОВА О БОРОДИНСКОМ ПОЛЕ: КОНТЕКСТЫ ИСТОРИИ

© 2023. Е.А. Папкова

Аннотация: В статье рассматриваются рассказы Всеволода Иванова «При Бородине», «Близ старой Смоленской дороги» и повесть «На Бородинском поле», написанные в 1943 г. и образующие в творчестве писателя своеобразную трилогию, посвященную Отечественной войне 1812 г. и Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Выявлены элементы поэтики текстов, объединяющих их в целое. Впервые анализируется исторический контекст создания в 1943 г. произведений Иванова: актуализация внимания к русской истории, и в частности к войне с Наполеоном, в первые годы Великой Отечественной войны, советская пропагандистская работа, направленная на освещение в центральной печати и в художественной литературе событий освободительной борьбы народа с иноземными захватчиками. Произведения Иванова также рассматриваются с точки зрения отраженных в них реалий исторических периодов 1812, 1839 и 1941 гг. Выявлены возможные исторические источники сюжетных линий рассказов «При Бородине» и «Близ старой Смоленской дороги»: истории героической семьи Тучковых, создания памятника на Бородинском поле. Методы психологического анализа, использованные в трилогии, соотнесены в статье с поэтикой книги Иванова «Тайное тайных» (1926). Подчеркиваются акцентированные писателем в трилогии идеи преемственности русской и советской истории, национально-исторических истоков военного подвига народа.

Ключевые слова: трилогия Всеволода Иванова, Отечественная война 1812 г. и Великая Отечественная война, актуализация внимания к русской истории, исторический контекст, источники, психологический анализ, преемственность.

Информация об авторе: Папкина Елена Алексеевна – доктор филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5776-1802>

E-mail: elena.iv@bk.ru

Для цитирования: Папкина Е.А. Трилогия Всеволода Иванова о Бородинском поле: контексты истории // Первые Кулаковские чтения: На полях воинской славы России / отв. ред. М.В. Скороходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 29–44. <https://www.doi.org/10.29003/m3631.khmelita-19/29-44>

VSEVOLOD IVANOV'S TRILOGY ABOUT THE BORODINO FIELD: HISTORICAL CONTEXTS

© 2023. Elena A. Papkova

Annotation: This article deals with the stories of Vsevolod Ivanov “At Borodino”, “Near the old Smolensk road” and the story “On the Borodino Field”, written in 1943 and forming a kind of trilogy in the writer’s work dedicated to the Patriotic War of 1812 and the Great Patriotic War of 1941–1945. The elements of the poetics of texts that unite them into a whole are revealed. For the first time, the historical context of the creation of Ivanov’s works in 1943 is analyzed: the actualization of attention to Russian history, and in particular to the war with Napoleon, Soviet propaganda work in the early years of the Great Patriotic War, aimed at covering the events of the people’s liberation struggle with foreign invaders in the central press and in fiction. Ivanov’s works are also considered from the point of view of the realities of the historical periods of 1812, 1839 and 1941 reflected in them. Possible historical sources of the storylines of the stories “At Borodino” and “Near the old Smolensk Road” are revealed: these are the stories of the heroic Tuchkov family, the creation of a monument on the Borodino field. The methods of psychological analysis used in the trilogy are correlated in the article with the poetics of Ivanov’s book “The Secret of Secrets” (1926). The author dwells on the ideas of continuity of Russian and Soviet history, the national-historical origins of the military national feat, emphasized by the writer in the trilogy.

Keywords: Vsevolod Ivanov's trilogy, the Patriotic War of 1812 and the Great Patriotic War, directing attention to Russian history, historical context, sources, psychological analysis, continuity.

Information about the author: Elena A. Papkova – DSc in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5776-1802>

E-mail: elena.iv@bk.ru

For citation: Papkova, Elena A. Vsevolod Ivanov's Trilogy about the Borodino Field: Historical Contexts. *First Kulakov Readings: On the Fields of Russia's Military Glory*. Ex. ed. Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 29–44. (In Russian). <https://www.doi.org/10.29003/m3631.khmelita-19/29-44>

Рассказы Всеволода Иванова «При Бородине» (впервые: Огонек. 1943. № 8–9), «Близ старой Смоленской дороги» (впервые: Огонек. 1943. № 8–9) и повесть «На Бородинском поле» (впервые: Огонек. 1943. № 30–37–38), написанные в 1943 г. и вошедшие в авторский сборник «На Бородинском поле. Рассказы 1939–1943 гг.» (1944), можно объединить в своеобразную трилогию, посвященную Отечественным войнам 1812 и 1941–1945 гг. События первого рассказа происходят накануне Бородинского сражения – 25 августа 1812 г. – и во время самого сражения; действие второго рассказа разворачивается спустя 27 лет, в конце августа 1839 г., когда на Бородинском поле в присутствии императора Николая, членов царского семейства и свиты был воздвигнут памятник погибшим воинам. Повесть «На Бородинском поле» посвящена событиям Великой Отечественной войны – сражению под Москвой в октябре 1941 г. на том же Бородинском поле и предшествующим событиям сентября этого года. Все названные произведения писателя имеют одинаковую экспозицию: указание на время действия. Объединяют рассказы и повесть и сквозные герои. Крестьяне Марк Карбын и его сын Степан, находящиеся в полку генерал-майора Тучкова-четвертого (А.А. Тучкова), сражаются и погибают на Бородинском поле в 1812 г.; там же погибает Александр Алексеевич Тучков, накануне сражения пишущий письмо любимой

жене Маргарите Михайловне. Спустя 27 лет вдова Марка Карьина идет из родной деревни в Спасо-Бородинский женский монастырь, преобразованный из Спасо-Бородинской общежительной пустыни, открытой в 1833 г. вдовой генерала Тучкова; там она хочет заказать панихиду по погибшим мужу и сыну. Наконец, в повести потомок Карьиных по имени Марк сражается на Бородинском поле осенью 1941 г., и его великие героические предки поддерживают в нем силу духа и мужество. В статье «Московское поле», написанной незадолго до сражения при Бородине – 16 сентября 1941 г., Иванов, как и впоследствии в трилогии, объединяет события истории России разных веков в символическом образе «боевого поля»: «Россия, страна моя! / Веками пред тобой лежали боевые поля. Тут было и Куликово поле, и поле под Полтавой, и поле под Бородином, и множество великих и малых полей, на которых твои сыны отстаивали твою славу, твою честь и твою жизнь, моя бесценная, и вечно молодая, и вечно живая отчизна. / Ныне пред тобой встало Московское поле» [Иванов, 1942, с. 70]. На этих боевых полях герои писателя должны уничтожить врага и прогнать его с Русской земли.

Сопоставление Отечественных войн 1812 и 1941–1945 гг., «выдающихся событий отечественной и мировой истории», «интерес к которым не только не ослабевает», но «все более усиливается» [Карноухов, с. 586], как отмечают современные историки, началось уже летом 1941 г. В выступлении 22 июня 1941 г. в 12 часов дня заместитель председателя СНК СССР и народный комиссар иностранных дел В.М. Молотов отметил: «В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил Отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зарвавшимся Гитлером...» (цит. по: [Суетов, с. 77]). И.В. Сталин 3 июля 1941 г. в своем первом выступлении после начала войны в том же контексте упомянул «непобедимую армию Наполеона»: «История показывает, что непобедимых армий нет и не бывало. Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита...» (цит. по [Суетов, с. 77]). Рассматривая советскую пропагандистскую работу во время Великой Отечественной войны, историки отмечают ее высокую эффективность: «Существенное место в пропагандистской работе отводилось освещению истории страны, освободительной борьбе ее народа с иноземными захватчиками. Особо актуально в те дни

звучала тема борьбы русского народа с французскими захватчиками в 1812 г.» [Суетов, с. 77].

Изменения отношения к истории России началось в СССР в 1934 г. с постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Новое понимание истории страны и новые курсы ее пришли на смену учебнику М.Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке», написанному еще до революции и в советское время выдержавшему 12 переизданий. В книге утверждалось, что «в основе всей деятельности человека и всей истории лежат материальные потребности» [Покровский, с. 23], а война 1812 г. рассматривалась как этап развития торговых отношений между Россией и Англией: «Дворянству и стоявшему за его спиной торговому капиталу, еще больше, конечно, недовольному прекращением английской торговли, в конце концов и удалось-таки добиться своего: в 1812 г. Россия вновь разорвала с Францией, наполеоновская армия после своего последнего успеха – взятия Москвы – замерзла в русских снегах, против Наполеона образовалась новая, последняя, самая страшная коалиция, и английский промышленный капитализм мог наконец торжествовать полную победу» [Покровский, с. 99]. Предваряя в 1941 г. новый «Курс истории СССР», Э.Н. Бурджалов в лекциях, прочитанных в 1940–1941 гг. в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б), резко критиковал Покровского и его «школу», которые «игнорировали исторический подход к войне» и, «стремясь очернить героическое прошлое русского народа», «всемерно принижали значение войны 1812 г.»: «Покровский пытался отрицать захватнические цели, которые преследовал в этой войне Наполеон, и национально-освободительный характер войны со стороны России» [Бурджалов, с. 122]. Следуя за «буржуазными историками», «историками» из школы Покровского писали, что «крестьяне выступали только против грабежа французов в защиту “овцы и курицы”, а поражение Наполеона объясняли не тем, что Наполеон разбился о сопротивление русского народа, а климатическими условиями». Сопоставляя войну 1914–1918 гг., которая «носила империалистический, несправедливый характер со стороны обеих групп воюющих держав» и в которой «рабочий класс был заинтересован в поражении своего правительства», и войну 1812 г., ставшую «национально-освободительным движением» про-

тив Наполеона, лектор утверждал, что «русское крестьянство не было в 1812 г. заинтересовано в поражении своего правительства, хотя оно было правительством помещиков» [Бурджалов, с. 123].

В течение 1941 – начала 1943 г. в текущей периодике и изданиях СССР выходило большое количество произведений, посвященных героической русской истории, в том числе – событиям Отечественной войны 1812 г. Напечатанный в 1942 г. указатель литературы «Наши великие предки» открывался эпитафией из речи Сталина, прозвучавшей 7 ноября 1941 г.: «Пусть вдохновляют нас в этой войне мужественные образы наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова» [Наши великие предки, с. 7]. Раздел, посвященный Кутузову, содержал сведения о том, что писали о полководце и в целом войне 1812 г. «классики марксизма-ленинизма», указания на «источники» (Глинка Ф. «Очерки Бородинского сражения (Воспоминания о 1812 г.)». Ч. 1 и 2. М., 1839; сборник под редакцией Каллаш В.В. «Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников». М., 1912 и др.), «монографии, исследования, общие работы, учебники для вузов, научные статьи» (статья М. Брагина «Разгром Наполеона русской армией», вышедшая в №№ 6–7 «Военно-исторического журнала» за 1941 г., Б. Каца «Подлинные потери русской армии в Бородинском сражении», включенная в №№ 7–8 «Исторического журнала» за тот же год, и др.). В отдельные разделы были выделены «массовая литература» (книга Л. Бычкова «Партизанское движение в Отечественной войне 1812 г.». М.: Госполитиздат, 1941; статьи Ф. Заславского, Вс. Иванова, Е. Кригера, М. Митина, М. Нечкиной, Е. Тарле, А. Толстого в газетах «Правда», «Известия» и «Комсомольская правда» за 1941 г.) и «художественная литература» (повесть Я. Рогачева «Надежда Дурова» в № 4 журнала «Молодая гвардия»; очерки И. Андроникова «“Бородино” Лермонтова» в газете «Правда» от 22 июля 1941 г. и В. Шкловского «Бородино» в № 7–8 журнала «Смена» и др.) [Наши великие предки, с. 59–68].

Последние два названных произведения были посвящены знаменитому стихотворению М.Ю. Лермонтова, 100-летие со дня смерти которого должно было отмечаться в июле 1941 г. В. Шкловский писал: «Лермонтов одним из первых дал правильное понимание не только

Бородинского сражения, но и всей отечественной войны. Он показал в своем стихотворении величие русского оружия, в частности национального оружия русской армии – артиллерии. / Лермонтов в своем стихотворении открыл все значение морального фактора в бою. / “Бородино” было и осталось сокровищем русского народа, памятником и предсказанием победы» [Шкловский, с. 16–17]. В том же номере журнала «Смена» в рубрике «Герои Отечественной войны» печатались очерки «Поднялся народ-исполин» о летчиках, «сталинских соколах», – младшем лейтенанте Здоровцеве, старшем лейтенанте Иванове, капитане Мазаеве и других. Публикация открывалась цитатой: «Огромна наша мать – Россия! – писал один из самых доблестных участников войны 1812 года, знаменитый партизан Денис Давыдов. – Изобилие средств ее дорого уже стоит многим народам, посягавшим на ее честь и существование; но не знают еще они всех слоев лавы, покоящихся на дне ее...», – после которой следовала отсылка к современности: «Да, горе Гитлеру и его фашистским ордам, потому что сбылись пророческие слова старого русского воина-патриота» [Поднялся народ, с. 7].

Среди произведений художественной литературы, посвященных войне 1812 г., назовем еще роман Вяч. Шишкова «Партизан Денис Давыдов» (Л., 1941) и книгу Вс. Иванова «На Бородинском поле», вышедшую в издательстве «Советский писатель» в 1944 г.

История, как показывает драматургия Иванова 1930-х гг. (пьесы «Двенадцать молодцев из табакерки», 1936; «Вдохновение», 1939), интересовала его. Сын писателя, известный ученый Вяч. Вс. Иванов, вспоминал о том, что, когда в 1935 г. был объявлен конкурс на написание учебника истории России, отец принял в нем участие. Рукопись не разыскана. Комментируя слова воскрешенного в 1945 г. генералиссимуса Меншикова из фантастического рассказа Вс. Иванова «Генералиссимус» (1956–1963) «о русской действительности как предельно мало изменившейся» (на вопрос Сталина о «теперешнем состоянии России» Меншиков отвечает только: «Водка стала (куда) лучше» [Неизвестный Всеволод Иванов, с. 655]), Вяч. Вс. Иванов писал о своеобразии исторической концепции отца и проводил параллель между высказыванием героя и взглядом самого писателя на «неизменность некоторых существенных черт русской истории» и «соположение ее моментов» [Неизвестный Всеволод Иванов, с. 729]. В первой полови-

не Великой Отечественной войны, в 1941–1943 гг., мысли писателя совпали с активно утверждавшимися в идеологии страны параллелизмами между историей России и СССР. Об этом имеется горькая запись в дневнике писателя от 8 февраля 1943 г., характеризующая печать военных лет, причем как немецкую («Когда немцы нас бьют, они кричат, что бьют русских, потому что бить советских не так лестно»), так и советскую: «Когда нас бьют, мы кричим, что гибнет Россия и что мы, русские, не дадим ей погибнуть. Когда мы бьем, мы кричим, что побеждают Советы...» [Иванов 2001, с. 258]. Герой рассказа Иванова «Генералиссимус» будет размышлять о том же: «Газеты, подшивку из военного клуба, он просмотрел и за весь прошлый год. Слово “русский”, которым так щеголяли в начале войны, стало исчезать со страниц газет... <...> Война заканчивалась победоносно, союзников отодвигали в сторону <...>, и даже “союзники” из прошлого тоже отодвигались: слово “русский” упоминалось все реже и реже» [Неизвестный Всеволод Иванов, с. 650–651]. Показательно, что, когда после победы в Сталинградской битве ориентация на великую русскую историю стала сходить на нет, критики очень жестко оценили книгу «На Бородинском поле». «Следует предъявить большому художнику Всеволоду Иванову суровое обвинение», – писала критик журнала «Новый мир» О. Грудцова и указывала, что «подчас напоминание о Бородино 1812 года становится навязчивым, и кажется, не слишком ли увлекся далекой историей автор и не заслонили ли русские воины советских бойцов...» [Грудцова, с. 229]. А критик Л. Левин в статье «Современная тема в советской прозе 1946 года», напечатанной в журнале «Звезда» в 1947 г., утверждал, что «в рассказах Всеволода Иванова и в некоторых произведениях, посвященных славным традициям русского оружия, отсутствовало самое главное – новое качество и новая природа героизма советских людей»: «Недостаточно было выводить героическую оборону Москвы 1941 года из традиций Отечественной войны 1812 года, как это делал Всеволод Иванов. Перед нашей литературой возникла самая ответственная задача – задача изображения новой, социалистической природы героизма советского человека» [Левин, с. 177–178].

В наибольшей степени упреки предъявлялись повести «На Бородинском поле», где изображалась современность 1941 г. и прямо показывалась преимущество русского героизма и патриотизма.

К рассказам, действие которых отнесено в прошлое, претензий было меньше. Так, С. Спасский писал о рассказе «Близ старой Смоленской дороги», что он «по-настоящему содержателен и глубоко патриотичен. Тем самым он подлинно современен» [Спасский, с. 138].

Работая над трилогией о Бородинском поле, особенно над рассказами «При Бородине» и «Близ старой Смоленской дороги», и вводя в них, помимо вымышленных героев – Карьиных, реальных исторических лиц: двух братьев Тучковых, вдову Тучкова-четвертого инокиню Марию, поэта В.А. Жуковского, – писатель Вс. Иванов использовал доступные ему исторические источники. Почти наверняка можно утверждать, что в поле его зрения были издания, посвященные биографии и деятельности М.М. Тучковой: книга Т. Толычевой «Спасо-Бородинский монастырь и его основательница (Посвящается всем почитающим память Маргариты Михайловны Тучковой)» (М., 1874) и/или «Монастырь во имя Спасителя на Бородинском поле и его основательница» (сост. А.А. Брайковский; М., 1912). Биографические очерки представляли М.М. Тучкову (в девичестве Нарышкину) «натурой в высшей степени впечатлительной, нервной, подвижной, страстной, восприимчивой, увлекавшейся», «безумно любившей своего красавца-мужа» [Монастырь, с. 9, 12]; рассказывали о ее поездке вместе с мужем в шведский военный поход 1808–1809 гг., где Тучкова, «переодетая денщиком, скрывала под фуражкой свою белокурую косу» [Толычева, с. 7]. Иванов мог использовать какое-либо из этих изданий для описания любви Тучкова-четвертого и его жены в рассказе «При Бородине»: «Ему тридцать шесть, а Маргарите Михайловне тридцать один. В эти годы у других людей от любви остается, как при сжигании чего-либо растительного, дым, сажа, вода... А тут получился недожог, остался уголь – и уголь тот еще в огне! Он и так и по-другому поворачивал в сердце этот тлеющий сладостно и горько уголь...» (119)¹. Точен Иванов и в описании подвига А.А. Тучкова во время Бородинского сражения: «– Вперед, за отечество! – крикнул Александр Алексеевич, выхватывая у портупей-прапорщика Тоськина полковое знамя» (128), а также в рассказе о со-

¹ Рассказы Вс. Иванова «При Бородине», «Близ старой Смоленской дороги» и повесть «На Бородинском поле» цитируются в статье по изданию: *Иванов Вс. На Бородинском поле. Рассказы 1939–1943 гг.* М.: Советский писатель, 1944 – с указанием в скобках страниц.

бытиях после сражения, относящихся к семье Тучковых: «Мертвые очи генерала смотрели не на человека в сером, хотя он и был императором, а на юг, где, возле Утицы, должен был стоять корпус Тучкова-первого, брата его. Мертвые очи не видели, что и Тучков-первый ранен смертельно. Не знал генерал Тучков-четвертый, что мать его, проливаяючи неукротимые слезы, ослепнет от слез и горя, что прекрасная Маргарита Михайловна пострижется в монахини и построит монастырь над тем местом, где погиб муж ее» (129). Действительно, из «известной своим правдолюбием и трагической судьбой» [Двенадцатый год, с. 12] московской семьи Тучковых два брата, Николай и Александр (Тучков-первый и Тучков-четвертый), погибли в Бородинской битве. В своих воспоминаниях третий брат, Павел Алексеевич Тучков, попавший в плен к французам и лично беседовавший с Наполеоном в Смоленске, пишет: «Я не знаю, получил ли брат письмо мое, ибо вскоре потом оба брата мои, бывшие со мной в одной армии, кончили жизнь на полях Бородинских. Один пал на самом месте сражения, а другой скончался через несколько дней от полученных им ран в городе Ярославле» [Двенадцатый год, с. 36]. Тема писем братьев занимает важное место в рассказе Иванова. Елена Яковлевна, мать братьев Тучковых, получив от сына Алексея известие о судьбе Александра, Николая и Павла, по семейным преданиям, сказала: «Ослепла, и слава Богу: не на кого больше смотреть» [Толычева, с. 17].

Судьба героической семьи Тучковых была хорошо известна и описана в русской литературе XIX в. Рассказ о ней использован в произведении Н. Полевого «Повесть о великой битве Бородинской, бывшей 26 августа 1812 года» (1844): «Генерал-майор Тучков-четвертый бросился с Ревельским полком, держа в руке знамя, – пуля пробилась ему грудь, и он пал. <...> Тучков [Тучков-первый. – Е. П.] видел опасность: неприятель мог захватить нас во фланг. Он хотел лучше умереть, и сам повел в атаку Павловский полк, был жестоко ранен и принужден удалиться. Он умер через три недели потом. / Так два брата Тучковы погибли в битве Бородинской. Мать их выплакала глаза и ослепла; супруга одного из них отреклась от света, выстроила обитель на том месте, где был убит ее супруг, и постриглась в ней» [Полевой, с. 69–71]. Возможно, Иванову, описавшему Наполеона на Бородинском поле, который смотрит на убитого

Тучкова-четвертого, было известно, что генерал был одним из прототипов князя Андрея Болконского в романе Л. Толстого «Война и мир». Правда, у Толстого эпизоды, как Болконский ринулся в бой со знаменем, а затем, раненый, увидел около себя императора, относятся к описанию Аустерлицкого сражения.

Из воспоминаний П.А. Тучкова Иванов, вероятно, заимствует и рассказ о встрече братьев Тучковых (в реальности не двоих, а троих: Александра, Николая и Павла) накануне сражения, с которой начинается рассказ «При Бородине», правда, меняя дату встречи с 6 августа [Двенадцатый год, с. 21] на 25 августа. В целом портрет Тучкова-четвертого, «красивого, стройного, волоокого мужчины» (115), описание его смешанных чувств при написании письма Маргарите: «... ему страстно хотелось рассказать жене об этом томлении, которое при виде ее прекрасного лица вспыхивает огнем. И ему страшно было сознаться, что он не может выразить этого. Оттого сейчас любовь его к Маргарите казалась ему обманом, который он тщательно скрывал от себя самого. Он давал думам волю, надеясь, что найдет те слова, которые надо положить на бумагу, а вместо этого вдруг перед глазами вставало поле, холмы, поросшие березой и ольховником, недоделанные укрепления, поле, где решается вопрос жизни России, где разрядятся чувства, наполнявшие людей наших, чувства, обостренные отступлением...» (119), – соответствуют характеристике его, данной поэтом Ф.М. Глинкой в «Очерках Бородинского сражения» (1839): «Видали ли вы портрет генерала молодого, со станом Аполлона, с чертами лица чрезвычайно привлекательными? В этих чертах есть ум. В этих чертах, особливо на устах и в глазах, есть душа! По этим чертам можно догадаться, что человек, которому они принадлежат, имеет сердце, имеет воображение...» (цит. по: [Шитов, с. 364]). Создавая образы генерал-майора Тучкова-четвертого, шефа Ревельского полка, и Тучкова-первого, командира третьего резервного корпуса, писатель допускает лишь одну неточность: Тучков-первый, названный Ивановым «генерал-майором», имел в реальности чин генерал-лейтенанта.

Рассказ о событии, легшем в основу второго рассказа трилогии, «Близ старой Смоленской дороги», – праздновании 26 августа 1839 г. Бородинской годовщины, Иванов мог также взять из исторических источников, в частности, из названной уже нами книги Толычевой.

«Маргарита Михайловна подумала первая о том, чтобы почтить соборными молитвами годовщину великой битвы и упрочить воспоминание о ней в памяти потомства» [Толычева, с. 24], – отмечает автор очерка о жизни М.М. Тучковой. Торжественное открытие памятника погибшим воинам через 27 лет после сражения: приезд императора Николая с семьей и свитой, обращенная к игуменье Марии просьба его «присутствовать при соборной панихиде и благодарственном молебне в день открытия памятника», упоминание стихотворения В.А. Жуковского «Певец во стане русских воинов», которое повторяли старые воины, описание водосвятия, панихиды и крестного хода [Толычева, с. 34–37] – подробно представлено в издании. Толычева также включает в текст своего очерка отрывок из письма Жуковского к Великой княгине Марии Николаевне: «Утро Бородинского праздника было так же ясно, как утро Бородинского боя. Тогда была чувствительна осенняя свежесть; теперь теплота наполняла воздух, и от долговременной засухи повсюду была ужасная пыль, которая при малейшем ветерке поднималась столпами. Войска (около ста пятидесяти тысяч) были рано поутру сведены на места, им назначенные; они стояли колоннами по наклону покатоостей, окружая с трех сторон то возвышение, на коем теперь стоит памятник Бородинский...» [Толычева, с. 35]. Поэт показывает день празднования величественным и торжественным: «Явился государь, проскакал мимо колонн; грянуло повсеместное ура, и вдруг все утихло: от Бородина с хоругвями и крестами потянулся ход; священники всех полков, священники столицы и позади всех преосвященный митрополит московский, длинным строем, с торжественным пением, шли мимо армии к монументу, пред которым был воздвигнут алтарь. Когда священники стали по местам своим и митрополит приблизился к алтарю, тишина невыразимая воцарилась повсюду... <...> Этой минуты описать невозможно» [Толычева, с. 36]. Иванов сохраняет фактическую сторону описания, но меняет тон повествования, обращая внимание на отнюдь не величественные подробности: «В конце душного августовского дня 1839 года Василий Андреевич Жуковский, поэт и воспитатель наследника цесаревича, возвращался с бородинской годовщины. / Клубы золотисто-зеленой пыли, почему-то пахнущей ванилью, закрывали какую-то деревню. <...> Тарантасы, туго набитые купечеством. Скрипучие дрожки, пахнущие дегтем, от которых за

версту несет витиеватой канцелярщиной. Прогретые солнцем до дна толстые офицерские баулы со спящими на них неимоверно пьяными ямщиками. <...> Хлесткий хохот. Пьяные рыдающие крики. <...> А впереди предстоит еще больше пыли, криков, толкотни – вслед за зрителями идет стопятидесятитысячная масса войск, бывшая при открытии Бородинского обелиска» (131–132). Писатель показывает торжественное событие глазами старухи-крестьянки Карьиной, у которой муж и сын полегли на Бородинском поле. Она встала в этот жаркий день рано, прошла дальний путь до Спасского монастыря: «На сердце у старухи и легко и тоскливо, впрочем, тоска какая-то бессильная и старуха думает, что вот отслужит “панакидку”, даст попу и дьякону установленное и ей сразу станет легче» (136). Но не удастся старухе ни отслужить панихиду, ни рассказать священнику о том, как провожала она в солнечный день сына Степана на войну, «как вечно водится, за околицу, как провожали на татарина, на печенега, на половца» (137), как пали на Бородинском поле воины русские, «а среди тех воинов пали ее муж Марк Иваныч и сын, безугомонный, с нежным лицом, – Степушка» (138). Не может одинокая старуха найти в суете, среди множества людей священника, который бы выслушал ее, не видит она ни памятник Бородинский, ни гроб Багратиона, ни «императора в яркой одежде», ни инокиню Марию, «которая действительно стояла неподалеку от гроба, скромно опустив некогда великолепные очи» (138). Лишь к вечеру встречает она на старой Смоленской дороге коляску с почтенным «господином» – В.А. Жуковским, вступает с ним в разговор сначала о корове Бурешке, павшей в их хозяйстве незадолго до войны, а потом и о сражении.

Разговор о корове Иванов включает в оба рассказа, на наш взгляд, не без полемики с Покровским, утверждавшим, что русские крестьяне во время войны 1812 г. думали только об утрате «овцы и курицы» [Бурджалов, с. 123]. Писатель отмечает, как сначала и генерал Тучков-четвертый, и поэт Жуковский действительно чуть не возмущены тем, что крестьянка, потерявшая на войне мужа и сына, «суворовский солдат» Марк Карьин и его сын Степан думают о столь незначительном событии: «Боже мой, какие грубые люди! Завтра – Бородино, решается судьба России, судьба Наполеоновской Франции, меняется карта Европы, а он, русский мужик, – о корове!» (123). Но потом, интуитивно, Тучков и Жуковский понимают, что люди, ко-

торых они посчитали примитивными, лишенными глубоких чувств, тонкости восприятия, вовсе не таковы, что и они думают о России, что все они едины в своей тревоге о судьбе Родины, в своем горе о погибших. Старуха Карьина ничего не рассказывает неизвестному ей «господину», она рыдает, и Василий Андреевич, понимая, что здесь ничего словами нельзя сказать, уезжает.

В данных эпизодах прослеживается то мастерство психологического анализа, которым была отмечена книга Иванова «Тайное тайных» (1926). Персонажами ее стали сибирские крестьяне пореволюционного времени, глубоко в душе потрясенные «расколом в стране» (С. Есенин), но не умеющие словами выразить свои чувства. Критики второй половины 1920-х гг. обвинили автора в апологии подсознательного, в есенинщине и других грехах. Отчасти то же самое произошло с рассказом «Близ старой Смоленской дороги». В изданиях 1943 и 1944 гг. рассказ заканчивался так: «Устало, вязко ступая по дорожной пыли, старуха шла домой. Ей сильно хотелось пить и есть, но все же она чувствовала себя удивительно хорошо, свободно, и что-то тихое, кроткое, неизвестно откуда нахлынувшее, наполняло всю ее душу. “Вот бы только панакидку, – думала она, – только бы панакидку...” И слово “панакидка” почему-то напоминало ей сизого, томно воркующего голубя» (142). Критик А. Дроздов в «Литературной газете», осудив Иванова за «пренебрежение революционным преобразованием человеческой природы», отмечал: «Глаза писателя обращены к “священным” и “святым” вневременным устоям старой русской жизни». Если «по части художества все совершенно в этом небольшом рассказе», то этого нельзя сказать о его идейном содержании: «Кроток и вынослив в горе народ русский, – старается доказать этим рассказом Вс. Иванов, – он врачует свои душевные раны религией и церковными обрядами, загораживаясь ими от тягот и гнета крепостного права и людских обид. Не зря слово “панакидка” почему-то напоминает старухе сизого, томно воркующего голубя. Вот здесь-то, за высокой художественной формой, проступает подспудная и в корне неверная тема» [Дроздов, с. 2], – комментирует критик «глубоко неправильную» позицию писателя. Конец рассказа о голубе был снят при переизданиях.

Скрытый, внешне подчас не проявляющийся, не выраженный словами патриотизм Иванов подчеркивает во всех героях своей три-

логии. В повести «На Бородинском поле» юный Марк как будто слышит слова предков: «Деды стояли день. Мы стоим четвертый и еще четыре простоим, не заметив, не дрогнув, не возроптав...» (185–186).

Подводя итоги, отметим, что мысль о преемственной связи Русского государства и Советского Союза, о национально-исторических истоках великого народного подвига в Великой Отечественной войне Иванов выскажет в 1944 г. и напрямую в статье «Русский народ – опора славянства», опубликованной в журнале Всеславянского комитета «Славяне». Рассматривая события истории XIII в. – неудавшийся «объединенный план татар и тевтонов <...> уничтожить русских», приводя высказывания чеха Яна Коллара, словака Людвиг Штура и других славянских историков и философов, писатель приходит к выводу: «Новая, Советская Русь приняла на себя и все те благородные и высокие задачи, которые несла Россия в лице ее лучших сынов и мыслителей, в лице ее лучших воинов и героев. И не только приняла, но и приумножила» [Иванов, 1944, с. 3–5].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Бурджалов Э.Н.* Курс истории СССР. Стенограмма лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) в 1940–1941 учебном году. М.: Тип. Высшей партийной школы, 1941. 184 с.
2. *Карноухов В.А.* Отечественная война 1812 г. и Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: компаративный экскурс // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2013. Отдельный выпуск 1. С. 586–594.
3. *Левин Л.* Современная тема в советской прозе 1946 года // Звезда. 1947. № 6. С. 171–187.
4. Неизвестный Всеволод Иванов: материалы биографии и творчества / отв. ред. Е.А. Папкова. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 784 с.
5. *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке. М.: Партиздат, 1932. 576 с.
6. *Суетов Л.А.* 1812 год в пропагандистской работе среди ленинградцев в годы Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2012. № 4 (13). С. 77–82.
7. *Шитов А.В.* 100 великих героев 1812 года. М.: Вече, 2010. 432 с.

Источники

8. *Грудцова О.* На Бородинском поле [Рец.] // Новый мир. 1945. № 2–3. С. 228–232.
9. Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников / сост. В.В. Каллаш. М.: Тип. Тов. И.Д. Сытина, 1912. 280 с.
10. *Дроздов А.* На Бородинском поле [Рец.] // Литературная газета. 1945. 3 февр.
11. *Иванов Вс.* Дневники / под ред. А.М. Ушакова. М.: Наследие, 2001. 492 с.
12. *Иванов Вс.* Русский народ – опора славянства // Славяне. 1944. № 6. С. 3–5.
13. *Иванов Вс.* Щит славы. Ташкент: Гос. изд-во УзССР, 1942. 111 с.
14. Монастырь во имя Спасителя на Бородинском поле и его основательница / сост. А.А. Брайковский. М.: Тип. Тов. И.Д. Сытина, 1912. 66 с.
15. Наши великие предки. Указатель литературы / под ред. П.П. Смирнова. М.: Кн. палата, 1942. 86 с.
16. Поднялся народ-исполин // Смена. 1941. № 7–8. С. 7–10. Б.п.
17. *Полевой Н.* Повесть о великой битве Бородинской, бывшей 26 августа 1812 года. СПб.: Изд. П.И. Мартынов, 1844. 192 с.
18. *Спасский С.* На Бородинском поле [Рец.] // Звезда. 1945. № 3. С. 138–139.
19. *Толычева Т.* Спасо-Бородинский монастырь и его основательница (Посвящается всем почитающим память Маргариты Михайловны Тучковой). М.: Универс. тип. (Катков и К^о), 1874. 64 с.
20. *Шкловский В.* Бородино // Смена. 1941. № 7–8. С. 16–17.

<https://www.doi.org/10.29003/m3632.khmelita-19/45-59>

<https://elibrary.ru/hkovoc>

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2=411.2)

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NonCommercial
4.0 (CC BY-NC)

ОБРАЗ СМОЛЕНЩИНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ К.М. СИМОНОВА

© 2023. И.Н. Коржова

Аннотация. В статье на материале широкого корпуса текстов выявляются ключевые аспекты изображения Смоленщины в творчестве К. Симонова. Впервые для исследования идейно-тематического единства творчества автора помимо художественных текстов и дневников привлекаются военная публицистика и киносценарий. Образ Смоленщины формируется у Симонова в годы Великой Отечественной войны и включает устойчивые, многократно повторяемые в различных произведениях мотивы и ситуации. Смоленщина предстает как хронотоп, конденсатор исторической преемственности. Наиболее прямо эта идея воплощена в обращении к историческому наименованию «Старая Смоленская дорога» и в пейзаже, соединяющем деревеньки и кладбище, настоящее и прошлое. Символическое прочтение приобретают образы женщин, благословляющих воинов, старика и старухи в избе – они почти персонифицируют представление о Родине, ее милосердной прощающей любви и о долге и ответственности мужчины-защитника. Важно, что названные картины изначально были связаны с Могилевщиной, но благодаря сильной позиции заглавия и прямому перемещению воспоминаний идентифицируются как смоленские. Значимо для Симонова и представление о Смоленске и особенно Вязме как ключе к Москве. Потеря этих городов особенно остро переживается и самим автором, и его героями, становится знаком почти свершившейся катастрофы первых месяцев войны. Партизанское движение на Смоленщине писатель почти не изображает. Творчески значимыми стали образы возвращенной, но разоренной дотла Смоленщины.

Изображению отвоєванной земли чужд триумфальный пафос, господствует ощущение трагизма. Воссздавая образ Смоленщины, Симонов далек от топографической описательности или культурологического исследования, образ окрашен личными переживаниями: для писателя и его героев Смоленщина становится воплощением представления о Родине, о ее глубинных, исконных чертах.

Ключевые слова: образ Родины, Смоленщина, литература Великой Отечественной войны, Симонов.

Информация об авторе: Коржова Инесса Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, Московский финансово-промышленный университет, Ленинградский проспект, 80, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6368-6888>

E-mail: clean24@yandex.ru

Для цитирования: Коржова И.Н. Образ Смоленщины в творчестве К.М. Симонова // Первые Кулаковские чтения: На полях воинской славы России / отв. ред. М.В. Скороходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 45–59. <https://www.doi.org/10.29003/m3632.khmelita-19/45-59>

THE IMAGE OF SMOLENSCHINA IN K.M. SIMONOV'S WORKS

© 2023. Inessa N. Korzhova

Abstract. The article, based on the material of a wide body of texts, shows the key aspects of the image of the Smolensk region in K. Simonov's work. For the first time, in addition to literary texts and diaries, military journalism and a screenplay are used to identify ideological and thematic unity in the author's work. The image of the Smolensk region was formed by Simonov during the Great Patriotic War and includes stable, repeatedly repeated motives and situations in various works. Smolensk region appears as a chronotope, a capacitor of historical continuity. This idea is most directly embodied in the appeal to the name "Old Smolenskaya Road" and in the landscape connecting the villages and the cemetery, the present and the past. Images of women blessing warriors, an old man and an old woman in a hut acquire a symbolic reading – they almost personify the idea of the Motherland, its merciful forgiving love and the duty

and responsibility of a male defender. It is important that these paintings were originally associated with the Mogilev region, but due to the strong position of the title and the direct movement of memories, they are identified as Smolensk. The idea of Smolensk and especially Vyazma as the key to Moscow is also significant for Simonov. The loss of these cities is especially acutely felt by the author himself and his heroes, it becomes a sign of the almost accomplished catastrophe of the first months of the war. The writer almost does not depict the partisan movement in the Smolensk region. The images of the Smolensk region returned, but devastated to the ground, became creatively significant. Triumphant pathos is alien to the image of the conquered land, a sense of tragedy prevails. Recreating the image of the Smolensk region, Simonov is far from topographical descriptive or culturological research, the image is colored by personal experiences: for the writer and his heroes, the Smolensk region becomes the embodiment of the idea of the Motherland, of its deep, primordial features.

Keywords: the image of the motherland, Smolensk region, literature of the Great Patriotic War, Simonov.

Information about the author: Inessa N. Korzhova – PhD in Philology, Associate Professor, Moscow University for Industry and Finance, Leningradsky Prospekt, 125190 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-0000-0001>

E-mail: clean24@yandex.ru

For citation: Korzhova, Inessa N. The Image of Smolenschina in K.M. Simonov's Works. *First Kulakov Readings: On the Fields of Russia's Military Glory*. Ex. ed. Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 45–59. (In Russian). <https://www.doi.org/10.29003/m3632.khmelita-19/45-59>

Обозначение темы, безусловно, воскрешает в памяти строки пронзительного стихотворения К.М. Симонова «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...». Оно, действительно, конденсирует многие образы и идеи, ставшие ключевыми для авторского представления о Смоленской земле, но далеко не исчерпывает их. Написанное в ноябре 1941 г., оно фиксирует только часть тех устойчивых представлений, с которыми связан для писателя облик этого края.

В задачу статьи входит предпринимаемое впервые выявление и исследование максимально полного корпуса текстов К. Симонова,

в которых представлен образ Смоленской земли¹. При решении указанной задачи в работе реализован подход к многожанровому творчеству К. Симонова как единому целому: так, вместе с художественными произведениями рассматривается публицистика военных лет, исследуется сценарий, написанный Симоновым в соавторстве с В.И. Пудовкиным.

Образ Смоленщины сложился у Симонова-художника и Симонова-человека в годы войны. С 24 июня по 27 июля Симонов, назначенный в армейскую газету 3-й армии в Гродно, а потом взятый в «Красноармейскую правду», находился на Западном фронте². Его дороги неоднократно пересекают Смоленскую и Могилевскую области. Личные впечатления первого месяца войны отразились в дневнике «Разные дни войны» (продиктованном по памяти и с опорой на фронтовые записные книжки в начале 1942 г.), часть пережитого в этих краях позже будет передоверена Синцову в романе «Живые и мертвые». Июльские впечатления 1941 г. включены в очерк «На старой смоленской дороге»³ (17 марта 1943 г.), в целом посвященный нашему вступлению на эту разоренную и выжженную землю весной 1943 г. Есть и еще одно чрезвычайно интересное произведение, в котором преломилось увиденное в первый месяц войны. Это сценарий фильма «Смоленская дорога», написанный совместно с В.И. Пудовкиным в 1943 г. на основе дневниковых записей Симонова. Л.И. Лазарев справедливо считает, что сценарий опередил свое время: «...в нем заложены некоторые эстетические принципы изображения войны, принесшие нашему кинематографу немало удач в 60-е и 70-е годы» [Симонов, 1979–1985, т. 12, с. 12]. Добавим, что в сценарии много неприкрытой правды: говорить с подобной искренностью о растерянности, в которой пребывали в первые недели войны не только люди,

¹ Круг текстов Симонова, в которых отразились впечатления первых месяцев войны, назван С.Я. Фрадкиной [Фрадкина, с. 107–108]. Она не упоминает лишь дневники писателя. Однако само сопоставление произведений и исследование образа Смоленщины ею не проводилось.

² Почти параллельно Симонов начинает писать для «Известий», а затем по просьбе Д. Ортенберга его переводят в «Красную звезду».

³ В названии очерка Симонова, опубликованном в «Красной звезде», использованы строчные буквы. При публикации в третьей книге сборника «От Черного до Баренцова моря» название написано иначе – «На старой Смоленской дороге». В статье сохраняется орфография первой, газетной публикации, по которой цитируется очерк.

но и, кажется, само государство, позже решались лишь некоторые писатели фронтового поколения. Главный герой сценария – военный корреспондент, которого Симонов и Пудовкин не вполне справедливо и, возможно, не вполне искренне признавали героем-функцией¹, собирающим материал, – на самом деле стал лирическим фокусом произведения. Сценарий не получил одобрения, тем более что авторам предлагалось создать фильм об обороне Москвы, но вовсе не о продвижении к ней врага.

Названные пять произведений: стихотворение, дневник, начало очерка, сценарий и фрагменты романа – изображают Смоленщину начала войны. Все эти произведения скреплены общими образами и мотивами, повторяемость которых свидетельствует об их особой значимости для писателя и позволяет уверенно реконструировать авторские идейные константы.

И в дневнике, который является самым ранним оформлением впечатлений лета 1941 г., и в романе «Живые и мертвые» (1959 г.), где Симонов доверяет Синцову многие свои мысли той поры, писатель предельно точен в указании географии действия, тем более что речь идет о быстром приближении фронта к столице. В то же время за одну поездку из редакции, переместившейся в итоге из Смоленска в Касню, в июле 1941 г. Симонов мог проделать путь в 800 км, впечатления и от природы, и от встреч с местными жителями, полученные в Смоленской, Могилевской, Витебской и Минской областях, не дробились писателем искусственно – в соответствии с административным делением. Эпизоды сливаются в единый образ глубинной России, впервые открывающейся перед писателем. Более того, если названия городов (Могилев, Борисов, Орша, Смоленск, Вязьма) еще становятся фокусами, собирающими впечатления, дающими им свое

¹ «Для того чтобы скрепить сюжет и связать этих героев между собой, не придумывая нарочитых семейных и дружеских связей и прочих драматургических случайностей, мы нашли единственный, показавшийся нам в этом случае верным, способ: мы заставили знакомиться, говорить, встречаться с этими героями сценария одного человека – военного корреспондента, который, естественно, по долгу своей службы мог бывать всюду, начиная от окопа на переднем крае и кончая штабом армии и Москвой. И хотя благодаря тому, что им скреплен сюжет, военный корреспондент занимает территориально большое место в сценарии, тем не менее, как это явствует из сценария, коллективным героем фильма будет не он, а те, с кем он встречается» [Пудовкин, Симонов, с. 434].

имя, то названия республик не появляются вовсе. Эпитет «русский» и наименование «Родина» равно охватывают все увиденное.

Многое из отрефлексированного автором в стихотворении «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» пережито и прочувствовано им на Могилевщине. Отмечая данный факт, мы все же подробно остановимся на этих эпизодах, поскольку и в этом произведении и особенно в последующих Смоленщина или, конкретнее, Смоленская дорога является именем, собирающим устойчивые мотивы. Это имя выдвинуто благодаря сильным позициям начала текста (в стихотворении) или заглавия (в очерке и сценарии). Если в стихотворении использовано множественное число, то грамматическая форма в заглавиях «Смоленская дорога» и «На старой смоленской дороге» говорит, что перед нами историческое наименование. Сразу отметим, что и здесь авторский образ отходит от фактической точности. Старая Смоленская дорога соединяла Москву со Смоленском и не шла дальше. – В сценарии «Смоленская дорога» пути героя Петра Павлова и его шофера Алеши уходят много западнее.

Закрепленность устойчивого комплекса образов и связанной с ними эмоциональной компоненты именно за именем Смоленщины объясняется, по нашему мнению, несколькими фактами. Во-первых, в июле 1941 г. Симонов и другие военные корреспонденты выезжали к местам боев сначала из Смоленска, потом из Вязьмы. В этих поездках, часто с непредсказуемым маршрутом, города оставались стабильным ориентиром. Во-вторых, для Симонова крайне важны исторические ассоциации, связанные с названием «Смоленская дорога». В дневнике Симонов отмечает не только стратегическую, но и символическую важность Смоленска для официальной пропаганды: «Если взять для примера Смоленск, то при тех военно-исторических аналогиях, которые были связаны со Смоленском как ключом к Москве, задним числом можно понять нежелание широко публиковать сообщение о его потере в те дни, когда мы еще надеялись его вернуть» [Симонов, 1979–1985, т. 8, с. 146–147]. Но, думается, исторические аналогии были важны и для самого Симонова. Название «Смоленская дорога» он дважды выносит в заглавие весной–летом 1943 г., когда оно еще звучало как надежда, ибо сам Смоленск находился в руках врага. Старая Смоленская дорога – это путь Наполеона, который ему, как известно, пришлось проделать в обоих направлениях. Причем, вероятно, для Симонова

это название вбирает весь путь наступления от Березины до Москвы. Исторические аналогии были весьма популярны в публицистике военной поры и зачастую становились подчеркнутым авторским приемом. Но нерасшифрованность подобных параллелей у Симонова делает это наименование не столько публицистическим приемом, сколько непоказным проявлением чувства исторической преемственности и ответственности. Это чувство в форме, абсолютно лишенной пафоса, входит в ядро мотивов, связанных с образом Смоленска.

Сложный образ Смоленщины начала войны включает несколько составляющих, которые концентрированно представлены в стихотворении «Ты помнишь, Алеша, дроги Смоленщины...», но каждый из них встречается у Симонова не единожды. Это образ старика и старухи, обреченных на оккупацию; провожающих армию женщин; маленьких деревенок и кладбища при них.

С определенными оговорками можно считать, что исходные образы наиболее непосредственно, с минимальным художественным вмешательством, запечатлены в дневнике писателя. Так, в нем рассказано о реальной остановке в избе, где корреспондентов принимали старуха и ее безмолвный муж, ветхий старик, одетый в белое. Согласно дневнику эта встреча произошла на пути от реки Бобр в сторону Смоленска. В стихотворении эпизод имеет точную прикрепленность – герой вспоминает «избу под Борисовым», та же встреча включена и в сценарий, география в котором более размыта. А. Сурков называл другое место, хотя недалеко от реки Бобр: «Попали мы в город Толочин. Здесь, под Толочином, в деревне все и происходило, о чем написано в этом стихотворении. Не под Борисовом, а под Толочином. Старуха и дед действительно были, а “бесконечно злых дождей”, признаться, не было. Стояло знойное лето, дико, невыносимо знойное... И все же в поэзии это вполне правомерно, ибо не противоречит справедливости истинной, большой, а не календарной» (Цит. по: [Мар, с. 2]). Истинной справедливости подчинены и некоторые смысловые нюансы, связанные с варьированием слов старика и старухи и смещением акцента на одну из фигур.

В дневниковом тексте слова женщины, которая описана без эпической величавости как «бабка, маленькая старушка с быстрыми движениями» [Симонов, 1979–1985, т. 8, с. 72], заслонены отчаянным молчанием старика.

– А мы куда же пойдем? Мы тут будем. И немцы придут, тут будем, и наши вспять придут, тут будем. Дождемся со стариком, коли живы будем.

Она говорила, а старик сидел и молчал. И мне казалось, что ему было все равно. Все все равно. Что он очень стар и если бы он мог, то он умер бы вот сейчас, глядя на нас, людей, одетых в красноармейскую форму, и не дожидаясь, пока в его избу придут немцы. А что они придут сюда, мне по его лицу казалось, что он уверен [Симонов, 1979–1985, т. 8, с. 72–73].

В сценарии уста старика размыкаются. Его требовательный вопрос усиливает чувство вины героя. В вопросе старика звучит не столько надежда, сколько напоминание о невыполненном долге. Важно, что эти горькие чувства всколыхнули слова мужчины.

И вдруг, когда они уже совсем в дверях, по-прежнему неподвижно сидящий старик глухо и коротко спрашивает:

– Придете?

– Что? – переспрашивает Павлов.

– Когда обратно придете? – строго спрашивает старик.

– Не знаю, – говорит Павлов и, нагнувшись в дверях, нахлобучив фуражку, быстро выходит [Пудовкин, Симонов, с. 371].

В стихотворении же акцент переносится на слова старухи, которые обретают силу веры и прощения. Думается, в данном случае важна и смена говорящего, которая ведет к смене ведущего архетипа. Художественное чутье подсказывает Симонову произвести эту замену центральной фигуры с мужской на женскую именно в лирике, в стихотворении об обретении чувства Родины.

Ну что им сказать, чем утешить могли мы их?

Но, горе поняв своим бабьим чутьем,

Ты помнишь, старуха сказала: – Родимые,

Покуда идите, мы вас подождем [Симонов, 1979–1985, т. 8, с. 89].

Слова старухи повторяет сама природа, и старуха начинает восприниматься как воплощение Родины, ее голос. Образы женщин, благословляющих воинов, в стихотворении усиливают значимость центрального женского, материнского, архетипа. Сверяясь с записями дневника Симонова, мы видим одновременно и фактическую точность автора даже в стихах, и преобразующую силу контекста художественного произведения.

Деревни с кладбищами – главный визуальный образ Смоленщины, который тоже получает статус емкого символа. В стихотво-

рении «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» каждая новая встреча связана с повторением «смыслового парадокса: те, кого я должен оберегать, оберегают меня, кого я обязан защищать, защищают меня» [Лейдерман, с. 64]. В рамках общей идеи стихотворения получают интерпретацию и кладбищенские образы: «кресты» рук ограждают живых.

Исследователи [Вишневецкая, с. 148–149; Лазарев, с. 176–180] указывали, что чувства, отраженные в стихотворении, Симонов позже передоверяет Синцову. Лазарев считает «просчетом» [Лазарев, с. 229] совпадение чувств Синцова, районного корреспондента, знакомого с деревней, и горожанина Симонова. Но образ повторяется не дважды, а четырежды. Ответственность перед предками относится к столь значимым для Симонова идеям, что он не раз почти буквально цитирует собственный дневник, максимально сохраняя найденные словесные формулы. В дневнике: «Я понял, насколько сильно во мне чувство родины, насколько я чувствую эту землю своей и как глубоко корнями ушли в нее все эти люди, которые живут на ней. Горести первых двух недель войны убедили меня в том, что и сюда могут прийти немцы, но представить себе эту землю немецкой было невозможно. Что бы там ни было, она была и останется русской. На этих кладбищах было похоронено столько безвестных предков, дедов и прадедов, каких-то никогда не виденных нами стариков, что эта земля казалась русской не только сверху, но и вглубь, на много саженей» [Симонов, 1979–1985, т. 8, с. 75]. – В романе: «Острое и болезненное чувство родной земли, которая где-то там, позади, уже истоптана немецкими сапогами и которая завтра может быть потеряна, и здесь, переворачивало сердце. То, что видел Синцов за последние два дня, говорило ему: да, немцы могут прийти и сюда, – и, однако, представить себе эту землю немецкой было невозможно. Такое множество безвестных предков – дедов, прадедов и прапрадедов – легло под этими крестами, один на другом, веками, что эта земля была своей вглубь на тысячу сажен и уже не могла, не имела права стать чужой» [Симонов, 1979–1985, т. 4, с. 27]. Как следует из дневника, это нравственное открытие Симонов пережил под Краснопольем, герой его романа – под Борисовым. Однако в дневнике сельский, совершенно мирный пейзаж появляется не раз, деревушки рассыпаны по могилевской и смоленской земле, и очевидно, что сходный визуальный

ряд заставляет вновь переживать обретенное чувство исторической преемственности и ответственности.

Отметим, что в очерке «Москва» (1942 г.) Симонов воссоздаст тот же среднерусский пейзаж, закрепив его за Смоленщиной: «Холмик, лесок, лощинка, маленькая деревенька в Смоленской области – все это нельзя было отдать, все это было не просто местом, не просто километром земли, а километром по дороге к Москве» [Симонов, 1942, с. 3].

В очерке «На старой смоленской дороге» на Смоленщину уже перенесен более развернутый пейзаж, подлинный пейзаж-хронотоп: «В Смоленщине они обычно бывают рядом с деревенькой, на холмике, под старыми раскидистыми деревьями. Деревенька маленькая – 20–30 избенок, – а кладбище большое. Много, много старых, потемневших от непогоды крестов... И когда смотришь на такой деревенский погост, чувствуешь, сколько поколений легло здесь в могилы, в свою землю, рядом со своими дедовскими и прадедовскими избами, чувствуешь, какая это древняя, какая это наша земля, как невозможно отдать ее...» [Симонов, 1943, с. 2]. Конечно, виденный Симоновым пейзаж типичен как для Смоленщины, так и для Могилевщины. Возможно, здесь имеет место и осознанный сдвиг воспоминания, поскольку в марте 1943 г. были освобождены, да и то частично, лишь смоленские земли. А Симонову-публицисту было важно, чтобы пейзаж с его символической составляющей был воспринят как уже исполненное обещание родной земле. Но, думается, изначально Смоленщина Симонова не вполне совпадает со своими географическими границами.

Еще одна составляющая образа Смоленщины связана с оценкой Смоленска как ключа к Москве. Правда и здесь Симонов корректирует устойчивые представления. В его художественном мире роль знакового рубежа чаще выполняет Вязьма. В июле 1941 г. угрожающим знаком для начинавших воевать корреспондентов оказалось известие о переводе редакции под Вязьму из Смоленска: «Само известие было для нас тяжелым ударом. <...> Вязьма в нашем представлении тех дней это была уже почти Москва» [Симонов, 1979–1985, т. 8, с. 129]. И в художественных произведениях герои воспринимают продвижение фронта под Вязьму как знак катастрофы. Вынужден хитрить случайно проговорившийся об этом герой сценария «Смоленская до-

рога», переживают слух о взятии Вязьмы Левашов и Лопатин, причем фразеологически Вязьма выдвигается как место знаковое:

– <...> Немецкое радио вторые сутки травит, что они к Вязьме прорвались.

– К Вязьме? – пораженно переспросил Левашов. – К какой Вязьме?

– Одна Вязьма – под Москвой [Симонов, 1979–1985, т. 7, с. 117].

И наоборот, возвращение Вязьмы и особенно Смоленска понимается как свидетельство подлинного перелома в войне. Культурно-исторические ассоциации оказываются важнее стратегических соображений. Обратимся к разговору Ники и Лопатина (повесть «Двадцать дней без войны»): «<...> она спросила, и он вспомнил не о Сталинграде, а о Ржеве и Вязьме, которые после полутора лет войны все еще под немцем, и от них до Москвы по-прежнему в шесть раз ближе, чем до Берлина» [Симонов, 1979–1985, т. 7, с. 313], неоднократно к теме взятия Смоленска возвращается Малинин в «Живых и мертвых» и в «Солдатами не рождаются». В обоих произведениях упоминание смоленских городов звучит как горькое отрезвление среди разговоров о Московской и Сталинградской битвах. При сформировавшемся у Симонова восприятии Смоленщины как воплощения русской земли в ее исконных началах такая реакция закономерна.

Другие аспекты изображения Смоленщины связаны с дальнейшим развитием военных событий. Тема партизанского движения должна была быть раскрыта тоже в тесной связи с этим краем. По позднейшим признаниям Симонова, при работе над «Живыми и мертвыми» им был написан «ряд глав, повествовавших о судьбе жены Синцова, Маши, в смоленском подполье» [Симонов, 1976, с. 507]. Но, заботясь о композиционной стройности романа, писатель отказался от этих эпизодов. В окончательном тексте трилогии тема партизанского движения в Смоленске появляется не в непосредственном авторском изображении, а в разговорах и воспоминаниях Тани Овсянниковой. Помимо других горьких эпизодов, она вспоминает и многотысячные колонны русских пленных, прогоняемые по городу.

Интересна одна деталь ее воспоминаний, схожая с изображением оккупированных территорий поэтами в годы войны¹. Восприятие оккупированной земли как своей и чужой одновременно выводит

¹ Ср. у А.Т. Твардовского: «Да, то была родимая земля, / Хотя над ней чужое было небо...» [Твардовский, с. 339].

происходящее там из-под действия обычных житейских закономерностей. В «Солдатами не рождаются» Симонов находит точную психологическую подробность для выражения концептуально важной для него идеи: «Ей казалось сейчас, что она не надевала платья с довоенного времени, хотя это была неправда. Там, в Смоленске, на конспиративной квартире, она ходила как раз в гражданском, и у нее было даже одно нарядное платье, в котором она ходила танцевать в немецкий офицерский клуб <...>. Но у нее все равно не было чувства, что она там, в Смоленске, ходила в гражданском платье. Это платье было там как служба, как чужая шкура» [Симонов, 1979–1985, т. 5, с. 374].

Тема партизанского движения, думается, не нашла широкого освещения в романе Симонова не только из-за требований композиции, но и в силу отсутствия прямого соприкосновения с материалом, что для автора было всегда принципиально.

Другой аспект был пережит и прочувствован автором лично, потому был изображен гораздо шире. Именно Смоленщина стала для Симонова воплощением людского горя, почти мертвой земли, которую оставил враг после себя.

Впервые тема разрушений начинает звучать еще в 1941 г. В дневниках Симонов рассказывает, как в течение суток дважды проезжал через Дорогобуж, во второй раз застав на его месте пепелище. Резкий контраст двух пейзажей явился наглядным воплощением беспощадности войны. Но одним из самых тяжелых военных впечатлений стал для Симонова вид разоренной Смоленской земли весной 1943 г. В письме родителям от 16 марта звучит редкое в устах писателя признание в тяжелом моральном состоянии и еще более редкое желание забвения, хотя бы временного ухода от правды: «Видел я в эту поездку много печального, много сожженных деревень, много человеческого горя и страданий. Иногда так устаешь от этого бесконечного горя, которое видишь в отбитых у немцев местах, что тяжело становится на душе и порою хочется закрыть глаза, чтобы ничего не видеть» [Симонов, 2015, с. 118].

Впечатления от поездки выплеснулись в статью «На старой смоленской дороге». Эта статья далека от репортажа – это очерк с ярким авторским, почти исповедальным началом. В очерке и опубликованных дневниках перед глазами встают сходные картины: тотальное

разрушение и отсутствие жилья; младенец в яме, над которой дед намерен соорудить крышу; смерть подростков, пытавшихся спасти угоняемых в Германию; расстрел мирных жителей, в том числе и «робеночка».

В форму острой нравственной коллизии, неожиданного разрушения стереотипов о счастье возвращения в оставленные края облечено упоминание разоренной Смоленщины в романе «Последнее лето». Сытин (в первой части трилогии он вынес знамя дивизии) ненадолго появляется на страницах романа, чтобы рассказать о встрече с людьми, когда-то укрывавшими его во время оккупации. Надежды 1941 г. на возвращение родной земли, в мечтах окрашенные торжеством, обернулись еще более тяжелыми впечатлениями, чем отступление. Покидать голодных людей на освобожденной земле осенью, в ожидании следующего урожая оказалось страшнее, чем «отдавать на чужбину». Это же осознание горечи победы вызвало к жизни повесть «Дым Отечества».

Впечатления от разоренной Вязьмы стали первотолчком для создания очерка «На старой смоленской дороге» и стихотворения «Дом в Вязьме». В возможности опубликовать очерк Симонов не был уверен, слишком тяжело было все описанное в нем. А вот в стихотворении буквальное прочтение образа разрушенного дома потеснено мощным мифопоэтическим началом. С точки зрения концентрации ключевых для Симонова идей и емкости их воплощения «Дом в Вязьме» является не менее важным произведением, чем «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...». Это квинтэссенция идеи солдатского братства, скрепленного равенством перед судьбой. Но напомним, что стихотворение «Дом в Вязьме» родилось после безуспешной попытки найти дом при типографии, в котором 20 июля 1941 г. ночевали московские корреспонденты Е. Кригер, П. Белявский, К. Симонов, фотокорреспондент П. Трошин и несколько членов редакции местной газеты, которые погибли в октябре 1941 г. Знание этих обстоятельств позволяет понять, что строки «Я помню в Вязьме старый дом. / В день мира прах его с трудом / Найдем среди выжженных печей / И обгорелых кирпичей...» [Симонов, 1979–1985, т. 1, с. 135] отражают реальный пейзаж Вязьмы.

Но ощущение пустоты и утраты, которое породило стихотворение, в нем не стало основным. Произведение обращено одновременно

к прошлому и будущему, и поэт словно «проскакивает» настоящее, в стихотворении звучит мощная уверенность, что дом будет восстановлен из праха.

Важно, что смоленские впечатления 1941 г. продолжали жить в сознании Симонова и становились объектом повторной рефлексии. Можно утверждать, что Смоленщина стала для Симонова воплощением Родины – не только малой родины, «клочка земли», но и Родины как глубинного национального концепта. До войны Симонов связывал представление о родине скорее с рязанскими землями: там он провел свое детство, позже в Солотче соприкоснулся с деревенской Россией. Еще в стихотворении «Родина» 1940 г. упоминаются вовсе не смоленские реалии:

К нам это чувство, словно приказанье,
Не позовешь – ворвется всё равно.
В лесной глуши, на север, за Рязанью
Меня поймало первый раз оно...
Песчаные заплаты побережий,
Речных излучин синяя дуга,
Владимирский сосновый бор медвежий,
Заокские поёмные дуга [Симонов, 1940, с. 79].

Об изменении в личностном ассоциативном поле представления о Родине свидетельствуют как прямые признания, сделанные в дневниках, так и судьбы некоторых симоновских героев. Синцов в романе «Товарищи по оружию» и в трилогии «Живые и мертвые» живет и работает в Вязьме после университета. Басаргин, герой повести с говорящим названием «Дым Отечества», является коренным смолянином. В очерке «На старой смоленской дороге» Симонов не только прямо говорит о сроднении со смоленской землей, но и точно объясняет психологический механизм, вызвавший это чувство – острую боль первой большой потери: «Смоленщина, ее дороги, ее белые березы, ее деревеньки на низких пригорках, – как много говорят они сердцу! И хотя я родился далеко отсюда, но именно эти места кажутся мне самыми родными, самыми милыми на всей нашей земле. Должно быть это потому, что начинать войну мне приходилось именно здесь, на этих дорогах, и самая большая горечь, какая бывает в жизни, – горечь утраты родной земли, – застигла меня именно здесь, на Смоленщине» [Симонов, 1943, с. 2].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Вишневская И.Л. Константин Симонов. Очерк творчества. М.: Сов. писатель, 1966. 184 с.
2. Лазарев Л.И. Военная проза Константина Симонова. М.: Худож. лит., 1974. 237 с.
3. Лейдерман Н.Л. Открытие Родины (К. Симонов «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...») // Филологический класс. 2010. № 23. С. 63–66.
4. Фрадкина С.Я. Творчество Константина Симонова. М.: Наука, 1968. 207 с.

Источники

5. Мар И. «Бойцы вспоминают...» // Литературная газета. 1969. 15 октября. С. 2.
6. Пудовкин В., Симонов К. Смоленская дорога (Литературный сценарий) // Пудовкин В. Собр. соч.: в 3-х т. М.: Искусство, 1974. Т. 1. С. 361–412.
7. Симонов К. Дорогие мои старики. Из переписки с родителями в военные годы (1941–1945) / публ., подготовка текста и комм. Е. Симоновой-Гудзенко. Окончание // Новый мир. 2015. № 8. С. 118–145.
8. Симонов К. Москва // Красная звезда. 1942. 6 ноября. С. 3.
9. Симонов К. На старой смоленской дороге // Красная звезда. 1943. 17 марта. С. 2.
10. Симонов К. Сегодня и давно. Статьи. Воспоминания. Лит. заметки: О собственной работе. М.: Сов. писатель, 1976. 624 с.
11. Симонов К.М. Собрание сочинений в 10 т. М.: Худож. лит., 1979–1987.
12. Симонов К. Три стихотворения // Литературный современник. 1940. № 5–6. С. 79–80.
13. Твардовский А.Т. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1986. 896 с.

<https://www.doi.org/10.29003/m3633.khmelita-19/60-75>

<https://elibrary.ru/hnxhro>

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2=411.2)

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NoDerivatives
4.0 (CC BY-ND)

ТЕМА ПЛЕНА В ПУБЛИЦИСТИКЕ И ПРОЗЕ К.М. СИМОНОВА, М.А. ШОЛОХОВА И И.Г. ЭРЕНБУРГА 1941–1942 гг.

© 2023. Д.В. Поль

Аннотация: В самые тяжелые первые два года войны, в условиях однозначного осуждения плена со стороны Советского руководства, обращение к данной теме не поощрялось партийными органами. Тем не менее, обходя негласные запреты, литература способствовала смягчению государственной политики. К.М. Симонов, М.А. Шолохов и И.Г. Эренбург, три абсолютно разных писателя, оказались едины в отстаивании права на человечность и справедливость по отношению к бывшим военнопленным, что косвенным образом способствовало смягчению отношения к ним со стороны государства.

Ключевые слова: 1941–1942 гг., русская литература, тема плена, М.А. Шолохов, И.Г. Эренбург, К.М. Симонов.

Информация об авторе: Дмитрий Владимирович Поль – доктор филологических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, 119991, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, строение 1.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6305-2073>

E-mail: dv.pol@mpgu.su; pol-d-v@yandex.ru

Для цитирования: *Поль Д.В.* Тема плена в публицистике и прозе К.М. Симонова, М.А. Шолохова и И.Г. Эренбурга 1941–1942 гг. // Первые Кулаковские чтения: На полях воинской славы России / отв. ред. М.В. Скорыходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 60–75. <https://www.doi.org/10.29003/m3633.khmelita-19/60-75>

THE THEME OF CAPTIVITY IN THE JOURNALISM AND PROSE OF K.M. SIMONOV, M.A. SHOLOKHOV AND I.G. EHRENBURG 1941–1942

© 2023. Dmitry V. Pol

Abstract. During the most difficult first two years of the war, in the context of the Soviet leadership's unequivocal condemnation of captivity, addressing this topic was not encouraged by the party organs. Nevertheless, by circumventing unspoken prohibitions, literature contributed to the softening of state policy. K.M. Simonov, M.A. Sholokhov and I.G. Ehrenburg, three completely different writers, were united in their defence of the right to humanity and justice towards former prisoners of war, which indirectly contributed to a softening of the state's attitude towards them.

Keywords: 1941–1942, Russian literature, theme of captivity, M.A. Sholokhov, I.G. Ehrenburg, K.M. Simonov.

Information about the author: Dmitry V. Pol. – Doctor of Philological Sciences, Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Moscow Pedagogical State University, 119991, Russia, Moscow, Malaya Pirogovskaya St., 1, building 1.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6305-2073>

E-mail: dv.pol@mpgu.su; pol-d-v@yandex.ru

For citation: Pol, Dmitry V. The Theme of Captivity in the Journalism and Prose of K.M. Simonov, M.A. Sholokhov and I.G. Ehrenburg 1941–1942. *First Kulakov Readings: On the Fields of Russia's Military Glory*. Ex. ed. Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 60–75. (In Russian). <https://www.doi.org/10.29003/m3633.khmelita-19/60-75>

При достаточно хорошей изученности русской (советской) прозы и публицистики 1941–1945 гг. – она стала предметом научного исследования практически сразу после окончания Второй мировой войны – на протяжении длительного времени существовало множество тем, по разным причинам избегаемых литературоведением в СССР. Одной из самых малоисследованных оставалась тема плена, при рассмотрении которой очень многое зависело от внелитературных факторов: внутренней и внешней политики Советского Союза, скрытой от посторонних глаз борьбы в партийно-государственном руковод-

стве. Ситуация кардинально изменилась в начале 1990-х гг., когда на фоне стремительно расширяющегося «пространства гласности» появилось множество художественных и автобиографических произведений о советских пленных («Это мы, Господи!» К. Воробьева, «Люди, когда же вы вспомните о нас?» С.И. Шешукова и др.), стали доступными работы и относительно немногочисленных ученых и критиков русского зарубежья и зарубежных исследователей. Благодаря трудам В.В. Агеносова, М.Е. Бабичевой, О.Н. Михайлова и др. для научного изучения стали доступны произведения русских писателей-эмигрантов, как «первой», так и «второй» волны, для многих из которых гитлеровский плен (тюремное заключение) стал частью жизни. В то же время на смену стереотипам в отношении фашистского плена, сформировавшимся в литературоведении и критике советского времени, зачастую пришли новые штампы, абсолютизирующие многие тенденции в художественной жизни СССР (особо следует отметить вклад А.И. Солженицына в формирование данных представлений). В отдельных случаях, особенно это заметно в публицистике и в учебных пособиях 1990-х – начала 2000-х гг., утверждалась полная табуированность темы плена в Советском Союзе военных и послевоенных лет. Однако при обращении к первоисточникам (изданиям 1941–1945 гг., а не многочисленным переизданиям послевоенного времени) становится очевидным, что русская литература и публицистика в годы войны не только не игнорирует темы плена, но и делает все возможное в тогдашних условиях для смягчения отношения к советским солдатам, побывавшим в плену, со стороны государственно-партийных органов. Задача статьи видится в изучении темы плена в творчестве трех авторов (материалом исследования стали оригинальные издания 1941–1945 гг.), в наибольшей степени характеризующих советских писателей военного времени: К.М. Симонова, М.А. Шолохова и И.Г. Эренбурга.

В годы Великой Отечественной войны, когда важнейшей задачей всех членов и кандидатов в члены Союза писателей¹ стало патрио-

¹ Благодаря Первому (объединительному) съезду советских писателей 1934 г. не только был снижен накал социально-классовых «нападков» на инакомыслящих и «попутчиков» со стороны «пролетарских писателей» (особенно этим отличалось руководство РАППа [Шешуков, 2013]), но и оформился Союз писателей СССР с общими требованиями к авторам.

тическое воспитание советских граждан и обличение фашистских оккупантов, среди всех советских литераторов¹, принимавших участие в войне в качестве корреспондентов, можно выделить Шолохова (1905–1984), Симонова (1915–1979) и Эренбурга (1891–1967), настолько отличных по происхождению, кругу жизненных и профессиональных приоритетов, что это позволяет определить их как наиболее репрезентативных для характеристики советских писателей военного времени.

Сначала казак, а затем иногородний (все это исключительно в рамках бюрократической системы и, соответственно, документооборота дореволюционной России), выросший в казацкой среде, купец по отцу, с незаконченным гимназическим образованием, волею обстоятельств вовлеченный в перипетии Гражданской войны на Дону, откровенно сторонившийся различных творческих объединений и предпочитавший степное захолустье шуму и блеску больших городов, – Шолохов². Потомственный дворянин, Рюрикович по матери, с профессиональным филологическим образованием³ и ярко выраженным интересом к истории, с несомненной склонностью к научной деятельности⁴ – Симонов. Блестящий эрудит, франкофил⁵, из интеллигентной еврейской семьи, знакомый и друг многих европейских писателей, художников, музыкантов, широко известный журналист с мировым именем, прозаик – Эренбург. Эренбург, предпочитающий большие города и совершенно немыслимый в деревенской жизни, стремящийся быть в гуще литературной жизни, неоднократно становился культовой фигурой для советской интелли-

¹ Общее количество членов Союза писателей СССР на начало Великой Отечественной войны было немногим более трех тысяч (с учетом кандидатов в члены Союза).

² Детство, отрочество и юность Шолохова и его близких стали основным материалом для всей его довоенной прозы.

³ Один из первых выпускников Литинститута.

⁴ Поступил в аспирантуру, которую так и не закончил. В предисловии к «Ста суткам войны» четко обозначил свой отказ от редактирования собственных дневниковых записей 1941 г., считая их настоящим документом эпохи – позиция настоящего ученого.

⁵ Данная особенность Эренбурга хорошо заметна не только в его романе «Хулио Хуренито...», но и в его военных очерках, в которых есть и восхищение «героями Марны», и постоянное внимание к Парижу и Франции.

генции¹. Сверхактивность Эренбурга, как творческая (один из самых плодовитых советских публицистов), так и поведенческая, особенно заметны при сопоставлении с Шолоховым.

К началу Великой Отечественной войны первым по значимости, по влиянию на литературный процесс из этой «троицы» следует поставить Шолохова. Он и войну начинает в самом высоком среди советских писателей звании – полкового комиссара (соответствует полковнику², старший командный состав), не имея при этом не только военного, но и высшего образования. В какой-то степени высокое звание Шолохова летом 1941 г. – свидетельство определенных ожиданий со стороны Советского руководства³.

В начале Великой Отечественной войны Шолохов находится на пике творческой формы: ему всего лишь 36 лет, но уже завершен «Тихий Дон», даже недоброжелателями признаваемый самым сильным явлением в литературе 1940 г.⁴; по театрам страны с триумфом проходят постановки по прозе писателя. Неудивительно, что именно с Шолоховым И.В. Сталин связывал надежды на написание героического эпоса, на уровне «Тихого Дона», о событиях Великой Отечественной войны [Шолоховская энциклопедия].

«Надежд» Сталина Шолохов, судя по всему, не оправдал. Военный период его творчества – публицистика, рассказ «Наука ненависти» и главы из романа «Они сражались за родину». Очень небольшое количество произведений особенно в сравнении с Симоновым и Эренбургом. И самое главное – в них нет и намек на образ вождя, великого полководца, ведущего народ к победе. Неочевидна в шолоховской прозе военных лет и роль партийного руководства, присутствие которого в произведениях носит описательный, а не сюжетообразующий характер.

¹ Особенно это очевидно стало в середине 1950-х – начале 1960-х гг., когда Эренбург не только выступает проводником для начинающих писателей в мире западной культуры, но и своим романом «Оттепель» дает название целой эпохе.

² В этом звании Шолохов и закончит войну.

³ Для сравнения. Симонов начнет войну интендантом второго ранга (младший политрук, соответствует лейтенанту), закончит подполковником. Эренбург всю войну останется вне званий, в гражданском статусе.

⁴ Красноречивое свидетельство этого – стенограмма заседания Комитета по присуждению Сталинских премий [Новое о Михаиле Шолохове. Исследования и материалы, 2003, с. 486–551].

Надо отметить, что с первых месяцев войны советские издатели предпринимали попытки своеобразного агитационного использования «Тихого Дона». Так, в самом начале войны в московском издательстве ОГИЗ в формате покетбука выходит «тонкое издание»¹, в котором подробно представлен один из эпизодов битвы за Ростов-на-Дону в 1918 г. из «Тихого Дона». В предуведомлении от издательства прямо указаны причины, побудившие обратиться к «Тихому Дону» М. Шолохова:

Сейчас, в дни великой отечественной войны [именно так в оригинале: со строчной буквы. – Д. П.] нашего народа, в памяти возникают образы героев его славной истории и образы людей, выведенных в произведениях советской литературы. В печатаемом здесь отрывке из «Тихого Дона» Мих. Шолохова показан один из эпизодов борьбы народа за свою свободу, за дело революции, за отечество, за коммунизм. Отрывок посвящен герою-пулеметчику большевику Илье Бунчуку [Шолохов, 1941, с. 3].

Впрочем, на фоне происходивших событий становилось очевидным, что шолоховский роман, в негативном свете отображавший и Первую мировую войну, и союзников (англичан), не отвечает требованиям современной ситуации². И хотя «Тихий Дон» издавался в 1941–1945 гг., редакции отказались от практики утилитарного использования текста романа в пропагандистских целях. Тем более что Шолохов в военные годы напишет целый ряд произведений, пусть и небольших в количественном и собственно текстовом измерении, но посвященных актуальным событиям. Во-первых, это очерки, небольшие зарисовки, в основном из хорошо знакомых писателю мест (Верхний Дон)³. Во-вторых, рассказ⁴ «Наука ненависти».

¹ Данный формат был очень распространен в годы Великой Отечественной войны, так как был удобен для бойцов и командиров – книга легко помещалась в кармане гимнастерки.

² В 1943 г. С. Н. Сергеев-Ценский создает роман «Брусиловский прорыв», прославлявший подвиг русских солдат во время Первой мировой войны. Произведение очень хорошо издавалось в 1943–1944 гг. (более десяти отдельных изданий).

³ Сочинения Шолохова военных лет неоднократно издаются в рубриках «Из фронтовой жизни», «В помощь агитатору и пропагандисту». Возможно, писатель и сам не всегда был в курсе того, как своеобразно использовались его тексты.

⁴ Исследователями данное произведение рассматривалось то как очерк, и подчеркивалась его фактографическая основа, то как рассказ – соответственно с акцентированием на мастерстве Шолохова. В статье данное произведение рассмотрено как рассказ.

В-третьих, многочисленные издания глав из романа «Они сражались за родину»¹.

Самым заметным, и одновременно резонансным, шолоховским произведением военных лет становится «Наука ненависти». Эпиграфом к изданиям рассказа военных лет стали слова И. Сталина: «Нельзя победить врага, не научившись ненавидеть его всеми силами души» (Из первомайского приказа Наркома Оборона товарища Сталина)». Впервые «Наука ненависти» была опубликована в «Правде» от 22 июня 1942 г., в день своеобразного юбилея войны [Шолохов, 1942]. Весь рассказ поместился на третьей странице «Правды». Позднее он неоднократно переиздавался, в том числе и летом 1943 г. во время ожесточенных сражений на восточной Украине, когда был напечатан издательством «Правда» отдельным изданием и весьма приличным тиражом – 120 тысяч экземпляров [Шолохов, 1943].

Произведение построено по принципу от общего к частному: от описания природы, изуродованной войной, но тем не менее выживающей вопреки всему, к судьбе отдельного человека, надломленного войной, но продолжающего сражаться, а значит и бороться за жизнь. «На войне деревья, как и люди, имеют каждое свою судьбу. Я видел огромный участок леса, срезанного огнем нашей артиллерии» [Шолохов, 1942]. Война нарушила привычное течение жизни, но не в состоянии отменить ход жизни. И рассказ завершается авторским восприятием лейтенанта Герасимова, который надломлен «пережитыми лишениями», но все еще силен и крепок, как дуб [Шолохов, 1942].

В «Науке ненависти» Шолохов-художник начинает с очевидного – поверженных деревьев, израненного дуба и стойких солдат Красной армии, а завершает абзацем, где лейтенант Герасимов сравнивается с дубом, столь же сильным и крепким [Шолохов, 1942].

Между этим своеобразным перепевом «толстовского дуба» из «Войны и мира» намеренно бесхитрый рассказ потомственного

¹ Иногда главы из романа очень произвольно назывались в издательствах и представляли собой некую иллюстрацию к происходящим событиям, а не часть художественного произведения. Например, «Солдатская дружба», подаваемая как самостоятельное произведение, хотя это всего лишь отрывок из главы из романа «Они сражались за родину».

уральского рабочего¹ о своей военной жизни – и в первую очередь о том, как он побывал в плену. Рассказчик нигде никак не оценивает то, что его герой побывал в плену. Нет никаких оправданий и самообвинений ни со стороны автора, ни со стороны его персонажа. Никаких указаний на проблемы, с которыми столкнулся при возвращении к своим Герасимов. Можно отметить некоторую фантастичность счастливого разрешения плена для героя Шолохова: попадает в плен после ранения и контузии, фактически в бессознательном состоянии, находится на грани жизни и смерти от голода и ранения, но каким-то образом оказывается на строительстве укреплений, где находит силы для того, чтобы убить врага, завладеть его оружием, убежать из плена, стать партизаном, а затем вернуться к своим. По сути, герой проходит все возможные испытания, а затем совершает чудо – побег ради «воссоединения» с Родиной. Только по косвенным данным – после почти года войны герой остается в том же звании – можно судить о том, как непросто далось Герасимову возвращение к своим.

В «Науке ненависти» действие происходит где-то на фронте, рядом с селом С., на Украине. Место и герой не типичны для Шолохова². Скорее всего это было сделано ради демонстрации всенародного характера войны.

Скромность, немногословность – отличительные черты главного героя «Науки ненависти» Виктора Герасимова, который много действует и не фокусирует внимание на своих собственных страданиях. Для шолоховского персонажа мучения, через которые он прошел, это удел многих. «Били так просто, от скуки или для развлечения», потому что всех пленных гитлеровцы воспринимают как «русских свиней» [Шолохов, 1942].

Шолохов никак не комментирует попадание в плен героя. Лишь короткая авторская ремарка дает читателю понимание, через какие

¹ Герасимов из Западной Сибири (город, в духе военной периодики, не указан) и может быть назван сибиряком. Однако предок героя работал еще у Строганова, а значит – относится к уральским рабочим. Писатель как бы соединяет в персонаже своего рассказа два популярных в годы Великой Отечественной войны мифа – сибирский (стойкие сибирские дивизии разбили гитлеровцев под Москвой) и уральский (Урал как всеоюзная кузница).

² Шолохов, как правило, предпочитает донские просторы, а героем чаще всего избирает уроженца Донской земли.

страдания прошел этот человек, на войне научившийся и ненавидеть, и любить. «А я впервые заметил, что у этого тридцатидвухлетнего лейтенанта, надломленного пережитыми лишениями, но все еще сильного и крепкого, как дуб, ослепительно белые от седины виски. И так чиста была эта добытая большими страданиями седина, что белая нитка паутины, прилипшая к пилотке лейтенанта, исчезала, коснувшись виска, и рассмотреть ее было невозможно, как я ни старался» [Шолохов, 1942].

Тем не менее, намеренно отстраненный рассказ Герасимова обо всем пережитом в плену становится лучшим аргументом в пользу ненависти к врагу. «И воевать научились по-настоящему, и ненавидеть, и любить. На таком оселке, как война, все чувства отлично оттачиваются. <...> И если любовь к Родине хранится у нас в сердцах и будет храниться до тех пор, пока эти сердца бьются, то ненависть всегда мы носим на кончиках штыков» [Шолохов, 1942]. До тех пор, пока идет война, необходима ненависть к фашистам, и кто как не бывший военнопленный знает об этом.

Шолоховский рассказ¹, не содержащий, на первый взгляд, никаких призывов к властям о смягчении отношения к пленным², стал самым весомым аргументом для смягчения отношения к пленным со стороны власти³.

Тем не менее, не Шолохов, а Константин Симонов первым делает героем своего произведения солдата, бежавшего из фашистского плена. В страшные октябрьские дни 1941 г., когда столицу в панике покидали сотни и тысячи управленцев и служащих разного уровня (знаменитая «московская паника 15–17 октября 1941 года»), а Верховное командование до предела ужесточило ответственность

¹ Публикация в «Правде» автоматически наделяла произведение Шолохова статусом партийного (государственного) документа (постановления).

² Линия на ужесточение репрессий против бывших военнопленных и членов их семей, проводимая в 1941–1942 гг., основывалась на постановлении ГКО № 169 от 16.07.1941, приказе НКО СССР № 270 от 16.08.1941, многочисленных приказах по ведомствам [Дембицкий, 1996].

³ Прежде всего надо учитывать особый статус публикации в центральной печати («Правда», «Красная звезда») для низшего командного состава НКВД, НКГБ, СМЕРШа (с 1943 г.), Красной армии, от действий которого на практике зависело очень многое в решении судеб бежавших из фашистского плена, особенно в 1941–1942 гг.

за сдачу в плен (попадание в плен фактически приравнивалось к предательству), Симонов публикует небольшой очерк «В лапах у фашистского зверя» [Симонов, 1941], главный герой которого пулеметчик Михаил Иванович Компанец рассказывает о своем двухнедельном пребывании в фашистском плену и побеге. Автор не остается беспристрастным наблюдателем – вмешивается в повествование и даже дает собственную оценку. Именно плен, причем Симонов не использует столь распространенное в последующие годы оправдание – «попал в плен в бессознательном состоянии», оказывается в центре внимания писателя. Название, сюжет, авторские ремарки – все связано с центральным событием в жизни героя – попаданием в плен. «И все-таки самое страшное, пожалуй, с чем пришлось столкнуться мне на этой войне, – это бесхитростный и простой рассказ пулеметчика Михаила Ивановича Компанейца. Рассказ о том, как он провел две недели в фашистском плену и как из него выбрался» [Симонов, 1941].

Незамысловатая история Компанейца – сам рассказ лишен упоминания о каких-то подвигах во время побега (спрятались, добрались до своих) – была литературно обработана Симоновым (диалог Компанейца и Чепиля, также бежавшего из плена). Вне всякого сомнения, сам факт публикации очерка о военнослужащем, побывавшем в плену, во время тяжелейших испытаний октября 1941 года в «главной» газете Красной армии являлся и актом гражданского мужества со стороны Симонова, и сигналом для властей о необходимости изменения политики по отношению к бывшим военнопленным.

Симонов предпринимает яркую и беспримерную по смелости попытку смягчения отношения к тем, кто побывал в плену, и делает это в самый трудный для страны период. Возможно, Симонов, как никто другой, в это время мыслит исторически, воспринимая войну, даже такую, как Великая Отечественная, как часть общероссийской и мировой истории. Автор стихотворения «Ты помнишь, Алеша...», созданного в том же грозном 1941 г., способен взглянуть на настоящее и с позиции будущего времени, которое неизбежно наступит. Неизбежность мирной жизни, возвращения с войны, с победой, свойственна и сверхпопулярному «Жди меня». Симонов военных лет, погружаясь в войну, видел и ее конечность. И даже в произведениях, предельно конкретных, посвященных тому или иному эпизоду,

солдату или офицеру, есть ощущение, что все это лишь точка, пусть и очень значимая, на длинной линии исторического развития. Лишь на первый взгляд очерк «В лапах фашистского зверя» обращен к настоящему, в нем уже угадываются судьбы тех, кто вернется с войны. И Симонов, как летописец, должен записать рассказа Компанейца, а как гражданин – донести до всех, и до властей, никак, разумеется, не называемых, правду о тяготах всех тех, кто попал в плен. И, собственно, о необходимости человеческого отношения к ним.

Шолохов видит мир в отличие от Симонова с позиции истории народной, для автора «Тихого Дона» первична народная жизнь, у которой нет линейного движения, есть вечные константы, родовое, а не историческое время. Поэтому не столь уж и важно, с какой турецкой войны возвращается Прокопий Мелехов, сколько лет Гришаке, где находился тот или иной город в Пруссии во время Первой мировой войны... Точно так же не важны подробности (год, место) в безыскусных рассказах казаков из первых военных очерков Шолохова («На Дону», «В казачьих колхозах»), где также звучит тема плена, германского, времен Первой мировой. В 1941 г. Шолохов суждениями простых казаков дезавуировал собственные, относительно недавние, данные в «Тихом Доне» оценки Первой мировой войны как бойни, как преступления. Автор «летних очерков» стремится максимально предоставить слово своим героям – людям скромным, сильным, подчас стесняющимся своей силы. И нет никакой необходимости в деталях, точнее указывающих на время и место (это не только и не столько влияние цензуры, сколько созвучность авторской установки) в «Науке ненависти» – рассказе о бывшем пленном, потомственном уральском рабочем и одновременно уроженце Сибири.

В дальнейшем и Шолохов¹, и Симонов в своей прозе и публицистике 1943–1945 гг. не избирали в качестве главного героя советского солдата, побывавшего в плену. Однако в 1941–1942 гг., в самые трудные годы войны, независимо друг от друга Шолохов и Симонов, обратившись к непопулярной теме плена, значительно смягчили отношение к пленным со стороны государства.

¹ Шолохов в 1943–1945 гг. сосредоточен на написании романа «Они сражались за родину», мало внимания уделяет собственно публицистике. Однако благодаря переизданиям «Науки ненависти» и авторитету Шолохова тематика плена занимает заметное место в литературе военных лет.

В 1942–1945 гг. Симонов неоднократно обратится к теме плена, однако она не будет занимать центральное место: герой освобождает советских пленных¹, в перечне прочих злодеяний фашистов присутствует и бесчеловечность по отношению к военнопленным, узникам концлагерей².

В отличие от Шолохова и Симонова И. Г. Эренбург в своей публицистике 1941–1942 гг. избегал героя-пленного как центрального, что не мешало ему многократно упоминать о страданиях пленных в фашистском плену. «Страдательный аспект» становится основным для Эренбурга при описании советских пленных.

Вскользь, мимоходом, через отношение к советским пленным гитлеровских солдат данная тема впервые зазвучит у Эренбурга осенью 1941 года. В очерке «Хуже зверей» от 4 сентября 1941 г. в «дневнике» Герда Шмидта, взятого в плен 22 июля 1941 г., упомянуты русские (советские) военнопленные. «Видел русских пленных. Несимпатичная раса» [Эренбург, 1942, с. 69]. В очерке «Им не жить» [Эренбург, 1943, с. 8–10] от 3 апреля 1942 г. в дневнике ефрейтора Ганса Хайля рассказывается о том, как пытали советских пленных [Эренбург, 1943, с. 9]. В очерке «Воровство – немецкое ремесло» [Эренбург, 1943, с. 12–16] от 16 августа 1942 г. – о том, как можно использовать пленных, в том числе и русских, как рабов в хозяйстве [Эренбург, 1943, с. 14–15]. В очерке «Убей» [Эренбург, 1943, с. 21–23] от 24 июля 1942 г. на основе выдержек из писем немцев рассказывается о страшных мучениях советских пленных [Эренбург, 1943, с. 22–23]. Очерк «“Новый порядок” в Курске» [Эренбург, 1943, с. 147–162] от 6 апреля 1943 г. описывает страшные мучения военнопленных на курской земле [Эренбург, 1943, с. 156]. В очерке «Облава» [Эренбург, 1943, с. 275–279] от 17 января 1943 г. в ряду других преступлений

¹ Бывший шахтер Семен Школенко под Сталинградом в ряду многих других подвигов освободил 16 пленных, «голых, обросших и страшных», рывших себе могилу и ожидавших смерти. Только один из них поименован по фамилии – Сатаров, знакомый Школенко, «несколько дней тому назад взятый в плен немцами» [Симонов, 1943, с. 18].

² В 1944 г. Симонов напишет о концентрационном лагере (Дахау № 2) под Люблиным, где расскажет об ужасах уничтожения людей; военнопленные были упомянуты в общем числе заключенных. И хотя никого уточнения по поводу советских военнопленных не сделано, очевидно, что речь шла о них [Симонов, 1944]. Впервые очерк опубликован в «Красной звезде» за 10, 11 и 12 августа 1944 г.

немцев рассказывается и том, как они, уже находясь в окружении под Сталинградом, «заставляли умирающих военнопленных подносить на передний край боеприпасы» [Эренбург, 1943, с. 279].

Наряду со «страдательным» отношением у Эренбурга представлено и героическое описание гибели советских воинов, попавших в плен. В очерке «Героини» [Эренбург, 1942, с. 360] от 8 марта 1942 г. Эренбург рассказывает о гибели храброй женщины-бойца, «неизвестной русской женщины», которая «отказалась отвечать на вопросы», «приняла смерть с презрительной усмешкой». Очерк «Суд скорый и правый» [Эренбург, 1943, с. 145–147] от 22 сентября 1942 г. начинается с истории нацистских зверств, в том числе и над пленным гвардейцем Петровым, схваченным в Сталинграде, которому отрезали нос, над стариком, старухой, девушкой. Очерк заканчивается призывом к суду: «Не дрогнула Россия. Она молчит и ждет. Она ждет суда. Боец, когда ты идешь, это идет суд. Не отступи: суд идет, суд не отходит» [Эренбург, 1943, с. 147].

Под несомненным влиянием И. Г. Эренбурга был составлен и опубликован сборник «Немецкая каторга», посвященный судьбам тех, кто оказался на «немецкой каторге». Авторы не указаны, но подчеркнуто, что это сборник документов¹. Ко всем разделам сборника (этапы пути: «Вербовка рабов», «Путь на каторгу», «Невольничий рынок», «Домашние рабы», «Немецкая каторга», «Режим голода и смерти», «Советские люди не покоряются», «Воин Красной армии, спаси!») были даны эпиграфы из выступлений, директив и предписаний (в том числе и статей в немецких изданиях) и приказов нацистских функционеров. Тема советских военнопленных здесь не представлена, но очевидно, что «немецкая каторга» – удел всех, оказавшихся в неволе, в том числе и в плену.

«Страдательный» и «героический» подходы к изображению пленных сохраняются и в публицистике Эренбурга 1943–1945 гг.; добавится еще «обличительный», где зверства над пленными рассматриваются как еще одно свидетельство злодеяний фашистов. Так, в очерке «Фриц-гуманист» [Эренбург, 1944, с. 40–41] от 24 октября 1943 г. в ряду других преступлений нацистов рассказано о расстреле военнопленных в 1941 г. в городе Старица Калининской области

¹ Составителем сборника указана И. Эрбург. Очевидно, речь идет о дочери И. Г. Эренбурга, И. И. Эрбург, использовавшей Эрбург в качестве псевдонима.

[Эренбург, 1944, с. 41]. Очерк «Плач невольниц» от 2 сентября 1943 г. [Эренбург, 1944, с. 114–117] наполнен историями об украинских девушках, «насильно увезенных в Германию» [Эренбург, 1944, с. 114]. В большом очерке «Дело совести» от 29 октября 1943 г. [Эренбург, 1944, с. 139–147] упомянуты военнопленные на Украине: «едят гнилую картошку», «совсем без сил» [Эренбург, 1944, с. 144]. В очерке «Франция 1943 года» [Эренбург, 1944, с. 209–229] от 8–10 декабря 1943 г. рассказано о том сочувствии к советским пленным, которое выказывают французы [Эренбург, 1944, с. 224]. В очерке «Новое братство» [Эренбург, 1944, с. 234–236] от 3 ноября 1943 г. в письме Нади из города Сумы, угнанной на запад, в Германию, рассказано о тяжелой судьбе советских военнопленных: осталось четырнадцать, все попали в плен «в начале войны под Смоленском» [Эренбург, 1944, с. 235]. В очерке «Черный список» [Эренбург, 1944, с. 311–315] от 6 августа 1943 г. после историй о русских женщинах, угнанных в Германию (вообще описание их страданий – сквозная тема для Эренбурга), представлен предатель, из русских, а затем рассказано о пленных, тех, «которые по несчастью попали в лапы гитлеровцев» [Эренбург, 1944, с. 314].

Проза и публицистика М. А. Шолохова, К. М. Симонова и И. Г. Эренбурга 1941–1942 гг., при всех отличиях между авторами, не только стала заметной страницей в истории русской литературы советского периода, но и оказала сильное воздействие на изменение отношения к военнопленным со стороны советского руководства. Прежде всего на уровне низшего звена, для которого авторитет писателей служил одним из оснований для смягчения позиции по отношению к тем, кто попал в плен, а затем после побега вернулся в строй.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Агеносов В.В. Война в восприятии писателей русской эмиграции // Литература в школе, 2015. № 6. С. 7–11.
2. Агеносов В.В. Литература «второй волны» русской эмиграции // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение, 1996. № 4. С. 136–154.

3. *Бабичева М.Е.* Художественная литература второй волны русской эмиграции в РГБ: фонды, исследования, перспективы // *Нансеновские чтения-2009*. СПб.: ИКЦ «Русская эмиграция», 2010. С. 477–484.

4. *Дембицкий Н. П.* Плен – трагедия миллионов советских бойцов и командиров (1941 – 1945 гг.): монография. М.: ИСЭ, 2010. 427 с.

5. *Дембицкий Н. П.* Советские военнопленные в годы Великой Отечественной войны: Автореферат ... канд. ист. наук. М.: Институт военной истории Мин-ва обороны РФ, 1996. 27 с.

6. *Михайлов О.Н.* Литература русского зарубежья. М.: Просвещение, 1995. 452 с.

7. Новое о Михаиле Шолохове. Исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 590 с.

8. *Симонов К.М.* 100 суток войны. М.: Вече, 2020. 486 с.

9. Трагедия и героизм (Советские военнопленные. 1941–1945 годы): в 2 кн. М.: Мемориальный музей военных антифашистов; Академия военных наук, 1999.

10. *Шешуков С.И.* Люди, когда же вы вспомните о нас?! // *Литература в школе*. 1995. № 3. С. 87–91.

11. *Шешуков С.И.* Неистовые ревнители. Из истории литературной борьбы 20-х годов. М.: МПГУ, 2013. 336 с.

12. Шолоховская энциклопедия / гл. ред. Ю.А. Дворяшин; вст. ст. – М.М. Шолохов. М: Издательский Дом «Синергия», 2012. 1216 с.

Источники

13. *Немецкая каторга (Сб. документов) / сост. И. Эренбург*. М.: Молодая гвардия, 1943. 52 с.

14. *Симонов К.М.* Лагерь уничтожения. Ставрополь: Ставропольское краевое книгоизд-во, 1944. 38 с.

15. *Симонов К.М.* Земля моя! // *Земля моя!* (сб. очерков о великой отечественной войне. Красноярск: Красноярское краевое изд-во, 1943. С. 3–8.

16. *Симонов К.* В лапах у фашистского зверя // *Красная звезда*. 1941. 21 октября. № 248. <http://0gnev.livejournal.com/438049.html> (дата обращения: 02.12.2020).

17. *Шолохов М.* На юге. Пятигорск: Орджоникидзево краевое изд-во, 1942. 16 с.

18. *Шолохов М.А.* Наука ненависти // *Правда*. 1942. 22 июня. С. 3.

19. *Шолохов М.* Наука ненависти. М.: Правда, 1943. 32 с.

20. *Шолохов М.А.* Пулеметная команда: Отрывок из 2-й книги романа «Тихий Дон». М.: ОГИЗ, 1941. 32 с.

21. *Эренбург И. Г.* Война (июнь 1941 – апрель 1942). М.: ОГИЗ. Гос. изд-во худож. лит-ры, 1942. 384 с.

22. *Эренбург И. Г.* Война (апрель 1942 – март 1943). М.: ОГИЗ. Гос. изд-во худож. лит-ры, 1943. 348 с.

23. *Эренбург И. Г.* Война (апрель 1943 – май 1944). М.: ОГИЗ. Гос. изд-во худож. лит-ры, 1944. 416 с.

<https://www.doi.org/10.29003/m3634.khmelita-19/76-98>

<https://elibrary.ru/hsbsag>

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2=411.2)

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NoDerivatives
4.0 (CC BY-ND)

«МИР ОКАЗАЛСЯ ПОДОГНАННЫМ, ПОДВЕДЕННЫМ ПОД СТИХИ БОРИСА ПАСТЕРНАКА», – НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ФРОНТОВЫЕ ЭГО-ДОКУМЕНТЫ ЧИТАТЕЛЯ В АРХИВЕ ПОЭТА

© 2023. А.М. Королева

Аннотация: В статье, основанной на материалах РГАЛИ, рассматривается эпистолярный диалог Б. Л. Пастернака с читателем-фронтовиком П. А. Васильевым (1907–1944). Вводятся в научный оборот объемные эго-документы П. А. Васильева «Письма жене с фронта», которые писатель планировал использовать во время работы над эпилогом «Доктора Живаго», посвященным событиям Великой Отечественной войны. В 158 письмах имя Пастернака или его творчество упоминается более полусотни раз. В исследовании на основе документальных источников из военных архивов восстанавливается биография Васильева. В разделе, посвященном рецепции творчества Пастернака в «Письмах жене с фронта», рассматриваются свидетельства о чтении произведений поэта на фронтах Великой Отечественной войны. Делается вывод, что большую часть читателей-фронтовиков привлекало не военные стихи Пастернака, а его прежнее творчество. Изучаемые эго-документы вносят вклад в рассмотрение рецепции творчества и фигуры Пастернака его современниками. В *Приложении* к статье опубликованы выдержки из «Писем жене с фронта», посвященные рефлексии Васильева над его перепиской с поэтом.

Ключевые слова: читатель, письма с фронта, Б. Л. Пастернак, П. А. Васильев, фронтовые эго-документы, Великая Отечественная война, «Письма жене с фронта».

Информация об авторе: Ангелина Максимовна Королева – аспирант НИУ ВШЭ, ул. Мясницкая, д. 20, 101000 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1711-7411>

E-mail: Alinak28@yandex.ru

Для цитирования: Королева А. М. «Мир оказался подогнанным, подведенным под стихи Бориса Пастернака», – неопубликованные фронтовые эго-документы читателя в архиве поэта // Первые Кулаковские чтения: На полях воинской славы России / отв. ред. М.В. Скороходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 76–98. <https://www.doi.org/10.29003/m3634.khmelita-19/76-98>

**“THE WORLD TURNED OUT TO BE FIT,
ADJUSTED TO THE POETRY OF BORIS PASTERNAK”:
UNPUBLISH READERS’ FRONT EGO-DOCUMENTS
IN THE ARCHIVE OF THE POET**

© 2023. Angelina M. Koroleva

Abstract: The article discusses the epistolary dialogue of B. Pasternak with P. Vasiliev (1907–1944). Materials were taken from Russian State Archive of Literature and Art (Moscow). The article first time publishes P. Vasiliev’s ego-documents “Letters to Wife from The Front”, which the writer planned to use while working on the epilogue of “Doctor Zhivago” about the Great Patriotic War. In 158 letters, Pasternak’s name or his works are mentioned more than fifty times. In the study, based on documentary sources from Military Archives, Vasiliev’s biography is restored. The section devoted to the reception of Pasternak’s creativity in “Letters to Wife from The Front” examines the facts reading Pasternak’s works on the fronts of the Great Patriotic War. As a result, the published documents show that readers were more often attracted not by Pasternak’s military poems, but by his former works. The ego-documents studies contribute to the consideration of the reception of Pasternak’s works and personality by his contemporaries. *The Appendix* to the article contains excerpts from “Letters to Wife from The Front” dedicated to the Vasiliev’s reflection on his correspondence with the poet.

Keywords: reader, letters from the front, B. Pasternak, P. Vasiliev, front-line ego documents, The Great Patriotic War, “Letters to Wife from the Front”.

Information about the author: Angelina Maksimovna Koroleva – PhD Student in Philology, National Research University Higher School of Economics, Myasnitskaya 20, 101000 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1711-7411>

E-mail: Alinak28@yandex.ru

For citation: Koroleva, Angelina M. “The World Turned out to be Fit, Adjusted to the Poetry of Boris Pasternak”: unpublish readers’ Front Ego-documents in the Archive of the Poet. *First Kulakov Readings: On the Fields of Russia’s Military Glory*. Ex. ed. Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 76–98. (In Russian). <https://www.doi.org/10.29003/m3634.khmelita-19/76-98>

Изучение писем читателей к писателям и поэтам в годы Великой Отечественной войны началось в 1946 г. в книге «Писатели в Отечественной войне 1941–1945 гг. Письма читателей», составленной П.Е. Шамесом [Шамес]. Им была выборочно опубликована читательская корреспонденция, адресованная А.Н. Толстому, М.А. Шолохову, К.М. Симонову, И.Г. Эренбургу, Н.С. Тихонову, А.А. Суркову, А.Т. Твардовскому, М.В. Исаковскому, В.С. Гроссману и Б.Л. Горбатову. Возвращение в историю русской литературы писем читателей-фронтовиков к писателям продолжилось в 1960-е гг. [Мильман, Соловейчик], а в 1980-е гг. вышло сразу несколько исследований [«...Словно старого друга встретил!»; Слова, пришедшие из боя; Литература великого подвига]. Из современных работ стоит выделить труд ИМЛИ РАН по публикации писем читателей к М.А. Шолохову, в котором наряду с письмами других исторических периодов, введена в научный оборот корреспонденция с фронта [«Очень прошу ответить мне по существу...», с. 424–448]

Немногочисленные письма читателей Пастернаку за годы войны на сегодняшний день не опубликованы. Известны письма двух фронтовых адресатов: Д.С. Данина¹ и П.А. Васильева (о нем речь пойдет ниже), а также письмо из эвакуации от О.И. Александровой².

Помимо читательских писем в фонде Пастернака в РГАЛИ хранятся «Письма жене с фронта» Петра Афанасьевича Васильева (1907–1944)³. Эго-документы гвардии капитана вводятся в научный оборот в данной статье. В работе используется обширное цитирование, которое представляется оправданным ввиду того, что источник

¹ РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 6. Ед. хр. 428. Л. 1–5.

² РГАЛИ. Ф. 2887. Оп. 1. Ед. хр. 495. Л. 1.

³ РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 5. Ед. хр. 803.

не опубликован. Поэт состоял в переписке с Васильевым в 1944 г.; их эпистолярный диалог оборвался из-за гибели капитана. Его вдова Антонина (Нина) Исаковна Васильева перепечатала все письма мужа и летом 1945 г. передала Пастернаку машинописную тетрадь в 181 лист под заглавием «Письма жене с фронта»¹. Всю переписку она разделила на пять глав, придав эпистолярию форму литературного произведения: «Разлука первая», «Разлука вторая», «Разлука третья», «Разлука четвертая» и «Разлука последняя»². Завершают эпистолярный цикл два письма врача из военного госпиталя о тяжелом состоянии раненого и извещение о его гибели.

В «Письмах жене с фронта» насчитывается около 60 упоминаний о Пастернаке, начиная с несостоявшихся встреч и заканчивая впечатлениями от стихотворных сборников поэта. Васильев жил литературой, и поэзия Пастернака была частью его жизни. Вдова фронтовика просила поэта помочь ей сделать из писем и записных книжек мужа книгу. Пастернак отказался хлопотать об издании, сославшись на болезнь. Эго-документы Васильева поэт хранил в письменном столе в папке с военными документами на даче в Переделкине³. Через 10 лет после получения «Писем жене с фронта» (в 1955 г.) Пастернак, приступая к работе над эпилогом «Доктора Живаго», посвященным Великой Отечественной войне, выписывал для себя те материалы, которые помогут ему воссоздать дух военного времени. Среди своих творческих материалов он отметил «Письма Васильева к жене»⁴.

¹ Название «Письма жене с фронта» в статье оформляется как заглавие, потому что именно в такой форме они обозначаются в письмах вдовы Васильева. Пастернак вслед за ней в переписке грамматически и синтаксически оформлял «Письма жене с фронта» как заглавие.

² Разделительными событиями между главами стали краткие встречи Васильева с женой, когда ему удавалось получить разрешение на несколько дней отпуска. После его отъезда на фронт начиналась новая разлука.

³ Упомянутая папка включала в себя: «Письма жене с фронта» П.А. Васильева, письмо его вдовы А.И. Васильевой, дневник военных действий под Орлом Пастернака, немецкие письма и листовки, газеты военного времени и материалы о Зое Космодемьянской, – по данным списка рукописей Б.Л. Пастернака, писем, документов и печатных изданий, хранившихся в его Переделкинском доме (РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 5. Ед. хр. 839. Л. 32).

⁴ Писатели часто обращаются к военным эго-документам как к источнику подлинного слова о войне. При этом намечаются два пути: в произведениях одних авторов прослеживается влияние эго-документов, например, в «Рассказах Ивана

Рис. 1. П.А. Васильев
с супругой А.И. Васильевой, 1942.
РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 6. Ед. хр. 763 Л. 19

Но план так и остался замыслом – в эпилоге романа ничего не свидетельствует об эго-документах читателя.

Сударева» А.Н. Толстого [Великая Отечественная война..., с. 546–598]. В творчестве других писателей, наоборот, ничего не свидетельствует о знакомстве с источником. Так, несмотря на упоминание писем Васильева в записях Пастернака, их влияния в романе не прослеживается.

Записи Пастернака на обложке рукописи «Этот свет»:

Для эпилога романа: [подчеркивание автора. – А.К.]

1) Чистопольская пьеса III и IV карт<ины>

(расск<аз> о железнод<орожной> сторожке)

2) **Письма Васильева к жене** [выделено нами. – А.К.]

3) Записки в оккупиров<анной> полосе / война 41–45

4) О Зое Космод<емьянской> [Пастернак 2003–2005, т. V, с. 570].

Под первым пунктом в списке подразумевается неоконченная пьеса Пастернака «Этот свет», над которой он работал в 1942 г. в эвакуации в Чистополе. От военной драмы известны только 4 и 5-я картины первого акта. «Рассказ о железнодорожной сторожке» из пьесы «Этот свет» (монолог Друзякиной в 5 акте первого действия), повествующий о нападении разбойника на железнодорожную сторожку, был использован автором в эпилоге «Доктора Живаго». В романе «рассказ о железнодорожной сторожке» стал случаем из жизни Тани Безочередевой, потерянной дочери Юрия Живаго и Лары. История из жизни Безочередевой тоже приводится в форме монолога героини.

Под третьим пунктом в списке речь идет о фронтовом дневнике писателя, который он вел во время поездки на фронт в составе писательской бригады в 1943 г. (об этом – ниже).

Запись «О Зое Космод<емьянской>» подразумевает подборку материалов о ее подвиге, которые собирал Пастернак. Согласно современным исследованиям, прототипом героини «Доктора Живаго» Христины Орлецовой была Космодемьянская, а образ Орлецовой может быть прочитан как попытка создания христианского житийного канона на базе советской культуры [см.: Мухина].

Машинописная тетрадь «Письма жене с фронта» насчитывает 158 писем за период с августа 1941 г. по декабрь 1944 г. Стоит отметить, что такие объемные комплекты писем – редкая находка для историка [см.: Сенявская, с. 21]. В условиях военного времени не все письма с фронта доходили по назначению, и в переписке Васильева с женой некоторые послания утрачены. Эго-документы участника Великой Отечественной войны упоминаются в комментарии к переписке Пастернака в Полном собрании сочинений в 11 томах, но они ни разу не публиковались и не анализировались. Судя по архивному листу требований, к папке с изучаемым источником ранее ни разу не обращались. Все цитаты из «Писем жене с фронта» приводятся с сохранением орфографии и пунктуации источника.

Актуальность исследования обусловлена тем, что работа вносит вклад в изучение двух значимых тем: рецепции современниками творчества Пастернака и восприятия литературы на фронтах Великой Отечественной войны¹. Рассматриваемые эго-документы ценны для понимания человека и эпохи Великой Отечественной войны. Е.С. Сенявская в работе «1941–1945: Фронтовое поколение: Историко-психологическое исследование» поднимает проблему источниковедения военно-исторической психологии и указывает, что значение эпистолярных источников очень велико, так как они «играют первостепенную роль в воссоздании “живого образа человека” в его неповторимой индивидуальности, дают возможность восстановить атмосферу эпохи, психологический фон событий, без которых немислимо их понимание» [Сенявская, с. 18].

Во время войны, с осени 1941 г. по лето 1943 г. (с перерывами), Пастернак с семьей находился в эвакуации в Чистополе (подробнее о чистопольском периоде см.: [Провинциальные страницы...]). Поэт был на фронте только один раз – в двухнедельной поездке с писательской бригадой с 27 августа по 10 сентября 1943 г. Вместе с Пастернаком в командировке находились Симонов, К.А. Федин, Вс. Вяч. Иванов, П.Г. Антокольский, А.С. Серафимович и вдова Н.А. Островского. Писатели побывали в расположении Третьей армии, освободившей

¹ Проблема изучения восприятия литературы на войне, которая «научно не освоена во множестве составляющих ее узловых проблем, требующих внимания литературоведов, историков и архивистов» поставлена в исследовании: [Великая Отечественная война..., с. 63].

Орел, увидели места недавних боев и познакомилась с участниками сражений. Пастернак посвятил военной теме цикл «Стихи о войне», неоконченную пьесу «Этот свет» и серию очерков «В армии».

Биография П.А. Васильева¹

Васильев родился 20 марта 1907 г. в Гатчине в семье железнодорожного служащего². В юности он вместе с родителями переехал в Латвию из-за того, что его отец был переведен на новое место службы. Большую часть жизни Васильев прожил в Риге. Он получил юридическое образование в Тартуском университете и, судя по письмам, знал несколько языков: русский, латышский, польский, эстонский, немецкий и, вероятно, французский. В предвоенные годы Васильев служил заместителем начальника юридического отдела в Президиуме Верховного совета Латвийской ССР. Однако его подлинной страстью была литература. С основным местом службы Васильев совмещал должность заместителя начальника литературного отдела газеты «Пролетарская правда»³ и сотрудничал в журнале «Рижский крокодил»⁴, где придумывал подписи к карикатурам. Собеседник Пастернака писал стихи (при этом он сам отмечал любительский

¹ Данный раздел основан на биографической справке, присланной вдовой капитана Е.Б. Пастернаку в 1970 г. (РГАЛИ Ф. 379. Оп. 6. Ед. хр. 558. Л. 16–17), информации из военных архивов и на сведениях из «Писем жене с фронта». В работе использованы документальные источники ЦАМО (Центральный архив Министерства Обороны), АВМД (Архив военно-медицинских документов), Даугавпилского зонального Государственного архива Латвийской республики и АНО «Северный край» г. Архангельска, оцифрованные в электронных ресурсах ОБД «Мемориал» [Обобщенный банк данных «Мемориал»], «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [Электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»] и «Память народа» [Государственная информационная система «Память народа»] Министерства Обороны Российской Федерации.

² По данным из письма А.И. Васильевой Е.Б. Пастернаку (РГАЛИ Ф. 379. Оп. 6. Ед. хр. 558. Л. 16). Однако в документах АВМД местом рождения указан г. Котлас Архангельской области (АВМД. Ф. 1027. Оп. 1. Д. 21).

³ Газета, издававшаяся в 1940–1941 гг. в Риге под названием «Пролетарская Правда», с 1941 г. сменила название на «Советская Латвия» (1940–1960 гг.), орган Рижской коммунистической партии Латвии [Газеты СССР, 1917–1960, т. 1, с. 181].

⁴ Сатирический журнал на русском языке, выходивший в Риге в 1940–1941 гг. с периодичностью два раза в месяц [Стыкалин, с. 289–291].

уровень своей лирики), прозу, переводил латышских писателей на русский язык, работал над литературоведческими статьями. Борис Пастернак был любимым поэтом Васильева, а в прозе он выделял «В поисках утраченного времени» М. Пруста, «Посмертные записки Пиквикского клуба» Ч. Диккенса и творчество О. де Бальзака. Фронтовой адресат Пастернака имел хорошую осведомленность о текущем литературном процессе, так как ему были доступны произведения, выходявшие и в СССР, и в Европе (например, эмигрантское творчество Марины Цветаевой). Благодаря кругу общения в редакциях Васильев имел разнообразные сведения о жизни писателей. Так, через знакомого Цветаевой он узнавал о чертах ее личности.

Васильев ушел на фронт добровольцем в августе 1941 г. и, будучи юристом, служил гвардии капитаном юстиции. С первых дней службы он делился с женой мыслями об увиденном и передуманном, называя свои письма «страницами интимнейшего дневника»¹. Капитан исполнял обязанности старшего секретаря военного трибунала Первой ударной армии и секретаря трибунала 43-й гвардейской латышской стрелковой дивизии Северо-Западного фронта. Он участвовал в секретном и совершенно секретном делопроизводстве, в частности, составляя протоколы судебных заседаний. По мемуарам фронтовиков, на должность секретаря часто назначались призывники с высшим образованием; в их задачи входило ведение документооборота, при этом они не участвовали в следствии и не имели отношения к вынесению приговоров [см.: Айзенштат, Делаграмматик]. Свою службу секретарем Васильев описывал в письмах жене:

Я размножаю от руки, под бледную копировку, всяческие длиннющие документы – отсутствие машинки меня заедает и уже превратило в неисправного, вечно занятого, бумажного, перепуганного секретаря. Встаю в 4–5 часов, корплю до предельных сумерек и все-таки небезупречен, все-таки хвосты, недоделки, самоупреки².

¹ РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 5. Ед. хр. 803. Л. 7.

² РГАЛИ Ф. 379. Оп. 5. Ед. хр. 803. Л. 45. Иной раз капитан в письмах жене характеризовал свою работу с долей самоиронии: «Я столько бумаги извожу за день, столько “исполняю” донесений, отчетов, отношений, извещений, что перед сном, когда удастся выкурить цыгарку с газетой и личным, мне не писать хочется тебе, а по инерции – “отнести”, “уведомить”, “донести”, что твои письма от ... мною получены и приняты к руководству и исполнению. Это, конечно, жалкий юмор писарский, к тому же и не совсем оригинальный (пальма первенства за С., кото-

Капитан был «отмечен в приказе по армии благодарностью за образцовую работу»¹ и в наградных списках назван «лучшим секретарем военных трибуналов Северо-Западного фронта»². На войне Васильев «показал себя смелым, мужественным и отважным работником»³ и был награжден орденами «Красная Звезда» и «Отечественная война II степени»; медалями «За боевые заслуги» и «За оборону Москвы». Помимо своих основных обязанностей капитан «активно участвовал в общественно-правовой работе в частях дивизии, проводил в подразделениях полков беседы и инструктажи на правовые темы»⁴. Васильев прошел несколько фронтов: Московский, Северо-Западный, а ранен был в Латвийской ССР в октябре 1944 г. Через два месяца он скончался в возрасте 37 лет в военном госпитале г. Себеж на западе РСФСР.

Переписка П.А. Васильева с Б.Л. Пастернаком

Недолгая переписка незнакомых лично фронтовика и писателя велась в 1944 г. Она не была интенсивной: по дошедшим до нас материалам, Васильев отослал Пастернаку два письма и получил в ответ пару писем и одну открытку. Первое письмо Васильева датируется 4 января 1944 г., в нем капитан сообщал, что взял с собой на фронт шесть книг и журналов с произведениями Пастернака⁵, но они сгорели во время бомбежки. Васильев просил поэта прислать ему сборник «На ранних поездках»:

Вот уже около 20 лет стихи Ваши личное и большое в моей жизни...
цитаты из Вас в рецензиях на «Час ранних поездов»⁶ довели желание обрести сборник до жажды, которую никак не преодолеть и не унять <...>

рый на вопрос, как дела, отвечает: все подшито)» (РГАЛИ Ф. 379. Оп. 5. Ед. хр. 803. Л. 82).

¹ РГАЛИ Ф. 379. Оп. 5. Ед. хр. 803. Л. 46.

² ЦАМО Ф. 33. Оп. 682526. Ед. хр. 1243. № 17082303.

³ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 687572. Ед. хр. 2643. № 39188327.

⁴ ЦАМО Ф. 33. Оп. 682526. Ед. хр. 1243. № 17082303.

⁵ Книги: «Темы и варьации: четвертая книга стихов» (1923), «Две книги» (1927), «Охранная грамота» (1931), «Второе рождение» (1934), «Избранные переводы» (1940) и журнал «Молодая гвардия» (№ 5, 6) с «Гамлетом» У. Шекспира в переводе Пастернака.

⁶ Воспроизведенное по памяти название сборника «На ранних поездках».

от Ваших стихов станет светлее в землянке и легче среди невероятных холмов – белых, заснеженных...¹

В ответ Пастернак выслал сборник «На ранних поездах». Об этом письме читателя поэт говорил вдове Васильева, что «последние 15 лет я почти не пишу писем. На фоне этой случайной переписки письмо Вашего мужа выделилось с ошеломляющей силой» [Пастернак 2003–2005, т. IX, с. 394]. А самому капитану писатель ответил: «Благодарю Вас за горячее, содержательное письмо. Какой у Вас выразительный почерк, говорящий о лице и характере» [Пастернак 2003–2005, т. IX, с. 367].

Текст второго письма читателя от 12 февраля 1944 г. полон цитатами из пастернаковской лирики:

Наедине с самим собою я вникаю в Ваше письмо, в собственную Вашу надпись на «Поездах»² <...>.

«Поезда». О, радость свеживания, первого перелистывания, неясностей, изумлений дали все, что могут дать «лучшие слова в лучшем порядке»³.

Мир оказался подведенным под Ваши стихи.

Упираясь лбом в борт машины, вытаскиваемой из хлябей на гать, повторял без конца: «На свете розы есть»⁴... Есть Борис Пастернак...». <...>

Примите, Борис Леонидович, мою пожизненную верность и преданность, безграничное уважение и любовь. <...>

Спасибо за «Поезда» и письмо, за то, что Вы есть, чем вы были и будете, Вы – «всесильный бог деталей»⁵, поэт с «полной гибелью всерьез»^{6!7}

¹ РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 6. Ед. хр. 558. Л. 10.

² Инскрипт: «Петру Васильеву с наилучшими пожеланиями от всего сердца. Б. Пастернак. 22.1.44. Москва» [Пастернак 2003–2005, т. IX, с. 367].

³ Афоризм английского поэта К.С. Тейлора (1772–1834): «Поэзия – это лучшие слова в лучшем порядке».

⁴ Цитата из стихотворения Пастернака «На Грузии не счесть...» из сборника «На ранних поездах»: «На Грузии не счесть / Одеж и оболочек. / На свете розы есть. / Я лепесткам не счетчик» [Там же, т. II, с. 105].

⁵ Отсылка к стихотворению Пастернака «Давай ронять слова...» из «Сестры моей – жизни»: «Ты спросишь, кто велит? / – Всесильный Бог деталей, / Всесильный Бог любви, / Ягайлов и Ядвиг» [Там же, т. I, с. 157].

⁶ Строки из стихотворения Пастернака «О, знал бы я, что так бывает...» из «Второго рождения»: «Не читки требует с актера, / А полной гибели всерьез» [Там же, т. II, с. 80].

⁷ РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 6. Ед. хр. 558. Л. 12–15.

К письму Васильев приложил свою довоенную фотокарточку с надписью на обороте: «Любимому поэту, любимому автору – Борису Пастернаку. Читатель» (семейное собрание Е.Л. Пастернак). К сожалению, ответное письмо поэта пропало на полевой почте, когда капитан решил для сохранности переслать его жене¹. Последующая открытка писателя, по словам фронтовика, «приглашающая писать, почти нежная»² также неизвестна.

Рис. 2. Фотокарточка с дарственной надписью на обороте, приложенная к письму П.А. Васильева Б.Л. Пастернаку от 12 января 1944 г. (семейное собрание Е.Л. Пастернак)

Текст на обороте:
Любимому поэту,
любимому автору –
Борису Пастернаку

Читатель

Рецепция творчества Пастернака в «Письмах жене с фронта» П.А. Васильева

«Письма жене с фронта» открывают сегодняшним читателям и исследователям восприятие творчества и личности Пастернака его современниками. Как отмечалось выше, Васильев жил литературой, и поэзия Пастернака была для него источником подлинного счастья. Читатель боготворил поэта: «простой, мучительный, трудный, ясный (при всей невнятице), гениальный, благородный, возвышенный и вежливый (последнее свойство да будет отнесено к разряду высших добродетелей)»³. О поэзии Пастернака капитан

¹ РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 6. Ед. хр. 763. Л. 2.

² РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 5. Ед. хр. 803. Л. 169.

³ Там же. Л. 132.

говорил: «Он во мне, как музыка, как мотив, как линия жизни»¹. Лирика Пастернака помогала Васильеву переносить тяготы военных дней: «С двумя его последними строфами [из стихотворения «Весна». – А.К.], сразу запомнившимися, я могу прошагать десятки километров по самой трудной дороге, пролежать полчаса под артобстрелом...»² О стихах Пастернака, постоянно звучащих в душе, красноармеец писал: «Он во мне, как музыка, как мотив, как линия жизни»³. Чаще всего читатель в письмах жене цитировал лирику из «Сестры моей – жизни» и «Второго рождения». Самого поэта капитан характеризовал как «умножающего и ширящего жизнь»⁴. Свою любовь к лирике Пастернака Васильев иронично называл «пастернакоманией»: «Боюсь, что у меня пастернакомания: на каждый день находится строчка из него...»⁵

Во время кратких отпусков из армии Васильев несколько раз приезжал в Москву и искал встречи с поэтом. Он раздобыл его адрес в Союзе писателей, приезжал к Дому писателей в Лаврушинском переулке, но ни разу не застал Пастернака дома. «...Я стучался в дверь Пастернака и его не застал, а я уже совсем решился сказать Борису, почему и за что я люблю его стихи, твержу его отдельные строки в самые замысловатые моменты моей жизни и прочее, и прочее, короче – решился на самое большое событие своей биографии», – делился капитан с женой воспоминаниями о поездке в Москву 18–19 января 1942 г.⁶ Поклоннику Пастернака однажды удалось только поговорить с женой писателя Зинаидой Николаевной (октябрь 1943 г.).

Читатель мысленно раз за разом представлял себе, какой будет его первая встреча с поэтом. Однажды во время болезни, на границе сна и яви, в воображении он нарисовал встречу, во время которой «представится случай сказать ему, что сестра его жизнь, действительно жизнь, что второе рождение его в самом деле второе рождение, что веточка сирени, изображенная на обложке Берендгофом⁷, никогда не

¹ Там же. Л. 50.

² Там же. Л. 157.

³ Там же. Л. 50.

⁴ Там же. Л. 86.

⁵ Там же. Л. 74.

⁶ Там же. Л. 19.

⁷ Книга Пастернака «Второе рождение» (1934).

увянет, что жизнь, как тишина осенняя, подробно¹...»². Васильев был уверен, что его встреча с поэтом рано или поздно состоится. После окончания войны капитан задумывал написать книгу под заглавием «Рецептура счастья» и в одной из ее глав описать свою будущую встречу с Пастернаком. «В 13 главах “Рецептуры”, которые я продиктую тебе, героине и машинистке, – говорил Васильев жене, – венчающим персонажем будет Борис. Ради этого я и тянусь в будущее»³.

В военной части не один Васильев интересовался литературой, в санбате он нашел единомышленников друзей-книголюбов, с которыми обменивался книгами. Один из них носил с собой в вещевом мешке «книги числом до ста»⁴. Другой друг Васильева заучивал «наизусть сумасшедшие стихи Бориса о розе с синевою из радуг и алмазов»⁵. Речь идет о стихотворении Пастернака: «На Грузии не счесть...» из сборника «На ранних поездах». Интересен взгляд читателя на этот сборник, лучшими стихами он называет «Вальс со слезой», «На Грузии не счесть...», «Сосны» и обширно цитирует их в письмах жене: «Это совершенные стихи. Ими можно отвечать на вопрос, что такое поэзия»⁶. Военные стихи Пастернака произвели на капитана удручающее впечатление⁷. В письмах жене он отмечал, что раздел

¹ Отсылка к стихотворению Пастернака «Давай ронять слова...»: «Не знаю, решена ль / Загадка зги заgrabной, / Но жизнь, как тишина / Осенняя, – подробно» [Пастернак 2003–2005, т. I, с. 157].

² РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 5. Ед. хр. 803. Л. 161.

³ Там же. Л. 137.

⁴ Там же. Л. 64.

⁵ Там же. Л. 106.

⁶ Там же. Л. 114.

⁷ Мнения читателей о творчестве Пастернака на военную тему расходятся. К примеру, И.С. Бурков (1905–1985), учитель литературы и поэт, писал Пастернаку в мае 1945 г.: «И натурализм стихотворения [“Разведчики”. – А.К.], где “щи с бараниной”, только натурализм. От многих обаятельных стихов отойдешь... и скажешь: нет, не то. Все это как-то написано так, что словно заранее читатель погладит Вас по головке» (РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 4. Ед. хр. 15. Л. 1–2).

Мнение другого читателя диаметрально противоположно. Д.С. Данин, участник Орловской операции, в декабре 1943 г. в письме Пастернаку высоко оценил стихотворение «Смерть сапера»: «Вы таким великолепным по широте жестом раскрыли путь от Вяжей вперед:

Сражение хлынуло в пробоину
И выкатилось на равнину...

с военной лирикой книги «На ранних поездках» «ничего не прибавил к его [Пастернака. – А. К.] славе: вымученное бряцание» и «за его батальные опыты бывает стыдно, до того они халтурны»¹.

Васильев взял с собой на фронт не только книги с прозой и лирикой Пастернака, но и его перевод трагедии У. Шекспира «Гамлет». Перевод читатель очертил лаконичной фразой: «ни равного, ни большего нет»². Перечитывая в очередной раз трагедию, капитан поразился одной реплике: «...я перелистывал “Гамлета”, наткнулся на реплику “ушел и говорить не пожелал” – изумительная мощь трех простейших слов...» [Там же. Л. 66].

Стоит остановиться на том, как военные реалии в сознании фронтовика зачастую воспринимались через призму литературы. Приведем выдержку из «Писем жене с фронта»:

Я в большом долгу у тебя: за мной описание кладбища, на котором волею наших катюш и автоматчиков покоятся тысячи полторы фрицев. Какая ерунда гамлетовы монологи с Иорриковым черепом в руках. Вот его бы в наши болота, Бориса бы сюда – родились бы стихи, от которых не было бы покоя...³

Строками из лирики Пастернака фронтовик описывал жене то, насколько жизнь человека на войне зависит от воли случая:

Дни мои проходят в походах и в работе, прерываемой иногда налетами пикирующих бомбардировщиков. Попривыкли. Ближе 15–20 шагов

Вы так бесконечно смело и без оговорок преувеличили роль героя, таким непрекращаемым волевым движением возвеличили его судьбу, так просто и так точно очертили происходящее и происходившее, что у меня дух захватило, когда я читал эти строки (РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 6. Ед. хр. 428. Л. 2–3).

¹ РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 5. Ед. хр. 803. Л. 124, 157. Читателю были свойственны порывистость и резкость суждений. Так, в контексте ожидания встречи с любимой легендарное стихотворение Симонова «Жди меня» названо «слюнявым». Здесь важен контекст высказывания, поэтому приведем выдержку полностью: «...Мы ждем. Мы верны. Мы любим. Верность нам бросается в голову. Но мы еще ни разу не сказали ни одной лукавой врачихе после кино, что верность – это болезнь новых фактов, не перевертали вдохновенно и подло “рояль дрожащий пену с губ оближет”, ни с кем не ходили за малиной. При всем том мы ни разу не писали нашей подруге слюнявых слов вроде “жди меня, и я вернусь, только очень жди, дожди”» (РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 5. Ед. хр. 803. Л. 96). В отрывке цитируется стихотворение Пастернака «Разрыв» из «Тем и вариаций». В скобках отметим, что из всей лирики на военную тему Васильев особо выделял и ценил стихотворение А.А. Ахматовой «Мужество».

² РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 5. Ед. хр. 803. Л. 50

³ Там же. Л. 82.

бомбы пока не разрывались, но как говорится у Бориса Пастернака, «может статься так, может иначе, а в некий назначенный час¹...»²

Как известно, у Пастернака было особое отношение к творчеству Лермонтова; цикл «Сестра моя – жизнь» поэт посвятил Лермонтову как живому современнику (эпиграф: «Посвящается Лермонтову»). Васильев, достав издание Лермонтова 1941 г., обнаруживает в Пастернаке его продолжение: «Попался “Демон” Лермонтова, юбилейный, с рисунком Врубеля. Прочел. Потрясся. Пастернак – это продолжение Лермонтова, никаких сомнений. Это догадка, открытие, возможность. Это так»³.

Васильев в «Письмах жене с фронте» нашел краткую формулу, которая раскрывает смысл его жизни: «Две любви у меня в жизни – ты и литература»⁴. Капитан не раз просил супругу присылать ему на фронт по возможности книги, также он внимательно следил за периодикой, где помимо новостной повестки часто публиковались литературные и публицистические произведения. Из военной тематики он выделял лирику Е.А. Долматовского, И.Л. Сельвинского, С.А. Васильева, А.А. Ахматовой; прозу А.Ф. Полякова, Н.С. Тихонова, В.С. Гроссмана, публицистику И.Г. Эренбурга и А.Н. Толстого. На фронте Васильев читал «Войну и мир» Л.Н. Толстого, статьи М. Горького, «Рожденные бурей» А.Н. Островского, «Падение Парижа» И.Г. Эренбурга, прозу и письма О. де Бальзака, «Лютецию» Г. Гейне, «Спутники» Р. Роллана, письма Дж. Пристли и другие книги. Капитан ценил творчество не только Пастернака, но и его современника В.В. Маяковского, о котором упомянул в письме: «...чьи поэмы – “Флейту-позвоночник” и “Облако в штанах” – я на днях полностью восстановил во сне – такова их сила»⁵. Помимо лирики Пастернака, в переписке Васильев цитировал поэзию В.А. Жуковского, А.И. Тургенева, Г.В. Иванова, Ф.И. Тютчева, С.А. Есенина, О.Э. Мандельштама, А.А. Блока,

¹ Отсылка к строфе из стихотворения «Болезнь» сборника «Темы и вариации»: «Может статься так, может иначе, / Но в несчастный некий час / Духовенств душей, черней иночеств / Постигает безумье нас» [Пастернак 2003–2005, т. I, с. 178].

² РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 5. Ед. хр. 803. Л. 22.

³ Там же. Л. 53.

⁴ Там же. Л. 36.

⁵ Там же. Л. 53.

З.Н. Гиппиус, Д. Бедного, Н.А. Оцуца, С.Т. Кольриджа, А. Рембо и других поэтов.

В письмах с фронта Васильев указывал жене на то, что вся корреспонденция перлюстрируется военной цензурой. По одному упоминанию из писем известно, что цензором была изъята военная поэма В.А. Соловьева «Переправа», которую Васильев хотел переслать супруге.

Стоит обратить внимание на несколько писем, в которых фронтовой адресат Пастернака делится с женой надеждами на будущее:

В отношении пользования будущим временем некая строгость и сдержанность (а ведь у Бориса сказано: «и знаясь с будущим в быту...»¹), как и вообще строгость и сдержанность во всем, подобающая свидетелю таких грандиозных событий, о которых я посылаю тебе газетные вырезки. Есть свои бзики, тягостные желания – прослушать «Седьмую симфонию» Шостаковича – исполнялась 5 марта в Куйбышеве², в «Правде» от 6 марта рецензия³, прочти обязательно. Хочу прочесть еще 5, 6, 7 и 8 томы «Поисков утраченного времени» Марселя Пруста, хочу написать свою готовую, вызревшую, уложившуюся книгу – она будет называться «Рецептура счастья» – я вижу ее обложку во сне, хочу написать несколько простых стихотворений и поговорить о поэзии с Борисом Пастернаком – у меня есть подозрения, что он знает, что она такое (письмо от 8 марта 1942 г.)⁴.

Через год, в апреле 1943 г., Васильев вновь говорит жене, о чем он мечтает, находясь на фронте: «Мне так хотелось бы читать книги, которые будут написаны через 10–20 лет, слушать Стравинского⁵, иметь всего Марселя...»⁶

¹ Цитата из стихотворения «Волны», вошедшего в книгу «Второе рождение»: «В родстве со всем, что есть, уверясь / И знаясь с будущим в быту, / Нельзя не впасть к концу, как в ересь, / В неслыханную простоту» [Пастернак 2003–2005, т. II, с. 58].

² 5 марта 1942 г. в Куйбышеве оркестром Большого театра СССР была исполнена Седьмая симфония Д.Д. Шостаковича.

³ Речь идет о статье Л. Штейнберга «Большой день советского искусства (На первом исполнении 7-й симфонии Д. Шостаковича)» [Штейнберг, с. 3].

⁴ РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 5. Ед. хр. 803. Л. 23–24.

⁵ И.В. Стравинский (1882–1971) – русский и американский композитор, дирижер. В 1930-е гг. музыка эмигрировавшего после революции Стравинского стала редко исполняться в СССР; в 1940-е гг. она практически полностью исчезла из репертуара [Савенко, с. 124].

⁶ РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 5. Ед. хр. 803. Л. 74.

В эпистолярном корпусе примечательно одно письмо, в котором содержится почти провидческое наблюдение капитана о том, как в театре и в кино в будущем будут пытаться воспроизвести канонаду войны 1941–1945 гг.:

Но зато мы своими ушами слышали сегодня звуковое оформление гибели земли. Несколько часов шла артподготовка, били, должно быть, тысячи орудий, стоял сплошной гул, рев и мычание пушек, тресканье бомб и снарядов с русским и немецким акцентом (он различим и в этом новом хаосе). Банально, но земля дрожала, как дрожат от страсти, гнева, в лихорадке. Потом все смолкло. Потом царица полей – пехота – пошла в наступление, но винтовочно-пулеметной трескотни уже не было слышно, так как все вышеописанное происходило далеко от нас, за несколькими горизонтами, за сотнями холмов. Такое я слышу в третий или четвертый раз. Его будут воспроизводить на сцене и в кино. Шумовых дел мастера будут дубасить деревянными молотками по листам железа, жестяным ваннам и противням. Зритель заткнет уши пальцами, а артиллеристы, ломавшие оборону, задохнутся от хохота. Все самые удачные описания ничего не скажут. Попробуй, расскажи, что такое море, любовь, война. Даже Борис потерпел бы фиаско, и первый раздел его последней книжки¹ ничего не прибавил к его славе: вымученное бряцание².

* * *

Свидетельства из «Писем жене с фронта» Васильева о рецепции творчества Пастернака указывают на то, что читателей чаще привлекали не военные стихи поэта, а его прежнее творчество. Вместе с тем, судя по военным эго-документам, читателей в равной мере интересовали и личность, и творчество поэта.

¹ Речь идет о разделе военной лирики из книги «На ранних поездках».

² РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 5. Ед. хр. 803. Л. 124.

**Выдержки из «Писем жене с фронта» П.А. Васильева
о переписке с Б.Л. Пастернаком¹**

(Л. 132)

5 февраля 1944 г.

Отослал тебе двумя заказными письмами экземпляры² Борисовых «Поездов» и его записку³, в которой он таков, каким я его всю жизнь представлял: простой, мучительный, трудный, ясный (при всей невнятице), гениальный, благородный, возвышенный и вежливый (последнее свойство да будет отнесено к разряду высших добродетелей). В свободное время сочиняю ответ Борису. Это непросто. Он должен быть кратким и послужить предисловием к встрече, которая – верю!, верю! – состоится при первом моем пребывании в Москве.

(Л. 133–137)

12 февраля 1944 г.⁴

С нетерпением жду от тебя подтверждения в получении моих заказных от 1 февраля с Борисовыми «Поездами» и письмом. Они так дороги мне, что я не решился оставить их при себе, послал тебе – хранителю моих архивов, хронологии, воспоминаний, страстей, слабостей и интересов, выходящих за пределы будней, пустякового текущего расходования и потребления. Сохрани их – тему будущей задушевной беседы, сладостных часов в Nirване с папиросами, когда я во всех подробностях расскажу тебе о вечере, в который я решился написать Борису письмо, удостоившееся ответа и столь лестной оценки: он назвал его горячим, в связи с ним он нашел нужным и возможным обронить несколько драгоценных слов о перспективах своей

¹ РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 5. Ед. хр. 803. Л. 132–169. Далее в тексте указывается только номер листа.

² Подразумевается книга Пастернака «На ранних поездах».

³ Письмо Пастернака Васильеву от 26 января 1944 г. [Пастернак 2003–2005, т. IX, с. 367].

⁴ 12 февраля 1944 г. Васильев делился своими впечатлениями от сборника Пастернака «На ранних поездах» в письмах к поэту и к жене, поэтому в письмах к двум адресатам повторяются схожие выражения.

прозы и роли Шекспира в его творчестве; он, мой бог, подписывал конверт и сдал его на почту, он пожелал мне счастья¹. <...>

Поздно вечером почтальон принес Борисово письмо. Почтальон мыслит элементарно. Он предположил, что я получил письмо из освобожденного города, от объявившихся родителей, сестры. <...>

Наедине с самим собой я вникал в его письмо, в надпись на «Поездах», силится вспомнить, как называется на типографском языке шрифт, которым отпечатан сборник. Выпадают слова, навсегда исчезают люди, забываются книги, бывшие во плоти и крови. <...>

«Поезда» (с радостью свежевания, первого перелистывания, недоумений, неясностей, изумления) дали все, что могут дать «лучшие слова в лучшем порядке». Мир оказался подогнанным, подведенным под стихи Бориса Пастернака. Сколько раз, упираясь лбом в борт машины, выталкиваемой из хлябей на гать, я повторял: «На свете розы есть...». <...>

Несколько баснословных и благословенных вечеров провел я снова за «Поездами». Потом отослал их тебе, сохранив в памяти «Сосны» (уж очень они наши, Стропы, Погулянка², Гунгенбург³) и многое другое, что задело за живое, удивило, расширило мир, увлекло, отозвалось, запало в душу.

Вчера я отправил Борису большущее письмо⁴, черновики которого как-нибудь вышло тебе. Я с ним должен увидеться и увижусь. Он пригласит меня к себе. Свидание состоится. Мы опишем его в одной из глав «Рецептуры»⁵, в пожизненном труде, который то, что было у нас с тобой, что еще будет, сделает более значительным, ярким, оправданным, неизбежным, осмысленным, осознавшим себя, безграничным и пряным. Это не покушение на вечность. Не до этого. Черт с ней, с вечностью. <...> Мы еще раз найдем себя, свое утраченное и неутраченное время. В 13 главах «Рецептуры», которые я продиктую тебе, героине и машинистке венчающим персонажем будет Борис. Ради этого я и тянусь в будущее. Остальное, что называется, лично. <...>

¹ См. сноску выше.

² Стропы и Погулянка – районы латвийского г. Даугавпилса с множеством сосен.

³ Гунгенбург – город-курорт в Эстонии (с 1922 г. переименован в Усть-Нарва).

⁴ Письмо Васильева Пастернаку от 12 января 1944 г. (РГАЛИ Ф. 379. Оп. 6. Ед. хр. 558. Л. 12–15).

⁵ Подразумевается замысел книги «Рецептура счастья».

(Л. 151)

9 мая 1944 года, Удельная (Московская обл.)

Преодолею оцепенение – трижды стучался в Борисовы двери. Он живет где-то на Каме, на даче в совхозе. В Москве бывает наездами. На днях читал свои стихи в Московском университете. Если бы я знал! Уверен, что в дивизии меня ждет его письмо – такое предчувствие, неужели обманусь.

(Л. 157–158)

24 мая 1944 года

Ты только подумай: я был счастлив, что Пастернака не оказалось в Москве, что я не должен был предстать перед ним деловым, озабоченным, разумным, дальновидным, осмотрительным, аккуратным, отчетливым, жестким, утомленным, законченным и исчерпанным. Ничего бы не вышло. Но я с ним, и он во мне. С двумя его последними строфами (смотри «Правду» от 17, кажется, мая¹), сразу запомнившимися, я могу прошагать десятки километров по самой трудной дороге, пролежать полчаса под артобстрелом, повторяя про себя из «Весны»² сначала тра-та-та вместе выпавших из памяти первых строчек, чтобы затем продолжить:

Все дымкой сказочной подернется,
Подобно завиткам по стенам
В боярской золоченой горнице
И на Василии Блаженном.
Мечтателю и полуночнику
Москва всего милей на свете.
Я дома, у первоисточника
Всего, чем будет цвести столетья...

Из цитаты следует, что он вернулся в Москву, в свой переулок, вошел «в огромность квартиры, наводящей грусть»³, снял пальто, постоял у окна

¹ Стихотворение Пастернака «Весна» было опубликовано в газете «Правда» 17 мая 1944 г. [Пастернак 1944, с. 3].

² Последнюю строфу читатель цитирует с небольшими изменениями. В оригинале стихотворения:

Мечтателю и полуночнику
Москва милей всего на свете.
Он дома, у первоисточника
Всего, чем будет цвести столетье [Пастернак 2003–2005, т. II, с. 144].

³ Цитата из стихотворения «Волны»: «Мне хочется домой, в огромность / Квартиры, наводящей грусть. / Войду, сниму пальто, опомнюсь, / Огнями улиц озарюсь» [Пастернак 2003–2005, т. II, с. 51].

и начертал своим изумительным почерком на подвернувшемся под руки листке бумаги строки, которые не лучше всего того, что им было написано раньше (за его батальные опыты бывает стыдно, до того они халтурны), но уж во всяком случае теплее, умнее и поэтичнее тех текстов на марши, которые даже весьма талантливые люди (Сергей Васильев¹ к примеру) ныне выдают за стихи. «Я дома, у первоисточника всего» – это же гениально. 1-го, значит, он был дома. Будь мой отпуск продолжительнее, туфля была бы целована. Я бы собрался с силами. Я выключил бы из себя того, такого. Я не провалился бы. Не провалился же в двух письмах. Вынашиваю (это совсем по секрету) третьё², оно начинается, мерещится, оно уже предшествует, предшествует перед первым черновиком, который я сохраню, говоря его словами, «любимой, чтобы не скучала»³.

(Л. 169)

20 августа 1944

Получил открытку⁴ от Бориса Леонидовича, приглашающую писать, почти нежную. Переслать тебе?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: литература и история. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 688 с.
2. *Делаграмматик М.* Военные трибуналы за работой // Новый мир, 1997. № 6. С. 130–139.
3. История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург: АсУр, 2014. 368 с.
4. *Мильман В.А., Соловейчик Л.И.* Из переписки И.Г. Эренбурга с читателями-фронтовиками // Литературное наследство. Т. 78: Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны. Кн. 1. М.: Наука, 1966. С. 602–619.

¹ Возможно, подразумевается «Марш артиллерии» С.А. Васильева.

² Третье письмо Васильева Пастернаку неизвестно.

³ Аллюзия на названия разделов стихотворного сборника Пастернака «Сестра моя – жизнь»: «Развлеченья любимой» и «Песни в письмах, чтобы не скучала».

⁴ Автограф неизвестен.

5. Мухина А.А. Зоя Космодемьянская – Груня Фридрих – Христина Орлецова: трансформация советского мифа в драме и романе Бориса Пастернака // STEPHANOS, 2019. № 5. С. 130–137.

6. Литература великого подвига: Великая Отечественная война в советской литературе: сб. ст. Вып. 4 / сост.: Ю.В. Идашкин, А.Г. Коган / ИМЛИ им. А.М. Горького АН СССР. М.: Худож. лит., 1985. 343 с.

7. «Очень прошу ответить мне по существу...» Письма читателей М.А. Шолохову. 1929–1955. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 424–448.

8. Пастернак Е.Б. Борис Пастернак. Биография. М.: Цитадель, 1997. 728 с.

9. Провинциальные страницы Бориса Пастернака. Казань: Познание, 2015. 67 с.

10. Савенко С.И. Творчество Игоря Стравинского в исследованиях Бориса Асафьева // Музыкальная академия, 2022. № 4. С. 116–133.

11. Сенявская Е.С. 1941–1945: Фронтное поколение. М.: ИРИ, 1995. 81 с.

12. Синявский А.Д. Литература периода Великой отечественной войны // История русской советской литературы в 3 т. Т. III. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 862 с.

13. Слова, пришедшие из боя. Статьи. Диалоги. Письма / сост. А. Коган. Вып. 2. М.: Книга, 1985. 239 с.

14. «...Словно старого друга встретил!» (Из писем читателей-фронтовиков писателям) / От редакции // Вопросы литературы, 1984. № 5. С. 185–201.

15. Стыкалин С.И. Советская сатирическая печать. 1917–1963. М.: [Госполитиздат], 1963. 484 с.

16. Шамес П.Е. Писатели в Отечественной войне 1941–1945 гг.: Письма читателей. М.: Гослитмузей, 1946. 136 с.

Источники

17. *Айзенштат Я.И.* Записки секретаря Военного трибунала. Лондон: Overseas publ. interchange, 1991. 126 с.

18. Газеты СССР, 1917–1960: Библиографический справочник / Всесоюз. кн. палата и др.; редкол.: Г.Л. Епископосов (пред.) и др. Т. 1: Газеты Москвы, Ленинграда и столиц союзных республик. М.: Книга, 1970. 278 с.

19. Государственная информационная система «Память народа». URL: <https://ramyat-naroda.ru> (дата обращения: 20 февраля 2023).

20. Обобщенный банк данных «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html/> (дата обращения: 20 февраля 2023).

21. Пастернак Б.Л. Полн. собр. соч.: в 11 т. М.: СЛОВО/SLOVO, 2003–2005.

22. Пастернак Б. Весна // Правда. 1944. 17 мая. С. 3.

23. Штейнберг Л. Большой день советского искусства (На первом исполнении 7-й симфонии Д. Шостаковича) // Правда. 1942. 6 марта. С. 3.

24. Электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» URL: <http://podvignaroda.ru/?#tab=navHome> (дата обращения: 20 февраля 2023).

<https://www.doi.org/10.29003/m3635.khmelita-19/99-128>

<https://elibrary.ru/lccila>

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2=411.2)

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NoDerivatives
4.0 (CC BY-ND)

«С ПОБЕДОНОСНЫМ НОВЫМ ГОДОМ, НЕПОБЕДИМАЯ СТРАНА!»: ПОЭЗИЯ «ПРАВДЫ» НАЧАЛА 1943 ГОДА

© 2023. Д.Д. Николаев

Аннотация: В статье стихотворные произведения, опубликованные в газете «Правда» в январе–марте 1943 г., впервые рассматриваются как целостный корпус текстов. Анализируются пафос, тематика, поэтика, стиль и жанровые особенности стихотворений Н. Асеева, Д. Бедного, А. Безыменского, Е. Долматовского, Н. Заряна, В. Инбер, С. Маршака, М. Рыльского, А. Суркова, Н. Тихонова, С. Щипачева и др. Поэзия рассматривается в контексте главных исторических событий времени – прорыва блокады Ленинграда, победы в Сталинградской битве, а также ключевых праздников и памятных дат. Доказывается, что актуальность и даже конкретность произведений, их тесная связь с событиями на фронте сочетаются со стремлением к широким обобщениям, а актуально-публицистическая, агитационно-пропагандистская составляющая требует поиска художественных решений, максимально воздействующих на массового читателя. Таковыми становятся обращение к фольклорным жанрам, образам и приемам, к традициям классицизма, сатирическая наглядность и т.д. Показывается, что поэзия на страницах «Правды» с первых дней 1943 г. утверждается как поэзия победы, а эмоциональное содержание многих стихотворений можно выразить формулой Н. Асеева «Радость – ярости // Встань в подмогу // До решающего конца». Особо отмечается, что представленные в «Правде» стихотворения поэтов разных народов СССР помогают подчеркнуть общий характер борьбы многонациональной страны против фашистских захватчиков в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: «Правда», Великая Отечественная война, сатира, песня, Н. Асеев, Д. Бедный, В. Инбер, С. Маршак

Информация об авторе: Дмитрий Дмитриевич Николаев – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8449-4682>

E-mail: ddnikolaev@mail.ru

Для цитирования: Николаев Д.Д. «С победоносным Новым годом, непобедимая страна!»: поэзия «Правды» начала 1943 года // Первые Кулаковские чтения: На полях воинской славы России / отв. ред. М.В. Скороходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 99–128. <https://www.doi.org/10.29003/m3635.khmelita-19/99-128>

“HAPPY VICTORIOUS NEW YEAR, INVINCIBLE COUNTRY!”: PRAVDA’S POETRY IN THE BEGINNING OF 1943

© 2023. Dmitry D. Nikolaev

Abstract: In the article, the poetic works published in the newspaper *Pravda* in January-March 1943 are considered for the first time as an unity of texts. The pathos, themes, poetics, style and genre features of the poems of N. Aseev, D. Bedny, A. Bezymensky, E. Dolmatovsky, N. Zaryan, V. Inber, S. Marshak, M. Rylsky, A. Surkov, N. Tikhonov, S. Shchipachev and others are analyzed. Poetry is considered in the context of the main historical events of the time – the break of the siege of Leningrad, the victory in the Battle of Stalingrad, as well as main soviet holidays and memorable dates. It is proved that the relevance and even concreteness of the poetry, its close connection with the news from the front is combined with the maximum generalization, and the actual journalistic, agitation and propaganda component requires in poetry solutions that maximally affect the mass reader such as folklore genres and images, traditions of classicism, satire, etc. Poetry on the pages of *Pravda* from the first days of 1943 has been claimed as poetry of victory, and the emotional content of many poems can be expressed by N. Aseev’s formula: “Glee – rage // Stand up to help // Until the decisive end”. It is particularly noted that the poems presented in ‘Pravda’ by

poets of different nations of the USSR should reflect the unity of the multinational country's in The Great Patriotic War.

Keywords: *Pravda*, the Great Patriotic War, satire, poetry, N. Aseev, D. Bedny, V. Inber, S. Marshak

Information about the author: Dmitry D. Nikolaev – DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8449-4682>

E-mail: ddnikolaev@mail.ru

For citation: Nikolaev, Dmitry D. “Happy Victorious New Year, Invincible Country!”: “*Pravda*”’s Poetry in the Beginning of 1943. *First Kulakov Readings: On the Fields of Russia’s Military Glory*. Ex. ed. Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 99–128. (In Russian). <https://www.doi.org/10.29003/m3635.khmelita-19/99-128>

Предметом анализа в статье являются стихотворные произведения, опубликованные на страницах газеты «Правда» в первые три месяца 1943 г. Вынесенная в название формула позволяет выбрать и иную хронологическую границу отбора материала, но календарные три месяца в данном случае дают возможность и охарактеризовать особенности поэзии «Правды» начала 1943 г., и зафиксировать происшедшие в марте перемены. Иной границей мог стать номер от 14 марта. В последующие мартовские дни в «Правде» появились лишь два стихотворения Степана Щипачева «Из Тувинского цикла».

Всего за три месяца – с 1 января по 31 марта – в 1943 г. вышло 85 номеров газеты. В январе и феврале она печаталась ежедневно, а в марте – за исключением вторников. Стихотворные произведения – как самостоятельные публикации или в качестве целостной публикации с карикатурой – появлялись на страницах 29 номеров, т.е. более чем в трети. В январе таких номеров 12 (№ 1, 2, 16, 17, 19, 21, 23, 24, 25, 26, 28, 31), в феврале – 13 (№ 33, 35, 38, 42, 46, 48, 49, 50, 52, 53, 54, 55, 58). В марте поэзии в «Правде» становится гораздо меньше: стихи есть только в четырех номерах (№ 63, 66, 71 и 84). В некоторые дни печаталось по два стихотворения, поэтому стихотворных произведений еще больше, чем номеров с ними.

Линия на активное использование художественного слова была взята в «Правде» с первых дней Великой Отечественной войны и выдерживалась затем достаточно последовательно. Писатели были среди военных корреспондентов газеты, а рядом с подписями авторов, которые не являлись штатными сотрудниками, часто стояла помета «Действующая армия», как у песни Евгения Долматовского «Герой родной земли» (Правда. 1943. 16 января. № 16. С. 3), или еще более конкретное указание, как, например, «Воронежский фронт» у стихотворения Александра Безыменского «Начало прорыва» (Правда. 1943. 26 января. № 26. С. 3).

«Правда» выходила на четырех полосах, и первые две, как правило, были заняты официальными материалами: передовыми статьями, сообщениями Совинформбюро, указами, телеграммами и письмами в адрес Сталина и т.д. Художественные и художественно-публицистические произведения советских писателей печатались преимущественно на третьей странице, хотя были и исключения. Кроме того, на четвертой странице отводилось место для сатиры – как изобразительной, так и литературной, в том числе и стихотворной.

В январе–марте 1943 г. в «Правде» свои очерки, стихи, статьи, заметки, фельетоны публиковали Николай Асеев, Микола Бажан, Демьян Бедный, Александр Безыменский, Николай Вирта, Всеволод Вишневский, Борис Горбатов, Евгений Долматовский, Виталий Закруткин, Наири Зарян, Вера Инбер, Вадим Кожевников, Елена Кононенко, Александр Корнейчук, Оскар Курганов, Самуил Маршак, Леонид Первомайский, Борис Полевой, Григорий Рыклин, Максим Рыльский, Виссарион Саянов, Леонид Соколов, Алексей Сурков, Николай Тихонов, Алексей Толстой, Александр Фадеев, Константин Федин, Степан Щипачев, Илья Эренбург.

Важнейшим критерием редакционного отбора публикаций в «Правде» являлся агитационно-пропагандистский потенциал, но в художественном произведении и задача пропагандистская должна решаться как задача художественная [Николаев]. Как мы видим, и по количеству имен, и по их значимости литературная часть газеты «Правда» не уступает кругу авторов ведущих советских литературно-художественных журналов, а по уровню распространения и влияния с «Правдой», естественно, просто не могло сравниться никакое другое издание. И изучение литературных произведений, опубликованных

в «Правде» во время Великой Отечественной войны или отдельных ее периодов, как целостного корпуса имеет важное значение для понимания литературы эпохи.

Разумеется, речь идет о жанрах, которые в принципе соответствовали формату ежедневной газеты. Пьес «Правда» не печатала, в прозе упор делался на публицистику и художественно-публицистические жанры, хотя изредка печаталась и малые формы художественной прозы. А вот в поэзии формальные ограничения являлись минимальными. Жанровые особенности, стиль и пафос произведений определялись как общей задачей борьбы с захватчиками, так и «задачами момента», отражая происходившие на фронте и в тылу изменения, а иногда и опережая их – в соответствии с чаяниями авторов и читателей.

В этом смысле поэзия «Правды» начала 1943 г. показательна: хотя до окончательной победы над фашизмом остается еще более двух лет, ее уже можно назвать «поэзией победы». Цитата в названии статьи – это заключительные слова стихотворения Д. Бедного «Пой гордо, радио-волна!», опубликованного в первом номере «Правды» за 1943 г.:

Под зимним, звёздным небосводом
Пой гордо, радио-волна:
– С ПОБЕДОНОСНЫМ НОВЫМ ГОДОМ,
НЕПОБЕДИМАЯ СТРАНА!
(Правда. 1943. 1 января. № 1. С. 3)

Поэтическое утверждение нового года как года победы продолжилось 2 января стихотворением М. Рыльского «Близится желанный срок», напечатанном в переводе с украинского. В целом стихотворение строилось иначе. Во-первых, в нем выделялся образ поэта:

Сквозь ночь и дым, сквозь зимний лёд,
Встречая Новый Год,
Поэт как дар всю душу шлёт
Тебе, родной народ!

Во-вторых, в образной системе грядущая победа связывалась с христианскими мотивами:

Твоим страданиям нет числа
И подвигов – не счесть.
Зима на крыльях принесла
Тебе благовесть.

Идут священные полки
К заветным берегам,
И знай: карающей руки
Не отразить врагам.

Но заключительное четверостишие прямо перекликается с финалом стихотворения Д. Бедного:

Воспрянь, в огне неопалим,
Да будет Новый Год
Победы годом золотым.
Родимый мой народ!

Годом ранее, 1 января 1942 г., «Правда», конечно, также не сомневалась в грядущей победе. Однако тональность опубликованного в первом номере стихотворения Сергея Васильева, которое так и называлось «1 января 1942 года», существенно отличалась от торжественного пафоса новогоднего поздравления Д. Бедного 1943 г.

Нет, не быть в кабале моей
славной стране.
Мы грозней,
мы суровей,
мы старше,
мы опытней стали.
Как тяжелый клинок закаляется
в жарком огне,
Так и мы закалились и приняли
качество стали,

– писал Васильев. Немцы были рядом с Москвой, и в его стихотворении батарейный огонь звучал «в густых подмосковных лесах», а «громобойные танки» шли «в направлении Можайска» (Правда. 1942. 1 января. № 1. С. 3).

За год ситуация на фронте изменилась кардинально, и всё же поэзия «Правды» провозглашает победу «с опережением» даже для начала 1943 г. Освобождение одного за другим крупных городов, прорыв блокады Ленинграда, капитуляция немцев под Сталинградом – все это происходит в январе–феврале уже после процитированных выше стихотворных строк.

4 января «Правда» сообщает, что «вчера Красная Армия внезапным ударом овладела одним из опорных пунктов немецко-фа-

шистских войск – городом и железнодорожной страницей Моздок» и городом Малгобек, 5 января – что наступающие войска овладели городом Чернышковский, 6-го – что заняты Нальчик, Прохладный, Майское, Котляревская, Морозовский и Цымлянская, 9-го – что взяты город и станция Зимовники. 12-го – что «освобождены от немецко-фашистских оккупантов Георгиевск, Минеральные Воды, Пятигорск, Кисловодск, Железноводск, Буденновск и другие населенные пункты». Формула «и ряд других населенных пунктов» используется и на следующий день, в конце сообщения о том, что освобождены Эссентуки, Левокумский, Николаевская.

С каждым днем все явственнее утверждавшееся осознание неуклонности победоносного шествия Красной Армии выразилось в песенной форме в стихотворении Евгения Долматовского «Герой родной земли», опубликованном 16 января (№ 16. С. 3):

Полк идёт в атаку на рассвете,
Громяхают пушки тяжело.
Будет завтра сказано в газете:
Энской частью занято село.

Вдалеке, румяная от счастья,
Улыбнётся девушка твоя:
Мой любимый служит в Энской части,
Про него написана статья.

Дни сияют новостью хорошей,
Не ослабли русские штывки.
Энской частью враг назад отброшен
И зажат в железные тиски.

И глядит глазами голубыми
Вся страна приветливо на Дон:
В Энской части служит мой любимый,
Я уж точно знаю – это он.

Энской части нынче много дела.
Бой суров, победа нелегка.
Бейся лихо, яростно и смело.
Стань героем своего полка,

Чтоб всегда, румяная от счастья,
Улыбалась девушка вдали:
Мой любимый служит в Энской части,
Это он – герой родной земли.

Отметим, что в песне о герое и его любимой девушке последовательно подчеркивается значение военной журналистики: «Будет завтра сказано в газете», «про него написана статья», «дни сияют новостью хорошей». А связь «фронт – газета – тыл» фиксировалась не только содержанием, но и самим фактом публикации, в которой рядом с подписью было указано, что автор находится в действующей армии. Написанная на фронте песня о военных победах становилась песней и о тех, кто ждет вдалеке, и о тех, кто работает в газетах.

Песня как стихотворная жанровая форма в целом точно соответствовала редакционным установкам газеты военных лет. Наряду с потенциальной универсальностью читательского восприятия важна была еще установка на легкость запоминания и воспроизводимость, возможность вокальной интерпретации. Опубликованная в «Правде» песня имела все шансы в считанные дни стать общенародной, зазвучать по всей стране. И песенный характер произведения отмечался либо в подзаголовке, как в случае со стихотворением Долматовского, либо прямо в названии: 2 февраля «Правда» печатает «Песню гвардейской пехоты» Алексея Суркова (№ 33. С. 3).

Песня Суркова, как и песня Долматовского, знаменует собой победное шествие, но на смену мотиву личного героизма, который выделялся у Долматовского (пусть и как обобщение), приходит героизм коллективный. «Песня гвардейской пехоты» пишется, когда уже ясна вся катастрофичность для врага массовой капитуляции войск под Сталинградом. Масштаб победы определяет и масштаб героизма: у Суркова уже не «герой своего полка», а полк-герой и даже полки-герои, безостановочно продвигающиеся на запад:

Победно гремит канонада
И звонкая песня свинца
От славных твердынь Сталинграда
До снежного плёса Донца.
Метели в степи закипают.
Снега на пути глубоки.
И ночью и днём наступают
Гвардейские наши полки.
И крепнет от боя до боя
Гвардейская наша семья.
На запад,
На запад, герои,
Вперёд, боевые друзья!

Полоса, на которой было напечатано стихотворение, имела общее заглавие «На фронтах отечественной войны». Под ним были фотографии военкора «Правды» Я. Рюмкина и Е. Копыта из ТАСС, сделанные 31 января и доставленные из Сталинграда на самолете: встреча бойцов Донского фронта с бойцами 62-й армии; жители Сталинграда возвращаются в освобожденные от фашистов кварталы города; солдаты немецкой армии, захваченные в плен. Ниже опубликовали переданные по телеграфу очерки находившегося «западнее Воронежа» военкора «Правды» Я. Цветова «Наступление» и «На улицах Сталинграда» Николая Вирты (из Сталинграда), а между ними – Суркова.

Документальный контекст усиливал конкретность стихотворения, и при этом автор стремился к такому уровню обобщения, что в «Песне гвардейской пехоты» возникала образная полемика с финалом поэмы А. Блока «Двенадцать». Впереди теперь идет не Христос «в белом венчике из роз», а Сталин:

В порывах январской метели
Мы путь пробиваем штыком.
И Сталин в походной шинели
Идёт перед нашим полком.
Он в битву, по берегу Дона,
Идёт с пехотинцами в ряд.
Гвардейские наши знамёна
Огнём его славы горят.

А блоковский «волк голодный» связывается с устойчивым для литературы и искусства Великой Отечественной войны изображением немецких оккупантов как своры волков:

Мы платим за слёзы и горе,
Врагу отрезаем пути.
Кровавой разбойничьей своре
От наших штыков не уйти.

Разгрому немецко-фашистских войск под Сталинградом был посвящен целый ряд литературных публикаций «Правды» в начале 1943 г. А главным событием января, безусловно, стал прорыв блокады Ленинграда. 19 января «Правда» сообщала: «18 января 1943 года войска Ленинградского фронта и войска Волховского фронта соединились: прорвана блокада Ленинграда, длившаяся с сентября 1941 го-

да. Сердца советских патриотов, всех честных людей мира радостно забьются от этой долгожданной вести!» В этом же номере печатается небольшое стихотворение Д. Бедного «Неизбежное»:

Глуша фашистский бред бравурный,
Москву включивши в аппарат,
Благоговейно мир культурный
Внимает слову – ЛЕНИНГРАД.

Уж сроки – верят все – недолги.
Вновь прозвучат слова Москвы:
– С врагом стряслось у Невы
То, что стряслось с ним – у Волги!

Как и в стихотворении «Пой гордо, радио-волна!», как и песне Безыменского, в «Неизбежном» выделяется роль «средств массовой информации». В опубликованных в начале 1943 г. в «Правде» стихотворениях нет образов журналистов, корреспондентов, дикторов, а люди скрыты за «аппаратом», «газетой», «статьей», но и авторы, и редакция прекрасно сознают, насколько значимый вклад они сами, печать и радио, вносят в общее дело победы, и пишут об этом.

23 января рядом с очерком Всеволода Вишневского «Прорыв блокады Ленинграда» печатается стихотворение Веры Инбер «18 января 1943 года» (№ 23. С.3). Стихотворение хорошо известно, поэтому процитируем лишь часть его:

Что только перенёс он, что он выстрадал...
А ведь была задача нелегка.
На расстояньи пушечного выстрела
Всё это время был он от врага.
Гранитный город с мраморными гранями,
Сокровище, зажатое в тиски.
Его осколочные бомбы ранили,
Его шрапнелью рвали на куски.
Бывали сутки – ни минуты роздыха:
Едва дадут отбой – и артобстрел.
Здесь немец близко. Дышит нашим воздухом.
Он в нашу сторону сейчас смотрел.
Но город не поколебался, выстоял.
Ни паники, ни страха ничего.
На расстояньи пушечного выстрела
Все эти чувства были от него...

Стихи регулярно печатались в «Правде» в связи с праздничными и памяtnыми датами. Значительная часть номера от 21 января – публикации к очередной годовщине дня смерти Ленина. Передовая статья названа цитатой из Сталина: «Дух великого Ленина вдохновляет нас на Отечественную войну». А на с. 3 напечатаны очерки Н. Тихонова «Любить наш народ так, как любил его Ленин», Ем. Ярославского «Победоносное знамя великого Ленина» и стихотворение С. Маршака «21 января 1943 года».

Поступь часовых у мавзолея на Красной площади звучит у Маршака победной поступью наступающих по всем фронтам войск, а строфы строятся на перечислении главных побед последних недель, направлении главных ударов:

Эту поступь слушай, Ленин,
И уверен будь:
Неуклонен, неизменен
Наш победный путь.
Слушай весть освобожденья
С Дона и Донца.
Ленинград ломает звенья
Вражьего кольца.
В день священной годовщины
Отступает враг.
В первых сёлах Украины
Вьётся красный флаг.
У бурливых вод кавказских
И в степи родной
Палачей в немецких касках
Мы тесним стеной.
(Правда. 1943. 21 января. № 21. С. 3)

В течение нескольких дней в «Правде» появлялись материалы к 25-й годовщине Красной Армии, и каждый раз среди них были поэтические произведения. 21 февраля публикуется стихотворение В. Инбер «Красной Армии» (№ 52. С. 4), 22 февраля – «Ленинграду – в день Красной Армии» С. Маршака (№ 53. С. 3), 23 февраля – «Победоносной» Д. Бедного (№ 54. С. 2), 24 февраля – стихотворение Н. Тихонова под названием «23 февраля» (№ 55. С. 3).

Создавая образ Ленинграда – города славы и чести боевой, – Маршак проводит линию от петровских побед к сегодняшнему дню.

Ленинград – это город-крепость, который никому не удалось сломить («Ты, как петровская скала, // Стоишь неколебим»), город, где родилась Красная Армия («Ведь родилась она в борьбе // За город Ленинград»), а прорыв блокады Ленинграда знаменует собой начало конца вражеской армии:

И вот из вражьего кольца
Мы выбили звено
И знаем – скоро до конца
Рассыплется оно.
Домой от ленинградских стен
Убийца не уйдет.
Его погибель или плен
Под Ленинградом ждет.
В день Красной Армии к тебе,
Отважный Ленинград,
Страна, окрепшая в борьбе,
Свой обращает взгляд.

Стихотворение Д. Бедного «Победоносная», написанное в одической манере, «Правда» публикует 23 февраля на второй полосе, рядом с сообщениями о торжественных заседаниях в честь XXV годовщины Красной Армии. Красная Армия Д. Бедного – «Дочь Октября», народная «надежда и опора»:

Как любо видеть нам могучий твой расцвет!
Нет большей радости, светлее счастья нет,
Нет благороднее и выше наслажденья,
Как средь громов твоих блистательных побед,
Гордясь доблестью неповторимых лет,
Приветствовать тебя в день твоего рожденья! <...>
Враг на тебя напал, кичая и грозя.
Ты доказала непреложно,
Что утратить тебя – нельзя,
В боях осилить – невозможно! <...>
Победоносная, тебе, в огне побед
Несущей злым врагам суровую расправу,
Наш вождь и весь народ шлют боевой привет
И гордо возглашают – славу!

«23 февраля» Н. Тихонова – единственное его стихотворение, появившееся в «Правде» в начале 1943 г., хотя он не раз выступал

в это время в газете с очерками. Самое объемное из всех юбилейных поэтических произведений (шесть строф по восемь строк) (полный текст см.: [Тихонов, 1981, с. 309–310]), оно может быть даже названо мини-поэмой, поскольку эпическое начало здесь не менее важно, чем лирическое. Этим стихотворением открывался и вышедший позже в 1943 г. сборник Тихонова «Красной армии» [Тихонов, 1943].

У Тихонова словно собраны воедино мотивы, прозвучавшие в «Правде» в эти февральские дни в прозаических и поэтических художественных текстах, и ключевой идеей стихотворения является победное единство страны:

Да, в Ленинграде падают снаряды,
Зарёю, в полдень, на исходе дня,
Его гранит осколками граня
И осыпаясь дымной колоннадой.
Но что столпы визжащего огня,
Развалин наших синие громады,
Когда над тёплым пеплом Сталинграда
Летит победа, крыльями звеня.

Армия сражается за родную землю и сама природа приходит на помощь бойцам:

С лесной красой простились мы старинной,
Для дзотов нам нужна была она,
Для блиндажей, для надолбов нужна, –
Со всей страной делили подвиг длинный,
Чтоб ожила азовская волна,
Зазеленели волжские равнины,
Вздыхнул свободно тополь Украины,
Кубанский клён, кавказская сосна.

Это единство не только народное, не только географическое, но и историческое:

Сегодня примет красная столица
Лет боевых и славных дел парад.
Пусть все знамёна встанут нынче в ряд
И Перекоп, и скромный тот отряд,
Что первым шел под Псковом с немцем биться.
Так старый воин доблестью гордится –
Вновь ленинградцу шлёт привет Царицын
И Сталинграду братский Петроград.

Заключительная строфа возвращает нас в Ленинград, с обстрела которого немцами начиналось стихотворение. Но пафос произведения – не оборона, а наступление, причем наступление, которое не собирается останавливаться:

...Гудит тревогой небо голубое
Над Ленинграда лунным рубежом.
Что небеса, избитые огнём,
Что голоса тревоги и отбоя
Над городом, где мы войной живём, –
Когда звучит полночную трубою:
Ростов и Харьков нами взяты с бою,
И мы идём на запад! Мы идем!

Еще одна строфа стихотворения подчеркивала многонациональный состав Красной Армии, то, что она сражается за единую страну, за общий дом («В том казаке, что дрался на Неве, // Жил вольный Дон, вовек неукротимый, // И за Эльбрус с его папашой дымной // Шёл ленинградец горцев во главе. // Украинские, – где-нибудь у Тима, – // Сердца в бою вдруг бились живей: // Сквозь вьюгу боя кликал сыновей, // Ломая лёд неволи, Днепр родимый»).

Эти строки перекликались с началом стихотворения Инбер «Красной Армии», опубликованным первым из юбилейных произведений, 21 февраля:

Казаха, белоруса, осетина,
Татарина, кубанца и донца
Ты закалила в пламени едином
И создала советского бойца.

Отметим, что «правдинский» вариант текста Инбер отличается от опубликованных в «Ленинградской правде» 23 февраля (№ 44. С. 2) и в журнале «Ленинград» (1943. № 3–4. 2-я с. обл.), где эти четыре строки опущены. Но они возвращены на прежнее место в сборнике Инбер «О Ленинграде: Поэма и стихи», вышедшем в том же 1943 г. и включившем оба напечатанных в «Правде» в начале года стихотворения [Инбер, 1943, с. 73–74]. (Кстати, 23 февраля в «Ленинградской правде» опубликовано и стихотворение «Ленинграду – в день Красной Армии» Маршака с единственным существенным исправлением: «го-лодная зима» вместо «холодная зима»).

Акцент в первой строфе «Красной Армии» в «Правде» отражал проводимую в начале 1943 г. на страницах газеты линию. В течение февраля–марта там последовательно печатали материалы, подчеркивающие вклад народов Союза ССР в общую победу.

Стихотворение Инбер было помещено 21 февраля в начале 4-й страницы, а всю 3-ю страницу в этом номере занимало сообщение об антифашистском митинге представителей народов Узбекской, Казахской, Туркменской, Киргизской, Таджикской советских республик и текст принятых там обращений к Сталину и к народам этих республик, так что начало стихотворения читалось как своего рода продолжение этих обращений.

В феврале–марте в «Правде» были также опубликованы коллективные «Письмо казахского народа фронтовикам-казахам» (№ 37. 6 февраля. С. 3), «Письмо бойцам-армянам от армянского народа» (№ 58. 27 февраля. С. 3), «Письмо татарского народа фронтовикам-татарам» (№ 63. 5 марта. С. 3). И в каждом из этих писем были стихотворные фрагменты.

В «Письме казахского народа фронтовикам-казахам» цитировали стихи о батыре Карасае, подчеркивали, что «одна из лучших песен Казахстана – это песня о счастье и единении народа:

Чтоб народ был богат, чтобы счастлив он был,
Должен быть он единой волей скреплён,
Чем он больше свободой своей дорожит,
Тем бесстрашнее будет каждый джигит,
Тем прилежнее будет каждая дочь,
Тем нам легче любую напасть превозмочь.
На защиту родных своих очагов
Люди выйти готовы против врагов.

В стихотворной форме рассказывалось и о вкладе Казахстана в общую победу: в основе синтаксического параллелизма лежало географическое перечисление:

В грозный час войны все свои богатства отдает Казахстан фронту.
Кара-Тау дает свинец,
Кокше-Тау гонит овец.
Тянет с золотом руки Алтай,
Медь обильно дает Карсакпай,
Белый хлопок дарит Чимкент,

Предлагает руно Джаркент,
Золотые, как в сказке, хлеба
Для народа растит Актюба,
На Алтае плодится марал,
Рыбой плещет синий Арал,
Дни и ночи грузит поезда
Чёрным золотом Караганда,
В Эмбе гордые вышки стоят,
И кипит нефтяной водопад,
В Кармакчинской степи зреет рис,
К Ала-Тау сады поднялись,
А в садах, слаще сна и мечты
Спеют яблоки Алма-Аты...

Напутствие воинам-казахам тоже звучало в стихах:

Воин! Крепко помни наказ своей матери, жены, сестры:
Если выступишь в смертном бою,
Солнцем мать согреешь свою,
Если трусишь, то путь степной
Пусть развернется под тобой.
И на след твой я наплюю!

Фрагмент стихотворения Габдуллы Тукая «Великая истина»
включили в «Письмо татарского народа фронтовикам-татарам»:

Нам издавна другом был русский народ.
И – разве конец этой дружбе придёт?
Да, мы родились и растем в вышину,
Нанизаны словно на нитку одну.
На битвенном поле мы тигров сильней,
В труде мы сильнее мугучих коней.

В «Письме бойцам-армянам от армянского народа» фрагменты из стихотворений Иоаннеса Иоаннисиана и Рафаэла Патканьяна приводились в переводе Валерия Брюсова:

Пусть живут в ваших сердцах полные веры слова нашего старца-поэта:
Пусть далеко вершина, светла и чиста,
Пусть ещё не сегодня страданьям конец.
Завтра будет наверно победа взята.
Всё вперед, всё наверх, вдохновлённый боец!

В этой великой борьбе за освобождение братьев пусть вдохновляет вас древнее армянское предание о том, что имя подлинно великого человека получает тот, кто, забывая себя, освобождает брата из неволи.

Себя позабыв, ты о брате взыскал!
Великим, великим отныне ты стал.

Если Иоаннисиана и Патканьяна в «Письме...» не называли, то два других стихотворения цитировали уже с именами авторов:

Тысячи бойцов-армян своим героизмом высоко держат честь своего народа, честь армянского воина. Дела таких бессмертных героев воспел армянский народ устами своего великого поэта Ованеса Туманяна:

Подвиг бессмертен, помните всегда,
О нем говорят в веках.

Слава тому, кто своим подвигом
Будет жить бесконечно в сердцах.

Во имя родины, во имя счастливой жизни презирайте смерть, помните слова славного сына нашего народа Микаэла Налбандяна:

Везде и всюду смерть едина.
И человек лишь раз умрет,
Но счастлив тот, кто смерть приемлет
За родину, за свой народ.

Еще одно стихотворение – «На фронте» Наири Заряна – было опубликовано на той же полосе отдельно. Кроме того, академик И. Орбели в статье «Заклятые враги армян» цитировал заключительную строфу «Интернационала», так что в целом на одной странице «Правды» целиком или частично напечатали произведения шести поэтов!

Стихи армянских поэтов печатались в переводе, а вот произведения украинских писателей «Правда» печатала и на украинском, и на русском. Пример перевода приводился выше, а стихотворение «Ридному мисту» Микола Бажана опубликовали 17 февраля на украинском – в номере, где сообщалось, что наши войска заняли Харьков (№ 48. С. 3).

Круг печатавшихся в начале 1943 г. в «Правде» писателей был, как уже отмечалось, достаточно широк, но большинство – М. Рыльский, Е. Долматовский, А. Сурков, М. Бажан, Н. Тихонов, Н. Зарян – опубликовали в январе–феврале по одному стихотворению. К этому ряду надо добавить еще Александра Безыменского, чье стихотворение «Начало прорыва» «Правда» поместила 26 января (№ 26. С. 3), и Виссариона Саянова – его «Расплата» появилась 18 февраля (№ 49. С. 3).

Конкретность отраженных у Безыменского авторских переживаний подчеркивается и первой строкой («Сигнал был подан в восемь сорок»), и заключительным указанием: «Воронежский фронт. По телеграфу». К событиям текущего дня стихотворение привязано и контекстом публикации: рядом напечатан очерк военкора Я. Цветова «В Воронеже» (Из-за этого очерка «Правда» затем освободила Цветова от работы военкора, потому что он описал уличные бои, которых в действительности не было, так как находился не в Воронеже, а в штабе Воронежского фронта, используя, как и другие корреспонденты, ошибочный источник [Советская пропаганда..., с. 213–214]). Но и здесь, как и в приведенных выше примерах, конкретность сразу оборачивается универсальностью: в прорыв оказываются вовлечены солнце, небо, радуга, мосты, птицы. Природа сражается в одном ряду с бойцами (как в опубликованном позже стихотворении Н. Тихонова «23 февраля»):

В избушках вздрогнули оконца –
И я готов поклясться в том,
Что первым выстрелило солнце,
А все орудия – потом.
Как виадук чёрных радуг,
Сверкая выгнутым горбом,
Мосты несущихся снарядов
Повисли в небе голубом.

Заявленная степень абсолютизации, универсальности требует соответствующих образов, и Безыменский обращается к традициям классицизма, интерпретируя в соответствии с ними реалии современной войны:

Нет! Это ноги великанов,
Полками вышедших в поход,
На правый берег Дона грянув,
Шагнули яростно вперёд.
И вот растоптаны высоты,
Разбиты бревна блиндажей,
Хрустят раздавленные дзоты
И кости взорванных траншей.
Орудья бьют без перерыва.
Их грохот страшен – и красив.
Слились грома несчётных взрывов
В единый стоминутный взрыв.

Заимствованные из классицистической «высокой» поэзии» формулы объединяются с современной песенной ритмикой и образностью, так что заключительная часть стихотворения звучит победным маршем, призывающим двигаться на запад:

Ужели только сталинградцам
И тем, кто там, – южнее нас,
Дано сейчас на запад рваться,
А нам стоять и в этот раз!
Нет! Нас отчизна не забыла.
Гремите, пушки! Сердце – пой!
И наша дерзостная сила
Сейчас рванётся в смертный бой!
...Гудят под солнцем самолёты,
А ливень взрывов на Дону
Уже шагает за высоты
Туда, на запад, в глубину.
Святой восторг владеет всеми.
Сверкает грозный русский штык.
Настало радостное время!
Пришёл, пришёл желанный миг!

Дважды в этот период в «Правде» печатались Вера Инбер и Николай Асеев. Опубликованное 31 января стихотворение Асеева «В последний час» (№ 31. С. 4) называлось так же, как и постоянная газетная рубрика на первой странице (в этот день в ней сообщалось, что наши войска заняли города Тихорецк и Майкоп). И начало стихотворения отсылает именно к названию информационных рубрик:

Сквозь сумрак
 Зимней ночи мчась,
 к нам
 долетают вести:
 «В последний час,
 в последний час» –
 клич доблести и чести.

На свете
 нет дороже слов
 для нас теперь, чем эти:
 светлеют
 взоры стариков
 и радуются дети.

А финал строится на каламбуре, связанном с переносом на формулу «в последний час» значения устойчивого выражения «в последний путь»:

Так грянем славу
ей в ответ,
сердца с ней
сливши вместе,
Чтоб двадцать пять
отборных лет
ей засчитали
в двести.
Чтоб, прозвучав
в урочный час
дыханием победным,
стал для врага
«последний час»
ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПОСЛЕДНИМ!

Еще одно стихотворение Асеева – «Наши идут вперед» – опубликовано 18 февраля (№ 49. С. 4). Оба текста напечатаны не как в собрании сочинений в 5 томах [Асеев, с. 43–44, 49–51], а лесенкой, что особенно важно для восприятия второго произведения. Поступательное победное движение здесь передается не только словами, но и графически:

Подымайтесь
Слова в атаку,
Распрямяйтесь
Во весь свой рост;
По сердечному
Жаркому знаку
Радость с яростью
Хлынь до звезд!

Формула Асеева «радость с яростью» в целом точно отражает пафос значительного числа произведений начала 1943 г.:

Радость – ярости
Встань в подмогу
До решающего конца:
Нашим бодрость,
А им тревогу
Вбей в клейменные
Их сердца!

Неумолимость и непрерывность победного шествия и здесь передается перечислением освобожденных городов:

Ни у Белгорода,
Ни у Курска
 Не дают ни присесть, ни встать,
 Ни потачки тебе,
 Ни спуску;
 Клюв раскрыл!
 Тяжело дышать!!

Как ни порскай
 И как ни каркай,
 Чуешь времени перелом, –
 Отлетаешь
 Стремглав за Харьков,
 Черный ворон
 С подбитым крылом.

Гнать и мять
 И давить и класть их
 Вал за валом
 До ста пластов.
 Чтоб за горами
 Рваных свастик
 Им не видеть
 Вовек Ростов. <...>

Слушай, Киев,
 Гляди, Полтава.
 Чуй ушедший в леса народ:
 Это – наша
 С врагом расправа.
 Это – наши
 Идут вперед.

В стихотворении фактически звучит мотив «коренного перелома», и радость – она и от уже достигнутых побед, и от предвкушения грядущей окончательной победы:

Уж на нашей улице праздник:
 Каждый день прибавляет свет,
 От чудовищных
 Лапиц грязных
 Отмываем
 За следом след.

Подымайтесь

Слова в атаку,

Распрямяйтесь

До самых звезд;

По сердечному

Жаркому знаку

Встань победа

Во весь свой рост!

С точки зрения количества опубликованных стихотворений в «Правде» начала 1943 г. выделяются двое – Демьян Бедный и Самуил Маршак. Д. Бедного вообще можно назвать главным поэтом «Правды». В июле 1938 г. Д. Бедный был исключён из ВКП(б) и из Союза писателей СССР, и «на протяжении трех лет, предшествовавших Великой Отечественной войне, произведения Д. Бедного не публиковались [Эвентов, с. 42]. Но с началом войны ситуация в корне переменяется. Его доступный широкой аудитории стиль вновь оказался востребован, а умение быстро создавать стихи сделало одним из самых печатаемых. При этом нельзя сказать, что Д. Бедный просто писал стихи на злобу дня, хотя публицистическое, пропагандистское начало у него явно превалирует. Но установка на яркость, доступность и убедительность являлась привычной для поэта художественной задачей.

Стихотворение должно было органично встраиваться в информационно-публицистический газетный контекст, не отвлекать от него, а расставлять нужные акценты. От рифмы не требуется уникальности, оригинальности, напротив – она у Д. Бедного работает на создание устойчивых сочетаний, закрепляет в читательском сознании «победные» связи. Таковы, например, в стихотворении «Пой гордо, радиоволна!» рифмы «колхозный – грозный», «свой – боевой». Образная схема строится на четком противопоставлении, в котором оценочность определений играет ключевую роль: «фашистской подлой немчуре» явно не удастся устоять против «Советской мощи боевой». А конкретное событие чаще всего используется для обобщения.

Всего в январе–феврале 1943 г. «Правда» опубликовала 9 стихотворений Д. Бедного: «Пой гордо, радио-волна!» (№ 1. 1 января. С. 3), «Грозное предвестие» (№ 17. 17 января. С. 4), «Неизбежное» (№ 19. 19 января. С. 3), «Слава» (№ 24. 24 января. С. 3), «Пред миром засверкал» (№ 28. 28 января. С. 2), «Народное мужество» (№ 38. 7 февраля.

С. 3), «Бойцы за Родину, вам равных не найти» (№ 46. 15 февраля. С. 3), «Борьба и месть» (№ 48. 17 февраля. С. 3) и «Победоносной» (№ 54. 23 февраля. С. 2).

При всей узнаваемости давно сложившейся поэтической манеры Д. Бедного его поэзии военных лет свойственно и жанровое, и стилевое разнообразие. Выше уже приводились примеры и патетики, и одического воспевания. Есть и примеры иного рода. Например, «Грозное предвестие» – сатирическое восьмистишие на злобу дня, построенное на русской народной пословице «Это еще цветочки, а ягодки будут впереди»:

Таков фашистский мрачный фатум:
Во славу фюрера-балды
За отклоненный ультиматум
Пожать кровавые плоды.
Фашистам не дано отсрочки,
И сталинградские цветочки
Им предвещают там и тут
Какие ягодки их ждут!

Стихотворение «Слава», как и следует из названия, прославляет победоносные события начала 1943 г. – прорыв блокады Ленинграда и капитуляцию немцев под Сталинградом. Д. Бедный использует семантику названий городов, пишет о «сочетаньи символичном // Их сверкающих имён»:

Над великою Москвою,
Над святыней мировой,
Звезды вечности горят,
И над Волгой и Невою
Блещут славой боевою
С младшим братом старший брат –
Сталинград и Ленинград.

Стихотворение, словно предназначенное для торжественной декламации, завершается победными лозунгами:

На врага победным строем,
Расправляясь с подлым сбродом,
Наступает фронт стальной.
Слава воинам-героям!
Слава братским всем народам!
Слава всей стране родной!

В стихотворении «Народное мужество» создается образ города-богатыря Сталинграда, который сравнивается с Ильей Муромцем. Былинная лексика и образность («полчищ вражеских несчетные», «обрушил свой кулак на головы врагов», «глаза расклевывают птицы», «Илья ударом в грудь дух вышиб из врага» и т.д.) ближе к финалу сменяется одическим стилем, так что народность в ее фольклорной интерпретации объединяется в произведении с державностью в духе классицизма:

Победу, равную какой не видел свет,
Встречает наш народ восторженным приветом:
Среди блистательных побед
Она отмечена своим, особым, светом:
В ней – прошлого итог и образец – векам,
В ней – нашей доблести высокой утвержденье,
В ней – гробовой удар по вражеским полкам,
В ней – плана вражьего крушенье.
Непобедима та страна, борьбу ведя
Под солнцем славы незаходным,
Где гениальный план вождя
Пронизан мужеством народным!

Из поэтов по количеству опубликованных в «Правде» в начале 1943 г. произведений сравниться с Д. Бедным мог только С. Маршак (в книгу Маршака в «Библиотеке поэта» вошли лишь два стихотворения этого периода [Маршак, 1973]). Но Маршак чаще писал для четвертой полосы, где его сатирические произведения помещались как самостоятельно, так и в качестве стихотворного сопровождения карикатур Кукрыниксов и Бориса Ефимова.

Первое его стихотворение в 1943 г. – «Немецкие волны» – «Правда» напечатала 16 января (№ 16. С. 4). Оно предварялось цитатой «Из газет»: «4 января в германском коммюнике сообщалось: “Бомбардировщики несколькими волнами совершили налёт на Гуль в Англии”. По заявлению американских корреспондентов, эти “волны” состояли из двух бомбардировщиков, один из которых был сбит».

В стихотворении Маршака 14 строк: в центральной части в стихотворной форме перелагается суть газетного сообщения, но обрамление ее переносит акцент с боевых действий на пропаганду. «Волны» налетов превращаются в волны информационной лжи:

На днях отборные лгуны
Немецкой информации
На Гуль послали три волны
Немецкой авиации.

Но ни одной такой волны
Не видели в тумане
Над берегом своей страны
В тот вечер англичане.

Примчались к ним, терзая слух,
Два гулких «Мессершмитта»,
И половина этих двух
Была при этом сбита.

Волну обмана, злобы, лжи
Враль Геббельс шлёт за рубежи.

Обратим внимание на образную перекличку с стихотворением Д. Бедного из первого номера «Пой гордо, радио-волна!», которое тоже начиналось с обличения вранья немецкой пропаганды:

Переступая все границы
Вранья, немецкие вральи
Какие только небывлицы
Про фронт колхозный не плели!

25 января публикуется первая в 1943 г. совместная работа Маршака и карикатуристов «Правды». Под общим заглавием «Ощипанный римский гусь» и с эпиграфом «Гусь свинье не товарищ. (Пословица)» печатаются рисунок Бор. Ефимова и два четверостишия Маршака:

Из итальянского хвоста
Чужие перья разом выпали:
Вся Киренаика взята
И Абиссиния и Триполи.
Бежит к Тунису римский гусь,
Оставив Ливию пожарищем.
Бегущий гусь (я вам клянусь!)
Свинье берлинской был товарищем.

Текст и изображение отчасти перекликаются, отчасти дополняют друг друга: на рисунке кроме убегающего ощипанного Муссолини и «выдернутых» перьев с надписями «Киренаика», «Сомали», «Триполитания», «Эритрея» есть еще рука, перья выдергивающая, у которой на манжете британский флаг (№ 25. С. 4).

«Правда» 28 января публикует стихотворение Маршака «Жалобы фрица» (№ 28. С. 4). Короткое сатирическое стихотворение также предваряется эпиграфом: «Сегодня мы организовали к обеду кошку». (Из письма солдата 6-й германской армии, окруженной в районе Сталинграда)»:

В письмах жалуется Фриц:
«Я когда-то резал птиц.
Доставались мне когда-то
Деловые поросята.
А теперь я, либе фрау,
Ем к обеду мяу-мяу.
Мне осталось жить недолго –
Дейтчланд-Дейтчланд! Волга-Волга!»

Сталинградская тема в сатире продолжается стихотворением Маршака «В плен!», напечатанном 4 февраля (№ 35. С. 4). Передовая статья в этом номере была озаглавлена «Историческая победа Красной Армии», а на третьей полосе помещены очерки Мих. Брагина «Великое сражение под Сталинградом» и Николая Вирты «Как был взят в плен Паулюс». Если в «Жалобе фрица» сатирическая типизация строилась на персонификации, то в стихотворении «В плен!» человеческое, напротив, практически полностью нивелируется. Сперва Маршак использует образ волчьей стаи – к тому времени уже устойчивый, как отмечалось выше, для обозначения фашистских захватчиков и в поэзии, и в карикатуре:

Попала в яму волчья стая
У сталинградских славных стен.
Над Волгой армия шестая
В последний час сдаётся в плен.

Второе четверостишие начинается с перечисления нескольких сдавшихся немецких генералов – Морица фон Дреббера, Карла Штрекера, Вернера Шлёммера. Маршак отбирает фамилии так, чтобы за счет аллитерации добиться эффекта неразличения, обезличивания: они сливаются, и одновременно появляется ощущение повтора, прокручивающейся с скрежетом и шипением шестеренки, с каждым новым оборотом которой «сдает оружие» еще один генерал. При этом ни званий, ни имен Маршак не называет, так что фамилии должны восприниматься и как условное обозначение врагов

в целом, наподобие общепринятого «Фрица», что подчеркивается числом сдавшихся:

Фон-Дреббер, Штреккер, Шлеммер, Кромме
Сдают оружие на бегу.
Их девяносто тысяч, кроме
Тех, что остались на снегу.

В заключительном четверостишии люди исчезают окончательно: символические знаки различия военачальников становятся теперь символами поражения немецкой армии:

Лежат уложенные в штабель,
Напоминая о былом,
Десятки генеральских сабель
С одним фельдмаршальским жезлом.

Седьмого февраля было напечатано стихотворение Маршака «О русском городе и о немецком подполковнике» (№ 38. С. 4), 11 февраля – «Красноармейская весна» (№ 42. С. 3), 19 февраля – «Счастливое предзнаменование» (№ 50. С. 4). Еще одна карикатура, на этот раз Кукрыниксов, с текстом Маршака помещена 5 марта (№ 63. С. 4). Структура материала была такая же, как и в предшествующем случае: общее название – «Мертвые души», эпитафия, рисунок и стихотворение, только и эпитафия, и стихотворение были объемнее, так что основное внимание переносилось с изображения на текст. Эпитафия отличался еще и тем, что содержал не только обычную для такого формата цитату, но и редакционный к ней комментарий:

«Берлинское радио 3 марта передало: “Имперский министр доктор Геббельс принял представителей героического гарнизона города Великие Луки, которые прибыли на несколько дней в Берлин. Во время приёма участники этих боёв рассказывали о том, как происходила защита крепости внутри города”».

Как известно, советские войска полностью уничтожили немецкий гарнизон города Великие Луки, а его жалкие остатки вместе с комендантом города – подполковником фон Зассом взяты в плен».

В министерстве пропаганды
Трубачи играют туш.
Входят сборные команды
Оживлённых мертвых душ.

Новый Чичиков проворный
Мановеньем ловких рук
Вызвал тени из Кастомной,
Мертвецов Великих Лук.

Он их вызвал для парада,
Чтоб всемирная печать
Убедилась, что не надо
Их погибшими считать.

Новый Чичиков – моложе
И наивнее, чем тот:
Он купил товар дороже
И дешевле продаёт!

Мортальные мотивы стали основой и другой мартовской совместной работы Маршака и Кукрыниксов – «Похоронная серенада» (№ 71. 14 марта. С. 4).

В целом, как уже указывалось в начале статьи, стихотворений в «Правде» в марте печатается намного меньше, чем в предшествующие месяцы, хотя общее количество материалов литературных и на литературные темы остается примерно таким же. Но меняется тематическая их структура.

В марте 1943 г. множество публикаций связаны с двумя событиями, не имеющими отношения к боевым действиям. Во-первых, это присуждение Сталинских премий за 1942 год, в том числе за выдающиеся работы в области искусства и литературы, лауреатами которых стали Толстой, Рыльский, Исаковский, Алигер, Корнейчук, Симонов, Серафимович, Василевская, Бажов и др. А во-вторых – 75-летие со дня рождения Горького.

Из стихотворений помимо названных выше подписей Маршака к карикатурам «Правда» публикует лишь «Боевой призыв» (в ряду материалов, посвященных Международному коммунистическому женскому дню 8 марта (№ 66. С. 3)) и «Бандиты, палачи, чей нрав был зверски лют...» (в качестве подписи к фотографии «Кладбище гитлеровцев в Вязьме» (№ 71. С. 3)) Д. Бедного, а также «Из Тувинского цикла» Степана Щипачева (№ 84. 29 марта. С. 3).

В публикации Щипачева два стихотворения – «Депутатка» и «Тувинская берега». И выделяются они среди остальной поэзии «Правды» начала 1943 г. тем, что могли появиться на страницах газеты и в мир-

ное время. Конечно, появление этих стихотворений в «Правде» тоже «политически оправдано». Начинается подготовка вхождения Тувинской Народной Республики в состав РСФСР, и Щипачев приезжает в Туву «для оказания помощи молодой писательской организации» [Куулар, с. 12]. И всё же в сравнении с поэзией января–февраля сразу обращает на себя внимание подчеркнуто «мирный» характер первого стихотворения, в котором вообще нет «отзвуков войны». А во втором – лишь заключительная часть связывает женский образ с гвардейцами, но и в ней на первом плане единение Тувы и Мурманска (лыжи и зимнее обмундирование упоминаются не случайно: их отправляли из ТНР для Красной Армии):

И знают лишь бойцы в бою,
Чем нежная береза стала:
Судьбу красивую свою
Она с гвардейцами связала.
За Мурманском – не шум листвы,
А песню лыж разведчик слышит:
О небе голубой Тувы
Поют под валенками лыжи.

Впрочем, и заголовки большинства других материалов на третьей полосе газеты должны настраивать читателей уже на задачи восстановления страны – это беседа с секретарем Свердловского обкома ВКП(б) В. Андриановым «Лауреаты Сталинских премий на Урале», еще одна беседа – и тоже о лауреатах, с академиком М.Б. Митиным – «Марксистский труд по истории философии», заметки «Вовремя завести горючее» и «В Самарканде заседают...» под общим лозунгом-названием «По-боевому готовиться к севу!», а также информационные сообщения: «Пленум Вологодского обкома ВКП(б)», «На восстановление героического Сталинграда», «Передача самолётов, построенных на средства трудящихся Татарии», «Подсобные хозяйства Сталинграда готовятся к севу», «Небывалый улов рыбы», «Перед навигацией».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Куулар Д.С. Тувинская поэзия: очерк истории. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1970. 140 с.

2. Николаев Д.Д. Литература как пропаганда // В поисках новой идеологии: Социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920–1930-х годов. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 494–594.

3. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. «Коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. М.: РОССПЭН, 2007. 806 с.

4. Эвентов И.С. Поэзия Демьяна Бедного // *Бедный Д.* Стихотворения и поэмы. М.-Л.: Советский писатель, 1965. С. 3–45.

Источники

5. Правда. 1943. 1 января – 31 марта.

6. Асеев Н. Собр. соч.: в 5 т. М.: ГИХЛ, 1963–1964. Т. 4. Стихотворения и поэмы 1941–1963; Переводы. 592 с.

7. *Бедный Д.* Несокрушимая уверенность. М.: Гослитиздат, 1943. 88 с.

8. *Бедный Д.* Слава. М.: Гослитиздат, 1945. 191 с.

9. *Бедный Д.* Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1951. 387 с.

10. *Бедный Д.* Стихотворения и поэмы. М. – Л.: Советский писатель, 1965. 592 с.

11. *Васильев С.* 1 января 1942 года // Правда. 1942. 1 января.

12. *Инбер В.* Красной Армии // Ленинградская правда. 1943. 23 февраля.

13. *Инбер В.* Красной Армии // Ленинград. 1943. № 3–4. 2-я с. обл.

14. *Инбер В.* О Ленинграде: Поэма и стихи. Л.: ОГИЗ: Государственное издательство художественной литературы, 1943. 80 с.

15. *Маршак С.* Стихи 1941–1946. М.: Советский писатель, 1946. 120 с.

16. *Маршак С.* Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1973. 912 с.

17. *Тихонов Н.* Красной Армии: стихотворения. Л.: ОГИЗ: Государственное издательство художественной литературы, 1943. 100 с.

18. *Тихонов Н.* Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1981. 800 с.

19. *Щипачев С.* Стихи о Туве. Кызыл: Союз писателей ТНР, 1943. 19 с.

<https://www.doi.org/10.29003/m3636.khmelita-19/129-148>

<https://elibrary.ru/jftuqa>

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2=411.2)

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NoDerivatives
4.0 (CC BY-ND)

ГРИБОЕДОВ В ФОКУСЕ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

© 2023. М.В. Скороходов

Аннотация: На основе сопоставительного анализа посвященных А.С. Грибоедову публикаций конца 1920-х – 1930-х гг. и материалов о нем, появившихся в период Великой Отечественной войны, раскрыта эволюция отношения общества к драматургу. В мирный период Грибоедов интересовал авторов статей в периодике прежде всего как драматург, печатались материалы, характеризующие особенности постановок комедии «Горе от ума» в разные исторические периоды. В годы войны акценты существенно меняются – первостепенное внимание уделяется патриотической, гражданской позиции Грибоедова, характеризуется его служение Отечеству. Имя Грибоедова возникает в числе не только наиболее известных русских авторов, но и писателей-воинов. При этом сохраняется и интерес к литературному наследию Грибоедова – в прессе появляется информация о постановках его произведений. Хотя подготовка к юбилею драматурга началась только в конце 1944 г., эта дата была ознаменована значительным числом статей, переизданием произведений Грибоедова, выходом биографических и иных работ.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, А.С. Грибоедов, периодика, дипломат, патриот, театральные постановки, юбилей, рецепция.

Информация об авторе: Максим Владимирович Скороходов – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6390-5670>

E-mail: msk2002@rambler.ru

Для цитирования: *Скорыходов М.В.* Грибоедов в фокусе периодических изданий периода Великой Отечественной войны // Первые Кулаковские чтения: На полях воинской славы России / отв. ред. М.В. Скорыходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 129–148. <https://www.doi.org/10.29003/m3636.khmelita-19/129-148>

GRIBOYEDOV IN THE FOCUS OF PERIODICALS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR PERIOD

© 2023. Maxim V. Skorokhodov

Abstract: On the basis of comparative analysis of publications devoted to Alexander S. Griboyedov in the late 1920s–1930s and materials about him that appeared during the Great Patriotic War, the evolution of attitude to the playwright is revealed. During the peace period Griboyedov was of interest to the authors of articles in periodicals primarily as a playwright, materials characterising the peculiarities of staging the comedy “Woe from Wit” in different historical periods were published. During the war years the accents change significantly – the primary attention is paid to the patriotic, civil position of Griboyedov, characterised by his service to the Fatherland. Griboyedov’s name appears not only among the most famous Russian authors, but also among war writers. At the same time the interest to Griboyedov’s literary heritage is preserved – information about the staging of his works appears in the press. Although the preparation for the playwright’s anniversary began only at the end of 1944, this date was marked by a significant number of articles, reprinting of Griboyedov’s works, the publication of biographical and other works.

Keywords: Great Patriotic War, Alexander S. Griboyedov, periodicals, diplomat, patriot, theatre productions, anniversary, reception.

Information about the author: Maxim V. Skorokhodov – PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6390-5670>

E-mail: msk2002@rambler.ru

For citation: Skorokhodov, Maxim V. Griboyedov in the Focus of Periodicals of the Great Patriotic War Period. *First Kulakov Readings: On the Fields of Russia’s Military Glory*. Ex. ed. Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press

Publ., 2023. pp. 129–148. (In Russian). <https://www.doi.org/10.29003/m3636.khmelita-19/129-148>

Личность и литературное наследие А.С. Грибоедова с момента его вхождения в литературу и в еще большей степени – после его трагической гибели вызывали живой интерес широкой общественности. Причем, поскольку многие факты его биографии не документированы, возникали и распространялись различного рода легенды. До настоящего времени не завершена полемика по поводу ключевой даты биографии Грибоедова – года рождения.

В 1920–1930-е гг. отношение авторов статей к Грибоедову не испытало резких изменений по сравнению с дореволюционным периодом – он, как и ранее, воспринимался как значимый и яркий представитель русской литературы, как автор гениальной пьесы «Горе от ума», история постановок которой на ведущих театральных площадках находилась в поле зрения не только исследователей и театральных критиков, но и авторов массовых журналов и газет.

Поскольку журнальная периодика, посвященная Грибоедову, изучена недостаточно, в нашем обзоре мы приводим довольно обширные цитаты, позволяющие судить об эволюции отношения к нему в годы Великой Отечественной войны в сравнении с довоенным периодом при сохранении его высокой оценки как драматурга.

В этом контексте представляет интерес очерк Юрия Соболева «“Горе от ума” и “Горе уму”», опубликованный в № 20 журнала «Красная нива» за 13 мая 1928 г. В материале рассматривается сценическая история комедии: упоминается первая постановка фрагмента пьесы в Императорском Александринском театре 2 декабря 1829 г. («первое действие без шести первых явлений, цензурой запрещенных»), затем кратко характеризуются более поздние постановки, начиная с 1869 г., причем особое внимание обращено на цензурные изъятия и широкое распространение комедии в списках в первые годы после ее создания. Отмечаются разные варианты ее прочтения в театрах России, в т. ч. в Московском художественном в 1906 г. и в театре им. В. Э. Мейерхольда – в 1928-м. В очерке упоминается о том, что Вл. И. Немирович-Данченко посвятил постановке пьесы «Горе от ума»

в Московском художественном театре специальную статью, в которой подчеркнул необходимость «подойти к этой пьесе так, как будто она совершенно новая, никогда не игранная». С учетом этого требования «трактованное заново – сценически и литературно – “Горе от ума” было сыграно в Московском художественном театре 26 сентября 1906 г.». Через 22 года, в марте 1928 г., премьера пьесы состоялась в театре им. Вс. Э. Мейерхольда. Мейерхольд «решительно порвал с традицией, раскрывающей Грибоедовскую комедию, как приятную старую картину жизни и быта, давно исчезнувшего. В Грибоедовской комедии, в современном ее раскрытии, режиссер нашел, прежде всего, мотив социального конфликта» [Соболев, с. 20–21].

Спустя полгода, 25 ноября 1928 г., на последней странице журнала «Красная нива» № 48 помещен шарж на Грибоедова (наряду с шаржами на В. А. Жуковского, И. А. Крылова и Н. А. Некрасова) в сопровождении текста: «Им сна от наших нету книг, / А нам от ихних больно спится!»

В 1929 г. в связи со 100-летием со дня трагической гибели Грибоедова было опубликовано немало посвященных ему материалов, причем основное внимание уделялось Грибоедову-драматургу. Так, журнал «Красная нива» № 7 от 10 февраля посвятил этой дате значительную часть номера, а на обложке помещено изображение драматурга. Для А. Старчакова, автора статьи «Грибоедов. 1829–1929», Грибоедов – «друг “муз и ветренных харит”, автор гениальной комедии, встреченной единодушным признанием, ближайший советник завоевателей Кавказа – Ермолова и Паскевича, – они не могли нахвалиться блестящими способностями молодого Грибоедова, – талантливый дипломат и знаток восточных дел, <...> отличный музыкант, математик, остролов, свободно изъяснявшийся на нескольких европейских и восточных языках... И в то же время – какая-то холодная скорбь, подтачивавшая самое существо его жизни». Глубинную причину этой скорби автор материала видит в том, что «Грибоедов не мог не видеть глубокого несовершенства социального строя, которому он с таким блеском служил» [Старчаков, с. 2–3]. Статью сопровождает иллюстративный ряд: портреты Грибоедова, фотографии сцен из спектакля «Горе от ума» в постановке МХТ (Чацкий – В. И. Качалов, Фамусов – К. С. Станиславский, Скалозуб – Л. М. Леонидов); Малого театра (бал у Фамусова – М. Н. Ермолова, К. Н. Рыбаков, А. А. Яблочкина, П. М. Садовский и др.) и театра им. Вс. Э. Мейерхольда.

Продолжает тему очерк Вл. Бонч-Бруевича «Грибоедов в Персии (По неизданным материалам)» [Бонч-Бруевич], в котором достаточно подробно описывается дипломатическая служба Грибоедова. Материал богато иллюстрирован, в т. ч. изображениями из фондов Государственного исторического музея, оформлен как научная статья – со сносками на работы предшественников, прежде всего на биографический очерк Н. К. Пиксанова о Грибоедове. Представляет интерес и очерк Н. Ашукина «Клуб грибоедовской Москвы» [Ашукин], посвященный истории Английского клуба, и так же богато иллюстрированный, в том числе гравюрой XIX в. с видом Мясницкой улицы и фотографиями персонажей «Горя от ума»: М. Л. Леонидов в роли Скалозуба (МХТ), И. М. Москвин – Загорецкого (МХТ).

Отметим, что рецепция биографии и деятельности Грибоедова в связи со столетием со дня его кончины специально не рассматривалась, в то время как аналогичной дате со дня смерти Пушкина посвящены монографии, см., например: [Молок; Платт].

Накануне войны, 1 июня 1941 г., Д. Тальников в статье «Армянский театр», напечатанной в «Литературной газете», вновь обращается к истории первой постановки фрагмента грибоедовской пьесы – «жемчужины русской национальной сцены – “Горе от ума”», «в Ереване, в Сардарской крепости, когда ее играли любители: офицеры и их жены», подтверждая этим фактом свой тезис: «Наиболее мощное влияние на новый армянский театр оказала великая культура русского классического театра, его неумирающие реалистические традиции». Отметим, что для обоснования упомянутого факта используются «сохранившиеся в Ереванском музее мемуары английского путешественника, жившего в Ереване в те годы» [Тальников].

Иные акценты прослеживаются в рецепции наследия и биографии Грибоедова в период Великой Отечественной войны. Показателен в этом отношении неподписанный материал «Литературный радиодневник отечественной войны», опубликованный в «Литературной газете» спустя менее чем два с половиной месяца после начала войны, 3 сентября 1941 г. Фамилия Грибоедова появляется здесь после имен советских авторов, произведения которых послужили основой «оборонных постановок», в числе «писателей-патриотов – участников войны 1812 г.», «писателей-воинов».

Газета отмечает:

Литературное радиовещание знакомит многомиллионную аудиторию с новыми оборонными постановками московских театров. В монтажах и отдельных сценах передаются по радио пьесы А. Первенцева «Крылатое племя», А. Гладкова «Давным-давно» и др.

Классическая литература будет представлена радиокомпозициями по роману Л. Толстого «Война и мир», патриотическими произведениями русских поэтов. Специальная историческая передача посвящена писателям-патриотам – участникам войны 1812 г. Интересно задуман цикл художественных радиопередач на тему «Сабля и перо» о русских писателях-воинах (Грибоедов, Денис Давыдов, Лермонтов) [Литературный радиодневник].

Полтора месяца спустя, 17 октября 1941 г., фамилия Грибоедова появляется на первой полосе «Известий» в редакционной передовице «Стойко, не щадя жизни, биться с врагом». Материал начинается с раскрытия значимости Москвы, которую необходимо защитить от неприятеля, в «истории русского народа»:

Враг рвется к Москве. На западных участках фронта, на дальних подступах к столице идут ожесточенные бои. Город готовится к обороне, он сумеет постоять за себя. Слишком много связано в жизни и сердце советского народа с Москвой, чтобы враг мог безнаказанно замахнуться на нее своим окровавленным мечом.

В Москве воплощена история русского народа. Здесь происходило становление русского государства. В стенах Москвы протекали крупнейшие события общественно-политической и культурной жизни страны. Здесь родился и рос Пушкин, тут оформлялись идеи герценовского кружка, с кафедры Московского университета читали лекции Грановский и Гоголь, здесь начинал свою деятельность Белинский, здесь творили Грибоедов и Лев Толстой» [Стойко, не щадя жизни...].

В день октябрьской годовщины и ставшего историческим парада на Красной площади, 7 ноября 1941 г., те же «Известия» помещают стихотворение Максима Рыльского «Москва», в котором первым из писателей, ставших символом Москвы, назван именно Грибоедов:

Где веет лучезарный гений
Свободы, творчества, весны,
Где светом мощных дерзновений
Все площади озарены,
Где, горечь бытия изведав,
Идя высокою тропой.
Боролся с ночью Грибоедов
И к строгой правде звал Толстой.

И только затем названы Пушкин, Маяковский и, конечно же, Ленин. В финальных строках звучит призыв сражаться за Москву:

О, сердце всей страны великой,
Неутомимый мозг земли, –
Москва! Как мир, ты многолика,
И не тебе лежать в пыли!

Пусть вражьи коршуны кружатся.
Прорезывая синеву, –
Народов рать идет сражаться,
За свет, за счастье, за Москву! [Рыльский].

Это произведение цитируется в «Заметках о советской поэзии наших дней» В. Перцова, опубликованных в газете «Литература и искусство» 14 марта 1942 г., которые начинаются другими именами: «С упоением, с восторгом повторяем мы вещи слова Пушкина, Лермонтова, Толстого о любви к России» [Перцов].

В той же газете полгода спустя Г. Михайлов в статье «Голос гражданина» вновь обращается к произведению Максима Рыльского, создавшему в тот период, «когда угроза нависла над Москвой», стихи, «в которых Москва предстает светочем человечества, сердцем народов нашей земли». В статье приводится объемный фрагмент произведения в переводе Я. Городского:

Брат, мы в Москве собирались не раз
<...> Там правдолюбца Толстого следы.
Там Грибоедов воинствовал, споря,
Там Маяковского Дни и труды,
Будто потоки весенней воды.
Встретились с Пушкиным, с мудростью моря [Михайлов].

Грибоедовскую тему продолжает Семен Кирсанов, 30 сентября 1942 г. напечатавший в журнале «Огонек» стихотворение «Бойцу-грузину». Здесь имя Грибоедова вводится в совершенно иные контексты:

Родину Сталина – Гори –
горным
прикроем хребтом.
Витязь!
Клянись не сдаваться –
Грузией,
снежной горой <...>

Дружба
бойцов и поэтов
спаяна сплавом одним,
камень,
где спит Грибоедов,
немцу
свалить не дадим [Кирсанов].

Акцент на грузинской составляющей биографии Грибоедова прослеживается в редакционной передовице «Святое братство народов СССР», опубликованной 16 мая 1943 г. в «Правде»:

Замечательное письмо посылают грузины-бойцы своему народу, трудящимся Грузии. <...> Царское правительство посылало многих декабристов на Кавказ, как в ссылку, но они, благородные русские патриоты, находили братский приют и теплое гостеприимство в грузинском народе. Великий русский поэт Грибоедов вошел в грузинскую семью, породнился с ней, и его гробница в Тбилиси почитается одинаково русскими и грузинскими людьми. Для Пушкина и Лермонтова Грузия была второй родиной» [Святое братство...].

В статье С. Сергеева-Ценского «Любовь к родине – великая традиция русской литературы», напечатанной в газете «Литература и искусство» 13 января 1942 г., заходит речь об огромном значении «для русской литературы 1812 года, когда создававшаяся веками Россия могла потерять свою самостоятельность, но напором всех своих сил отстояла ее». И возникает довольно пространственный перечень имен: «Пушкин, Грибоедов, Кольцов, Гоголь, Лермонтов, Некрасов, Тургенев, Белинский, Герцен и молодые: Лев Толстой, Достоевский, Салтыков-Щедрин, Островский, Лесков, Писемский» [Сергеев-Ценский].

Отметим, что в военные годы тематика, связанная с постановками грибоедовских произведений, на страницах советской периодики сохранилась. Об этом свидетельствуют, в частности, статьи «Мастера русской сцены» [Дурылин, 1943] и «Художественники» [Волков, 1943].

Дулылин упоминал Грибоедова и позже. Так, в начале статьи «Новатор. О драматургии Чехова», напечатанной 15 июля 1944 г. в газете «Литература и искусство», он отметил:

Чехов-драматург начинал не так, как его великие предшественники – Грибоедов, Гоголь, Островский.

Грибоедов и Гоголь встретили в театре Щепкина – отца русско-го сценического реализма, и спокойно вручили ему роли Фамусова и Городничего: его искусство актера оказалось именно тем, которое было нужно для «Горя от ума» и «Ревизора». Островского на пороге театра встретил Пров Садовский. «Горе от ума», «Ревизор», «Гроза» имели успех с первого спектакля – они сразу нашли актера, театр и зрителя, готовых их ставить, играть и смотреть [Дурылин, 1944b].

О Щепкине, в лице которого «классическая русская литература, реализм Грибоедова и Гоголя нашли <...> соратника и друга», пишет и Н. Игнатъев в статье «О культуре режиссера» [Игнатъев].

В ноябре 1944 г. Грибоедов упоминается в материалах, посвященных 200-летию со дня рождения И.А. Крылова. Дурылин в статье «Крылов и театр» рассматривает баснописца как предшественника драматурга, оказавшего на него существенное влияние:

В реалистических комедиях Крылова, проникнутых чувством уважения к творческим силам русского народа и великой любовью к России, нашла себе исход законная тревога лучших русских людей за судьбы русской национальной культуры, та самая тревога, которая позже прозвучала в стихах и письмах Рылеева и в монологах бессмертной комедии Грибоедова. <...> Драматургия басен Крылова имела огромное влияние на Грибоедова и на последующих драматургов. Быстрый, живой разговорный стих Грибоедова – это стих из комедий-миниатюр Крылова («Лжец», «Откупщик и сапожник», «Две собаки» и др.). У Крылова Грибоедов мог научиться иронии и сатирическому блеску стихотворного диалога [Дурылин, 1944a].

В «Известиях» в статье «И. А. Крылов и русская культура» Грибоедова упоминает М. Добрынин [Добрынин], а журнал «Крокодил» (№ 6–7 за 1945 г.) публикует вымышленную переписку двух «славных юбиляров» [Бермонт].

Грибоедов упоминался и в других контекстах, в частности, в материале Мих. Слонимского «Писатель и ученый», посвященном памяти Ю. Тынянова и опубликованном в газете «Литература и искусство» 25 декабря 1943 г. [Слонимский], и в очерке Н. Волкова «Москвин» (газета «Литература и искусство» от 17 июня 1944 г.), приуроченном к 70-летию со дня рождения прославленного актера, где выстраивается такой ряд: «Главное и основное – это Пушкин, Гоголь и Грибоедов, Островский и Салтыков, Лев Толстой и Достоевский, Алексей Толстой и Тургенев, Чехов и Горький. Русские классики определили столбовую дорогу Москвина. И она широко пролегла по бес-

крайним просторам русского самоцветного слова» [Волков, 1944]. Почти тот же перечень дается в статье П. Маркова (газета «Правда» от 18 июня 1944 г.):

Москвин – актер Толстого и Гоголя, Щедрина и Островского, Достоевского, Грибоедова, Чехова и Горького. Он сросся с ними, с их образами, с их произведениями, как он сросся с русской природой – с запахом лугов, ароматом полей, прохладой рек, прелестью русской песни. По его исполнению можно учиться не только актерской правде, но и познанию прошлого русской жизни. Москвин несет с собой на сцену опыт огромного русского художника, для которого Родина является поэзией, душой и смыслом творчества. <...> / Он нежно привязан к капитану Мочалке в «Братьях Карамазовых» и зло насмехается над Загорецким в «Горе от ума» [Марков].

К концу войны чаще появляются материалы, обусловленные постепенным возрождением мирной жизни, для которой характерны, в частности, постановки по произведениям русских классиков. Так, собственный корреспондент «Известий» (фамилия в материале не указана) сообщал 1 ноября 1944 г. из Новосибирска об открытии сезона в Новосибирском государственном драматическом театре «Красный факел» – была с успехом показана комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума» [Открытие сезона...].

Отметим очерк А. Земцова «Воля и труд», связанный с усадьбой, принадлежавшей роду Грибоедовых, и включенный в подборку «Смоленская область. Возрождается жизнь в освобожденных районах» (газета «Правда» от 22 ноября 1943 г.). Корреспондент газеты, приехавший в село Субботники (колхоз «Переключка») сообщает:

На высоком берегу неугомонной речки Каспля раскинулось село Субботники. Когда-то здесь жил Грибоедов. Пионеры, каждое лето разбивавшие в парке лагерные палатки, ревниво оберегали тенистую беседку, в которой, как утверждают старожилы, поэт писал свое бесмертное произведение.

Немцы вырубали парк, не оставили следа от беседки, пустили вековые липы и березы на блиндажи.

Оккупанты жгли, взрывали, уничтожали всё, чем славилось село.

Большой грибоедовский дом с колоннами – в нем была средняя школа – немцы спалили. Разрушили древнюю церковь. Из 56 домов колхозников 42 дома сожжены дотла» [Земцов].

Село Субботники (ныне административный центр Субботниковского сельского поселения Сычевского района Смоленской области)

после смерти в 1800 г. бездетного А. В. Нарышкина унаследовала его племянница Настасья Семеновна, которая со временем станет второй женой владельца Хмелиты А. Ф. Грибоедова, дяди А. С. Грибоедова. Подтвержденных сведений о пребывании в Субботниках драматурга не выявлено.

Отметим, что, помимо многочисленных упоминаний имени Грибоедова в периодике, в военные годы отдельными книгами выходили произведения драматурга, издавались посвященные ему книги. В 1941 г. в Тбилиси на грузинском языке была напечатана «документальная монография» Якова Балахашвили «А. С. Грибоедов и Нина Чавчавадзе» ([Балахашвили], зафиксирована в «Книжной летописи» за 15 августа 1942 г.), в 1942 г. в Москве выпустили комедию «Горе от ума» с иллюстрациями М. Башилова [Грибоедов, 1942].

Если торжества, посвященные 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина в 1949 г. были масштабными и стали предметом рассмотрения специалистами (см. напр.: [Семенова; Mihailovic; Voronina], то празднование грибоедовского юбилея по двум основным причинам – в связи с продолжением войны и меньшей в сравнении с Пушкиным популярностью Грибоедова – было достаточно скромным и не рассматривалось как отдельная исследовательская тема.

В преддверии юбилея писателя и дипломата, который отмечался 15 января 1945 г., активно работал Всесоюзный комитет по проведению 150-летия со дня рождения А. С. Грибоедова. Впервые он собрался всего за месяц до знаменательной даты. Краткие отчеты о заседаниях публиковались в центральной периодике. Так, «Правда» информировала читателей о заседании, прошедшем 16 декабря 1945 г. под председательством Л. М. Леонова. Для реализации поставленной цели – «популяризация творчества великого русского писателя среди трудящихся Советского Союза» – были намечены весьма обширные планы:

Издательства, научные и общественные организация Москвы и союзных республик ознаменуют юбилей выпуском произведений писателя, проведением научных сессий и вечеров, открытием выставок.

Гослитиздат выпускает большим тиражом однотомник сочинений Грибоедова и его пьесу «Горе от ума». Монографию «А. С. Грибоедов» готовит издательство «Советский писатель». Пьесу «Горе от ума», юбилейный плакат и портрет писателя издает «Советское искусство», грибоедовский сборник выйдет также в издательстве «Молодая гвардия».

Ряд изданий намечает выпустить в связи с юбилеем Академия наук СССР. Запроектировано полное собрание сочинений писателя под редакцией Н. Пиксанова и брошюра Н. Пиксанова «Жизнь и творчество Грибоедова».

На заседании комитета были также сделаны сообщения о подготовке к юбилею в союзных республиках. В Грузии готовится к изданию грибоедовский однотомник. В книгу включены пьеса «Горе от ума» и произведения писателя, построенные на грузинской тематике. Доцент Тбилисского университета В. Шадури закончил книгу «Грибоедов и грузинская культура».

<...> В Киеве над новым переводом «Горе от ума» на украинский язык работает поэт академик М. Рыльский.

В Московском университете, в котором учился писатель, вводится курс лекций «Грибоедов и его время». К юбилею выйдет сборник «Грибоедов и Московский университет». <...> Намечено осуществить к юбилею ряд мероприятий в области искусства. Спектакль «Горе от ума» возобновляется во многих театрах [В юбилейном грибоедовском комитете].

Более подробную информацию о заседании разместила 24 декабря «Литературная газета». В том же номере газеты – и другие материалы, связанные с Грибоедовым: большая статья М. В. Нечкиной «Грибоедов и его эпоха» и информация о работе над грибоедовским томом «Литературного наследия» (выйдет в 1946 г.).

Очередное заседание комитета прошло 25 декабря под председательством Л. С. Соболева. В планы были внесены дополнения, в частности:

Московский Государственный университет отмечает юбилей торжественным заседанием. С 10 по 20 января на филологическом факультете будет проходить Грибоедовская сессия, организуются лекции, посвященные творчеству великого писателя. При университете создана лекторская группа, которая примет участие в проведении грибоедовских докладов и вечеров на предприятиях, в вузах и школах Краснопресненского района столицы и в подшефных университету Воскресенском и Можайском районах Московской области. Академия наук СССР ознаменует грибоедовские дни <...> торжественным общим собранием. Юбилейное собрание состоится также в Ленинградском институте литературы Академии наук.

Массовые мероприятия, направленные к популяризации творчества писателя, проводит Наркомпрос РСФСР. 15 января состоится вечер студентов Москвы, созываются грибоедовские заседания кафедр русской литературы вузов.

Лекции, беседы и вечера проводят все городские и районные библиотеки. К юбилейным дням Наркомпрос готовит для изб-читален, районных и сельских клубов плакат <...>» (ТАСС) [В Грибоедовском юбилейном комитете].

«Правда» 18 декабря 1944 г. проинформировала о создании Совнаркомом Армянской ССР «республиканского юбилейного комитета по проведению 150-летия со дня рождения Грибоедова под председательством писателя Демирчяна. Совнарком поручил комитету разработать мероприятия по увековечению памяти Грибоедова и широкой популяризации его творчества» [К 150-летию со дня рождения Грибоедова]. Более подробную информацию об этом опубликовали 27 декабря «Известия»:

Будут изданы на армянском языке брошюры о Грибоедове, его «Путевые записки об Армении», комедия «Горе от ума» в переводе профессора Абова, роман Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара». Одновременно к печати подготавливаются сборник исследований «Грибоедов и Восток» и сборник находящихся в архивах Армянской ССР неизвестных до сих пор документов и материалов об отдельных периодах жизни и деятельности Грибоедова.

Академия наук Армянской ССР проводит научную сессию, посвященную Грибоедову. Театры им. Сундукяна и им. Станиславского включают в репертуар 1945 года комедию «Горе от ума». В вузах, школах и на предприятиях организуется цикл докладов и лекций о творчестве великого русского писателя [Подготовка к грибоедовским дням].

О подготовке к юбилею как в Москве и Ленинграде, так и в Белоруссии сообщает 1 января 1945 г. «Литературная газета», а журнал «Огонек» за 10 января 1945 г. помещает портрет Грибоедова (на обложке) и несколько посвященных ему материалов.

В победном 1945 г. в связи со 150-летием со дня рождения Грибоедова было выпущено немало полиграфической продукции. Прежде всего, это несколько изданий Грибоедова: под редакцией, со вступительной статьей и с примечаниями Вл. Н. Орлова вышел объемный том «Сочинений» [Грибоедов, 1945d], под редакцией и со вступительной статьей того же Орлова в «Школьной библиотеке» – комедия «Горе от ума» [Грибоедов, 1945c]. Главное произведение Грибоедова вышло также в Москве под редакцией, со вступительной статьей и комментариями Н. К. Пиксанова [Грибоедов, 1945a] и в Ростове-на-Дону – со вступительной статьей Г. П. Сердюченко

[Грибоедов, 1945b]. Было издано несколько очерков жизни и творчества Грибоедова [Богданова; Жданов; Петров; Орлов]. М. В. Нечкина занимавшаяся в довоенные годы преимущественно декабристами, а в 1941 г. выпустившая в Москве книгу «Исторические традиции русского военного героизма», переизданную в 1942 г. в Москве, Казани, Красноярске и Сталинграде, издала в 1945 г. небольшую по объему монографию «Следственное дело о А. С. Грибоедове» [Нечкина]. Отдельным изданием вышла лекция крупнейшего исследователя биографии и творчества Грибоедова члена-корреспондента АН СССР Н. К. Пиксанова, прочитанная 8 января 1945 г. в преддверии 150-летия со дня рождения драматурга [Пиксанов].

В том же 1945 г. В. А. Парсамян защитил в Ереване докторскую диссертацию по истории на тему «А. С. Грибоедов и армяно-русские отношения» [Парсамян], а Е. С. Смирнова-Чикина подготовила рекомендательный указатель литературы «Александр Сергеевич Грибоедов» [Александр Сергеевич Грибоедов].

В 1945 г. в Москве, Ленинграде, Киеве и Харькове были изданы репродукции с портретов Грибоедова, а издательство «Красный Крым» выпустило плакаты художника М. Щеглова «Дистанция огромного размера (А. С. Грибоедов “Горе от ума”» и «Ну как не порадеть родному человечку!.. (А. С. Грибоедов “Горе от ума”» формата 42 на 31 см. На первом из плакатов советский воин на фоне карты, на которой отмечены Сталинград, Москва, Будапешт, Вена и Берлин, а также реки Волга, Дон, Днепр, Днестр и Дунай, попирает загнанных в угол фашистов и беса. Антифашистскую направленность имеет и второй плакат.

Некоторые издания, о которых говорилось на заседаниях юбилейного комитета, были изданы не в 1945 г., а позже, например, в 1946 г. в Тбилиси вышла в свет книга Вано Шадури «Грибоедов и грузинская культура», а в Москве – грибоедовский том «Литературного наследства» (№ 47/48).

Совершенно неизученными остаются заграничные издания, однако они были. Так, в фондах Российской государственной библиотеки удалось обнаружить пьесу «Горе от ума», изданную в Анкаре на турецком языке в серии «Переводы из мировой литературы. Русская классика» [Griboyedov]. Однако эта тема требует отдельной разработки.

Дистанция огромного размера.

(А. С. Грибоедов „Горе от ума“.)

Рисует художник М. Щеголев
ИФ 01031 Зак. № 163 Тираж 8000 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНЫЙ КРЫМ“.

Отв. редактор Е. П. Степанов
Типо-лит. изд-ва „Красный Крым“. Цена 3 рубля

Ну как не порадовать родному человеку!..

(А. С. Гребовин «Горе от ума».)

Рисунок художника М. Шелова

Стихи, редактор Е. В. Степанов

ИД 01022 - Зак. № 98 Тираж 3000 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КРАСНЫЙ КРЫМ»

Типо-лит. изд-ва «Красный Крым» Цена 3 рубля

Выявление и исследование материалов о Грибоедове, опубликованных в годы Великой Отечественной войны, позволяет констатировать, что в тот период он стал восприниматься не только как талантливый драматург, главное произведение которого – комедия «Горе от ума» – было принято публикой, но печаталось в первые годы с цензурными изъятиями и расходилось в списках, но и как патриот России, участник Отечественной войны 1812 года. Нередко имя Грибоедова возникает в числе не только наиболее известных русских авторов, но и писателей-воинов. Хотя подготовка к юбилею драматурга началась только в конце 1944 г., он был ознаменован значительным числом статей, переизданий его книг, изданий, посвященных биографии, и научных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Богданова А. А.* Александр Сергеевич Грибоедов: К 150-летию со дня рождения (1795–1945). Новосибирск: Новосибирское обл. гос. изд-во, 1945. 34 с.
2. *Жданов В. А. С.* Грибоедов. 1795–1945. [М.]: [Литературная газета], [1945]. 8 с. (Библиотечка «Литературная газета»).
3. *Молок Ю. А.* Пушкин в 1937 году: Материалы и исследования по иконографии. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 266 с.
4. *Нечкина М. В.* Следственное дело о А. С. Грибоедове / Академия наук СССР. Институт истории. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1945. 96 с.
5. *Орлов В. Н. А. С.* Грибоедов: К 150-летию со дня рождения / под ред. И. Клабуновского. М.: Гос. лит. музей, 1945. 32 с.
6. *Парсамян В. А. А. С.* Грибоедов и армяно-русские отношения: в 2-х т.: дис. ... докт. ист. наук. Ереван, 1945. 563 с.
7. *Петров С. М. А. С.* Грибоедов. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1945. 94 с.
8. *Пиксанов Н. К. А. С.* Грибоедов и его творчество: Стенограмма публичной лекции чл.-кор. АН СССР Н. К. Пиксанова, прочитанной 8 января 1945 г. / Лекционное бюро при Ком. по делам высшей школы при СНК СССР. М.: [Б. и.], 1945. 16 с.
9. *Платт Д. Б.* Здравствуй, Пушкин!: сталинская культурная политика и русский национальный поэт / пер. с англ. Я. Подольного. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 352 с.

10. Семенова Н. В. Пушкинские торжества 1949 года и пьеса К. Г. Паустовского «Наш современник» // Творческое наследие Константина Паустовского в XXI веке: Сб. научных статей. Вып. 1. М.: МАКС пресс, 2023. С. 163–184.

11. Mihailovic A. «Sometimes I Feel Like a Motherless Child»: Paul Robeson and the 1949 Pushkin Jubilee // Under the Sky of My Afrika. Alexander Pushkin and Blackness. Evanston, Illinois: NUP, 2006. P. 302–331.

12. Voronina O. «Te Sun of World Poetry»: Pushkin As a Cold War Writer // Pushkin Review. 2011. Vol. 14. P. 63–95.

Источники

13. Александр Сергеевич Грибоедов: Рекомендательный указатель литературы / сост. Е. С. Смирнова-Чикина; под общ. ред. проф. Н. Л. Бродского. М.: [Б. и.], 1945. 72 с. (серия «Великие русские писатели» / Гос. ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина; Вып. 5).

14. Ашукин Н. Клуб грибоедовской Москвы // Красная нива. 1929. 10 февраля. № 7. С. 8–9.

15. Балахаивили Я. А. С. Грибоедов и Нина Чавчавадзе. Документальная монография. Тбилиси: Детюниздат Грузинской ССР, 1941. 156 с.

16. Бермонт Евг. Говорит Крокодил // Крокодил 1945. № 6–7. С. 6.

17. Бонч-Бруевич Вл. Грибоедов в Персии (По неизданным материалам) // Красная нива. 1929. 10 февраля. № 7. С. 5–7.

18. В Грибоедовском юбилейном комитете // Известия. 1944. 26 декабря. № 304. С. 3.

19. В юбилейном грибоедовском комитете // Правда. 1944. 17 декабря. № 302. С. 2.

20. Волков Н. Москвин // Литература и искусство. 1944. 17 июня. № 25. С. 2.

21. Волков Н. Художественники // Литература и искусство. 1943. 21 марта. № 12. С. 2.

22. Грибоедов А. С. Горе от ума. Комедия в 4 д. в стихах. М.-Л.: Детгиз, 1942. 144 с.; с илл. (Школьная б-ка).

23. Грибоедов А. С. [Грибоедов, 1945a] Горе от ума: Комедия в 4 действиях в стихах / ред., вступ. статья и комм. Н. К. Пиксанова. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1945. 144 с.

24. Грибоедов А. С. [Грибоедов, 1945b] Горе от ума: Комедия в 4 действиях в стихах / вступ. статья проф. Г. П. Сердюченко. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 1945. 124 с.; портр.

25. Грибоедов А. С. [Грибоедов, 1945с] Горе от ума: Комедия в 4 действиях в стихах. Для неполной средней и средней школы / ред. и вступ. статья Вл. Н. Орлова; илл. М. С. Башилова. М.; Л.: Изд. и фабрика детской книги Детгиза, 1945. 152 с. (Школьная библиотека).
26. Грибоедов А. С. [Грибоедов, 1945d] Сочинения / ред., вступ. статья и прим. Вл. Орлова. Л.: Гослитиздат, 1945. XL + 664 с.; 5 л. ил.
27. Добрынин М. И. А. Крылов и русская культура // Известия. 1944. 21 ноября. № 275. С. 3.
28. Дурылин С. [Дурылин, 1944а] Крылов и театр // Советское искусство. 1944. 14 ноября. № 2. С. 3.
29. Дурылин С. [Дурылин, 1944b] Новатор. О драматургии Чехова // Литература и искусство. 1944. 15 июля. № 29. С. 3.
30. Дурылин С. Н. Мастера русской сцены // Литература и искусство. 1943. 21 марта. № 12. С. 2.
31. Земцов А. Воля и труд // Правда. 1943. 22 ноября. № 288. С. 3 (в подборке материалов «Смоленская область. Возрождается жизнь в освобожденных районах»).
32. Игнатьев Н. О культуре режиссера // Советское искусство. 1944. 14 ноября. № 2. С. 3.
33. К 150-летию со дня рождения Грибоедова // Правда. 1944. 18 декабря. № 303. С. 3.
34. Кирсанов С. Бойцу-грузину // Огонек. 1942. 30 сентября. № 38. С. 4.
35. Литературный радиодневник отечественной войны // Литературная газета. 1941. 3 сентября. № 35. С. 4.
36. Марков П. Вдохновенный художник (К 70-летию со дня рождения И. М. Москвина // Правда. 1944. 18 июня. № 146. С. 3.
37. Михайлов Г. Голос гражданина // Литература и искусство. 1942. 19 сентября. № 38. С. 2.
38. Открытие сезона в театре «Красный факел» // Известия. 1944. 2 ноября. № 261. С. 2.
39. Перцов В. Заметки о советской поэзии наших дней // Литература и искусство. 1942. 14 марта. № 11. С. 2.
40. Подготовка к грибоедовским дням // Известия. 1944. 27 декабря. № 305. С. 3.
41. Рыльский М. Москва // Известия. 1941. 7 ноября. № 264. С. 4.
42. Святое братство народов СССР // Правда. 1943. 16 мая. № 125. С. 1.
43. Сергеев-Ценский С. Любовь к родине – великая традиция русской литературы // Литература и искусство. 1942. 13 января. С. 3.
44. Слонимский Мих. Писатель и ученый // Литература и искусство. 1943. 25 декабря. № 52. С. 4.

45. *Соболев Ю.* «Горе от ума» и «Горе уму» // Красная нива. 1928. 13 мая. № 20. С. 20–21.
46. *Старчаков А.* Грибоедов. 1829–1929 // Красная нива. 1929. 10 февраля. № 7. С. 2–4.
47. Стойко, не щадя жизни, биться с врагом // Известия. 1941. 17 октября. № 246. С. 1.
48. *Тальников Д.* Армянский театр // Литературная газета. 1941. 1 июня. № 22. С. 5.
49. *Griboyedov.* Akıldan belâ / Z. Akkoç ve Ş.S. İlter tarafından dilimize çevrilmiştir. Ankara: Milli eğitim basımevi, 1945. XXXIII + 107 с. (Dünya edebiyatından tercülemeler. Rus klasikleri; 28).

<https://www.doi.org/10.29003/m3637.khmelita-19/149-159>

<https://elibrary.ru/rsktiq>

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2=411.2)

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NoDerivatives
4.0 (CC BY-ND)

ДРЕВНЕРУССКИЕ МОТИВЫ И ОБРАЗЫ В СТИХОТВОРЕНИЯХ АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО 1941–1945 гг.

© 2023. Е.А. Андреева

Аннотация: В статье рассматривается функционирование древнерусских художественных образов и мотивов в поэзии Арсения Тарковского времени Великой Отечественной войны. Обращение к мотивам и образам древнерусской литературы вписывает современные события в исторический контекст, благодаря чему создается общая картина, связывающая прошлое и настоящее страны. Особенно востребованными автором оказываются образы Игоря и Ярославны из «Слова о полку Игореве», переосмысленные и пересозданные с учетом новой ситуации. Ярославна превращается символ любви, печали, тоски, памяти, в ее образе все противостоит войне и жестокости. В стихотворениях 1941–1946 гг. появляются отсылки к ордынскому нашествию. Образы захватчиков возникают в строках стихотворения ассоциативно, интуитивно: это монголы, «татарва», Мамай. Стихотворения о войне лишены картин боя, описания жестоких и разрушительных последствий, основная их тема – тема любви (не только мужчины и женщины, но и любви к родине) и памяти, связи прошлого, настоящего и будущего. Переоценивая культурно-исторический материал, Арсений Тарковский наполняет известные образы новым, универсальным звучанием.

Ключевые слова: стихотворение, А. Тарковский, древнерусская литература, «Слово о полку Игореве», Игорь, Ярославна, орда, война.

Информация об авторе: Екатерина Александровна Андреева – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: aaa46aaa@yandex.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8829-3084>

Для цитирования: *Андреева Е.А.* Древнерусские мотивы и образы в стихотворениях Арсения Тарковского 1941–1945 гг. // Первые Кулаковские чтения: На полях воинской славы России / отв. ред. М.В. Скороходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 149–159. <https://www.doi.org/10.29003/m3637.khmelita-19/149-159>

ANCIENT RUSSIAN MOTIFS AND IMAGES IN THE POEMS OF ARSENY TARKOVSKY 1941–1945

© 2023. Ekaterina A. Andreeva

Abstract: The article examines the functioning of ancient Russian artistic images and motifs in the poetry of Arseny Tarkovsky during the Great Patriotic War. The appeal to this motives and images fits modern events into the historical context, helps to create a general picture linking the past and present of the country. The author is particularly in demand for the images of Igor and Yaroslavna from “The Word about Igor’s Regiment”, he reinterprets and re-creates images taking into account the new situation. Yaroslavna turns into a symbol of love, sadness, longing, memory, in her image everything opposes war and cruelty. In the poems of 1941–1946 there are references to the Horde invasion. Images of invaders appear in the lines of the poems associatively, intuitively: these are mongols, “tatarva”, Mamai. Poems about the war are devoid of pictures of battle, descriptions of cruel and destructive consequences, their main theme is the theme of love (not only between a man and a woman, but also love for the motherland) and memory, the connection of the past, present and future. Overestimating the cultural and historical material Arseny Tarkovsky fills the famous images with a new, universal sound.

Keywords: poem, A. Tarkovsky, ancient Russian literature, “The Word about Igor’s Regiment”, Igor, Yaroslavna, Horde yoke, war.

Information about the author: Ekaterina A. Andreeva, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: aaa46aaa@yandex.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8829-3084>

For citation: Andreeva, Ekaterina A. Ancient Russian Motifs and Images in the Poems of Arseny Tarkovsky 1941–1945. *First Kulakov Readings: On the Fields of Russia's Military Glory*. Ex. ed. Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 149–159. (In Russian). <https://www.doi.org/10.29003/m3637.khmelita-19/149-159>

Стихам А. Тарковского, как отмечали многие исследователи его творчества, присуща широта охвата тем и мотивов, многообразие отсылок к образам мировой культуры. Поэт «вбирает в себя прошлое, настоящее и будущее», является носителем «вечной» памяти [Павловская, с. 78].

В сознании А. Тарковского эпохи и пространства сопряжены, очень тесно взаимосвязаны, образуют одну картину бытия, а потому прошлое оказывается соотносимо с настоящим, актуальным контекстом. Это же касается текстов о Великой Отечественной войне, написанных непосредственно в 1941–1945 гг., когда автор находился внутри этих трагических для судьбы страны и для его сограждан событий: «Война в его стихотворениях предстает не картинами боя, атаки, обороны или фронтового быта, а как бы со стороны, чуть смещенно в пространстве и времени» [Пекелис, с. 124]. Вот эта смещенность и дает некое универсальное представление о событии, заставляет автора обращаться к пласту древней, в частности древнерусской литературы (и культуры в целом). Уже в раннем стихотворении «Близость войны» (1940) появляются мотивы, отсылающие читателя в древнерусской легенде:

И слава будет не слова,
А свет для всех, но только проще,
И эта жизнь – плакун-трава
Пред той широкошумной рощей [Тарковский, с. 28].

Конечно, первое, что привлекает внимание, – это переключка с творчеством А.С. Пушкина («широкошумные дубровы»), но здесь есть и другой образ-символ (плакун-трава), истоки которого следует искать в Галицко-Волынской летописи. В повествовании о двух половецких ханах (интересно, что речь идет не о своих, а о врагах Руси), братьях Отроке и Сырчане, рассказывается, как они потерпели по-

ражение от войска князя Владимира (мотив победы древнерусского князя над внешним врагом) и как Отрок ушел в глубь степей, вдаль от родной земли (еще один важный мотив – тема родины, которая не отпускает). Сырчан звал Отрока назад, уговаривал вернуться уже после смерти Владимира, но тот не поддавался на уговоры (слова оказались не столь важны, не в них дело). Все изменил пучок сухой травы емшан, полыни, плакун-травы, сохранившей запах родных степей. Вдохнув этот запах, Отрок не смог устоять против зова родины и вернулся.

Как видим, на уровне сюжета, никаких пересечений с древним источником нет. Но в стихотворении речь также идет о войне и родине, нравственном выборе, о жизни и смерти, о том, как чуждое, вражеское противостоит своему, родному, окруженному памятью рода и сонмом предков. Слова (как и в легенде) – это пустое («слава будет не слова»), человека поддерживает память и принадлежность к чему-то большему. Жизнь, как плакун-трава, горькая, тяжелая, трудная, так как человек стоит на пороге больших изменений и трагических событий, но есть своя доля, от которой невозможно отказаться, необходимо пройти свой путь достойно. Сюжеты, древнерусский и Тарковского, не дублируются, не повторяют друг друга, просто существуют в одной плоскости – внутри размышлений о судьбах человека и родины. Даже эта отсылка, скорее всего, являлась неосознанной и ненамеренной.

Говоря же о стихотворениях, написанных во время Великой Отечественной войны, можно отметить, что фактически в них функционируют только два древнерусских сюжета. Один – конкретный, вбирающий образы, мотивы, отчасти лексику «Слова о полку Игореве», другой – абстрактный, отсылающий не к конкретному тексту, но к событию, так или иначе отраженному в древнерусских источниках – ордынскому завоеванию. Исследователи Н.Л. Шилова и П.В. Вечерова отмечали, что стихотворения с отсылками к древнерусским текстам «имеют характер частных деталей и помещены не в сильных позициях раздела, не в начале и в конце, а как бы спрятаны в середине, обрамлены стихотворениями совсем иной тематики» [Шилова, Вечерова, с. 431].

В «Слове о полку Игореве» речь шла о неудачном походе новгород-северского князя Игоря Святославича на половцев, приведшем к пленению князя, то есть враг одержал победу над древнерусским

князем (но не над страной), хотя последнему и удалось спастись. Ордынское нашествие (главными литературными врагами-символами которого стали Батый и Мамай, наиболее часто упоминаемые в текстах) также начиналось очень страшно и печально для Руси. Не случайно летописцы с особым тщанием описывали тяжелые последствия нашествия для отдельных русских городов и всей Русской земли, обращали внимание на казни князей в Орде.

В стихотворении А. Тарковского «Русь моя, Россия, дом, земля и мать» (1941–1944) Русь – это первое определение родины. Родная земля – это Русь, т. е. память, осознание своих корней, прошлое, в том числе и героические страницы истории. Русь («моя», как и у А. Блока, – интимное, близкое обращение) соседствует с современной Россией, а дальше клубок ассоциаций разворачивается: дом – земля – мать. Это что-то близкое и родное, где проходит жизнь (дом), то, что очерчено пределами, границами (земля), с чем связан самой крепкой связью, пуповинной (мать). Обратим внимание, что родина не жена, даже не мать, поэт называет ее матерью, тем самым расширяя временные (мать – устаревшее, стилистически высокое слово) и пространственные (Божья Мать, Богомать) границы. После длинных размышлений о смысле понятия родина для разных людей, появляющихся в цепочках ассоциаций, уместившихся в три предложения (два из которых короткие, равны одной строфе), следуют три риторических вопроса, в основе которых лежат древнерусские образы-символы.

«Разве даром уголь твоего глагола / Рдяным жаром вспыхнул под пятой монгола?» [Тарковский, с. 49] – перед нами ситуация, когда ордынцы (здесь названные нейтрально монголами) попирают главное достояние человека¹, способ проявления его национальной идентичности – язык. Однако «уголь глагола» вспыхнул ярко и неожиданно, пусть и не пламенем, но жаром, чтобы продолжать гореть, а не тлеть и дотлевать. Монголы не смогли примять своей «пятой» то, что прорастало веками.

¹ Для древнерусского человека иноплеменники, другие, чужие – по крови, языку, а уже позже по вере. «Степных врагов с востока стали называть варварами и погаными позднее, когда возникла необходимость в символическом обозначении единения Руси против общих врагов, а физической силы рода для подобного выражения стало уже недостаточно» [Колесов, с. 18].

Далее (не по хронологии древнерусских событий) появляется новый вопрос: «Разве горький Игорь, смертью смерть поправ, / Твой не красил кровью бегряный рукав?» [Тарковский, с. 49]. Привычные и знакомые образы «Слова о полку Игореве» наполняются новым содержанием, стремительно расширяются идейно и начинают по-иному функционировать. Игоря сопровождает эпитет «горький» (в «Слове...» автор избегал оценочных определений по отношению к главному герою) – преисполненный горя, обид и разочарований, потерпевший поражение в бою, но «смертию смерть» поправший (подобно Христу), сумевший выжить и вернуться на родную землю. Русь же в стихотворении Тарковского становится Ярославной, женой, заступницей, вымолившей мужа из плена, ведь именно она смачивала «бегрян рукав» в реке Каяле, желая утереть кровавые раны Игоря. Здесь родина – это спасительница, но при этом кровь спасенного остается на ее рукаве, в памяти.

Последний древнерусский образ-символ данного стихотворения – это Андрей Рублев: «Разве киноварный плащ с плеча Рублева / На ветру широком не полощет снова?» [Тарковский, с. 49]. За счет упоминания имени известного иконописца, цвета (киноварь – краска, широко использовавшаяся в рукописных книгах и иконописи), действия (полощется на ветру) создается зримый образ хоругви с изображением Спаса на красном фоне, стяга, развевающегося клином на ветру и оберегающего войско и страну.

Все древнерусские образы, появляющиеся в стихотворении, вдохновляют на борьбу, так как они являются подтверждением неизбежности победы, торжества справедливости не силой оружия, но силой духа и славой предков. Интересно, что эпиграфом к стихотворению выбрана цитата из «Слова...»: «Кони ржут за Сулюю». Эта фраза – своеобразная точка отсчета, она считается началом выступления в поход (по реке Суле проходила граница с половцами): вражеские кони рядом, битва вот-вот состоится. Эта фраза придает тексту стихотворения напряженность, динамичность, она словно воодушевляет, подталкивает к бою, рисуя его неотвратимость.

Стихотворение «Чего ты не делала только...» (1942) снова обращается к мотивам «Слова...», но теперь ключевых фигур будет две – Игорь и Ярославна, муж и жена, а потому основной темой текста все же является любовная, интимная, с которой тесно связана

тема защиты родины. Все воинское, враждебное, стремительное отходит на второй план. Перед нами история взаимоотношений героев, современных Игоря и Ярославны, которые в древнерусском тексте не появлялись рядом друг с другом, их связь была исключительно не расстоянию, через пространство, это и есть та самая духовная связь, которая помогла Игорю вернуться из плена. В стихотворении Тарковского героиня чего только ни делала, «чтоб видеться тайно» с лирическим героем:

Кукушкой в лесу притаилась
и так куковала, что люди
Завидовать стали: ну вот,
Ярославна твоя прилетела [Тарковский, с. 53].

Ярославна в «Слове...» кликала то ли кукушкой, то ли чайкой (зависит от перевода слова «зегзица»), обращалась к силам природы: ветру, Днепру, солнцу, трем стихиям. Сила заклинаний Ярославны в древнерусском тексте и героини стихотворения одинакова – они спасают героя:

С тех пор не дивлюсь я, что гибель
обходит меня стороною... [Тарковский, с. 54].

Но чтобы спастись, князю нужно было выбраться из плена и бежать из половецких степей, где рыскали ханы Гзак и Кончак, в русскую землю. Современному Игорю тоже нужно совершить определенные действия:

Я должен ладью отыскать,
Плыть и плыть и, замучась, причалить [Тарковский, с. 54].

Спасение сопряжено всегда с монотонными, однообразными, трудными действиями, которые необходимо выполнить. И это не просто возвращение домой, на родную землю, но и обретение любви, воссоединение.

В конце стихотворения речь идет о войне, которая «потчует солью», и только любящая, верная и преданная родная душа, Ярославна, может дать глоток воды, спасти от беды, последние строки – это уже заклинание героя, его призыв, просьба, мольба:

Дай пить, напои меня, дай мне воды
хоть глоток, хоть немного [Тарковский, с. 54].

Игорь времен войны просит не стихии, но ту, кто уже спасала его не раз, возвращалась мыслями всегда: Ярославна – это не только любовь, но и надежда на спасение.

Еще одна отсылка к «Слову...» встречается в стихотворении «Тебе не наскучило каждому сниться» (1945–1946), скорее, обращаясь к теме послевоенных будней и осознания произошедшего. Теперь лирический герой не ассоциирует себя с князем, который вернулся. В стихотворении с читателем вступает в диалог воин, который пал в битве, погиб в половецкой земле. Но именно через обращение к образу Игоря и выстраиваются отношения погибшего с Ярославной:

Твой Игорь не умер в плену от печали,
Погоне назло доконал он коня,
А как мы рубились на темной Каяле,
Твой князь на Каяле оставил меня [Тарковский, с. 73].

Судьбы князя и судьба воина (не названного по имени, безымянного героя) разные, это подчеркивается лексическими повторами, выделением слов: «твой Игорь / князь» спасся, на Каяле герой погиб. Но Ярославна не перестает петь, плакать, причитать, она снится каждому, кто не вернулся назад. Из интимного образа жены, любящей женщины вырастает образ всеобъемлющей печали, тоски, грусти. Ярославна не перестает плакать даже тогда, когда близкий ей человек остался в живых и вернулся домой, потому что необходимо «остудить раны» всех павших и не вернувшихся. «Смертное тело» павшего воина остается лежать на русской земле, но история не завершается: на смену одной битве приходит новая – «по русские очи с каленым железом пришла татарва» [Тарковский, с. 73]. Память, однако, вечна, за это лирический герой благодарит Ярославну, которая «стонала» и «пела» – рыдала, оплакивала и в то же время воспевала. Душа человека (в данном случае воина) бессмертна, она сливается с природной стихией («я ветром иду по горячей золе»), прах же рассеивается над «родимой землей», становится почвой для следующих поколений. Лирический герой не сетует на свою участь, не завидует Игорю, он принимает судьбу, а плач Ярославны помогает ему в этом, как каждому погибшему воину. Образ Ярославны становится символическим: это и жена Игоря, княгиня, и женщина, оплакивающая близкого, и родина, и память. В этом ее облике все противостоит

войне и жестокости. При этом у него есть четкая орнитологическая ассоциация – кукушка («княгиня зегзица», «кукушка», «зегзица», «кукованье», «на сизом крыле»)¹.

На примере рассмотренных стихотворений видим, что именно Игорь и Ярославна оказались наиболее востребованными образами, но все же женский появляется чаще, в разных ситуациях и приобретает иные масштабы. Ярославна становится ассоциацией горя от потери и символом надежды, если не на жизнь, то на память, жизнь вечную. Это и княгиня древней Руси (правда лишенная всякого древнерусского антуража), и женщина, и подруга, и вера, это многозначный и одухотворенный символический образ, являющийся по сути антитезой войне, жестокости, смерти, разрушениям, это связующее звено между миром природы и миром людей (как в «Слове...»), между миром живых и мертвых, своеобразный «пуп земли», середина мира, центр, выполняющий гармонизирующую роль.

В стихотворениях, рассмотренных выше, дважды упоминалось (как бы вскользь, невзначай, ассоциативно) ордынское завоевание. Поэт называет захватчиков то нейтрально-обобщенно («монголы»), то уничижительно и пренебрежительно («татарва»). Ордынские образы, уже не перекликающиеся в одном стихотворении с образами «Слова...», звучат и в стихотворении 1943 г. «Проводы»:

Словно черные кони Мамая
Где-то близко, как в те времена,
Мчатся, снежную пыль подымая,
Ветер бьет, и звенят стремена [Тарковский, с. 56].

Стихотворение лишено конкретного субъекта, по крайней мере герой ни разу не назван посредством местоимения («я» или «он»), что придает тексту особую широту звучания – одна боль, одна судьба. Проводы – это обряд прощания с человеком (сыном отечества), который отправляется на войну. При этом женский персонаж назван несколько раз – это жена, причитающая и заламывающая руки.

¹ В фольклорной традиции это образ трагичный. «Она вдовица, и есть несколько версий того, куда девался муж: он умер, он утонул и ее кукование – это безутешный плач». «Отождествление кукушки с несчастной женщиной было распространено настолько широко, что стало нарицательным для выражения сочувствия к ней». «Не легендарная, а реальная кукушка воспринималась как вестница с того света» [Баркова, с. 60–61].

«Поэту нет надобности переноситься, путешествовать во времени и пространстве. Эпохи в его сознании сопряжены столь тесно, “взаимообменно”», – писал С. Чупринин [Чупринин]. А потому образ захватчика-ордынца возникает вроде бы случайно, ассоциативно, неизбежно (немецкие захватчики изначально мыслились как иго, достаточно вспомнить сроки А. Лебедева-Кумача «с фашистской силой темною, с проклятою ордой»). Связь времен и событий очевидна, но в стихотворении появляются не «черные кони» Батыя (начало нашествия), а кони Мамаю, значит, автор предчувствует «Куликовскую битву», близкое (хоть и не скорейшее) освобождение страны от захватчиков.

Итак, в стихотворениях времени войны А. Тарковский обращается к образам древнерусской литературы, с одной стороны, подчеркивая неразрывность исторического процесса, важность памяти, а с другой стороны – наполняет древнерусские образы символическим, универсальным значением и звучанием, переосмысливает, переоценивает культурно-исторический багаж и наполняет известные сюжеты новым смыслом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Баркова А. Славянские мифы. От Велеса и Мокоши до птицы Сирин и Ивана Купалы. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2022. 248 с.
2. Колесов В.В. Мир человека средневековой Руси. М.: Академический проект, 2019. 659 с.
3. Павловская И.Г. Демиургическое сознание лирического субъекта в лирике Арсения Тарковского. URL: https://cyberleninka.ru/viewer_images/15197926/f/1.png (дата обращения: 12.08.2023).
4. Пекелис М.А. (Михаил Пластов). Бесприютная флейта: о поэзии Арсения Тарковского. URL: https://cyberleninka.ru/viewer_images/17486890/f/1.png (дата обращения: 12.08.2023).
5. Ратгауз Г. Неизгладимая печать (о поэзии А. Тарковского) // Литературное обозрение. 1990. № 7. С. 84–86.
6. Резниченко Н. «От земли до высокой звезды»: Мифопоэтика Арсения Тарковского. Нежин, Киев: Издатель Н.М. Лысенко, 2014. 272 с.
7. Чупринин С. Арсений Тарковский: путь и мир // Тарковский А.А. Избранное: стихотворения, поэмы, переводы. 1929–1979. М.: Худож. лит.,

1982. С. 3–14. URL: <https://litmir.club/br/?b=559995&p=1> (дата обращения: 10.08.2023).

8. *Цзин Цзинши*. Орнитологические образы поэзии Тарковского в контексте традиции «Слова о полку Игореве» // Вопросы устойчивого развития общества. 2021. № 8. С. 132–136.

9. *Шилова Н.Л., Вечерова П.В.* Поэтика интермедийности в книге стихов А. Тарковского «Перед снегом» // Национально-культурные коды мировой литературы в контексте аудиовизуальных практик искусства: коллективная монография. Нижний Новгород, 2022. С. 429–436.

Источники

10. Слово о полку Игореве / вступ. ст. Д.С. Лихачева, ред. текста и худож. пер. И.П. Еремина. М.: Худож. лит., 1967. 70 с.

11. *Тарковский А.* Благословенный свет. СПб.: Азбука, 2021. 336 с.

<https://www.doi.org/10.29003/m3638.khmelita-19/160-174>

<https://elibrary.ru/ruvtuv>

Научная статья / Research Article

УДК 93/94

ББК 83.3

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NonCommercial
4.0 (CC BY-NC)

ПЕСНИ И СТИХИ ПАРТИЗАН, НАПИСАННЫЕ В ТЫЛУ ВРАГА. СМОЛЕНЩИНА – БЕЛАРУСЬ, 1942–1944 гг. (из фондов Быховского историко-краеведческого музея)

© 2023. Е.И. Федорчук

Аннотация: В статье рассматривается сборник песен и стихов, написанных партизанами в тылу врага. В книге насчитывается 58 произведений. Составитель разделил его на шесть частей. Первые две части посвящены крупным событиям и явлениям как таковым: особый партизанский полк «Тринадцать» и Бовкинская блокада. Оставшиеся четыре части более персонализированы: описывается партизанская рутинa, быт, часть стихов посвящена памяти погибших, а также связана с различными локальными событиями. Помимо стихов и песен рассмотрен ряд персоналий (авторов и упоминаемых лиц), событий и локаций. В конце статьи представлен перечень всех упомянутых фамилий и мест в алфавитном порядке. Основные действия и бои привязаны к Смоленской и Могилевской областям. Поэтическое творчество партизан, отразившееся в сборнике из фондов Быховского историко-краеведческого музея, является любопытным явлением для исследователей, прежде всего для музеологов и историков. Изучая и анализируя информацию, полученную из этих источников, исследователи могут составить картину фронтового быта, взаимоотношений, эмоционального состояния бойцов.

Ключевые слова: полк «Тринадцать», Бовкинская блокада, партизанское движение, Быхов, Смоленск.

Информация об авторе: Федорчук Евгения Игоревна – магистр искусствоведения, научный сотрудник ГУК «Быховский районный историко-краеведческий музей», ул. Ленина, д. 40, 213352 г. Быхов, Республика Беларусь.

E-mail: evgeniafedorchuk@yandex.by

Для цитирования: Федорчук Е.И. Песни и стихи партизан, написанные в тылу врага. Смоленщина – Беларусь, 1942–1944 гг. (из фондов Быховского историко-краеведческого музея) // Первые Кулаковские чтения: На полях воинской славы России / отв. ред. М.В. Скороходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 160–174. DOI: <https://www.doi.org/10.29003/m3638.khmelita-19/160-174>

**SONGS AND POEMS OF PARTISANS
WRITTEN BEHIND ENEMY LINES.
SMOLENSCHINA – BELARUS, 1942–1944
(from the Foundations of the Bykhov Museum of Local History)**

© 2023. Evgenia I. Fedorchuk

Annotation: This report discusses a collection of songs and poems written by partisans behind enemy lines. The book contains 58 works. The compiler divided it into six parts. The first two parts are devoted to major events and phenomena as such: namely the Thirteen Special Partisan Regiment and the Bovkin blockade. The remaining four parts are more personalized: the partisan routine and way of life are described, some of the poems are written in memory of the dead, as well as various local events. In addition to poems and songs, a number of personalities (authors and those mentioned), events and locations will be considered. At the end of the report is a list of all mentioned names and places in alphabetical order. The main actions and battles are tied to the Smolensk and Mogilev regions. The poetic creativity of the partisans, shown in the collection from the funds of the Bykhov Museum of Local History, is a curious phenomenon for researchers, museologists, and historians. By studying and analyzing the information obtained from these sources, researchers can draw up a picture of front-line life, relationships, and the emotional state of the fighters.

Keywords: regiment “Thirteen”, Bovkinskaya blockade, partisans, Bykhov, Smolensk.

Information about the author: Evgenia I. Fedorchuk – Master of Arts, researcher at the State Institution of Culture “Bykhov regional museum of local history”, st. Lenina, 40, 213352 Bykhov, Republic of Belarus.

E-mail: evgeniafedorchuk@yandex.by

For citation: Fedorchuk, Evgenia I. Songs and Poems of Partisans Written behind enemy Lines. Smolenschina – Belarus, 1942–1944 (from the Foundations of the Bykhov Museum of Local History). *First Kulakov Readings: On the Fields of Russia's Military Glory*. Ex. ed. Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 160–174. (In Russian). <https://www.doi.org/10.29003/m3638.khmelita-19/160-174>

В фондах Быховского историко-краеведческого музея хранится книга – сборник песен и стихотворений, написанных в тылу врага. На второй странице этого сборника, напечатанного на печатной машинке, дается датировка: «1942–1944 годы» и указана локация «Смоленщина – Белоруссия» [Творчество партизан, с. 2]. На первой странице надпись: «По крупице собрал песни и стихи, написанные в 1942–44 годах партизанами бывший командир первой бригады Особого полка “Тринадцать”, Почетный гражданин города Быхова Николай Иванович Москвин. По его просьбе дарю этот сборник Быховскому историко-краеведческому музею в день его открытия 29 июня 1984 г.» и подпись: «Георгий Борисов, Заслуженный работник культуры Белорусской ССР 29.06.84» [Творчество партизан, с. 1].

В книге приведено 58 произведений. Составитель разделил сборник на 6 частей:

1. Песни о партизанах-гришинцах.
2. Бовкинская блокада.
3. Партизанские будни.
4. Памяти павших.
5. Партизанский юмор.
6. В мирные дни.

Примечателен тот факт, что первые две части посвящены крупным событиям и явлениям как таковым: а именно Особому партизанскому полку «Тринадцать» и Бовкинской блокаде. Оставшиеся четыре части более персонализированы: описывается партизанская рутина, быт, часть стихов посвящена памяти погибших, а также связана с различными локальными событиями.

Нами рассмотрен ряд персоналий (авторов и упомянутых лиц), событий и локаций, описанных в песнях и стихах партизан, в конце

статьи – перечень всех упомянутых фамилий и мест в алфавитном порядке.

Поэтическое творчество партизан, представленное в сборнике из фондов Быховского историко-краеведческого музея, является любопытным явлением для исследователей, прежде всего музеологов и историков. Бывший партизан, поэт Марк Максимов, чье творчество также предстает в рассматриваемом сборнике, говорил, что поэтические строчки нередко рождались в промежутке между двумя пулеметными очередями. Изучая и анализируя информацию, полученную из этих источников, исследователи могут составить картину фронтового быта, взаимоотношений, эмоционального состояния бойцов. Отклик на происходившие события, информация, полученная оперативным путем – почти все стихи являлись «отзывом на события вчерашнего, а то и сегодняшнего дня» [Творчество партизан, с. 4]. И, как писал Леонид Серебряков, стихи рождались не только на «злобу дня», но и на «злобу часа» [Творчество партизан, с. 4].

В первой части рассматриваемого сборника собраны песни о партизанах-гришинцах – участниках Особого партизанского полка «Тринадцать». Этим партизанским полком в годы Великой Отечественной войны командовал Сергей Владимирович Гришин – полковник Советской Армии, партизан, Герой Советского Союза (1943 г.). Сформировав полк, Гришин прошел, являясь его командиром, по тылам врага 2,5 тыс. км, провел свыше 600 боев.

Сергей Владимирович встретил войну в районе Белостока в звании младшего лейтенанта, в должности командира танкового взвода. Его танк прошел свыше 400 км и был подбит в районе Минска. Осенью 1941 г. Гришин прибыл в родную деревню Фомино Дорогобужского района Смоленской области. После этого родилось решение создать партизанский отряд «Тринадцать». Отряд фиксируется Дорогобужским подпольным райкомом партии. Его командир устанавливает связь с действовавшим партизанским отрядом «Дедушки» и получает от него свою «зону действия». В феврале 1942 г. отряд Гришина принимает активное участие в разгроме дорогобужского гарнизона немецких войск. Позже «гришинцам» был придан статус рейдового отряда, после этого они отправились из района Дорогобужа в северо-западные лесные районы Смоленщины. В мае 1942 г. в составе отряда насчитывалось 200 человек, в июле – 700 [Лярский, с. 2]. Западный штаб

партизанского движения преобразует отряд «Тринадцать» в Особый партизанский полк «Тринадцать» трехбатальонного состава, сохранив за ним статус рейдового. Полк действует в прифронтовой зоне, в тылу группы армий «Центр», чаще всего появляется в треугольнике Смоленск – Витебск – Орша – Смоленск. Большая подвижность полка создает у немецкого командования иллюзию его повсеместности. Летом 1943 г. вблизи деревни Лесная (Славгородский район) «гришинцами» был уничтожен небольшой отряд немцев. В руки партизан попала карта размещения партизанских формирований. На пространстве от Торопца на севере до Гомеля на юге, от Минска на западе до Дорогобужа на востоке были показаны десятки населенных пунктов, и под каждым подпись «Grischin...» Там, где он действительно был, и там, где его не было даже близко [Лярский, с. 3].

Зиму 1942–1943 гг. отряд «Тринадцать» провел в лесах северо-запада Смоленщины. В этот период полк неоднократно проникал на Витебщину, устанавливая связь с местными партизанскими формированиями.

7 марта 1943 г. указом Президиума Верховного Совета Союза ССР Гришину было присвоено звание Героя Советского Союза. В это же время полк получает приказ переместиться к югу от Смоленска – в Монастырщинский, Починковский и Краснянский районы. Эти районы, учитывая местность и ландшафт, не предполагали активного партизанского движения. Гришин неоднократно просил командование о передислокации. В середине апреля 1943 г. разрешение было получено. Полк перемещается к границам Мстиславского района Белорусской ССР. Этим перемещением заканчивается «смоленский период» в истории Особого партизанского полка «Тринадцать» и начинается «белорусский», продолжавшийся 14 с лишним месяцев. В конце апреля 1943 г. «гришинцы» прибыли в деревню Полоево Пропойского района (сейчас Славгородский район Могилевской области Республики Беларусь), затем переместился в Берёзовку и ближайшие селения (Заглинное, Закрупец, Летяги). В этих местах полк оставался до 29 августа 1943 г. В июне в партизанский полк влился отряд «Беларусь», созданный уроженцем деревни Дужевка (Чаусский район) Иваном Агеевичем Макаренко. Активно проводились работы по установлению связи с местным населением и по формированию

диверсионных групп. Так, за лето 1943 г. было сформировано более 45 таких групп, подорвано 34 эшелона [Ляровский, с. 9].

Немецкие войска 29 августа бросили свои силы на ликвидацию Особого полка «Тринадцать»: были подняты эскадрильи с Быховского аэродрома, сняты с марша войска, шедшие по Староваршавскому шоссе на фронт. Попытка ликвидации отряда не увенчалась успехом.

В 20-х числах сентября Гришин получил приказ переправить госпиталь через реку Сож, а остальным составом переместиться на правый берег Днепра между Могилевом и Шкловом. Но позже приказ был изменен: необходимо было выдвигаться навстречу войскам Красной Армии, которые приближались к реке Проня. Попытка переправить госпиталь через реку Сож прошла неудовлетворительно, в связи с этим было принято решение вернуть госпиталь в Комаринский лес Гомельской области. Позже Особый полк «Тринадцать» попадет в блокаду в Бовкинском лесу, она окажется одной из самых длительных и напряженных в истории «гришинцев». После Бовкинской блокады полк «Тринадцать» принимал участие в различных боевых операциях. Предстояли серьезные структурные изменения полка, его статуса, смена дислокации. 1 июня 1944 г. стало известно, что Особый партизанский полк «Тринадцать» преобразуется в партизанское соединение «Тринадцать», которому надлежало переместиться в район Белостока. Однако стремительно развивалась операция «Багратион», так что эти решения не успели воплотиться в жизнь. Соединение «гришинцев» с частями Красной Армии произошло 28–30 июня. До этой даты полк вел активные боевые действия. Последний бой с немецкими войсками состоялся 28 июня 1944 г. в 20 час. 30 мин.

За 32 месяца борьбы в тылу врага Особый партизанский полк «Тринадцать» прошел 2500 км – по 28 районам следующих областей: Витебской (5 районов), Смоленской (9 районов), Могилевской (14 районов). Он провел более 600 боев, разгромил 25 вражеских гарнизонов, 20 полицейских участков и волостных управ, 5 воинских штабов. Подорвал и повредил 333 воинских эшелона, более 6000 рельсов. Разрушил (подорвал, сжег) 97 мостов, взял трофеев: 768 винтовок, 51 автомат, 123 пулемета разных систем, 9 минометов, 4 артиллерийских орудия, самоходную пушку. Потери полка – 873 человека убитых и пропавших без вести, 172 тяжелораненых были

эвакуированы в советский тыл. Из 33 человек, образовавших отряд «Тринадцать», до соединения с частями Красной Армии дожили всего пятеро [Лярский, с. 32].

В первой части рассматриваемого сборника, «Песни о партизанах-гришинцах», одна из песен посвящена командиру Гришину («Песня о Гришине»), несколько песен – бойцам и батальонам («Песня о Гришинцах», «Полк Тринадцать», «Первый партизанский батальон», «Песнь о первом батальоне», «Песня второго батальона», «Песня о пятом батальоне»), оставшаяся часть описывает партизанский быт полка, эмоциональный настрой партизан («Через леса», «Партизанская фронтовая», «Крутится, вертится...», «Бодрая гришинская», «Выходил по тревоге»).

Во второй части сборника основное внимание уделено такому событию как Бовкинская блокада, которое неразрывно связано с Особым партизанским полком «Тринадцать». Бовкинская блокада (4–19 октября 1943 г.) на Быховщине. На топографических картах лесной массив, в который вошел полк, был помечен как Городецкий лес. Он тянется с севера на юг на 8 км, с запада на восток – до 6 км. Посередине массива протекает река Ухлясть (левый приток Днепра) с заболоченной поймой. Полк вошел в лес со стороны деревни Бовки, от нее блокада и получила название Бовкинской. Помимо полка «Тринадцать» в лесу располагались полк № 15, несколько отрядов 17-й бригады, рота 720 отряда, некрупные подразделения других партизанских формирований – всего более 4000 человек. Также в лесу укрывалось более 3000 мирных жителей прилегающих селений [Лярский, с. 12].

Бовкинская блокада была для полка пятнадцатой по счету и оказалась самой длительной и напряженной, с превосходством противника в живой силе и технике. За 15 дней блокады полк несколько раз менял дислокацию, постоянно подвергался обстрелам с воздуха, наземным атакам. Люди ощущали нехватку продовольствия, истощались боеприпасы. С намерением прорвать кольцо блокады 14 октября командир Демидов повел свой полк № 15 за Днепр в Усакинские леса. Место для прорыва было выбрано неудачно, вблизи селений Смолица и Ветренка погибли практически все участники прорыва.

Гришиным также было предпринято несколько попыток выйти из окружения. В ночь с 18 на 19 октября было принято решение

о прорыве, который стал успешным. «Гришинцам» удалось прорвать блокаду и перебраться через Днепр.

Во второй части сборника «Бовкинская блокада» центральным произведением является поэма Марка Максимова «В краю молчания», написанная в 1943 г. В ней две части: «Блокада» и «Прорыв». В 58 строфах – все те события, которые происходили в течение 15 дней блокады, настроение и эмоции от первого лица, от их непосредственного участника – политрука конной разведки 5-го батальона Особого партизанского соединения «Тринадцать» Марка Давидовича Максимова.

Четыре стихотворения, включенные в раздел, также посвящены событиям блокады, разворачивавшимся в лесу возле деревни Бовки («Враг сказал нам свету не видать», «Бовкинская блокада», «Туго пришлось партизанам», «Перед прорывом»).

Третья, четвертая, пятая и шестая части сборника представлены «персонализированными» стихами, которые описывают быт солдата, партизанскую дружбу, содержат мысли о будущем и о Победе, поднимают различные проблемы («Усиленный поиск разведчиков» (про алкоголь), «Про мародеров»). Некоторые из этих стихотворений носят юмористический, сатирический характер («Инструкция о вшах»), другие же лиричны и полны тоски, сожаления, а также надежды и ярости («Баллада о часах», «Письмо к матери»).

Часть стихотворений написана на смерть бойцов («На могиле партизана» – памяти командира 4-й роты Петрухина М.А., «На смерть товарищей», «Свистели пули ветер злился...», «На смерть Алексея Макарова», «Баллада о молчании», «Баллад о часах», «Памяти Петра Галецкого», «На смерть Юрия Голигорова» – начальника контрразведки батальона, «Казнь разведчицы Кошелевой», «Заживо сожженные», «Памяти Петра Федорова, Константина Федосеева, Ивана Осипенко»).

Некоторые их стихов описывают события, которые являлись оперативной реакцией на происходящее: «Ответ на немецкую листовку, в которой партизаны полка “Тринадцать” назывались товарищами», «Переход через “Железку”», «На дороге», «Расстрел советских людей в Монастырщине», «Донесение–шутка» – комиссару 2-го батальона Шалаеву И.Н., «Случай на шоссе» – случай у деревни Корытница Бельничского района, «Берлинский стервятник»).

Анализируя этот сборник, основное внимание следует уделить лицам, которые упоминаются в стихах, тем, кому посвящены стихотворения. В статье охарактеризованы пять бойцов Особого партизанского полка «Тринадцать», о которых удалось обнаружить биографические сведения: Воскресенский, Галецкий, Дарчиев, Максимов и Серебряков.

Первый из бойцов – Кирилл Александрович Воскресенский (1913–1987) – биолог, кандидат биологических наук (1946), доцент кафедры зоологии беспозвоночных биолого-почвенного (биологического) факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, окончил этот факультет в 1936 г. В 1938 г. возглавил экспедицию, которая, пройдя на веслах более 1000 км вдоль побережья Белого моря, основала Беломорскую биологическую станцию МГУ, сыгравшую колоссальную роль в развитии морской биологической науки, в образовании студентов и жизни университета. В 1941 г. добровольцем ушел на фронт в составе 8-й Краснопресненской дивизии народного ополчения. Командир орудия 975-го артиллерийского полка. В октябре 1941 г. в боях под Ельней дивизия была почти полностью уничтожена. К.А. Воскресенский и его друг аспирант биологического факультета А.И. Савилов попали в плен. В лагере для военнопленных Воскресенский организовал групповой побег. Был организатором и руководителем небольшого партизанского отряда «Кирилл», воевавшего в Столбищенском районе Смоленской области и в Могилевской области. В дальнейшем отряд влился в Особый партизанский полк «Тринадцать». После демобилизации в августе 1944 г. вернулся на биологический факультет МГУ. Был награжден орденом Отечественной войны (II ст. – 1985 г.), медалями «За отвагу», «Партизану Отечественной войны», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В рассматриваемый сборник вошло стихотворение Воскресенского «Переход через «Железку» [Творчество партизан, с. 47]:

Помнишь? темь ночей осенних;
Ровный шорох, ветки треск,
Качку мерную винтовок
И ракет далеких блеск...

В конце стихотворения пометка рукой Георгия Борисова, передавшего в дар музею эту книгу по просьбе Николая Москвина:

«К.А. Воскресенский – ныне профессор Московского государственного университета» [Творчество партизан, с. 48].

Одно из стихотворений сборника, написанное Марком Максимовым, посвящено памяти Петра Галецкого:

И увидели трое, как бросился с миной один
Под колеса цистерн. И – грохот! И – зарево к тучам!
...А в окопах не знали, что это горит не бензин,
А зажженное сердце ударило светом могучим... [Творчество партизан, с. 76].

Петр Антонович Галецкий (1919–1942) – Герой Советского Союза, подрывник партизанского отряда «Победа» Витебской области, был награжден орденом Ленина.

Родом из деревни Майдан Толочинского района Витебской области, имел начальное образование и работал кучером председателя колхоза, в 18-летнем возрасте был назначен бригадиром полеводческой бригады. В 1939 г. призван в ряды Красной Армии. В действующей армии – с 1941 г. Учился в партизанской школе подрывников. В конце июля 1942 г. Галецкий был зачислен в партизанский отряд «Победа». В составе отряда 10 августа 1942 г. перешел линию фронта в районе Велиж – Усвяты на Смоленщине. В первом же бою Галецкий проявил себя: из 20 убитых и 30 раненых немецких бойцов 15 было на его счету. Галецкий ходил в засады, ставил мины на шоссе, добывал взрывчатку, участвовал в разгроме вражеских гарнизонов.

Железная дорога Витебск – Смоленск имела стратегическое значение для фашистов и усиленно охранялась. Тем не менее, группой, в составе которой был Галецкий, 19 сентября 1942 г. был подорван специальный состав, который вез на фронт офицеров.

Группа подрывников, в которой Галецкий был минером, 20 октября 1942 г. вышла на перегон Выдря – Крынки. Петр Галецкий погиб, выполняя боевую задачу. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 г. в канун 20-летия Победы советского народа над фашистской Германией за особые заслуги в борьбе против немецко-фашистских захватчиков в тылу противника и проявленные при этом отвагу и героизм Петру Антоновичу Галецкому посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Третий участник Особого партизанского полка «Тринадцать», сведения о котором представлены в статье, – пулеметчик, поэт Даут

(Давид) Дарчиев. Он родился 29 мая 1911 г. в осетинском селе Алагир в крестьянской семье. После окончания средней школы продолжил учебу в Костроме на рабфаке, затем в Академии коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской в Москве. По возвращении домой три года работал ответственным секретарем журнала «Фидиуаг». В 1939 г. был призван на действительную военную службу. С первых дней Великой Отечественной войны – в действующей армии. В декабре 1941 г. стрелковый полк, в котором служил Дарчиев, вступил в ожесточенный бой с противником в районе города Орша и попал в окружение. Группе бойцов во главе с Давидом удалось вырваться из окружения, но по дороге они были схвачены немцами и брошены в лагерь для военнопленных в городе Стодолище Смоленской области.

В лагере для военнопленных Давид стал организатором подпольной группы, которая состояла из 26 человек; 2 августа 1943 г. они сумели вооружиться, овладеть автомашиной и с боем прорваться в лес.

Через неделю Давид с группой бойцов, бежавших из плена, вступил в Особый партизанский полк «Тринадцать». Дарчиев был стрелком, минометчиком, а позднее и пулеметчиком. Он участвовал во многих сражениях, проводил разведку в деревне Смолица (Быховский район), где попал в окружение, но сумел выполнить приказ и пробрался к партизанскому полку через двойное кольцо окружения.

С января 1944 г. Дарчиев стал активным сотрудником редакции подпольной газеты полка «Тринадцать» – «Смерть врагам», а также участвовал в выпуске и распространения многочисленных листовок, как литератор был включен в состав комиссии по составлению истории полка. За проявленные героизм и мужество в годы Великой Отечественной войны был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Первые его стихи были написаны и опубликованы в 1932 г. Наибольшего расцвета его творчество достигло в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время. В сборнике из фондов Быховского историко-краеведческого музея приведены два стихотворения Дарчиева. Первое из них – «Земле Смоленской» [Творчество партизан, с. 105]:

И по твоим днепровским долам
У обгорелого крыльца
Мой след впечатался, тяжелый
От полной выкладки бойца...

Второе стихотворение, «Гор Кавказа побратимы», по сути – посвящение Сергею Гришину [Творчество партизан, с. 107]:

Как в песне мне воспеть твои дела?
А память: то ножом стоит у горла,
То вот из глубины души всплыла
И надо мною крылья распростерла...

В фондах Быховского историко-краеведческого музея хранится копия газеты «Смерть врагам» от 9 июля 1944 г. Особого партизанского полка «Тринадцать», которую передал в музей бывший комбриг полка Николай Иванович Москвин. На странице 2 – статья Д. Дарчиева «С первым самоходным орудием»¹.

После демобилизации Давид вернулся домой, в Северную Осетию, работал в книжном издательстве, в редакции газеты «Растдзинад». В 1948 г. окончил в Москве двухгодичные курсы Союза писателей СССР, затем работал ответственным секретарем журнала «Мах дуг».

Одиннадцать стихотворений сборника написаны Марком Максимовым (Марком Давидовичем Липовичем) – политруком конной разведки 5-го батальона Особого партизанского полка «Тринадцать», партизанским поэтом. Марк Максимов, впоследствии советский поэт, драматург, публицист, переводчик, родился в городе Сновск Черниговской губернии, перед Великой Отечественной войной окончил филологический факультет Киевского педагогического института, занимался журналистикой, но вскоре был призван в Красную Армию. Первые стихи написаны Максимовым еще до войны. Первое его стихотворение «Дуб» было опубликовано в 1939 г. Войну встретил стрелком-автоматчиком, свой первый бой принял 22 июня 1941 г. Позже попал в Особый партизанский полк «Тринадцать», закончил войну редактором газеты «Смерть врагам». Партизанские стихи составили основу первой книги поэта «Наследство» (1946). Через год в Омске вышла вторая книга – «Ровесники».

¹ Копия газеты Особого рейдового соединения «Тринадцать» Смерть врагам // Архив ГУК «Быховский районный историко-краеведческий музей». Ф. 60. Д. 3. 4 л.

В сборнике из фондов Быховского историко-краеведческого музея стихотворения Максимова очень разноплановы и по тематике, и по настроению. Есть, например, шуточные и удалые, как «Бодрая Гришинская»:

Эх, хлопцы-гришинцы,
Нам ли быть немыми?
Нам лишь легче дышится
В орудийном дыме... [Песни и стихотворения, с. 18].

Лиричностью отличается стихотворение «На дороге»:

Узлы. И лохмотья, и шубы.
И впалые щеки ребят...
Но стиснула ненависть зубы,
Но губы проклятьем горят!.. [Песни и стихотворения, с. 68].
Звучат и трагические ноты, например, в «Балладе о часах»:
Стояли сосны, словно часовые...
И слушали мы, губы закусив,
Как весело – по-прежнему живые –
шли на руке у мертвого часы... [Песни и стихотворения, с. 75].

Марк Максимов был награжден орденом «Отечественной войны» II степени (1985), двумя орденами «Знак Почета» и медалями.

В 1947 г. Максимов участвовал в Первом Всесоюзном семинаре молодых писателей в Москве.

В 1966 г. на опушке Городецкого урочища жители Быховского района насыпали величественный Курган Бессмертия, на вершине воздвигли 7-метровый обелиск. 9 мая 1966 г. состоялось торжественное открытие памятника. На лицевой грани его высечены слова из полковой песни Марка Максимова «Песня о пятом батальоне», написанной политруком, когда «гришинцы» прорвались из Бовкинской блокады:

Наши гнезда враг развеял пылью,
Чтобы пали мы к его ногам.
Но не пали, а раскрыли крылья
И поднялись мы на месть врагам... [Песни и стихотворения, с. 23].

Максимов умер 20 ноября 1986 г. в Москве. Похоронен на Кунцевском кладбище.

И последний рассматриваемый боец Особого партизанского полка «Тринадцать» – Леонид Борисович Серебряков (1922–2013) –

партизан, журналист, писатель, лауреат Украинской республиканской премии «Золотое перо». Родился в городе Тараща Киевской области. С июля 1941 г. – на фронте, принимал участие в обороне Киева. Четыре раза был пленен и попадал в лагеря смерти. В составе Особого партизанского полка «Тринадцать» принимал участие в рельсовых войнах, с первого до последнего дня был в составе полка в период Бовкинской блокады.

Серебряков – автор шести стихотворений в анализируемом сборнике. Особо из них выделяется стихотворение «Что такое партизан?», в котором автор одновременно шутовски и серьезно дает ответ на этот вопрос, описывая события, происходившие в тылу врага с ним и с его полком:

Мне был вопрос один задан:
«Что такое партизан?»
Где он работает, живет
И против кого он идет?
Живем у немцев на носу,
В деревнях больше, чем в лесу.
Уж коль война, так пусть война:
Задача общая одна... [Песни и стихотворения, с. 84].

В 1961 г. Серебряков окончил Нежинский педагогический институт им. Н.В. Гоголя, в 1969 г. – Киевский государственный университет им. Т.Г. Шевченко. В последующие годы работал редактором районных газет в Тараще, Глухове, Городне, Сновске и Носовке Сумской и Черниговской областей.

Все упомянутые выше партизаны Особого партизанского полка «Тринадцать» после войны активно общались между собой, вели переписку, встречались на слетах ветеранов и открытиях памятников. Некоторые из них оставили воспоминания, некоторые облекли их в стихотворную форму.

Читая, исследуя и анализируя партизанские стихи и песни, можно увидеть события глазами их непосредственных участников. Такие источники личного происхождения, результат эмоционального переживания отражают субъективный опыт человека, что позволяет воссоздать картину прошлого через призму личного восприятия. Такие документы расширяют наше восприятие событий Великой Отечественной войны.

В сборнике из фондов Быховского историко-краеведческого музея упомянуто значительное число фамилий: Белякович, Борисов Г.Е., Волхонский А., Воронович И., Воскресенский К., Галецкий П., Глинкин И.Г., Голигоров Ю., Гришин В., Гришин С.В., Данилов П., Дарчиев Д., Елисеев А., Звездаева В.А., Иванов, Карабешкин, Кобзиков И., Кошелева Т., Макаров А., Максимов М., Мартынов П., Матяш И., Москвин Н.И., Налетов Н., Осипенко И., Петренко, Петрухин М.А., Покутный В., Прокофьев А., Серебряков Л.Б., Солдатов К., Степанов М.П., Фёдоров П., Федосеев К., Шалаев И.Н. Здесь учтены как авторы произведений, так и те лица, которые упомянуты в текстах.

В сборнике содержится большое число топонимов: Бобрыйск, Бовки, Брест, Быхов, Вязьма, Дмыничи, Дорогобуж, Ельня, Каспля, Корытница, Малеевская дача, Могилев, Монастырщина, Новобелица, Пропойск, Путьки, Ровно, Рясна, Семукачи, Смоленск, Сурмилицы, Сухари, Чаусы, Чача. Это свидетельствует о внимании авторов к событиям, происходившим на самых разных территориях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. *Касимова Л.* Лира, закаленная войной [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sevosetia.ru/Article/Index/460256> (дата обращения 10.09.2023). Загл. с экрана.
2. *Лярский П.* Особый партизанский полк «Тринадцать» // Архив ГУК «Быховский районный историко-краеведческий музей». Ф. 63. Д. 5. 32 л. Архивная копия Государственного архива Могилевской области.
3. Творчество партизан. Песни и стихотворения, написанные партизанами в тылу врага / сост. Н.И. Москвин. Смоленск, 1979. 113 с.

<https://www.doi.org/10.29003/m3639.khmelita-19/175-193>

<https://elibrary.ru/ncccxf>

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2=411.2)

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NoDerivatives
4.0 (CC BY-ND)

ТЕМАТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС «КУЛИКОВО ПОЛЕ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И.С. ШМЕЛЕВА И А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

© 2023. Ю.Е. Павельева

© 2023. Ю.А. Рябцева

Аннотация. В статье рассматривается тематический комплекс «Куликово Поле», развитие которого берет начало в древнерусской литературе эпохи Куликовской битвы. Поле воинской славы стало общенациональным символом, основой формирования мощнейшего исторического кода российской ментальности, который характеризуется верой в возрождение государства, духовным подъемом народа, идеей единения во благо родины. В обозначенных координатах рассматриваются произведения И.С. Шмелева «Куликово Поле» и А.И. Солженицына «Захар-Калита». При всей своей художественной индивидуальности эти произведения имеют точки пересечения, свидетельствующие о развитии магистральных традиций русской литературы на протяжении XX в. Темы исторической памяти, конечного торжества поруганной правды и сохранения духовных основ народного бытования становятся определяющими для развития повествования. Писатели, каждый по-своему, поднимаются до высот философского обобщения, размышляя о вечном и временном, бытовом и бытийном. Куликово Поле в их произведениях предстает нравственным ориентиром, позволяющим приблизиться к сакральному знанию.

Ключевые слова: Куликово Поле, И.С. Шмелев, А.И. Солженицын, российская ментальность, историческая память.

Информация об авторах:

Юлия Евгеньевна Павельева – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Государственное бюджетное учреждение культуры

города Москвы «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына», ул. Нижняя Радищевская, д. 2, 109240 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5231-2706>

E-mail: up1469@yandex.ru

Юлия Андреевна Рябцева – старший научный сотрудник, Государственное бюджетное учреждение культуры города Москвы «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына», ул. Нижняя Радищевская, д. 2, 109240 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-8724-3890>

E-mail: ensnaredsenses@ya.ru

Для цитирования: *Павельева Ю.Е., Рябцева Ю.А.* Тематический комплекс «Куликово поле» в произведениях И.С. Шмелева и А.И. Солженицына // Первые Кулаковские чтения: На полях воинской славы России / отв. ред. М.В. Скороходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 175–193. <https://www.doi.org/10.29003/m3639.khmelita-19/175-193>

THEMATIC COMPLEX *KULIKOVO POLE* IN THE WORKS OF I.S. SHMELEV AND A.I. SOLZHENITSYN

© 2023. Yulia E. Pavelieva

© 2023. Yulia A. Ryabtseva

Abstract. The article discusses the thematic complex “Kulikovo Field”. The development of this complex originates in the Old Russian literature of the Kulikovo Battle era. The field of military glory is a national symbol. It is the basis for the formation of the most powerful historical code of the Russian mentality. This code is characterized by a belief in the revival of the state, the spiritual uplift of the people, the idea of unity for the good of the motherland. The works of I.S. Shmelev “Kulikovo Field” and A.I. Solzhenitsyn “Zakhar-Kalita” are considered in the designated coordinates. The works are distinguished by artistic individuality and at the same time have points of intersection that indicate the development of the main traditions of Russian literature throughout the XX century. The development of the narrative is determined by the themes of historical memory, the final triumph of the violated truth and the spiritual foundations of national existence. Writers, each in their own way, rise to the heights of philo-

sophical generalization, reflecting on the eternal and temporal, the profane and the sacred. Kulikovo Field in their works appears as a moral guideline that allows you to join the sacred knowledge.

Keywords: Kulikovo Pole, I.S. Shmelev, A.I. Solzhenitsyn, Russian mentality, historical memory.

Information about the authors:

Yulia E. Pavelieva – CSc in Philology, Leading Research Fellow, House of Russian abroad named after Alexander Solzhenitsyn, Niznja Radishchevskaja, 2, 109240 Moscow, Russia

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5231-2706>

E-mail: up1469@yandex.ru

Yulia A. Ryabtseva – Senior Researcher, House of Russian abroad named after Alexander Solzhenitsyn, Niznja Radishchevskaja, 2, 109240 Moscow, Russia

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-8724-3890>

E-mail: ensnaredsenses@ya.ru

For citation: Pavelieva, Yulia E., Ryabtseva, Yulia A. Thematic Complex *Kulikovo Pole* in the Works of I.S. Shmelev and A.I. Solzhenitsyn. *First Kulakov Readings: On the Fields of Russia's Military Glory*. Ex. ed. Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 175–193. (In Russian). <https://www.doi.org/10.29003/m3639.khmelita-19/175-193>

Куликовское поле как символ воинской славы входит в историю русской литературы с того самого момента, когда начинают создаваться повествования о знаменитой битве «между Доном и Непрядвой», т. е. в конце XIV – начале XV вв. [Библиотека литературы Древней Руси... т. 6, с. 531, 535, 538, 545]. Литературные памятники Куликовского цикла включают повести летописные (краткие и пространные) и вне-летописные: «Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище»; упоминается Куликовская битва и в «Слове о житии и о преставлении Дмитрия Ивановича, царя руськаго» [см.: Библиотека литературы Древней Руси... т. 6, с. 104–119, 120–137, 138–189, 206–227].

Победа русских войск над ордынцами в 1380 г. на Куликовом поле была не первой и была не окончательной. Двумя годами ранее, в 1378 г., в битве на реке Воже Дмитрий Московский одержал верх над войском под командованием мурзы Бегича, что и стало

причиной похода темника Мамай, стремившегося – в подражание Батюю – сохранить полноту власти Орды над Русью. Через два года хан Тохтамыш разорил Москву, но после Куликовской битвы, как писал Д.С. Лихачев, отмечается резкое изменение характера ордынской власти: «Орда уже не назначала великих князей. Они перестали быть ордынскими ставленниками на Руси» [Лихачев, с. 258]. В 1395 г. на Москву идет основатель империи Тимуридов – Тамерлан, о чьих завоеваниях слагали легенды, но от Ельца поворачивает вспять. В 1408 г. Москву осаждает хан Едигей, но, получив откуп, осаду снимает. Окончательным освобождением от ордынского ига считается противостояние в 1480 г. войск Ивана III и хана Ахмата – «стояние на реке Угре». Обретение независимости часто связывают с легендарным сюжетом о попрании ханской грамоты: «...есть известие, впрочем сильно подозрительное, – писал знаменитый историк С.М. Соловьев, – что когда хан отправил в Москву новых послов с требованием дани, то Иоанн взял *басму* (или ханское изображение), изломал ее, бросил на землю, растоптал ногами, велел умертвить послов, кроме одного, и сказал ему: “Ступай объяви хану: что случилось с его басмою и послами, то будет и с ним, если он не оставит меня в покое”» [Соловьев, с. 74]. Несмотря на то, что это событие подвергается сомнению, само возникновение легенды весьма знаменательно.

Еще целый век после победы войск Дмитрия Донского ордынская власть контролировала Русь, но это не умаляет значение Куликовской битвы, которая характеризуется как событие, переломившее ход истории: «Победа объединенных сил русских княжеств под предводительством великого князя Дмитрия Ивановича 8 сентября 1380 г. имела огромное значение для всего южного и восточного славянства; больше того – для всех народов Восточной Европы», – писал Д.С. Лихачев [Лихачев, с. 255]. Исследователь древнерусского наследия добавляет: «...свержение ига было необходимо для народов всей Восточной Европы, а для народов Южной Европы оно знаменовало собой общую надежду на грядущее освобождение из-под “ига ущербной луны”. Куликовская победа не означала полного уничтожения ига, но... сделала несомненным для всех грядущее полное освобождение от национального порабощения» [Лихачев, с. 256].

Исторический период, названный «эпохой Куликовской битвы», характеризовался огромным духовным подъемом на Руси. Пришло осознание, что мрак грехов русичей: отсутствие братолюбия, междоусобицы, руководство принципом, как это было сформулировано в «Слове о полку Игореве»: «се мое, а то мое же» [Слово о полку Игореве, с. 17]¹, – начинает рассеиваться; приходит понимание, что только в единстве Руси ее сила. Символом времени становится Св. Троица, воплощающая идею нераздельности, соборности. Бытует представление, что икона «Троица», ставшая впоследствии одной из самых известных и прославленных во всем мире, была написана в первой четверти XV в. прп. Андреем Рублевым «в похвалу прп. Сергию Радонежскому», как это было указано в «Сказании о святых иконописцах» [цит. по: Буслаев, с. 379]. После Куликовской битвы начинают повсеместно появляться храмы, посвященные Св. Троице. А идея единения становится тем мощнейшим историческим кодом, который представляется характерной особенностью российской ментальности.

Анализируя «Задонщину» в свете традиций, воспринятых от «Слова о полку Игореве», Н.В. Трофимова отмечает: «Функции идеального князя-объединителя перенесены на образ главного героя князя Дмитрия Ивановича. Он изображен как глава похода против Мамаю, выступающий “за землю Рускую и за веру крестьянскую»» [Трофимова, с. 578]. Описывая князей, близких к Дмитрию, исследовательница подчеркивает такие их черты, как: «воинская доблесть,

¹ Строку: «*Се мое, а то мое же*» – в академическом издании «Слова о полку Игореве» сопровождает следующий комментарий: «В данном случае автор “Слова” использует и переиначивает формулу раздела феодальных владений: “се мое, а то твое”. Формула эта постоянно встречается в летописи в разных вариантах при разного рода переговорах князей между собою: “мы себе, а ты себе”, “твой мечь, а наше головы”, “яко земля ваша, тако земля моя” и т. д. Вот раздел Изяслава Мстиславича с Владимиром и Изяславом Давидовичами. Изяслав Мстиславич говорит: «Что же будеть Игореве в той волости, челядь ли товар ли, то мое; а что будеть Святославу челядь и товара, то разделим на части» (Ипатьевская летопись под 1146 г.). Автор “Слова о полку Игореве” нарушает эту двучленность, он сатирически изображает договоры князей и пишет не “се мое, а то твое”, а “се мое, а то мое же”, подчеркивая этим стремление князей захватить себе как можно больше. Таким образом, здесь термин, формула перерастает в образ, становится средством художественного воздействия» [Комментарий исторический и географический... с. 419].

стремление сразиться с врагами, осознание необходимости объединения всех сил Руси» [Трофимова, с. 578].

К образу Куликова поля, ярко воплощающему идею единения, обращались многие русские писатели, поэты и художники на протяжении долгих веков¹. Не только во времена благополучия был востребован этот образ, едва ли не более проникновенно и трепетно обращение к нему во времена смутные и трагические. Одним из примеров такого обращения является «Куликово Поле» (1939–1947) И.С. Шмелева – «...рассказ, выросший в повесть», как определила жанровое своеобразие произведения О.Н. Сорокина [Сорокина, с. 239].

События «Куликова Поля» относятся к трагическому пореволюционному периоду: уже окончилась Гражданская война, произошел Русский исход 1920–1922 гг., настали – по словам повествователя – времена «всеобщей ожесточенности» [Шмелев, с. 135], которые большинство персонажей произведения воспринимали как крушение мира, победу тьмы над светом, «провал в ад». Но уже в первой части звучит заявление о том, что «в России живут сказания, и ценнейшее в них – неутолимая жажда Правды и нетленная красота души» [Шмелев, с. 133]. Куликово Поле встраивается в этот ряд и описывается как «духовно-историческое звено из великой цепи родных событий, из далей – к ныне, свет из священных недр, коснувшийся нашей тьмы» [Шмелев, с. 133].

В начале второй части повествования представлена характеристика Поля в историческом аспекте: «Куликово Поле... – кто же о нем не слышал! Великий Князь Московский Димитрий Иванович разбил Мамай, смертельно шатнул Орду, потряс давившее иго тьмы» [Шмелев, с. 134]. И на всем протяжении повествования, развивая исходный тезис, обращение к этому образу открывает его новые грани.

Творческая история «Куликова Поля», отмеченная многими сложностями, представлена Шмелевым в письмах к И.А. Ильину. В письме от 7 апреля 1946 г. писатель вспоминает самое начало работы над произведением. Некогда у могилы жены Шмелев

¹ См., напр.: [Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины... (1983); Куликовская битва в литературе и искусстве... (1980)] и др. исследования.

услышал удивительный рассказ – свидетельство чуда: «...я слышал – достоверный – под клятвой! – рассказ человека, некоего Васильчикова (стар<инный> род)» [Ильин, т. 2, с. 407]. А ранее, в письме от 8 апреля 1937 г. Шмелев весьма эмоционально сообщает философу о намерении написать рассказ: «Ни-когда почти не беру для писания – “с голосу”, всегда – **свое**, как-то **взятое**. Но тут не мог. Сразу взял, написал, **наполнил**, две строки сказал мне Вас<ильчиков>. И вот, **еще...** и ка-кое..! ...Но... **тут**, в этом кратком рассказе – факте – да!!! – уди-ви-тельном факте... **такое**, что... словом – “Благовестие”. Происходит в двух важнейших исторически местах и участником, главным – ! – Святой. Не смею говорить дальше... Это же мне – так ясно! – от Оли моей – дарок, да... святой дарок. Я **знаю**. Никогда подобного со мной не случилось. А тут, у ее могилки...! Рассказ будет называться – “Куликово Поле”. Это один пункт. На **самом** К<уликовом> П<оле> зачинается не в 14 в., а... в первые годы больш<евиз>ма. В имении, у Поля, в пустынности. И это – **было!** Истори-чески, с опред<еленными> лицами» [Ильин, т. 2, с. 185].

Представляя историю создания «Куликова Поля», Н.М. Солнцева отмечала: «...писал он [Шмелев] это произведение очень долго, с 1939-го по 1947 год, все время исправляя, дополняя, казалось бы, завершенные варианты» [Солнцева, с. 363–364]. При этом правка значительно меняла произведение, о чем свидетельствует, например, переписка Шмелева с О.А. Бредиус-Субботиной [РГАЛИ. Ф. 1198. Оп. 3]¹. Архивные дела, хранящиеся в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына [Архив ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 141–143], также позволяют сделать вывод о серьезных изменениях, вносимых Шмелевым в свое произведение. Так, например, в авторизованной машинописи «Куликова Поля» (январь–февраль 1939 г. – февраль–май 1947 г., Париж), хранящейся в деле № 141, представлено деление текста на 15 частей, как и в деле № 143, где собраны и автограф, и авторизованная машинопись, и машинопись. Между тем, и в собра-

¹ Эти письма были опубликованы, в основном, по материалам Российского государственного архива литературы и искусства, о чем свидетельствовали издатели переписки: «Все письма кроме № 41, 42 публикуются по оригиналам, хранящимся в: РГАЛИ. Ф. 1198. Оп. 3» [Роман в письмах... с. 685].

нии сочинений Шмелева [Шмелев, с. 132–164], и в дополнительном томе переписки с О.А. Бредиус-Субботиной [Переписка..., с. 917–951] произведение дано в редакции с делением на 12 частей. В деле № 142 архива ДРЗ хранятся вырезки из газеты «Православная Русь», где в 1948 г. шла публикация поздней редакции «Куликова Поля»: многочисленные авторские пометы по типографской печати свидетельствуют, насколько внимательно относился Шмелев к своему произведению.

Давая пояснения О.А. Бредиус-Субботиной по поводу ранней редакции, опубликованной в газете «Возрождение» (январь–март 1939 г.), Шмелев описывает свое эмоциональное состояние при написании «Куликова Поля» и представляет характеристику своего произведения: «Я плакал, когда писал. Ночью, помню, слезы лились, от благоговения перед Святым, кого я дерзнул описывать... преп. Сергия! Это – м. б. самая светлая из всех моих работ. Я трепетал. Я посмел веру – доказать жизнью. Укрепить и себя, и – многих. Это – боль о нашем. Это – и благовестие... Мое видение Родины» [Роман в письмах... с. 343].

В подзаголовке шмелевского произведения есть указание – «Рассказ следователя». Этот персонаж, имя которого читателю не дано узнать, повествует о произошедшем чуде – обретении лесным объездчиком Василием Суховым осенью 1925 г. старинного креста и о явлении прп. Сергия Радонежского вначале Василию на Куликовом поле, а затем отцу и дочери Средневым, жившим к тому времени близ основанной преподобным Троицкой Лавры. По просьбе Василия передал им Святой Старец найденный крест, «литой, давнишний» [Шмелев, с. 137].

Обретение креста было связано с памятью о Куликовской битве: «Сухов помнил, что было это в родительскую субботу, в Дмитриевскую, в канун Дмитрия Солунского... Как известно, Дмитриевская суббота установлена в поминовение убиенных на Куликовом Поле, и вообще усопших, и потому называется еще родительская» [Шмелев, с. 136]. И найден был крест именно на Куликовом Поле, и эта находка также затрагивает тему исторической памяти: «Помните, как Преподобный Сергий, тогда игумен Обители Живоначальных Троицы, благословил Великого Князя на ратный подвиг и втайне предрек ему: “ты одолеешь”? Дух его был на Куликовом Поле,

и отражение битвы видимо ему было за четыреста с лишком верст, в Обители...» [Шмелев, с. 136]. Так соединяются в повествовании то-пос и хронос: «...а это место – самое Куликово Поле, тут в старинные времена битва была с татарами... может, и крест этот с убиенного православного воина; есть словно и отметина – саблей будто посе-чено по кресту...» [Шмелев, с. 139].

Желание Василия Сухова передать крест Средневым – потом-кам одного из куликовских ратников – получает ясное объяснение: кому как не «барину Средневу¹... потомку одного из дружинников Дмитрия Донского: дружинник этот бился на Куликовом Поле и сло-жил голову» [Шмелев, с. 135–136], беречь историческую святыню? Но Василий смущен мыслями о том, как в такое «время лихое, не-верное...», «скрытое ноне время, смутное» [Шмелев, с. 139] доставить крест его хранителям? И получает Василий утешение – встречает Старца, согревшего его душу:

Старец сказал – «ласково-вразумительно, будто хотел утешить»:
– Не смущайся, чадо, и не скорби. Милость дает Господь, Светлое
Благовестие. Крест Господень – знамение Спасения [Шмелев, с. 139].

Три образа шмелевского произведения: Куликово Поле, крест, Лавра – становятся символами надежды на преодоление народом России всех уготованных ей катастроф. А объединяющее начало – сам преп. Сергей Радонежский, встретившийся Василию Сухову на Куликовом Поле и ответивший о пути своего следования: «– Вотчину свою проведать» [Шмелев, с. 139], где он и передал крест Средневым.

Следователь-рассказчик и сам побывал у Лавры. «Уже не Сер-гиево, а Загорск» [Шмелев, с. 145] встретил его шутовским представ-

¹ В цитированном выше письме Шмелева к Ильину есть указание на прототип Среднева: «Там было имение Олсуф<сьевых>. И этот Ол<уфьев> – Юрий – его знают многие здесь, был собиратель стар<инных> реликвий. Осень – ? – под вечер, лесной объездчик бывший, бывшего графа Ол<уфьева>, бывш<его> имения его, теперь – “совх<оза>” – соверш<ал> объезд... конь внезапно – остан<авливается> – что такое? Смотрит – светится чуть на грязи, – слезает... – Крест! Стар<инный>. Объездчик подним<ается>, рассматривает, князю бы...! лю-битель... могилы копал... далеко князь, – у Препод<обного>, говор<ят>, ютится... Домик купили, живут в заводин-ке, тихо; пристроился к этим делам... там музе-и... святое там в музеи, и мощи, говор<ят>, косточки под стеклом, для показа... – (безб<ожникам>) – хранитель князь...» [Ильин, т. 2, с. 185].

лением подростков да рычанием бывшего монаха-канонарха. Но и в обстановке поругания «солнечно-розовая» Лавра хранила духовную силу:

Она светилась, веяло от нее покоем... Сколько пережила она за свои пять веков! Сколько светила русским людям!.. Она светилась... – и, знаете, что почувствовал я тогда, в тихом, что-то мне говорившем, ее сиянии?.. «Сколько еще увидит жизни!..» Поруганная, плененная, светила она – нетленная. Было во мне такое... чувство ли, дума ли: «Все, что творится, – дурманный сон, призрак, несостоящее... а вот это – живая сущность, творческая народная идея, завет веков... это – вне времени, нетленное... можно разрушить эти сияющие стены, испепелить, взорвать, и ее это не коснется...» Высокая розовая колокольня, «свеча пасхальная», с золотой чашей, крестом увенчанной... синие и золотые купола... – не грустью отозвалось во мне, а светило. Впервые тогда за все мутные и давящие восемь лет почувствовал я веру, что – есть защита, необоримая [Шмелев, с. 145–146].

Эта «свеча пасхальная» вкуче с найденным на Куликовом Поле крестом, неоднократно названным Шмелевым «Благовестием» (и в самом произведении, и в письмах к И.А. Ильину и О.А. Бредиус-Субботиной), отражают идею пасхальности, как это было сформулировано И.А. Есауловым при анализе «пасхального романа» – «Лето Господне»: «Пасхальность предполагает путь от *земного* к *небесному*, от *смерти* к *вечной жизни*» [Есаулов, с. 29].

В двух архивных делах фонда Шмелева (Архив ДРЗ) – № 19 и № 156 – представлен текст стихотворения «Марево», посвященного России. В деле № 156 рукой Ю.А. Кутыриной, хранительницы архива писателя, сделана приписка к стихотворению: «Ив. Сергеевич Шмелев скончался 24 июня 1950 г. в зарубежье, во Франции, и именитый писатель-прозаик посвятил это стихотворение Родине» и указано место: «Париж» и дата: 4 августа 1946 г.: «4.8.1946»¹. В стихотворении есть строки, где лирический герой (как и герой-повествователь «Куликова Поля») признает кардинальные изменения, произошедшие с его страной: «Пусть Ты совсем другая стала, / Чужая вся, и вся –

¹ В данном деле представлены стихотворения Шмелева «Побеждающей» и «Марево». Архивная помета содержит следующие сведения: «Стихотворения. Франция. Автограф. Копия рукой Ю.А. Кутыриной». Цитата приводится по: Архив ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 156. Л. 2.

туман...»¹ Но важнее для него сохранить, пусть и в воображении, «...светлый образ Твой» (кроме приведенного ниже четверостишия во всех остальных случаях местоимения, относящиеся к утраченной отчизне, в стихотворении даны с заглавной буквы: «Ты», «Твой»...):

Была ты... да? теперь – какая?..
Все та же ширь, все та же даль?..
Вся снеговая-голубая,
Вся – свет и светлая печаль?..
[Архив ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 19. Л. 2]

«Марево» Шмелева позволяет услышать нечто родственное со знаменитым блоковским стихотворением «Россия» (1908), написанным в тот же год, что и его цикл «На поле Куликовом»:

Пускай заманит и обманет, –
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты... [Блок, с. 254]

– в предвиденье А.А. Блока, его поэтическом прозрении угадывается тот опыт, который достанется пережить Шмелеву и другим русским изгнанникам. Вместе с тем в шмелевском четверостишии с повтором формулы: «всё та же...» – звучит надежда, которая рифмуется с начальными строками «Куликова Поля»: «Скоро семь лет, как выбрался я оттуда, и верю крепко, что страшное наше испытание кончится благодатно и – невдолге. “Невдолге”, конечно, относительно: случившееся с нами – исторического порядка, а историческое меряется особой мерой» [Шмелев, с. 132]. Эта уверенность героя-повествователя основывается, по всей видимости, на идеях И.А. Ильина, долгие творческие и дружеские связи с которым не раз находили отражение в произведениях Шмелева. Так, например, хорошо известно, что изменения, вносимые Шмелевым в «Куликово Поле», часто происходили после очередного обсуждения произведения «двумя Иванами». Укажем на то, что в самом начале своего рассказа / повести Шмелев практически дословно приводит цитату из письма к нему Ильина от 18 марта 1927 г.: «...Нет народа с таким тяжким историческим

¹ Здесь и далее текст стихотворения приводится по: Архив ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 19. Л. 2.

бременем и с такою мощью духовною, как наш; не смеет никто судить временно павшего под крестом мученика; зато выстрадали себе дар – незримо возрождаться в зримом умирании, – да славится в нас Воскресение Христово!..»¹ [Шмелев, с. 132].

Идея небесной защиты России роднит писателей, разделенных и временем, и пространством: судьба изгнанника А.И. Солженицына, насильно выдворенного за пределы родины, имеет множество расхождений с беженской долей Шмелева, однако в творчестве писателей можно найти точки пересечения, причем в вопросах исключительной важности.

В рассказе Солженицына «Захар-Калита» (1965)², как и в «Куликовом Поле» Шмелева, поднимается вопрос об исторической памяти народа. И первые строки солженицынского рассказа посвящены осмыслению значения Куликовской битвы: «...битва эта по Четырнадцатому веку досталась русскому телу и русскому духу дороже, чем Бородино по Девятнадцатому. Таких битв не на одних нас, а на всю Европу в полтысячи лет выпадала одна. Эта битва была не княжеств, не государственных армий – битва материков» [Солженицын, 2006, с. 248]. Комментируя этот фрагмент, В.В. Радзишевский дает прямую ссылку на высказывание С.М. Соловьева, определившего Куликовскую битву как столкновение «Европы с Азией» [Радзишевский, с. 620]. Обращение Солженицына к своим предшественникам, в творчестве которых была представлена тема Куликовской битвы, отмечено Р. Темпестом, охарактеризовавшим своеобразие творчества писателя. Американский славист утверждал: «Совокупность солженицынских прозаических, драматических и автобиографических творений

¹ И.А. Ильин писал: «В пасхальный номер Перезвонов послал статью маленькую “О путях России”; написал под заголовком “Ивану Сергеевичу Шмелеву”. Идея: нет народа с таким тяжким историческим бременем и с такою мощью духовною, как наш; не смеет никто судить временно павшего под крестом мученика; за то мы выстрадали себе дар – незримо возрождаться в зримом умирании – да славится в нас Воскресение Христово!

Не браните за то, что без разрешения» [Ильин, т. 1, с. 22].

² Комментируя рассказ, В.В. Радзишевский отмечал: «В основу рассказа легли впечатления от велосипедной поездки в первой половине августа 1963 г. по маршруту Рязань – Михайлов – Ясная Поляна – Епифань – Куликово поле – река Ранов – Рязань. Рассказ написан в Рязани в ноябре 1965 г. ...Напечатан в “Новом мире” (1966. № 1. С. 69–76). Тираж 150 000 экз.» [Радзишевский, с. 619].

содержит массу развернутых или сжатых, прямых или косвенных, зашифрованных или незашифрованных комментариев на канонические тексты русской литературы XIX–XX веков. А иногда даже веков предшествующих: рассказ “Захар-Калита” постулирует художественный примат “Сказания о Мамаевом побоище” над “Задонщиной”, “Истории России с древнейших времен” Сергея Соловьёва – над этими двумя культурными памятниками, а стихотворного цикла “На поле Куликовом” Александра Блока – над тремя названными текстами» [Темпест, с. 32]. В ряду перечисленных произведений отсутствует «Куликово Поле» Шмелева, как не названо это произведение и в «Литературной коллекции» Солженицына, где есть очерк, посвященный творчеству Шмелева [Солженицын, 1998, с. 184–193]. Однако нельзя не заметить переключку идей произведений, обращенных к образу Куликова Поля – топоса, навечно вписанного в книгу истории России.

В рассказе Солженицына «Захар-Калита» оценку историческому месту дает герой-повествователь: «...мы прошли как по священному безмолвному заповеднику» [Солженицын, 2006, с. 249]. Куликово Поле (а в солженицынском тексте, как и у Шмелева, оба слова даны с заглавной буквы) освящено для него подвигом русского воина, отдавшего свою жизнь ради освобождения Руси от иноземного ига: «Нам без помех думалось о тех русоволосых ратниках, о девяти из каждого пришедшего десятка, которые вот тут, на сажень под теперешним наносом, легли и докости растворились в земле, чтоб только Русь встряхнулась от басурманов» [Солженицын, 2006, с. 249].

Спустя почти шесть с половиной веков после знаменитой Куликовской победы поле воинской славы приобретает черты хрестоматийного образа-символа, что, конечно же, не отменяет его высокого исторического значения, но высвечивает и «оборотную сторону медали»: тему оскудения исторической памяти народа, что в литературно-художественных произведениях звучит серьезным предупреждением о грозящей опасности. Оба писателя озабочены этой проблемой. Герой-повествователь «Куликова Поля» с горечью спрашивает, обращаясь, в том числе, и к себе самому: «А кто удосужился побывать, ощупать, где, по урочищам, между верховьями Дона и Непрядвой, совершилось великое событие? Из тысячи не наберется и десятка, не исключая и местных интеллигентов. Мужики еще кой-

что скажут. Воистину, – “ленивы мы и нелюбопытны” [Шмелев, с. 134]. Те же переживания находим и у героя-рассказчика «Захара-Калиты»: «Долго идя по пустому полю, мы и сюда пришли как на пустое место, не чая кого-нибудь тут встретить. Шли и размышляли: почему так? Не отсюда ли повелась судьба России? Не здесь ли совершён поворот её истории? Всегда ли только через Смоленск и Киев роились на нас враги?.. А вот – никому не нужно, никому невдомёк» [Солженицын, 2006, с. 250]. Однако эти горькие размышления не подкрепляются увиденным, и повествователь «Захара-Калиты» «рад ошибиться»: встречает на Поле он учителя литературы – «седенького старичка с двумя парнишками» [Солженицын, 2006, с. 250], а затем и Хранителя – самого заглавного героя¹, к имени которого присоединено великокняжеское прозвище.

Как известно, времена правления Иоанна I Даниловича, названного «собирателем земель русских», связаны с усилением Москвы, ставшей центром объединения русских земель. По одной из версий, калита (калита – сума, кошель, подвесной карман, торба), с которым постоянно ходил князь, а по другой – талант «собирателя» добавил к имени князя прозвище. Хранитель Поля получает свое прозвище от героя-повествователя по схожим мотивам: Книга Отзывов, которую дает Захар Дмитриевич посетителям Поля, бережно хранится в пришитом к его пиджаку подвесном кармане: «Он отвёл полу своего запашного пиджака, и там, с исподу, у него оказался пришит из мешочной же ткани карман не карман, торба не торба, а верней всего калитá, размером как раз с Книгу Отзывов, так что она входила туда плотненько. И ещё при той же калите было стремечко для тупого чернильного карандаша, который он тоже давал посетителям» [Солженицын, 2006, с. 252]. Книга Отзывов приобретает символический характер, если вспомнить историю древнерусской воинской

¹ В альманахе, издаваемом сотрудниками отдела по изучению наследия А.И. Солженицына Дома русского зарубежья, отмечено: «Герой рассказа, Захар Дмитриевич Федоров, был первым хранителем Куликова поля после принятия властями решения о включении этого места в список объектов культурного наследия страны. Очевидцы тех лет рассказали семинарской экспедиции о судьбе З.Д. Федорова и его детей, продолживших служение полю. По свидетельству местных жителей, именно после публикации рассказа в «Новом мире» в 1966 году возобновился интерес соотечественников к Куликову полю и началось постепенное его возрождение как символа духовного единства России» [Савельева, Тюрина, с. 276–277].

повести. Рассматривая традиции «Сказания о Мамаевом побоище» в повести о приходе Сафа-Гирея на Русь в 1541 г. по Воскресенской летописи, Н.В. Трофимова отмечает: «Обещая награду воинам и память погибшим, Иван произнес: “А которого вас Бог възметъ, и азъ того велю въ книги животныя написати”... Этой награды просили для себя в случае гибели воины перед Куликовской битвой, обращаясь к Дмитрию: “Въ книги съборныя написати нась, памяти ради русским сыномъ”» [Трофимова, с. 585]. Такой книгой Живой Памяти предстает в солженицынском рассказе Книга Отзывов, а хранитель памяти – Захар-Калита. Об этом писали Н.В. Ковтун и В.А. Степанова, отмечая символику имени героя: «Имя смотрятеля глубоко символично. Захар с древнееврейского переводится как “память Божия”. Охраняя древнюю святыню, герой выполняет функцию, предопределенную его именем...», – и его включенность в события, произошедшие на Поле: «Чувство причастности к событиям того времени подчеркнуто в образе Захара...» [Ковтун, с. 166] и приводят яркую цитату из рассказа Солженицына: «Он сел, ссутулился ещё горше, закурил – и курил с такой неутолённой кручиной, с такой потерянностью, как будто все легшие на этом поле легли только вчера и были ему братья, свояки и сыновья и он не знал теперь, как жить дальше» [Солженицын, 2006, с. 252–253].

Точкой соприкосновения произведений Шмелева и Солженицына становится и «неутолимая жажда Правды», как это было сформулировано в «Куликовом Поле» [Шмелев, с. 133]. В рассказе Солженицына эта проблема высвечивает еще одну грань: «Горька правда истории, но легче высказать её, чем таить...» [Солженицын, 2006, с. 249]. Какой бы тяжелой ни была историческая реальность, ее не следует скрывать: она несет не только чувство боли и сожаления, но и направляет и вдохновляет, напоминая опыт предков. Мемориальное обращение к Куликовской битве идет как будто бы в формате «прописных истин», но от того, что истины остаются «прописными» на протяжении многих веков, их нравственная ценность нисколько не уменьшается, а лишь упрочивает свое положение в том, что называется этнической картиной мира.

В обоих произведениях представлена проблема Времени, рассмотрение которой достигает высот философского обобщения. Знаменитая формула: «Времени не стало», оказавшаяся такой вос-

требуемой у эмигрантов «Русского исхода»¹ – помогает осознать герою-рассказчику «Куликова Поля» приобщенность к Высшей Воле. Проводя расследование об обретении креста и явлении преп. Сергия Радонежского, повествователь обретает сакральное знание: «...я привлечен к раскрытию необычайного... привлечен Высшей Волей. А что пережил тогда в миг неизмеримый... – выразить я бессилён. Как передать душевное состояние, когда коснулось сознания моего, что времени не стало... века сомкнулись... будущего не будет, а все – ныне...» [Шмелев, с. 141–142]. Этим знанием обладает Оля Среднева. В ночь пребывания в их доме Святого Старца «Ей открылось, что – все – живое, все – есть: “будто пропало время, не стало прошлого, а все – есть!” Для нее стало явным, что покойная мама – с нею, и Шура, мичман, утопленный в море, в Гельсингфорсе, единственный брат у ней, – жив, и – с нею; и все, что было в ее жизни, и все, что она помнила из книг, из прошлого, далекого – “все родное наше”, – есть, и – с нею; и Куликово Поле, откуда явился Крест, – здесь, и – в ней! Не отсвет его в истории, а самая его живая сущность, живая явь» [Шмелев, с. 157]. И это знание Оля пытается передать герою-повествователю: «Понимаете, все живет! У Господа ничто не умирает, а все – есть! Нет утрат... всегда, все живет» [Шмелев, с. 158].

Шмелевская тема почти дословно повторяется у Солженицына: то, что было – остается в вечности:

Как мы и хотели, мы остались на Куликовом Поле одни. Стала ночь с полною луной. Башня памятника и церковь-крепость выставились чёрными заслонами против неё... При луне уже не видны были границы близких посевов. Эта земля, трава, эта луна и глушь были все те самые, что и в 1380 году. В заповеднике остановились века, и, бредя по ночному Полю, всё можно было вызвать: и костры, и конские тёмные табуны, и услышать блоковских лебедей в стороне Непрядвы [Солженицын, 2006, с. 257].

¹ Достаточно вспомнить рассказ Н.А. Тэффи «И времени не стало» (1949), когда героине предстают воспоминания и видения, и отметить фрагмент с обращением к строкам Апокалипсиса: «И в этом небывалом золотом свете и блаженной напряженности любви был тот экстаз, которого человек больше одного мгновения вынести не может. Но времени не было и мгновение это чувствовалось как вечность. Оно и было вечностью, потому что времени не стало. Помните, в Апокалипсисе: “...И Ангел поднял руку свою к небу и клялся живущим векови, что времени уже не будет”» [Тэффи, с. 69]. В иной, отличной от шмелевской, трактовке, все же важнее подчеркнуть объединяющее начало: понимание мгновения как вечности.

Тематический комплекс «Куликово Поле» представляется явлением многоплановым, наполненным переплетением различных образов и мотивов. В рассказах Шмелева и Солженицына основополагающий мотив исторической памяти дает развитие, казалось бы, разным проблемам и темам. Но в произведениях наблюдается и общее начало, объединяющее авторов разных эпох – это основанные на уроках истории вера в преодоление различных трудностей, теплящаяся как приконная лампада надежда, не покидающая человека даже в бездне отчаяния, «зрячая» любовь к родине, для которой не являются препятствием социально-исторические нестроения даже планетарного масштаба.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Есаулов И.А. Поэтика русского мира Ивана Шмелева // Проблемы исторической поэтики. 2023. № 40. С. 7–37.
2. Ковтун Н.В. Русская традиционалистская проза XX–XXI веков: генезис, мифопоэтика, контексты. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 600 с.
3. Комментарий исторический и географический / Сост. Д.С. Лихачев // Слово о полку Игореве / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 375–466.
4. Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины: материалы юбил. науч. конф. 8–10 сент. 1980 г. / Б.А. Рыбаков (отв. ред.) и др. М.: Изд-во МГУ, 1983. 312 с.
5. Куликовская битва в литературе и искусстве: исследования и материалы по древнерусской литературе / О.А. Державина, А.С. Елеонская, А.Н. Робинсон (отв. ред.). М.: Наука, 1980. 287 с.
6. Лихачев Д.С. Мировое значение Куликовской победы // Сказания и повести о Куликовской битве / подг. Л.А. Дмитриев и О.П. Лихачева; отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, 1982. С. 255–261.
7. Радзишевский В.В. Комментарий. Захар-Калита // Солженицын А.И. Собр. соч.: в 30 т. Т. 1. Рассказы и крохотки. М.: Время, 2006. С. 619–624.
8. Савельева Е.Н., Тюрина Г.А. Хроника // Солженицынские тетради: Материалы и исследования. Вып. 4 / гл. ред. А.С. Немзер. М.: Русский путь, 2015. С. 258–279.
9. Солнцева Н.М. Иван Шмелев. Жизнь и творчество. Жизнеописание. М.: Эллис Лак, 2007. 510 с.

10. Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 18 кн. Кн. 3. Т. 5 и 6 / отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М.: Мысль, 1989. 783 с.

11. Сорокина О.Н. Московянина: Жизнь и творчество И.С. Шмелева. М.: Московский рабочий, 2000. 404 с.

12. Темпест Р. Полет грифона, или Александр Солженицын как антолог русской литературы // Александр Солженицын: взгляд из XXI века. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения. Москва, 10–12 декабря 2018 г. / сост. Л.И. Сараскина. М.: Русский путь, 2019. С. 32–44.

13. Трофимова Н.В. Из истории древнерусской воинской повести // Герменевтика древнерусской литературы. 2004. № 11. С. 558–590.

Источники

14. Архив ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 19, 141–143, 156.

15. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6: XIV – середина XV века / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 1999. 583 с.

16. Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. Стихотворения и поэмы (1907–1921) / под общ. ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова, К.И. Чуковского. М.-Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1960. 714 с.

17. Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: в 2 т. Т. 2: Древнерусская народная литература и искусство. СПб.: Издание Д.Е. Кожанчикова, 1861. 429 с.

18. Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1: Переписка двух Иванов (1927–1934) / сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 2000. 560 с.; Т. 2: Переписка двух Иванов (1935–1946) / сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 2000. 576 с.

19. И.С. Шмелев и О.А. Бредиус-Субботина: Роман в письмах: в 2 т. Т. 1 / предисл., подгот. текста и комм. О.В. Лексиной, С.А. Мартьяновой, Л.В. Хачатурян М.: РОССПЭН, 2003. 759 с.

20. И.С. Шмелев. Переписка с О.А. Бредиус-Субботиной. Известные редакции произведений. Т. 3 (дополнительный). Ч. 2 / предисл., подг. текста и комм. А.А. Голубковой, О.В. Лексиной, С.А. Мартьяновой, Л.В. Хачатурян. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 1096 с.

21. Сказания и повести о Куликовской битве / подг. Л.А. Дмитриев и О.П. Лихачева; отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, 1982. 420 с.

22. Слово о полку Игореве / Серия «Литературные памятники» / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 484 с.

23. *Солженицын А.И.* Захар-Калита // *Солженицын А.И. Собр. соч.* в 30-ти тт. Т. 1. Рассказы и крохотки. М.: Время, 2006. С. 248–258.

24. *Солженицын А.* Иван Шмелев и его «Солнце мертвых» (Из «Литературной коллекции») // *Новый мир.* 1998. № 7 (879). С. 184–193.

25. *Тэффи Н.А.* Собр. соч.: в 5 т. Т. 5: Земная радуга: Сборник рассказов; Воспоминания / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. 400 с.

26. *Шмелев И.С.* Куликово Поле // *Шмелев И.С. Собр. соч.: в 5 т. Т. 2.* Въезд в Париж. Рассказы Воспоминания Публицистика. М.: Русская книга, 1998. С. 132–164.

<https://www.doi.org/10.29003/m3640.khmelita-19/194-201>

<https://elibrary.ru/qmapkw>

Научная статья / Research Article

УДК 821.512.145

ББК 83.3(2)6

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NonCommercial
4.0 (CC BY-NC)

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ТАТАРСКОЙ ДРАМАТУРГИИ 1940–1950-Х ГГ.

© 2023. Ф.Х. Миннуллина

Аннотация: В статье рассматриваются татарские пьесы, написанные в 1940–1950-е годы. Защита Родины от врагов активизировала в татарской драматургии звучание патриотизма. Драматурги, обращаясь в своих пьесах к событиям войны, восхваляют мужество, патриотизм бойцов и тружеников тыла. В работе выявлены основные темы, конфликтные ситуации, раскрывающие характеры героев. Объектом изучения стали пьесы «Шакир Шигаев» Ф. Карима, «Священное поручение» Т. Гиззата, «Марьям» Н. Исанбета, «Минникамал» и «Возращение» Р. Ишмурата и др. После Великой Отечественной войны писатели продолжали разработку темы героизма людей на фронте и в тылу. Основной целью пьес в эти годы было обобщение событий военного времени, показ источников победы. Изображению войны, героизма советского человека на фронте, раскрытию морально-политических источников победы, одержанной советским народом над фашизмом, были посвящены пьесы «Настоящая любовь» (1948) Т. Гиззата, «Песня жизни» (1946) М. Амира, «Бессмертная песнь» (1955) Р. Ишмурата, «Муса Джалиль» (1957) Н. Исанбета.

Ключевые слова: Татарская драматургия, жанр, трагедия, герой, героизм.

Информация об авторе: Миннуллина Фатыма Халиулловна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, ул. К. Маркса, д. 12/4, 420111 г. Казань, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8633-5850>

E-mail: minnullina77@mail.ru

Для цитирования: Миннуллина Ф.Х. Великая Отечественная война в татарской драматургии 1940–1950-х гг. // Первые Кулаковские чтения: На полях воинской славы России / отв. ред. М.В. Скороходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 194–201. <https://www.doi.org/10.29003/m3640.khmelita-19/194-201>

THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE TATAR DRAMA OF THE 1940s–1950s

© 2023. Fatyma Kh. Minnullina

Annotation: The article examines Tatar plays written in the 1940s–1950s of the XX century. The defense of the Motherland from enemies activated the sound of the patriotic spirit in Tatar drama. Playwrights, referring to the events of the war in their plays, praise the courage, patriotism of fighters, home front workers. The paper identifies the main themes, conflict situations, revealing the characters of the characters. The object of the study were the plays “Shakir Shigaev” by F. Karim, “Sacred Commission” by T. Gizzat, “Maryam” by N. Isanbet, “Minnikamal”, “Return” by R. Ishmurat, etc. After the Great Patriotic War, writers continued to develop the theme of heroism of people at the front and in the rear. The main purpose of the plays in these years was to summarize the events of the war, to show the sources of victory. The depiction of the war, the heroism of the Soviet man at the front, the disclosure of the moral and political sources of the victory won by the Soviet people over fascism, were devoted to the plays of T. Gizzat “True Love” (1948), M. Amir “Song of Life” (1946) R. Ishmurat “Immortal”.

Keywords: Tatar drama, genre, tragedy, hero, heroism.

Information about the author: Fatyma Kh. Minnullina – Cand. of Sciences (Philology), senior research associate, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art Tatarstan Academy of Sciences, K. Marx str., 12/4, 420111 Kazan, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8633-5850>

E-mail: minnullina77@mail.ru

For citation: Minnullina, Fatyma Kh. The Great Patriotic War in the Tatar Drama of the 1940s–1950s. *First Kulakov Readings: On the Fields of Russia’s Military Glory*. Ex. ed. Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ.,

2023. pp. 194–201. (In Russian). <https://www.doi.org/10.29003/m3640.khmelita-19/194-201>

Великая Отечественная война оказала значительное влияние на развитие татарской драматургии и обусловила появление в ней новых героев и тем. Важными становятся черты героического характера, патриотизм, преданность Родине, ненависть к захватчикам, самоотверженный труд во имя великой победы. В годы войны писатели являлись пропагандистами боевого опыта, агитаторами [Вакурова, с. 9]. В истории театра советского времени период 1940–1950-х гг. характеризуется разделением на два этапа: военный (1941–1945 гг.) и послевоенный.

В военные годы смена ориентиров в литературе и в обществе в целом привела к трансформации татарской драматургии. Драматурги изображали героизм солдат на фронте, тяжелую жизнь народа в тылу, раскрывали мотивы и обстоятельства, побуждавшие людей к героическим подвигам. Постепенно образ борца «за строительство новой, коммунистической действительности сменяется образом советского солдата, труженика тыла, борца за свободу» [Надыршина, с. 33]. Татарские пьесы обогатились за счет трагических мотивов, при этом приблизились к выявлению драматизма внутреннего мира, состояния героя, который борется против фашистских захватчиков. В годы войны на первый план вышла патриотическая драматургия на современные и исторические темы. Появляются драмы, отражающие борьбу в тылу врага («Ночной сигнал», «Священное поручение» и «Таинственный клад» Т. Гиззата, «Партизан Иван» и «Пламя сердца» М. Амира, «Семья патриотов» Г. Насрый, «В лагере врага» Р. Ишмурата и др.). В некоторых драмах описывается фронтовая обстановка («Шакир Шигаев» Ф. Карима, «Марьям» Н. Исанбета и др.). Создаются пьесы, посвященные труженникам тыла («Минникамал» М. Амира, «Возвращение» Р. Ишмурата, «Друзья» А. Камала и др.); драматические произведения, основанные на фольклорном материале («Туляк», «Рыжий-чичян и Черноволосая красавица» Н. Исанбета и др.); его же пьесы, посвященные истории народа и историческим образам («Сахибджамал Волжская» (1943) «Мулланур Вахитов» (1945)

и др.). Например, в пьесе Т. Гиззата «Священное поручение» изображается борьба одной семьи в тылу врага. Здесь убедительно раскрыт образ старого шахтера Гинията, который не поддался уговорам, угрозам фашистов и сохранил в тайне план шахты, тем самым обрекая себя на гибель. Героям пьесы Гиззата приходится бороться не только с самими захватчиками, но и с теми, кто как Абузар и Асия предпочитают служить захватчикам. Образы людей, оказавшихся на противоположной стороне, нашли отражение и в трагедии Н. Исанбета «Марьям». В качестве примера можно указать на образ Лыкова – бывшего князя, эмигранта, а ныне переводчика, работающего на врага.

Отметим также пьесы А. Файзи «Шамгун Тавысов» (1941), «Жертвы собственной лжи» (1942), «Случай в доме сумасшедших» и «Чайки» (1941–1949). В пьесе «Шамгун Тавысов» тонкая ирония позволила автору в комедийном плане раскрыть нравственную сущность героя. На примере разных героев Файзи показывает истинный и ложный патриотизм, поэтому комедия построена как философско-нравственный поединок людей, обладающих различной жизненной позицией. Автор раскрывает философию трусости и преданности. В образе Шамгуна Тавысова развенчивается философия труса-демагога, ложного патриота, качества которого наиболее ярко проявились в годы войны. Истинный патриотизм характерен для Рауфа, Зайтуны, Саттара, которые верят в победу.

В послевоенные годы автор также тяготеет к военной тематике. Нужно отметить, что в комедии «Выгодный зять» (1947) Файзи не обращается к фронтовым событиям, однако знакомит читателя с побывавшими на фронте Асгатом Муратовым и Хайдаром Арслановым. Свой взор автор направляет на раскрытие нравственных качеств героев. Герои комедии хотят устроить свою жизнь наилучшим образом, удачно используя сложившуюся ситуацию. Например, в пьесе начальник райинторга Хафиз хочет повышения по службе и переезда в столицу, его жена Нафиса – новых перспектив для себя, дочь Рокья мечтает выгодно выйти замуж. В драме Анаса Камала «Тайны» (1948) читатели также встречаются с образом бывшего фронтовика, который активно участвует в становлении нефтяной промышленности в Татарстане.

В перечисленных драмах в основном отражалась вера людей в победу, господствовал романтический дух, вражеские солдаты

и офицеры изображены жестокими, бессердечными, в некоторых случаях глупыми. В рассматриваемые годы были созданы многие оригинальные образы. Например, в трагедии Н. Исанбета «Марьям» у фашистского солдата Иогана проявляются проблески человечности. Среди действующих лиц трагедии есть и такие, которые предстают как жертвы бесчеловечно-жестоких обстоятельств. С этой точки зрения в пьесе интересен образ молодой девушки Марьям, которая оставляет преподавательскую работу и в качестве медсестры встает в ряды защитников Родины.

С 1943 г. в татарской драматургии начинает возрастать число произведений, для которых характерно описание реальной фронтовой обстановки, внимание к событиям, связанным с деятельностью партизан, с борьбой на временно оккупированных территориях. Особое место среди таких произведений занимает драма Ф. Карима «Шакир Шигаев», в которой отражаются военные действия на фронте. Основной конфликт между фашизмом и советским народом раскрывается здесь при помощи описания конкретной ситуации – это подрыв моста, по которому должен проходить вражеский бронепоезд. Драма, благодаря полному и убедительному отражению боевой обстановки и представляющая живые характеры героев войны, является одной из лучших пьес периода Великой Отечественной войны в татарской драматургии [Ахмадуллин, с. 256].

В качестве достижения драматургии военного времени необходимо особо отметить пьесы, основанные на фольклорных мотивах. Например, в 1941–1945 гг. в творчестве Н. Исанбета развивалась патриотическая тема, причем героика пьес активизировалась благодаря введению в их сюжет исторических личностей и фольклорных образов. Особую популярность завоевали либретто Исанбета «Туляк» (1942) и пьеса «Рыжий-сказатель и Черноволосяя красавица» (1942). Трагедия Исанбета «Идегей» стала первым спектаклем на историческую тему, поставленным в военное время. В военные годы Исанбет также написал две пьесы, посвященные историческим личностям – первой профессиональной татарской актрисе Сахибджамал Гизатуллиной-Волжской («Сахибджамал Волжская», 1943) и революционеру М. Вахитову («Мулланур Вахитов», 1945). В произведениях об историческом прошлом народа, об исторических личностях и в пьесах, основанных на фольклорных мотивах, основными были патриотические мотивы.

В послевоенные годы в татарской драматургии также появились историко-биографические произведения, посвященные исторической личности. Р. Ишмурат посвятил драму «Бессмертная песнь» героической борьбе поэта Мусы Джалиля в фашистских застенках. Драматург воссоздал образ героя, используя стихи, созданные в фашистской тюрьме. Показав в первых действиях жизнь героя в семье и среди друзей, в последующем автор сосредоточивает внимание на его деятельности в плену. В трагедии «Муса Джалиль» Н. Исанбета образ Джалиля раскрывается в другом ключе. В оптимистической трагедии события и персонажи изображены в реалистическом плане. Как пишет А.Г. Ахмадуллин, на фоне жалкой судьбы членов семьи Альбековых героическая борьба и смерть Джалиля и его товарищей воспринимается как гимн свободоловию, как превосходство над врагом. Патриотические чувства вдохновляют и бельгийского партизана Энгельмана, и русского разведчика Макарова, и чуваша Сарманбая, и башкира Янгира, которые борются с фашизмом совместно с татарскими друзьями [Ахмадуллин, с. 11].

Патриотическим духом проникнуты и произведения, посвященные жизни тружеников тыла. В пьесах Ш. Мазитова «Любимые», А. Камала «Друзья», Р. Ишмурата «Возвращение», М. Амира «Минникамал» события происходят в деревне, показано, как самоотверженно трудятся ради общей победы над врагом женщины, старики, дети и вернувшиеся с фронта раненые солдаты. Одним из лучших произведений не только этих лет, но и всей татарской национальной сценической литературы является драма М. Амира «Минникамал» (1944). Произведение посвящено деревенской жизни военного времени, на арену татарской драматургии выходит новый тип героя – женщина-руководитель. В центре драмы образ Минникамал – один из значительных образов татарской женщины в национальной драматургии [Шарипова, с. 69]. Это новаторский для своего времени образ, представлена сильная личность, автор описывает стойкость человека, его способность оставаться смелым в трудные времена. В образе Минникамал драматург возвеличил нравственную выдержку, мужество тружениц тыла, способных побеждать трудности ради победы над врагом. В таком ракурсе написана и пьеса М. Амира «Песня жизни». Сюжетная линия драмы построена вокруг одной песни, присланной как привет из вражеского тыла бойцом Басыром

своей жене Фатиме. Музыкальное послание доходит до адресата, помогая ему выдержать все трудности жизни в тылу, сохранить верность в любви к своему мужу. В этом образе нравственная чистота, трудолюбие, уважительное отношение к людям тесно переплетены между собой.

Для пьесы Р. Ишмората «Возвращение» важны тема патриотического труда, мотивы моральной ответственности, верности в любви, честности. Хамит, вернувшийся раненым с фронта, считает себя неполноценным, беспомощным и впадает в душевный кризис. Положение усугубляется тем, что по деревне распустили слух о его общении с женой колхозного бригадира Муршидой. Однако односельчане не оставляют Хамита без внимания, морально поддерживает и Муршида. Герой постепенно возвращается к трудовой жизни, налаживается его семейная жизнь [Ахмадуллин, с. 232].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны идеи, темы, сюжеты, герои произведений драматургии были подчинены основной задаче – отстоять в борьбе с врагом идеи защиты мира и Родины. Образы героя-фронтовика, героя труда не были преувеличением, а являлись отражением реальной жизни. Драматурги показывают процесс формирования нового героя, рассказывают об изменениях в сознании, психологии человека. На первый план выдвигается героический характер народа. Пьесы, созданные после войны, представляли собой осмысление опыта освободительных битв, истоков героизма и предательства, истоков победы. Например, в 1948 г. состоялась театральная премьера пьесы Т. Гиззата с музыкой С. Сайдашева «Чын мэхэббэт» («Настоящая любовь»), посвященной тому, как албанская медсестра спасла советского солдата.

Великая Отечественная война была важной темой драматургии 1940–1950-х гг. Пьесы, которые создавались во время войны, были призваны мобилизовать волю людей на борьбу и победу, вдохновляли примерами героизма. В произведениях, созданных в период военных действий, мысль о непобедимости использовалась для формирования чувства патриотизма. В послевоенное время появляются пьесы, описывающие суровые будни войны, без романтизма, а также изображающие труд советских людей. Победа была возможна только как результат общих усилий. На примере всей «народной массы» читатель может видеть проявления истинного патриотизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Ахмадуллин А.Г.* Татарская драматургия: истоки и проблемы. Казань: Татар. кн. изд-во, 2012. 510 с.
2. *Вакурова О.А.* Источниковедение литературной деятельности писателей в годы Великой Отечественной войны // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. История. 2009. № 1. С. 7–18.
3. *Ганиева А.Ф.* Мирсэй Әмир драмаларында чор проблемаларын яктырту үзенчәлеге // Восток-Запад: литература и художественная культура: сб. материалов Междунар. научно-практич. конф. 2017. Казань: Отечество, 2017. С. 68–71.
4. *Надыршина Л.Р.* Жанровые особенности татарской поэмы в годы Великой Отечественной войны // Успехи гуманитарных наук. 2022. № 5. С. 33–36.
5. *Шарипова А.С.* Татарская драматургия XX – начала XXI в.: инвариант и его исторические трансформации: дис. ... докт. филол. наук. Казань, 2022. 322 с.

<https://www.doi.org/10.29003/m3641.khmelita-19/202-210>

<https://elibrary.ru/ojejwj>

Научная статья / Research Article

УДК 821.512.145

ББК 83.3(2)6

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NonCommercial
4.0 (CC BY-NC)

ПИСЬМА ТАТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-ФРОНТОВИКОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

© 2023. Л.Ш. Галиева

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию писем татарских писателей периода Великой Отечественной войны. Эти письма отражают литературный процесс военного времени, раскрывают личности отдельных писателей, помогают понять события прошлого. Большое количество писем татарских писателей-фронтовиков было направлено в Союз писателей Татарстана, а именно Гази Кашшафу. В годы войны он некоторое время возглавлял Союз писателей, а также являлся главным редактором журнала «Совет эдэбияты» («Советская литература»). Переписка писателей позволяет проследить, в каких условиях они создавали свои произведения, что волновало их в те годы, как изменила война отношения писателей между собой.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, письма писателей-фронтовиков, татарская литература, Гази Кашшаф, Муса Джалиль, Адель Кутуй, Афзал Шамов, журнал «Совет эдэбияты» («Советская литература»).

Информация об авторе: Галиева Ляйсан Шаукатовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, ул. К. Маркса, д. 12, 420111 г. Казань, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-1176-0322>

E-mail: nisanbedri@mail.ru

Для цитирования: Галиева Л.Ш. Письма татарских писателей-фронтовиков как отражение литературной жизни в годы Великой Отечественной войны // Первые Кулаковские чтения: На полях воинской славы России / отв. ред. М.В. Скороходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 202–210. <https://www.doi.org/10.29003/m3641.khmelita-19/202-210>

LETTERS OF TATAR FRONTLINE WRITERS AS A REFLECTION OF LITERARY LIFE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

© 2023. Lyaysan Sh. Galieva

Abstract. This article is devoted to the study of letters of Tatar writers that were written during the Great Patriotic War. These letters reflect the literary process of wartime, reveal the personalities of individual writers, and help to understand the events of the past. A large number of letters from Tatar front-line writers were sent to the Writers' Union of Tatarstan, namely Gazi Kashshaf. During the war years, he headed the Writers' Union for some time, and was also the editor-in-chief of the magazine "Adabiyaty Council". The correspondence of writers allows us to trace the conditions under which writers wrote their works, what worried them during these years, and how the war changed the relationships of writers among themselves.

Keywords: The Great Patriotic War, letters from front-line writers, Tatar literature, Gazi Kashshaf, Musa Jalil, Adel Kutuy, Afzal Shamov, magazine "Soviet literature".

Information about the author: Lyaysan Sh. Galieva, PhD in Philology, Senior Researcher, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, K. Marksa 12, 420111 Kazan, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-1176-0322>

E-mail: nisanbedri@mail.ru

For citation: Galieva, Lyaysan Sh. Letters of Tatar Frontline Writers as a Reflection of Literary Life During the Great Patriotic War. *First Kulakov Readings: On the Fields of Russia's Military Glory*. Ex. ed. Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 202–210. (In Russian). <https://www.doi.org/10.29003/m3641.khmelita-19/202-210>

Великая Отечественная война, одно из самых крупных исторических событий XX в., оставила свой неизгладимый след в судьбе нескольких поколений советских людей. Эта война и сегодня продолжает находить отголоски в обществе. По сей день идет процесс ее оценки и переосмысления. Не стоит в стороне от этого процесса и литература. Как известно, многие отечественные писатели советского времени являлись участниками военных событий. В этом плане представляет интерес фронтовая переписка писателей, которая непосредственно отражает литературный процесс периода Великой Отечественной войны. Данная статья направлена на изучение писем татарских писателей-фронтовиков, их переписки с другими писателями и с теми литературными деятелями, которые находились в тылу. Исследование этих писем позволяет представить общую атмосферу литературной жизни военных лет, прояснить судьбу тех или иных произведений, описать обстановку, в условиях которой приходилось браться за перо творческим людям.

«Несмотря на всю тяжесть военных лет, во время приостановки боевых действий, татарские писатели находили время и вели переписку друг с другом, с членами семьи и близкими, с Союзом писателей Татарстана и издательствами. Эти письма наполнены верой в победу над врагом, беспокойством за жизнь товарищей по перу, чувствами сопереживания за коллег, словами заботы о семьях. Они ярко отражают жизнь писателей на фронте, их мысли и чувства, стремления, их творческую деятельность в условиях войны, общий дух, характерный советскому солдату», – пишет исследователь А. Шамова во вступительной статье к составленному ей сборнику писем и наградных документов писателей-фронтовиков «Судьбы, опаленные войной» [Шамова, 6 б.]. Эта книга, презентованная в 2015 г., является, пожалуй, самым объемным трудом, созданным в этом направлении. Как отмечает сама составитель, все началось с намерения изучить фронтовую переписку ее отца – известного татарского писателя Афзала Шамова (1901–1990). Дочь писателя пишет о том, что в личном архиве А. Шамова хранится много документального материала, связанного с периодом Великой Отечественной войны: 15 фронтовых тетрадей, фронтовые газеты, фотографии, боевые листовки, письма солдат. Именно интерес к последним привел исследователя к идее объединить в одну книгу письма и наградные документы татарских

воинов-писателей. Естественно, нужно отдать должное составителю этой книги за кропотливую работу. Благодаря публикации писем сегодня можно представить более полную картину фронтовой литературной жизни, охарактеризовать военные будни глазами писателей-фронтовиков. Примечательно, что в данный сборник вошли ранее неопубликованные письма, которые представляют особую ценность как для истории литературы, так и для истории Великой Отечественной войны в целом.

В сборник «Судьбы, опаленные войной» вошли письма 43 татарских писателей. Среди них есть те, кто отдал свою жизнь за победу в войне. С писем этих писателей и начинается сборник. Выражая дань уважения, А. Шамова первым делом обращается к письмам единственного писателя, который обладает Ленинской премией и является Героем Советского Союза, – Мусы Джалиля. Письма поэта ранее неоднократно печатались на страницах его сборников, в периодической печати, однако примечателен тот факт, что в данной книге полные тексты некоторых из писем публикуются впервые. Естественно, это личные документы. В данном контексте наше внимание обращено лишь на те моменты, где характеризуется литературная жизнь военного периода на поле боя и в тылу.

Большинство писем Джалиля военных лет (да и не только этого поэта) адресовано литературному критику и писателю Гази Кашшафу (1907–1975). В годы Великой Отечественной войны Кашшаф был главным редактором журнала «Совет эдэбияты» («Советская литература»), выходившего на татарском языке, а также некоторое время возглавлял Союз писателей Татарской АССР. Переписка Джалиля и Кашшафа не является лишь официальной перепиской. Они были хорошими друзьями еще до войны. О близких отношениях поэта и критика написано немало работ. Здесь же, во фронтовых письмах, раскрывается вся искренность дружбы Джалиля и Кашшафа. Стоит лишь обратить внимание на слова-обращения поэта к другу: дорогой друг Кашшаф; друг Кашшаф; дорогой Кашшаф... Неслучайно и свое завещание Джалиль написал именно ему:

Дорогой мой Кашшаф! Ты был и остался самым сердечным, близким и заботливым другом моим. Ты в такие трудные мои дни поддержал меня дружескими искренними письмами, заботился о моем творчестве, о книге и моей семье. Я искренне благодарю тебя. Я уверен, ты и сейчас

не забудешь меня. Ты окружишь теплой заботой мою поэзию и мою семью. В случае моей гибели, я целиком все мое творчество доверяю тебе. Завещаю, что все, что я творил при жизни, целиком передается под твой контроль, под твое покровительство и заботу. Я рад, что моя поэзия в надежных заботливых руках [Сугыш уты..., 19 б.].

Поэт-герой как будто предвидел свою судьбу и доверил лучшему другу Кашшафу заботу о своем творчестве. Литературный критик, в свою очередь, с честью выполнил свой дружеский долг: провел сложную работу для сохранения имени поэта-героя, написал большое количество статей, заметок о жизни и творчестве Джалиля, защитил посвященную ему кандидатскую диссертацию, принял непосредственное участие в подготовке к изданию сборников произведений поэта и т. д.

Самым частой в письмах писателей-фронтовиков является просьба опубликовать произведение или книгу писателя – автора письма. Фронтовые будни диктовали свои правила, и не все писатели находились в равных условиях. Так, если одни из них периодически отправляли свои новые произведения с фронта для печати в газетах и журналах, то другие не имели возможности сделать это. Например, М. Максуд пишет о том, что, кроме редакторской работы, старается уделять время творчеству и написал несколько стихотворений. Немало стихотворений отправил Кашшафу и Джалиль. А. Кутуй же сетует:

Писать, работать над художественными произведениями нет времени. Смог лишь написать пару статей по линии Совинформбюро для зарубежных стран. Перейду ли на работу в газету – не знаю. Если честно, не так уж и хочется. Желая пройти войну рядовым [Сугыш уты..., 117 б.].

В письме А. Кутуя в Союз писателей эта мысль повторяется:

Вам известно, что я рядовой. Почти нет времени заниматься творчеством. Время, отведенное на написание чего-либо, я посвящаю боевым товарищам. Провожу беседы, делаю доклады, а мои статьи на русском используются лишь для нас... [Сугыш уты..., 114 б.].

Письма Кутуя позволяют проследить и судьбу его знаменитого произведения «Приключения Рустема». Писатель с особым трепетом берет свою повесть на передовую, возит ее в танке, о чем не раз сообщает в своих письмах.

Об отсутствии времени для творчества сообщает и А. Шамов:

Мы здесь не имеем возможности что-то делать. Нет времени. Вот и это письмо пишу в 4 часа ночи. Пусть нам посчастливится вернуться живыми и заниматься только литературным творчеством [Сугыш уты..., 407 б.].

О нехватке времени для творчества пишет в письме и Нур Баян:

Какая же это радость – участие в такой Великой Отечественной войне! Я радуюсь, что нахожусь не в тылу, а шагаю по передовой линии, иду навстречу врагу! Писать, мой друг, невозможно. Но придет тот день, когда увиденное ляжет в виде поэмы или романа на белую бумагу [Сугыш уты..., 54 б.].

После этих строк он размещает небольшое стихотворение. По этим строкам четко видно, насколько советские солдаты были полны духом патриотизма, насколько вдохновляла их служба Отечеству. Безусловно, стихотворные строки этого периода звучат просто, пафосно, агитационно. Но это продиктовано условиями войны. Оперативность, быстрая хватка, умение уловить момент героического события и быстро охарактеризовать его в рифмованной форме или, быть может, в виде очерка – вот те требования, которые война ставит перед творцом. Такого рода произведения были просто жизненно необходимы для фронтовых газет и высылались в тыл для передачи обстановки военных будней.

Важность публикации писем отмечает поэт Касыйм Вахит:

...к тому же, каждую свободную минуту я использую для творчества и отправляю написанное в редакцию журнала. Эти «Письма с фронта» я должен продолжать до последнего стука сердца. Плохо или хорошо – впоследствии увидим. А сегодня они бесценны тем, что пишутся под запах пороха и дыма [Сугыш уты..., 104 б.].

Однако очень больно читать подобные строки, когда знаешь, что автор уже никогда не вернется на Родину. С горечью читаются и строки писателей-бойцов от мая 1945 г., когда они пишут о тяжести утраты ряда татарских писателей.

Изучение переписки татарских писателей периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. позволяет приоткрыть завесу и на некоторые межличностные отношения. Особенно ярко они прослеживаются в письмах А. Кутуя, Ф. Карима, Ш. Маннура и др. Так, в письме к Гумеру Баширову А. Кутуй выражает сожаление в связи

с тем, что раньше не был знаком с ним. Теплотой наполнена переписка Г. Кашшафа с Кутуем. Поэт пишет литературному критику о важности выполнения долга перед Родиной, акцентирует внимание на том, что личностные отношения в такие моменты уходят на второй план:

На обратном пути меня в таком состоянии (весь мокрый) встретил Шайхи Маннур. Мы поприветствовали друг друга, поцеловавшись. Я просушился в землянке его знакомого майора. Согрелись, поели. Угостились новыми стихотворениями Маннура. Хорошие стихотворения он написал. Сев на попутную машину, я тронулся в путь, он остался у майора. Мы попрощались, поцеловавшись. Как будто осиротели. Война заставляет советский народ сдружиться. Я не напомнил ему прошлые обиды, однако своим настроением дал понять, что я его простил. В то время, когда на нас возлагаются дела государственной важности, когда народ провозглашается творцом, мы должны стоять выше мелочей жизни [Сугыш уты..., 120 б.].

Нередко в письмах писатели-фронтовики просят выслать им адрес друг друга. Фронтовая переписка способствует и сближению авторов. Например, в письмах к Атилле Расиху А. Абсалямов переходит с «вы» на «ты». Кутуй просит прощения у своих товарищей за шутки, произнесенные когда-то на вечере в их адрес. Военные события, встреча лицом к лицу со смертью заставляет авторов задуматься о вечных ценностях жизни, оставить позади все конфликты.

В переписке авторы расспрашивают друг друга и о собратях по перу, об их судьбе. Так Джалиль узнает у Кашшафа, кто из ярых «добровольцев-писателей» ушел на фронт, а кто продолжает оставаться в тылу. Через Кашшафа многие писатели-фронтовики шлют привет друг другу, поздравляют с написанием достойных произведений. Помимо вопросов творческого характера, писатели и поэты часто просили Кашшафа обеспечить свои семьи дровами, положенными льготами, помочь. В письмах некоторых писателей есть нотки обиды из-за невыполнения тех или просьб и поручений. Тем не менее, писатели связывали все невзгоды с военным положением и терпеливо надеялись на светлое будущее.

Кроме того, что писатели пишут письма в тыл, выпускают военные газеты, они просят оставшихся в тылу мастеров пера прислать им заметки о татарской литературе и фольклоре, о Казани, о новых произведениях. Нередко писатели высказывали с фронта

свои мысли о том или ином напечатанном произведении, присылали свои литературно-критические заметки. Так, в одном из писем Кутуй поздравил Мирсая Амира с новой драмой. К. Вахит, Ф. Карим, Ш. Маннур высказывали свое критическое мнение относительно произведений, которые были напечатаны на страницах журнала «Совет эдэбияты». Письма позволяют проследить, как происходило взаимообогащение фронтовой и тыловой литературы за счет друг друга. Как видно из писем, особую роль в поддержании общего литературного процесса сыграл в военный период журнал «Совет эдэбияты». Его на полях битвы ждали с нетерпением. А. Абсалямов в одном из писем жалуется, что Казань «медленно шевелится» [Сугыш уты..., 120 б.]. Подтверждают эти слова и строки из письма Шамова: «У нас, на литературном фронте, без изменений, живем и дышим по-старому. Не хватает живости, пламени. Некоторые писатели с фронта проявляют большую активность, чем мы» [Сугыш уты..., 405 б.]. Однако на то были свои причины. Нехватка бумаги, неотопливаемые помещения, нехватка кадров... Регулярный выход журнала в столь тяжелые годы зачастую оценивали как подвиг Кашшафа. В свою очередь, писатель А. Абсалямов в 1946 г. на страницах газеты «Кызыл Татарстан» («Красный Татарстан») написал статью о том, какую миссию выполнял журнал для солдат: «Во время работы во фронтовых газетах у нас была небольшая библиотека. Главное богатство этой библиотеки составляли номера журнала “Совет эдэбияты”, изданные в годы войны» [Әпсәләмов, 300 б.].

Важным событием литературной жизни военных лет стало ответственное письмо татарского народа фронтовикам-татарам. Оно было опубликовано на страницах газет «Правда», «Известия», а затем и во фронтовых газетах. В написании текста письма приняли участие К. Наджми, Г. Кашшаф и Х. Ярми. Это письмо-обращение вдохновило воинов на ответные письма. О важности писем для солдат в одном из них размышляет молодой поэт Касыйм Вахит: «Однако пишите письма. Получение и прочтение писем на войне поднимает дух. Воодушевляет. Придает сил» [Сугыш уты..., 104 б.]. Об этом можно прочесть и в письме Шамова к Кашшафу: «Если будет время (даже если его не будет!), напиши письмо. Будь же другом как прежде. Мы здесь как дети по-настоящему радуемся каждому клочку бумаги из Казани» [Сугыш уты..., 410 б.].

Восхищает то, что написанные на передовой линии большинство этих писем не содержат жалоб, печали, нот стона и тревог. Они наполнены верой в победу над врагом, верой в возвращение домой и мыслями, мечтами о будущей красивой жизни. От этих писем до сих пор исходит запах пороха, окопов, просачивается чувство героизма. Эти письма пронизаны надеждами на жизнь, на творчество, на большое будущее, они – объективные документы о героизме, храбрости советских солдат,

– пишет А. Шамова [Шамова, 8 б.]. Действительно, письма татарских писателей с фронта позволяют представить себе не только общую картину состояния татарской литературы в годы Великой Отечественной войны, но и всю военную обстановку в стране в целом. В этих письмах отражается душа народа. Несмотря на тяжелые боевые условия, татарские писатели находили время вести переписку с семьями, с товарищами по литературному поприщу. Параллельно они занимались и творчеством. Конечно же, нельзя сказать, что литература периода войны достигла желаемых высот. Историческая судьба внесла свои коррективы в творчество авторов этого периода. Это наша история, история наших предков. Именно благодаря им мы сегодня наслаждаемся мирной жизнью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Әнсәләмов Г. «Совет әдәбияты» журналы турында солдат хатлары // Казан утлары. 2022. №5. 113–114 б.
2. Шамова Ә. Төзүчедән // Сугыш уты белән өтелгән язмышлар. Фронтоник язучыларның хатлары һәм бүләкләү кәгазьләре жьентыгы. Казан: Ихлас, 2014. 3–9 б.

Источники

3. Сугыш уты белән өтелгән язмышлар. Фронтоник язучыларның хатлары һәм бүләкләү кәгазьләре жьентыгы. Казан: Ихлас, 2014. 623 б.

<https://www.doi.org/10.29003/m3642.khmelita-19/211-222>

<https://elibrary.ru/vdluuu>

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2=411.2)

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NonCommercial
4.0 (CC BY-NC)

СУДЬБА МУЗЕЯ-УСАДЬБЫ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ В ПРОЗЕ К.Г. ПАУСТОВСКОГО

© 2023. Д. М. Борисова

Благодарности: Исследование выполнено в ИМЛИ РАН на средства гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00051 <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Аннотация: Данная статья посвящена отражению судеб музеев-усадоб в период Великой Отечественной войны в прозе К.Г. Паустовского. Исследование выполнено на материале очерков «Хранительница» (1946), «Ветер скорости» (1954; публикация – 1955) и романа «Дым отечества» (1944; публикация – 1964). Данные произведения рассматриваются в контексте усадебного топоса, одну из модификаций которого представляет музей-усадьба. Описывая драматичные страницы истории музеев-усадоб, Паустовский часто опирался на реальные факты; так, в «Дыме отечества» и «Ветре скорости» нашел отражение период оккупации Пушкинского заповедника (1941–1944). В «Хранительнице» дано описание «типичной» усадьбы. Музей-усадьба в прозе Паустовского одновременно противостоит разрушительному хаосу войны и является символом русской культуры, ради которой готовы пожертвовать собой герои.

Ключевые слова: К. Г. Паустовский, советская литература, усадебная культура, усадебный топос, музей-усадьба, война, Пушкинский заповедник.

Информация об авторе: Борисова Дарья Максимовна – младший научный сотрудник, Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: borisovadarya2015@yandex.ru

Для цитирования: Борисова Д.М. Судьба музея-усадьбы военного времени в прозе К.Г. Паустовского // Первые Кулаковские чтения: На полях воинской славы России / отв. ред. М.В. Скороходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 211–222. <https://www.doi.org/10.29003/m3642.khmelita-19/211-222>

THE FATE OF THE ESTATE-MUSEUM IN WARTIME IN THE PROSE OF K.G. PAUSTOVSKY

© 2023. Daria M. Borisova

Acknowledgements: This work was supported in the IWL RAS by the Russian Science Foundation project No. 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>.

Abstract: This article is devoted to the reflection of the fate of museum-estates during the Great Patriotic War in the prose of K.G. Paustovsky. The study is made on the material of the essays “The Guardian” (1946), “The Wind of Speed” (1954; published in 1955) and the novel «Smoke of the Fatherland» (1944, published in 1964). These works are considered in the context of the “manor topos”, one of the modifications of which is represented by the manor museum. Describing the dramatic pages of the history of museum-estates, Paustovsky often relied on real facts, for example, “Smoke of the Fatherland” and “The Wind of Speed” reflect the period of occupation of the Pushkin Reserve (1941–1944). The museum-estate in Paustovsky’s prose simultaneously opposes the destructive chaos of war and is a symbol of Russian culture, for the sake of which the heroes are ready to sacrifice themselves.

Keywords: K.G. Paustovsky, Soviet literature, manor culture, manor topos, manor museum, World War II, Mikhaylovskoye Museum Reserve.

Author Information: Daria M. Borisova – Junior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: borisovadarya2015@yandex.ru

For citation: Borisova, Daria M. The Fate of the Estate-Museum in Wartime in the Prose of K.G. Paustovsky. *First Kulakov Readings: On the Fields of Russia’s Military Glory*. Ex. ed. Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 211–222. (In Russian). <https://www.doi.org/10.29003/m3642.khmelita-19/211-222>

Русская усадьба за XX столетие неоднократно переживала тяжелейшие разрушения. Только за 1905–1907 гг. «в Европейской России было уничтожено от 3 до 4 тыс. <...> усадеб – от 7 до 10% их общего количества» [Данилов, с. 11]. В 1917–1919 гг. разграбление и разрушение дворянских имений приобрело еще более широкий размах. Историки спорят о том, кто принимал большее участие в разгроме усадеб – сами крестьяне или местные представители новой власти. Однако факт остается фактом: произошла «культурная трагедия... в чрезвычайно широких масштабах» [Рузвельт, с. 7]. Стихийные погромы и ликвидация помещичьего землевладения «сверху» довершили кризис рубежа XIX–XX вв.: русская усадьба в привычном ее виде перестала существовать. Часть бывших имений была превращена в больницы, санатории, детские дома, школы, наконец, в литературные музеи и музеи дворянского быта. Во время Великой Отечественной войны бывшие имения, более-менее благополучно пережившие революционные и послереволюционные годы, снова оказались под угрозой исчезновения. Во время оккупации и боевых действий серьезно пострадали многие знаменитые усадьбы, в том числе Михайловское, Спасское-Лутовиново, Ясная Поляна. В списке безвозвратных потерь до сих пор значатся державинская Званка, имение Шереметевых Ульянка, усадьба Хотылёво, в которой гостили И. Е. Репин и М. А. Врубель, имение Онег, где провел детство С. В. Рахманинов, и др.

Драматичная судьба бывших усадеб в военное время отразилась в творчестве К.Г. Паустовского – одного из ключевых «усадебных» авторов советской эпохи.

Детство и молодость писателя пришлись на рубеж XIX–XX вв., когда дворянские имения доживали последние дни. Брянская усадьба Рёвны, где Паустовский проводил лето в 1902–1912 гг.¹, сохраняла лишь следы былого величия. Господский дом большую часть времени пустовал, великолепный парк приходил в упадок. В парке и его окрестностях были построены дачи; один из домиков снимал дядя писателя, военный инженер Николай Григорьевич Высочанский [Кузнецов, 291–293].

¹ Рёвны – не единственная усадьба, где жил писатель. У Паустовских была своя усадьба под Белой Церковью, в селе Городище, она представляла собой типичную усадьбу мелкопоместного хозяина и значительно отличалась от помещичьих имений, знакомых читателям по русской классике и «усадебной» литературе рубежа веков.

Личный опыт «полуусадебной-полудачной» жизни, несомненно, дополнялся впечатлениями от прочитанных книг. Именно в это время в русской культуре сложился «усадебный миф», в основе которого лежали поэтизация и идеализация помещичьего имения «золотого века», осознание постепенного угасания русской усадьбы как трагедии. «Усадебный миф» повлиял на раннюю прозу и поэзию Паустовского (рассказ «Четверо», 1913; неопубликованное стихотворение «Я бросил повод. Сумрачно и скучно», 1913–1915).

Паустовский не воспринял резко критический взгляд на усадьбу как на «часть преодолённого эксплуататорского <...> прошлого» [Богданова, с. 201], хотя, вероятно, и не видел в ней символ утраченного дома и навсегда потерянной Родины (в отличие от эмигрантов И.А. Бунина, Б.К. Зайцева и др.). Усадьба была для зрелого Паустовского местом, связанным со светлыми воспоминаниями детства, местом отдыха на лоне природы, пространством исторической памяти и непреходящей культурной ценностью.

Детские впечатления от пребывания в Рёвках воплотились в автобиографической эпопее «Повесть о жизни» (1946–1963) и очерке «Зеленая стража» (1948); в произведениях о советской эпохе автор рассматривает варианты трансформации усадебного топоса. Как правило, Паустовский изображает усадьбу-музей («Михайловские рощи», 1938; «Ветер скорости», 1954 и др.), хотя есть и исключения (усадьба – дом отдыха в «Повести о лесах» (1948)). Музеефикация дворянских имений, с точки зрения автора, помогает если не сохранить их в подлинном виде, то сберечь лучшее, что дала русской культуре усадьба: образец высокой культуры и гармоничного сосуществования человека и природы. Переживания о судьбе «дворянских гнезд», в военные годы вновь оказавшихся под угрозой уничтожения, отразились в романе «Дым отечества» (1944, публикация – 1964)¹, очерках «Хранительница» (1946)² и «Ветер скорости» (1954; публикация – 1955).

В очерке «Хранительница» рассказчик беседует с Клавдией Сергеевной, пожилой женщиной, бывшей во время войны «хранительницей дворца в Маврине» [Паустовский 1957–1958, т. 6, с. 329]. Заглавие

¹ По другим сведениям, время написания – 1951 г. [Паустовский 1981–1986, т. 3, с. 608].

² Впервые: журнал «Молодой колхозник». 1946. № 2–3.

произведения несет в себе двойной смысл: «хранительница» – это и профессия, и тип личности, склад характера. Всю жизнь героиня Паустовского служит сбережению и приумножению сначала духовной культуры (до музея женщина работала учительницей), потом – природных богатств (героиня следит за чистотой водохранилища). Клавдия Сергеевна воспринимает каждое свое дело как служение: не случайно, рассказывая о работе в музее, героиня говорит не «работала», а «служила» [Там же, с. 329].

Место «служения» героини на первый взгляд определено автором предельно ясно – дворец в подмосковном Маврино с «парком» и «прудом» [Там же, с. 329]. Однако при поиске прообраза дворцово-паркового ансамбля из очерка возникают определенные вопросы. Населенных пунктов с названием Маврино в Московской области несколько, и наиболее вероятным «кандидатом» представляется деревня Маврино Щелковского района Московской области, где действительно была усадьба. В господском доме, согласно воспоминаниям старожилов, «и в 1930-х гг. проживали две женщины – представительницы купеческого рода Бруновых. В настоящее время усадьба, находившаяся на правом берегу реки недалеко от каменного храма, утрачена» [Послыхалин]. До наших дней дошла только церковь Владимирской Божией матери (XVIII в.). Однако господский дом в усадьбе Маврино вряд ли мог претендовать на звание дворца; сведений о том, что в советское время в этих местах был музей, найти не удалось. Приходится сделать вывод, что Паустовский создал скорее обобщенный образ великолепного поместья с дворцом и парком.

Во время немецкого наступления на Москву враги «подошли вплотную к <...> Маврину», «обстреливали». «Связи с Москвой нет, хоть до Москвы и недалеко. <...> Я одна во дворце и в парке. Хожу, как одурелая. <...> Не знаю, что делать. И посоветоваться не с кем» [Паустовский 1957–1958, т. 6, с. 329], – рассказывает героиня. В эти страшные дни хранительница дворца думает не о себе, а о том, что скоро придут фашисты и «раскрадут, загадят, увезут к себе в Германию» «нашу красоту – вековую, русскую, подмосковную» [Там же, с. 330]. Опасения Клавдии Сергеевны не были напрасными. В нацистской Германии с началом Второй мировой войны был создан ряд организаций, занятых выявлением и изъятием ценностей культуры на захваченных территориях; помимо разграбления фашистские

войска занимались планомерным уничтожением памятников истории и культуры. Гибель дворца представляется Клавдии Сергеевне меньшей потерей, чем «поругание» культурного достояния торжествующими захватчиками. Понимая, что защитить дворец она не сумеет, героиня решает поджечь усадьбу: «Сама все уничтожу, а им не оставлю» [Там же]. Глубоко преданная своему делу хранительница не сразу понимает, что такое решение продиктовано охватившими ее смятением и отчаянием. В последний момент прибегает местный мальчик, подружившийся с музейной работницей, и едва ли не силой останавливает героиню: «Бросился к соломе, растаскивает ее, топчет. Я схватила его: “Не смей тушить! Пусть все горит! Убирайся отсюда!” А он посмотрел на меня так это злобно и отвечает: “Эх, вы! Струсили! В немцев поверили! Наши их отобьют, нипочем сюда не пустят, а вы дворец спалите. Вам народ спасибо не скажет”. <...> Затоптали мы огонь» [Там же]. Немцы не успели дойти до Маврино и вскоре были отброшены контрнаступлением советских войск.

Музей в очерке Паустовского предстает отнюдь не «мертвым» хранилищем предметов старины; напротив, Клавдия Сергеевна говорит об усадьбе как о живом существе. Во время немецкого наступления дворец и парк вместе со своей хранительницей переживают тревожное ожидание надвигающейся беды: «Парк облетел. Стоит голый, пустой, а во дворце – холод, пустота, и он, как приговоренный, ждет своего часа» [Там же, с. 329]. Когда героиня решает поджечь музей, дворцовый парк словно заступает за усадьбу, отговаривает хранительницу от трагической ошибки: «Села на диван в одной из гостиных, как садятся перед прощанием, перед дальней дорогой. <...> Только слушаю, как ветки бьют по стеклам, стучат, будто хотят мне сказать: “Что же это ты задумала, Клавдия Сергеевна? На что это ты руку хочешь поднять?”» [Там же, с. 330]. Когда начинается советское контрнаступление, хранительница слышит, что «весь парк гремит, будто деревья стали железными, сталкиваются друг с другом, лязгают, грохочут». Грозная картина преобразившегося парка, представившаяся хранительнице, сменяется реальной, но не менее чудесной: «Наши танки идут потоком, крушат, давят, сшибают немцев» [Там же, с. 331].

Частный случай спасения подмосковной усадьбы писатель наполняет символическим смыслом. Противостояние советских и вра-

жеских войск предстает как битва света и тьмы: перед приближением врага наступает темная, ветреная ночь, которой «с сотворения мира не было», а подоспевшие советские войска «гонят <...> в кромешную ночь» [Там же] бегущих немцев. Сохранение музея-усадьбы знаменует собой сбережение и отечественной культуры, и всей «вековой, русской» красоты [Там же, с. 330], и самой России.

Роман «Дым отечества» был задуман Паустовским как произведение «о нашей интеллигенции в канун и во время минувшей войны, о ее преданности Родине, ее мужестве, ее испытаниях и размышлениях» [Там же, т. 2, с. 272]. Часть действия как «мирных», так и «военных» глав разворачивается в Пушкинском заповеднике, где писатель побывал в июле 1937 г. В письмах друзьям и родным Паустовский с восхищением отзывался о природе «чудесных» [Там же, т. 9, с. 140] заповедных мест, где «все полно громадного “неизъяснимого” очарования» [Там же, с. 139], «все полно Пушкиным» [Там же, с. 140]. Впоследствии Паустовский признается другу и переводчику Лидии Делекторской, что «лучшим местом на земле» считает «холм под стеной Святогорского монастыря в Псковской области, где похоронен Пушкин» (11 февраля 1961 г., Ялта) [Там же, с. 392]. Любовь и благоговейное отношение к местам, связанным с жизнью и творчеством Пушкина, писатель передал и своим персонажам.

Одного из главных героев, литературоведа-пушкиниста Семена Львовича Швейцера, война застает в Пушкинском заповеднике во время работы над очередной книгой о поэте. В тревожное время ученый остается в заповедных местах – сначала потому, что все поезда отменили, потом – из чувства долга. Понимая, что годы и слабое здоровье не позволят ему служить в армии, ученый «решил, что <...> уйдет отсюда последним <...>: он должен спасти от разрушения эти милые каждому русскому сердцу места, охранять могилу Пушкина» [Там же, т. 2, с. 414]. Несомненно, героем двигателя и личная привязанность к заповеднику. До приезда в Михайловское все литературоведческие штудии ученого представляли собой «бесконечное повторением своими словами пушкинских мыслей» [Там же, с. 296]. В заповеднике Швейцер ощущает творческий подъем и начинает новую книгу о Пушкине – не сухой академический труд, а «книгу о живом, обаятельном человеке» [Там же, с. 296]. Из «кабинетного ученого» герой превратился в настоящего исследователя, готового

отправиться в далекое путешествие в поисках портрета классика. В Михайловском Швейцер обрел и вдохновение, и силы для духовного преобразования, и новых друзей (в числе которых актриса одесского оперного театра с «пушкинским» именем Татьяна).

Паустовский не был свидетелем оккупации Пушкинского заповедника (1941–1944), но знал о них из газет, радиосводок и т. д. Некоторые подробности (например, попытку фашистов использовать дом-музей в целях пропаганды) в советское время предпочитали не афишировать. «Дым отечества», завершающийся до освобождения заповедника, не передает всего масштаба трагедии, постигшей пушкинские места. Практически все здания, в том числе дом-музей в Михайловском и «Домик няни», оказались разрушены в ходе боев или уничтожены немцами при отступлении; пострадали от порубок парк; заминированную фашистами могилу поэта удалось спасти ценой жизни нескольких советских саперов.

При этом роман убедительно передает переживания героя, видящего торжество захватчиков. Швейцеру вместе с местными жителями удастся спрятать музейные ценности до прихода врага. Но как защитить сам заповедник – природу, здания, наконец, могилу Пушкина – одинокому и безоружному человеку? Герой вскоре понимает, что «спасти от разрушения <...> милые каждому русскому сердцу места» ему не удастся. Решив «охранять могилу Пушкина» [Там же, с. 414], самоотверженный ученый взял на себя тяжелую ношу. Непривычному к походным условиям, сугубо мирному человеку приходится вести полуголодную жизнь в землянке, прятаться от оккупантов, по ночам, опасаясь каждого шороха, тайно обходить заповедник. От пережитых лишений, постоянного страха, непосильного груза ответственности герой наконец оказывается на грани отчаяния, даже помешательства. Не имея ни оружия, ни опыта военного дела, Швейцер решает в одиночку начать партизанскую войну; герой наконец готов пожертвовать могилой Пушкина, лишь бы не допустить ее «поругания» фашистами. Услышав откуда-то о возможном прибытии Гитлера в Пушкинские Горы¹, Швейцер хочет добыть мину и установить ее под могильной плитой. Как и в очерке «Хранительница», Паустовский показывает, что замысел героя продиктован одиноче-

¹ Подобные пропагандистские путешествия фюрер действительно совершал, посетив крепость Брест и ряд временно оккупированных городов СССР.

ством и отчаянием, стремлением не допустить поругания святыни. К счастью, больного, измученного лишениями ученого находят партизаны; впоследствии Швейцеру удается воссоединиться с новыми друзьями. Спасение приходит к герою как награда за жертвенную любовь к пушкинским местам; сама Великая Отечественная предстает войной за культуру. Такое осмысление автором войны ранее отразилось в статье «Мы победим» (1941):

Десяток лет фашизм измывался над всем, что делало человека человеком <...>. В кровь и грязь были втоптаны века культуры <...>. Мы любим свободную человеческую мысль во всех ее воплощениях – будь то камень великолепного здания, слово, краска или печатная буква. Все это было сброшено в грязь пинком фашистского сапога <...>. Во имя родной земли, которую мы любим до боли в сердце, во имя великолепного нашего будущего, во имя труда и справедливости, во имя культуры, наконец, во имя самой жизни – мы победим! [Паустовский, 1941, с. 18].

Паустовский выстраивает «военный» сюжет вокруг человека, ощущающего личную ответственность за судьбу культурных ценностей. К этому приему автор прибегает и в произведениях, где фигурирует иной вариант трансформации «усадебного топоса» или действие происходит вне самой усадьбы. В «Повести о лесах» (1948) деревянный дом в усадьбе, где жил и творил Чайковский¹, становится домом отдыха для престарелых музыкантов. С началом войны отдыхающих эвакуируют, ключи передают на сохранение Аграфене – пожилой женщине, помнящей Чайковского. Во время оккупации в здании разместился немецкий штаб; увидев беспорядок в доме и разгульную офицерскую пирушку, Аграфена попыталась остановить бесчинство и была убита одним из немцев. Вместе с хранительницей погиб и дом, загоревшийся от упавшей лампы; вскоре после этой трагедии фашисты были выбиты советскими войсками из любимых композитором лесов [Паустовский 1981–1986, т. 3, с. 109–122]. В рассказе «По ту сторону радуги» (1954) [Там же, т. 5, с. 435–442] простые женщины из колхоза во время фашистской оккупации тайно от врага ухаживали за могилой Пушкина в Святогорском монастыре. Во всех перечисленных нами примерах героини – являются ли они работницами

¹ Прообраз этой и соседней усадеб – помещичье имение Фроловское под Клином, где композитор жил с апреля 1888 г. по май 1891 г. (сгорело в 1941 г.) [Юдин, с. 87].

музея, учеными или просто преданными почитателями – действуют по велению сердца, что немаловажно для писателя.

Очерк «Ветер скорости» (1954; публикация – 1955) был написан Паустовским вскоре после автомобильной поездки по северо-западу страны (октябрь 1954 г.). Во время этого путешествия Паустовский снова посетил Пушкинский музей-заповедник, возрожденный после войны. В 1947–1949 гг. было реконструировано Михайловское, восстановлен Свято-Успенский Святогорский монастырь; заново отстроен «Домик няни»; приведены в порядок парки.

Поездка по нескольким республикам СССР не только «наполнила» путешественника «ощущением разнообразия жизни, новыми знаниями и чувством неиссякаемой красоты земли» [Там же, т. 6, с. 570], но и дала богатую пищу для размышлений о пережитом странной трудном времени. Любующийся красотой родной земли и налаживающейся мирной жизнью рассказчик постоянно обращается памятью к военным дням, повсюду слышит эхо трагических и славных событий. Посещая Пушкинский заповедник, рассказчик отмечает урон, нанесенный войной: почти все старые ели у главного въезда «срубили немцы», «Домик няни» был разрушен и затем восстановлен «нашими войсками после изгнания из Михайловского фашистов». Однако путешественник рад всему, что удалось сохранить или возродить из руин в послевоенные годы. Не случайно, смотря на «Домик няни», рассказчик убеждается, что «его низенькие потолки и деревянные колонки на крыльце» [Там же, с. 547] так же трогают сердце, как и при первом посещении музея-заповедника. Восстановленный Пушкинский заповедник – символ русской культуры, пережившей тяжелейшие испытания, но выстоявшей¹.

Проанализировав произведения Паустовского, посвященные судьбе музея-усадьбы во время Великой Отечественной войны, мы пришли к следующим выводам:

¹ В конце 1970-х – в 1980-е гг. в литературе появятся и другие оценки послевоенного заповедника, возрожденного из руин и получившего привычный нам вид при С.С. Гейченко. Юрий Нагибин в дневниках резко отзывался о воссоздании обстановки с помощью «неподлинных» вещей, элементов театрализации, привнесенных директором, и т. д. [Нагибин, с. 372–373]. Музеефикация усадебного пространства и формирование новых, музейных, мифов подвергается сатирическому восприятию у С.Д. Довлатова. См. [Акимова].

1) В произведениях, описывающих жизнь музея-усадьбы в военное время, Паустовский опирается на реальные факты, однако не стремится к документальной точности. Цель автора – создать выразительный художественный образ русской усадьбы, переживающей очередной исторический катаклизм.

2) В центре «военного» сюжета оказывается человек, чувствующий личную ответственность за судьбу усадьбы, – ученый-литературовед («Дым отечества»), музейный работник («Хранительница»), наконец, местный житель, особенно привязанный к памятным местам («Повесть о лесах», «По ту сторону радуги»). Важно отметить, что писатель выступает за сохранение культурного достояния в самых тяжелых ситуациях, отрицая такие «жесты отчаяния», как уничтожение памятников культуры, попавших или могущих попасть в руки врага.

3) Усадьба как пространство красоты и гармонии противопоставляется разрушительному хаосу войны; в этом Паустовский, несомненно, продолжает традиции Л.Н. Толстого («Война и мир»). При этом усадьба становится символом русской культуры, во имя которой герои готовы пожертвовать собой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Акимова М.С.* Усадебный мир и музейный миф в повести С.Д. Довлатова «Заповедник» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 6. С. 22–29.
2. *Богданова О.А.* Образ усадьбы-музея в русской литературе 1920-х гг. // *Studia Litterarum*. 2019. Т. 4. № 2. С. 190–205.
3. *Будылин И.Т.* Деревенский Пушкин. Пушкинские места Псковского края. М.: Профиздат, 2006. 464 с.
4. *Будылин И.Т.* Особо ценный объект // Литературная газета. 2012. № 9 (6361).
5. *Будылин И.Т.* Писатели России в пушкинском заповеднике (музей у старой дороги) // Псков: научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2010. № 33. С. 184–190.
6. *Гордин А.М.* Пушкин в Михайловском. Л.: Лениздат, 1989. 445 с.
7. *Греч А.Н.* Венок усадьбам. М.: АСТ-Пресс, 2010. 334 с.

8. Данилов В.П. Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть: Материалы конференции / Тамбовский государственный технический университет; Московская высшая школа социально-экономических наук. М.-Тамбов, 1996. С. 4–23.

9. Кузнецов Д.В. Рёвны // Дворянские усадьбы Брянского края: из истории культурного наследия Брянщины: в 2-х т. Т. 1 / гл. ред. А. В. Городков. Брянск: Буквица, 2018. С. 290–299.

10. Послыхалин А.Ю. Подмосковное село Маврино в преданиях глубокой старины // Деревни и сёла городского поселения Фряново в былые времена [Интернет-источник] Режим доступа: https://trojza.blogspot.com/2012/09/blog-post_6.html (дата обращения 10.08.2023).

11. Рассказова Л.В. Разгром дворянских усадеб (1917–1919): официальные документы и крестьянские практики // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2010. № 2. С. 44–49.

12. Рузвельт П. Судьба усадеб России и их сокровищ. 1917–1930 // Русская усадьба: Сб. ОИРУ. Вып. 15 (31). М.: Улей, 2009. С. 7–24.

13. Юдин В.С. Край наш Клинский. Клин: Ред. газ. «Серп и молот», 1999. 216 с.

Источники

14. Нагибин Ю. М. М.: Книжный сад, 1996. 704 с.

15. Паустовский К. Г. Мы победим // Новый мир, 1941. № 7–8. С. 17–18.

16. Паустовский К. Г. Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1957–1958.

17. Паустовский К. Г. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1981–1986.

<https://www.doi.org/10.29003/m3643.khmelita-19/223-234>

<https://elibrary.ru/vpaads>

Научная статья / Research Article

УДК 728.83

ББК 79.1

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NonCommercial
4.0 (CC BY-NC)

УСАДЬБА Л.И. КАШИНОЙ В СЕЛЕ КОНСТАНТИНОВО В ВОЕННЫЕ И ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ И ЕЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ

© 2023. Ю.Н. Воронина

Аннотация. В статье рассматривается история усадьбы Кашиных в селе Константиново. Дается подробное описание усадебного комплекса на мемориальный период (начало XX в.), сделанное на основе сохранившихся воспоминаний и результатов научно-проектных работ советского и российского времени, в том числе центральной части усадьбы, верхнего и нижнего парков, Барского подгорья. Далее автором приводятся сведения о состоянии усадьбы в военные и послевоенные годы. Кратко отображаются изменения, происходящие со структурой усадьбы и ее сохранностью в целом, приводится информация о разрушении изначальных строений и возведении новых зданий, необходимых для выполнения насущных задач. Более подробно рассмотрено поэтапное возрождение объекта культурного наследия федерального значения, включая научные исследования, проведенные в различное время, восстановление парковых насаждений и дорожно-тропиночной сети, снос дисгармоничных построек советского времени, восстановление утраченных хозяйственных сооружений. Также определены перспективы дальнейшего восстановления усадьбы, связанные с работами по восстановлению пруда и территории нижнего парка.

Ключевые слова: усадьба, Л.И. Кашина, Государственный музей-заповедник С.А. Есенина, Константиново, структура, восстановление, парк, постройки, дисгармоничные здания.

Информация об авторе: Юлия Николаевна Воронина – заведующая отделом охраны, восстановления природного ландшафта и мемориальных объ-

ектов, Государственный музей-заповедник С.А. Есенина, с. Константиново, 391103, Рязанская область, Рыбновский район, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-1201-3789>

E-mail: gamayun87@yandex.ru

Для цитирования: Воронина Ю.Н. Усадьба Л.И. Кашиной в селе Константиново в военные и послевоенные годы и ее восстановление // Первые Кулаковские чтения: На полях воинской славы России / отв. ред. М.В. Скороходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 223–234. <https://www.doi.org/10.29003/m3643.khmelita-19/223-234>

ESTATE OF L.I. KASHINA IN THE VILLAGE OF KONSTANTINOVO IN THE WAR AND POST-WAR YEARS AND ITS RESTORATION

© 2023. Yulia N. Voronina

Abstract. The article discusses the history of estate of L.I. Kashina in the village of Konstantinovo. A detailed description of the estate complex for the memorial period (the beginning of the XX century) is given, made on the basis of preserved memories and the results of scientific and design work of the Soviet and Russian times, including the central part of the estate, the Upper and Lower Parks, the Lord's Foothills. Further, the author gives the state of the estate in the war and post-war years. The changes occurring with the structure of the estate and its preservation as a whole are briefly displayed, information is provided on the destruction of the original buildings and the construction of new buildings necessary to fulfill urgent tasks. The gradual revival of the object of cultural heritage of federal significance is considered in more detail, including scientific research conducted at various times, restoration of park plantings and road network, demolition of disharmonious Soviet buildings, restoration of lost economic structures. The prospects for further restoration of the estate related to the restoration of the pond and the territory of the Lower Park have also been determined.

Keywords: estate, L.I. Kashina, S.A. Esenin State Museum-Reserve, Konstantinovo, structure, restoration, park, buildings, disharmonious buildings.

Information about the author: Yulia N. Voronina – Head of the Department of Protection, Restoration of the Natural landscape and Memorial Objects, S.A. Esenin State Museum-Reserve, Konstantinovo, 391103, Ryazan region, Rybnovsky district, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-1201-3789>

E-mail: gamayun87@yandex.ru

For citation: Voronina, Yulia N. Estate of L.I. Kashina in the Village of Konstantinovo in the War and Post-war Years and its Restoration. *First Kulakov Readings: On the Fields of Russia's Military Glory*. Ex. ed. Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 223–234. (In Russian). <https://www.doi.org/10.29003/m3643.khmelita-19/223-234>

Усадьба Кашиных является вторым по значимости после родовой усадьбы поэта объектом Государственного музея-заповедника С.А. Есенина. Постановлением Совета Министров РСФСР от 04.12.1974 г. № 624 усадьба была отнесена к числу «памятников культуры, подлежащих охране как памятники государственного значения» (ныне – объект культурного наследия федерального значения). В состав объекта в соответствии с утвержденным предметом охраны входят: усадебный дом, конюшня (каретный сарай) (утрачена), курятник (утрачен), амбар (утрачен), оранжерея (утрачена), баня (утрачена), верхний парк (частично воссоздан), видовая площадка (частично воссоздана), барское подгорье (нижний парк – северная часть усадьбы, занимающая склон, террасы этого склона и овраг в пойме реки Оки), граничный ров [Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 20 ноября 2013 г. № 1899].

Первое упоминание помещичьей усадьбы в селе Константиново относится к концу XVIII в. В документах рязанского губернского землемера описана господская усадьба с несколькими постройками, расположенная на мысу, образованном двумя оврагами. При доме были расположены иррегулярный сад с плодовыми яблоневыми деревьями и пруд [ЗАО «Рязанское научно-реставрационное управление», 2017, с. 6].

На протяжении XVIII–XIX вв. владельцы усадьбы неоднократно менялись. В начале XX в. владелицей усадьбы становится

ся Лидия Ивановна Кашина, с которой был знаком С.А. Есенин. В этот период, по воспоминаниям Георгия Николаевича Кашина (сына Л.И. Кашиной) усадьба была небольшой и занимала примерно 12 десятин [ЗАО «Рязанское научно-реставрационное управление», 2013, с. 8–9]. Вся территория была огорожена высоким бревенчатым забором, вдоль которого росли деревья. Въездов на усадьбу было три. Парадный въезд и выезд в хозяйственную зону усадьбы располагались со стороны села. Третий был от Оки с дороги, которая вела к перевозу. В церковь ходили через специальную калитку. Между домом и церковью была расположена парковая часть усадьбы. От парадных ворот к дому шла аллея, с одной стороны которой росли сосны и старые березы, а с другой были посажены вишни и астры. Вдоль забора напротив дома росли плакучие березы. За ними была узенькая дорожка, по которой никто не ходил, за дорожкой яблони. На углу дома рос жасмин, слева – дикие яблони и груша. Напротив дома за парадной площадкой были устроены клумбы. В центральной круглой клумбе росли кусты белых роз. Справа и слева от нее были устроены клумбы в виде полумесяцев из резеды и маргариток. Сзади шла рабатка из георгинов и цветного горошка. У забора, ближе к церкви, находились котлован с яблонями и насыпь. Аллеи парка между домом и церковью были обсажены липами. Вдоль дорожки от дома к бане был ровный участок, засаженный красными и чайными розами. Рядом был огород, за которым ухаживали дети. За детским огородом располагалась баня. Аллея от дома к бане была обсажена липами. В конце ее находилась видовая площадка «стрелка». У площадки между липами висел гамак. На самой площадке стоял деревянный диванчик. По подошве склона шла ограда от коров. Хозяйственная зона усадьбы располагалась между домом и усадьбой Минаковых. Здесь находились конюшня, оранжерея, амбар, курятник. За ними на высоком берегу росла березовая роща [Всесоюзное объединение «Леспроект», с. 68–69].

В нижнем парке, называемом «Барское подгорье», были расположены луг и выгон, разделенные специальной оградой, колодец (родник), к которому можно было подъехать по специальной дорожке, два пруда с дамбами в северной части усадьбы, участок граничного вала. В овраге рос яблоневый сад. При Л.И. Кашиной родник

чистили, брали из него хорошую светлую воду. Ею подпитывались и два пруда.

А.А. Есенина, младшая сестра поэта, в книге «Родное и близкое» вспоминает: «Белый дом утонул в зелени. На сравнительно маленьком участке разместились липовые аллеи, фруктовые сады... Сосны, тополя, березы, дубы, клены, ясени. Богатый деревьями, кустарниками, густыми травами сад привлекал неисчислимое множество пернатых жителей. Дух захватывало при виде огромных кустов расцветшей сирени и жасмина, окружающих барский дом, дорожек, посыпанных чистым желтым песком...» [Есенина, с. 9–10].

После Октябрьской революции имение национализируется и в 1920 г. передается в ведение Рязанского уездного отдела образования. В главном доме и служебных постройках расположился детский дом. В 1933 г. на территории усадьбы строится деревянное здание семилетней школы, а в господском доме организуется общежитие для учителей. Служебные квартиры для школьных работников располагались в доме Кашиных и в первое послевоенное десятилетие. В 1965–1969 гг. в усадебном доме размещается комбинат бытового обслуживания, в котором имелись швейная и сапожная мастерские, парикмахерская, столярный цех. Мезонин был занят жилой квартирой [ЗАО «Рязанское научно-реставрационное управление», 2017, с. 13].

Все это время на территории усадьбы отсутствовал надлежащий уход, в результате чего стала нарушаться планировка парковых насаждений. В период Великой Отечественной войны парковые деревья используются для отопления, парк почти полностью уничтожается. В усадебном доме произошла полная утрата интерьеров. Надворные усадебные постройки также не сохранились, были разрушены или разобраны. В послевоенные годы на территории фруктового сада возводят четыре скотника, для строительства которых разбирают колокольню церкви Казанской иконы Божией Матери.

Восстановление усадьбы Кашиных началось только после передачи здания и земельного участка в пользование музею С.А. Есенина. Усадебный дом передается в 1969 г., а территория усадьбы – в 1971 г. В 1968–1970-х гг. на усадебном доме проводятся реставрационные работы, восстанавливается наружный облик здания [Объединение «Росреставрация», с. 15]. Внутри открывается литературная экс-

позиция, рассказывающая о жизни и творческом пути Сергея Есенина.

После организации музея в 1970-е гг. на территории усадьбы строятся гостиница, ресторан, клуб и кафе. В 20 м от дома Кашиной сооружается котельная с трубой высотой 20 м. На тот момент полностью отсутствовали какие-либо научные изыскания по планировке усадьбы, не были разработаны режимы охраны и содержания территории. Объекты, построенные без учета принципов мемориализации, вносили еще больший дисбаланс в исторический облик усадьбы.

В 1979 г. проектным институтом по реставрации памятников истории и культуры «Спецпроектреставрация» (г. Москва) был разработан генеральный план мемориализации музея С.А. Есенина в селе Константиново. В основу проекта положен принцип восстановления исторического облика села на начало XX в. с сохранением существующих элементов планировки, застройки и ландшафтов, восстановлением утраченных объектов и выводом с территории дисгармоничных строений.

В 1981–1982 гг. Центральным лесостроительным предприятием Всесоюзного объединения «Леспроект» (г. Москва) под руководством В.А. Агальцовой были проведены детальные историко-архивные, библиографические и проектные работы. Конечным результатом этих работ стал Проект организации паркового хозяйства литературно-мемориального музея С.А. Есенина.

В проекте были зафиксированы состояние и структура усадьбы на тот момент: «В восточной части территории музея находятся административно-хозяйственные здания: ресторан, кафе, гостиница, клуб. Рядом с бывшим господским домом – административный дом, сарай, туалет, а восточнее – котельная с площадкой для угольных шлаков. Все административно-хозяйственные здания соединены асфальтированными дорогами и площадками. Дорога от музея к церкви – грунтовая, западный вход к музею тоже грунтовый шириной 4,5–5 метров. Планировка верхнего парка почти не сохранилась. Только остатки березового ряда и одна липа свидетельствуют о начале липово-березовой аллеи к дому. На север от дома по границе оврага и коренного берега проходит ряд спиреи дубравколистной, который указывает на границу фруктового сада и верхнего парка. В северной части или нижнем парке остались следы прудов, бывших

видовых точек на возвышениях, серпантинных дорожек к этим возвышениям, основная дорога от причала на реке к церкви, террасы искусственного происхождения. Практически не сохранилась растительность, за исключением группы вязов в верховьях оврага на откосе» [Всесоюзное объединение «Леспроект», с. 43–44].

В 1983 г. в соответствии с этим проектом, разработанным на основе натуральных обследований по восстановлению мемориального облика части с. Константиново, Центральным лесоустроительным предприятием Всесоюзного объединения «Леспроект» (г. Москва) на территории музея была произведена частичная реконструкция верхнего парка, а именно:

- были восстановлены аллеи липовые посадки между домом Л.И. Кашиной и церковью;
- началось восстановление березовой посадки по границам территории усадьбы;
- в качестве групповых и солитерных посадок появились дуб и сосна;
- вокруг дома Л.И. Кашиной были посажены кустарники – сирень, чубушник, калина;
- воссоздан парадный въезд в усадьбу.

В настоящее время на территории верхнего парка зафиксировано 16 пород деревьев, всего около 610 экземпляров. Насаждения представлены в основном массивами искусственного происхождения. Возраст 92 % деревьев составляет от 5 до 50 лет. Это объясняется тем, что основные посадки были произведены после открытия музея, в начале 1970-х гг. Парковые насаждения обладают довольно высокой декоративностью, что обусловлено регулярным уходом. Проводятся санитарные рубки, обрезка сухих сучьев лиственных пород, лечение и пломбирование ран. Самые высокие эстетические качества имеют липа, сосна, ель, береза и черемуха.

В 1983 г. проектным институтом по реставрации памятников истории и культуры «Спецпроектреставрация» (г. Москва) была разработана Схема развития музея-заповедника С.А. Есенина в с. Константиново. Согласно этому документу на территории усадьбы подлежали сносу дисгармоничные здания и сооружения, нарушающие историческую целостность мемориальной зоны, в том числе котельная и трансформаторная подстанция. Котельная рядом с домом

Кашиных была демонтирована в 1990-е гг., а подстанция – только в 2017 г.

Также Схемой развития музея-заповедника С.А. Есенина была определена передача на баланс музея-заповедника зданий клуба и гостиницы в целях создания единого хозрасчетного предприятия туристско-экскурсионного обслуживания с последующим изменением их функционального назначения. После передачи этих зданий музею в гостинице первый этаж приспособили для размещения административного блока, а второй этаж – под фондохранилище. Здание выполняло эти функции до конца 2015 г., пока во въездной зоне села Константиново не были введены в эксплуатацию современное административное здание и фондохранилище. После этого в 2016 г. бывшую гостиницу демонтировали как дисгармоничное строение.

В здании клуба после передачи его музею-заповеднику разместили литературную экспозицию, перенесенную из дома Л.И. Кашиной, а также организовали киноконцертный зал для проведения различных музейных мероприятий. Это здание до сих пор используется в качестве научно-культурного центра.

В доме Л.И. Кашиной после переноса литературной экспозиции в 1995 г. к 100-летию со дня рождения С.А. Есенина открыли музей поэмы «Анна Снегина», поскольку Л.И. Кашина была одним из прототипов главной героини этого произведения.

В 2010–2011 гг. на основании проектной документации, разработанной ЗАО «Рязанское научно-реставрационное управление» (г. Рязань) был проведен комплекс ремонтно-реставрационных работ по усадебному дому Л.И. Кашиной. Цокольный этаж, который до проведения работ использовался под складские помещения и автономный тепловой пункт, был приспособлен для туристского использования с устройством входного приямка с лестницей в цокольный этаж, раскрытием ранее заложенных оконных проемов, расширением дверных проемов, понижением уровня полов до первоначальной поверхности. В приспособленном для современного использования цокольном этаже в 2012 г. была размещена новая экспозиция «Времен связующая нить», рассказывающая о домашнем быте семьи Кашиных.

В 2012–2013 гг. с целью воссоздания исторического облика усадьбы Л.И. Кашиной специалистами ЗАО «Рязанское научно-

реставрационное управление» (г. Рязань) был разработан Проект благоустройства (озеленения) территории усадьбы Кашиных, где неоднократно бывал поэт Есенин Сергей Александрович (проект приспособления для современного использования). В рамках реализации проекта проведены историко-архивные, библиографические и натурные исследования, разработаны схема ландшафтного анализа, опорный историко-культурный план, посадочные и разбивочные чертежи. Подготовлены материалы, обосновывающие исторические места расположения хозяйственных построек, внешний облик каретного сарая, оранжереи, забора по внешнему периметру усадьбу Л.И. Кашиной.

Проект был реализован в 2014–2015 гг. Дорожки с покрытием из кирпича сделаны в парадной и хозяйственной зонах усадьбы с предварительным демонтажем асфальтового покрытия советского времени. Также была восстановлена часть исторического ограждения усадьбы с воротами.

В 2017 г. в целях сохранения и воссоздания историко-градостроительной среды объекта культурного наследия федерального значения «Усадьба Кашиных, где неоднократно бывал поэт Есенин Сергей Александрович» на основе историко-архивных изысканий ЗАО «Рязанское научно-реставрационное управление» (г. Рязань) был разработан проект, направленный на восстановление утраченных усадебных построек – каретного сарая, оранжереи, амбара, бани – и пруда с нижним парком. При этом основанием для восстановления общей планировки усадьбы и утраченных построек послужили воспоминания и схемы усадьбы, оставленные учительницей школы села Константиново А.А. Соколовой, семьей Минаковых, проживавшей по соседству, Г.Н. Кашиным – сыном Л.И. Кашиной. Кроме того, были использованы исторический опорный план, составленный в 1982 г. специалистами проектного института по реставрации памятников истории и культуры «Спецпроектреставрация» (г. Москва), и отдельные упоминания построек усадьбы, имеющиеся в архивных источниках советского периода. Так, например, в описи имущества имения Л.И. Кашиной, расположенного в селе Константиново Кузьминской волости, от 27 января 1918 г. значатся: 1 сарай плотничный, 1 курятник тесовый, крыт железом, 9×9, 1 амбар тесовый, крыт железом, 7×7, 1 каменный сарай, крыт железом, 64×16, 1 рига

на каменных столбах и тесовый забор 30×10 [Опись имущества имени Л.И. Кашиной].

Объемно-планировочное решение исторического облика строений на период начала XX в. принято в соответствии с историко-архивными сведениями, а также на основе планировочных решений аналогичных существующих хозяйственных построек. Кроме того, в 2019 г. от М.С. Хлудовой – племянницы жены Б.И. Кулакова, брата Л.И. Кашиной, – в фонды музея-заповедника был передан архив с фотопластинками, на которых есть изображения каретного сарая и амбара. Эти снимки значительно помогли в восстановлении исторически достоверного внешнего вида хозяйственных построек.

В 2019–2020 гг. проект в части восстановления утраченных построек был реализован. Строительные работы начались в 2019 г. с восстановления каретного сарая. В соответствии с проектом в 2019–2020 гг. были проведены земляные работы, устроен фундамент, возведена кирпичная кладка, устроена стропильная крыша, осуществлены внутренняя отделка помещений и благоустройство прилегающей территории.

В 2020 г. также восстановили оранжерею, амбар и баню. Вначале были устроены котлованы. При осуществлении земляных работ велись археологические наблюдения. Для амбара и бани были установлены бревенчатые срубы, стены которых обработали специальным антисептиком и проконопатили, сделали деревянные полы и металлические крыши. В рамках восстановления оранжереи были выполнены кладочные работы по возведению кирпичного цоколя, осуществлена гидроизоляция фундамента, произведена кладка кирпичных стен, устроена крыша из специальных стеклопакетов.

В рамках благоустройства также были выполнены работы по устройству пешеходных дорожек около восстановленных объектов и в парковой зоне в едином с остальной усадебной территорией стиле.

В настоящее время помещения каретного сарая приспособлены для проведения выставок, в амбаре открыта небольшая экспозиция, посвященная истории села Константиново, оранжерея используется по своему историческому функциональному назначению, баня пока не задействована в музейной деятельности.

Как мы видим, военные и первые послевоенные десятилетия были отмечены для усадьбы Кашиных разрушением сложившихся структурных элементов, возведением новых дисгармоничных объектов, уничтожением парковых насаждений. Постепенное возрождение усадьбы стало возможным только после ее передачи музею-заповеднику, который планомерно на протяжении всех этих лет осуществляет масштабную поэтапную работу по восстановлению исторического облика усадебного комплекса.

Следующим этапом будет восстановление нижнего парка и пруда. В настоящее время нижний парк представляет собой заболоченный участок, сформировавшийся в результате земляных работ при прокладке канализации и образования промоин в стенках оврага из-за стока поверхностных вод. Для укрепления южного склона нижнего парка в предыдущие годы были высажены ярусами клен остролистный, клен ясенелистный, вяз, ива и сирень.

В нижнем парке в соответствии с разработанным проектом планируется устройство трех горизонтальных террас, укрепленных песчано-гравийными габионами. На горизонтальных площадках будут высажены кусты сирени, а на плато нижнего парка предусмотрена высадка плодово-ягодных деревьев (яблоневоый сад) и восстановление утраченного колодца. Доступ посетителей к этим объектам будет осуществляться по мощеным кирпичом дорожкам и лестницам. В юго-западной части верхнего парка на месте существующей копани будет восстановлен пруд. Предусмотрено устройство кирпичных дорожек по периметру водоема, организация паркового освещения, установка скамеек для отдыха.

Уже сейчас пространство Барского подгорья тематически включено в маршрут экологической тропы «Константиновское подгорье». Эта тропа проходит в береговой зоне музея-заповедника и погружает посетителей в мир флоры и фауны Константинова, особенностей микрорельефа, исторического использования территории. На тропе есть информационный щит, рассказывающий об усадьбе Л.И. Кашиной, о самой помещице и о нижнем парке. В перспективе после реализации проекта восстановления нижнего парка экологическая тропа может быть продлена с выходом в центральную часть усадьбы через Барское подгорье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Всесоюзное объединение «Леспроект». Центральное лесоустроительное предприятие. Парколесоустроительная экспедиция. Проект организации паркового хозяйства литературно-мемориального музея С.А. Есенина Министерства культуры РСФСР. Пояснительная записка. М., 1983. 154 с.
2. *Есенина А.А.* Родное и близкое. М.: Советская Россия, 1968. 88 с.
3. ЗАО «Рязанское научно-реставрационное управление». Научно-проектная документация по благоустройству (озеленению) территории (приспособлению для современного использования). Раздел 1. Предварительные работы. Подраздел «б». Пояснительная записка. Рязань, 2013. 29 с.
4. ЗАО «Рязанское научно-реставрационное управление». Проектная документация «Восстановление утраченных построек в целях сохранения историко-градостроительной среды объекта культурного наследия «Усадьба Кашиных, где неоднократно бывал поэт Есенин Сергей Александрович». Т. 2. Раздел 2. Кн. 1. Историко-архивные и библиографические исследования. Рязань, 2017. 44 с.
5. Объединение «Росреставрация». Проектный институт по реставрации памятников истории и культуры «Спецпроектреставрация». Научно-проектная документация. Схема развития музея-заповедника С.А. Есенина в с. Константиново, Рыбновского район, Рязанской области. М., 1985. 229 с.
6. Опись имущества имения Л.И. Кашиной. Государственный архив Рязанской области. Ф. Р-353. О. 1, Д. 392, Л. 8.
7. Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 20 ноября 2013 г. № 1899.

<https://www.doi.org/10.29003/m3644.khmelita-19/235-245>

<https://elibrary.ru/vpvvmn>

Научная статья / Research Article

УДК 372.881.161.1

ББК 79.1

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NoDerivatives
4.0 (CC BY-ND)

РАБОТА С ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ НА ЗАНЯТИЯХ РКИ

(славные страницы военной истории России в аудитории иностранных курсантов)

© 2023. А.А. Алексеева

Аннотация. В статье освещается актуальный вопрос внесения в процесс обучения иностранных военнослужащих русскому языку историко-культурного компонента. Цель исследования – оценить роль исторической тематики в практике иноязычной подготовки иностранных военнослужащих. Автором рассматриваются способы работы с данной категорией текстов, раскрывается их тематика, выявляется развивающий потенциал текстов о военной истории России и выдающихся военачальниках в формировании языковой и межкультурной компетенции иностранных курсантов. Также в работе указывается на потенциал текстов по истории в академической адаптации инофонов, формировании их готовности к успешному продолжению обучения на более старших курсах. В результате автором определяются основные принципы внедрения в учебный процесс с иностранными военнослужащими текстов по военной истории России, очерчивается круг положительных влияний историко-культурного компонента в практике преподавания русского языка как иностранного для формирования языковой, межкультурной и профессиональной компетенций.

Ключевые слова: историко-культурный компонент, лингвострановедение, межкультурная коммуникация, русский язык как иностранный, военный вуз.

Информация об авторе: Анастасия Андреевна Алексеева – кандидат филологических наук, преподаватель, Военная академия радиационной,

химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко (г. Кострома) Министерства обороны РФ, ул. Горького, 16, 156013, г. Кострома, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-6281-9189>

E-mail: alekseeva.a.anastasia@yandex.ru

Для цитирования: *Алексеева А.А.* Работа с исторической информацией на занятиях РКИ (славные страницы военной истории России в аудитории иностранных курсантов) // Первые Кулаковские чтения: На полях воинской славы России / отв. ред. М.В. Скороходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 235–245. <https://www.doi.org/10.29003/m3644.khmelita-19/235-245>

WORKING WITH HISTORICAL INFORMATION AT RFL CLASSES (Glorious Pages of Military History of Russia in the Audience of Foreign Cadets)

© 2023. Anastasia A. Alekseeva

Abstract. This article covers the topical issue of introducing a historical and cultural component into the process of teaching foreign military personnel the Russian language. The purpose of the study is to evaluate the role of military historical information in the practice of foreign language training of foreign military personnel. The author considers ways of working with this category of texts, reveals their subject matter, reveals the developing potential of texts about the military history of Russia and outstanding military leaders in the formation of the linguistic and intercultural competence of foreign cadets. The paper also points to the potential of texts on history in the academic adaptation of foreigners, the formation of their readiness for the successful continuation of their studies in older courses. As a result, the author defines the basic principles of introducing texts on the military history of Russia into the educational process with foreign military personnel, outlines the circle of positive influences of the historical and cultural component in the practice of teaching Russian as a foreign language for the formation of linguistic, intercultural, and professional competencies.

Keywords: historical and cultural component, linguistic and regional studies, intercultural communication, Russian as a foreign language, military university.

Information about the author: Anastasia A. Alekseeva – PhD in Philology, Lecturer, Nuclear Biological Chemical Defence Military Academy after Marshal of the Soviet Union S.K. Timoshenko (Kostroma), the Ministry of Defence of the Russian Federation, Gorkogo, 16, 156013, Kostroma, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-6281-9189>

E-mail: alekseeva.a.anastasia@yandex.ru

For citation: Alekseeva, Anastasia A. Working with Historical Information at RFL Classes (Glorious Pages of Military History of Russia in the Audience of foreign Cadets). *First Kulakov Readings: On the Fields of Russia's Military Glory*. Ex. ed. Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 235–245. (In Russian). <https://www.doi.org/10.29003/m3644.khmelita-19/235-245>

Дисциплина «Русский язык как иностранный» (РКИ) обладает большим количеством задач: преподавателю важно не только обучить инофонов пользоваться изучаемым языком в качестве инструмента коммуникации, но и сформировать у них широкий перечень компетенций; средствами предмета предупреждать и минимизировать трудности адаптации; подготавливать к последующему академическому пути в российском вузе. В данной связи внесение в содержание предмета социокультурной и историко-культурной составляющей становится необходимостью, поскольку, по точному замечанию Г.В. Сороковых, «без приобщения к культуре и менталитету стран изучаемого языка овладение иностранным языком невозможно» [Сороковых, с. 190].

Реализации указанного потенциала дисциплины способствует как технологический аспект учебного процесса (методы, формы работы, приемы, используемые педагогом для работы в иностранной аудитории), так и содержательный. В частности, большая роль в развитии языковой, социокультурной, межкультурной и коммуникативной компетенции иностранных военнослужащих (ИВС) принадлежит текстам военно-исторической тематики, широко применяемым в практике иноязычного образования в военном вузе, в т.ч. и на подготовительном курсе. Посредством текстовой деятельности курсанты получают возможность отработки орфоэпических, лексических, грамматических и синтаксических норм изучаемого языка,

«погружения в диалог культур» [Милованова, 2019, с. 133] и вхождения в новую языковую среду. Это особенно необходимо именно на начальной ступени обучения, поскольку в данное время курсанты проходят адаптационный период. Его более эффективному прохождению способствует знакомство с историей и современными реалиями российского общества.

Внесение в содержание дисциплины историко-культурного компонента способствует формированию позитивного отношения к стране изучаемого языка, воспитанию чувства интернациональной дружбы, позволяет приобщиться к особенностям жизни и закономерностям развития новой для инофонов страны. Для курсантов военного вуза работа с исторической информацией (военно-историческими текстами) на занятиях РКИ становится необходимостью еще и потому, что такого рода сведения отчасти соприкасаются с их будущей профессиональной деятельностью, а следовательно, оказывают влияние и на формирование профессиональных компетенций наряду с положительным влиянием на «культурно-речевую, социально-психологическую и профессиональную адаптацию» [Дейкина, с. 100].

В рамках освоения рассматриваемой дисциплины иностранные курсанты знакомятся с текстами о выдающихся военачальниках; военно-исторической информацией обогащаются тексты по специальности; места боевой славы России становятся объектами для посещения обучающимися в рамках экскурсий, проводимых в т.ч. и в виртуальном режиме, как во внеаудиторное время, так и непосредственно на занятиях.

В обязательный план дисциплины входят темы, освещающие события Великой Отечественной войны, посвященные празднику 9 Мая. В рамках этих тем курсанты подготовительного курса читают небольшие тексты о местах боевой славы, городах-героях, просматривают видео первого парада Победы на Красной площади, узнают о традициях русского народа, связанных с церемонией возложения цветов к Мемориалам Славы, праздничными салютами, поздравлениями и словами благодарности ветеранам в день Великой Победы.

В рамки дисциплины также включена тема «Битва за Москву» – курсанты знакомятся с текстом о периоде ожесточенных боев на Московском направлении во времена Великой Отечественной войны. Иностранные военнослужащие узнают о маршруте немецких войск

(«Противник хотел окружить советские войска в районе Вязьмы, а затем идти к Москве. 8 октября они заняли город Орел, 12 октября – Брянск, 13 октября – Вязьму. Вражеские войска приближались к Можайску. 14 октября они захватили город Калинин»); о слаженной работе как фронта, так и тыла («Москва превратилась в прифронтовой город. Сотни тысяч жителей Москвы и Московской области помогали воинам Красной армии. В Москве создавались дивизии народного ополчения. В этих батальонах было много москвичей, которые раньше служили в армии»); о героизме советских воинов («На подступах к Москве сражались воины всех национальностей Советского Союза. В этих боях защитники столицы проявляли героизм, стойкость и мужество. Каждый понимал, что необходимо любой ценой отстоять город»). Далее курсантам предлагается ответить на вопросы по тексту, выполнить задания для отработки изучаемого грамматического явления («Винительный падеж имен существительных, имен прилагательных, порядковых числительных, указательных, определительных и притяжательных местоимений»), составить план для подробного пересказа текста.

Таким образом, текстовая деятельность строится по устоявшемуся в лингводидактике принципу: чтение текстов предваряет фонетическая, лексическая и грамматическая работа (курсанты повторяют трудные для произношения лексемы, уточняют значение неизвестных слов и словосочетаний, наблюдают за грамматическими закономерностями, которые встретятся им в тексте). На послетекстовом этапе обучающиеся отвечают на вопросы, нацеленные на выявление уровня понимания прочитанного, а также выполняют речевые и коммуникативные упражнения для совершенствования навыков иноязычного говорения.

В рамках указанных тем особую роль играет коммуникативная деятельность на занятии. Стимулом к порождению собственного речевого высказывания на русском языке выступают видеоматериалы (фрагменты художественных фильмов о Великой Отечественной войне, военной хроники и т. д.), фоторяд (особый интерес курсанты проявляют к фотографиям с парадов на Красной площади 1941 и 1945 гг.), иллюстративный материал (листочки, картины на военную тематику и т.п.), музыкальные композиции (фронтовые песни в исполнении советских и современных певцов).

Содержательное визуальное наполнение послетекстовой деятельности зависит от творческого мастерства преподавателя, а также от уровня языковой подготовки группы. Более активная коммуникативная деятельность при изучении тем военно-исторической тематики наблюдается в аудитории курсантов, прибывших из бывших союзных республик, поскольку это «наша общая история», общая боль и общая радость. В среде курсантов дальнего зарубежья коммуникативная работа строится на основе сопоставления российского военного опыта и опыта их родных стран. Многие из обучающихся, в особенности те, кто активно интересовался историей России на предвыездном этапе, обладают некоторым количеством сведений о памятных датах Великой Отечественной войны, знакомы с традициями русского народа. В таких случаях преподаватели прибегают к выявлению того, что нового и интересного курсанты узнали на занятии, какой информацией обогатили свой межкультурный опыт.

В содержание учебного предмета «Русский язык как иностранный» входят несколько тем, связанных с личностями выдающихся военачальников. Так, иностранные курсанты знакомятся с текстами об А.В. Суворове, М.И. Кутузове, С.К. Тимошенко. Кроме того, темы, нацеленные на изучение грамматических явлений русского языка и напрямую не указывающие в названии имен военачальников, сопровождаются текстами для чтения о биографии известных советских военных деятелей (например, о Г.К. Жукове, К.К. Рокоссовском, В.Н. Кончице). Данные тексты наполнены изучаемыми лексико-грамматическими явлениями, осваиваемыми обучающимися в рамках занятия, однако содержат ценные сведения о жизни и службе выдающихся личностей, деятельность которых привела страну к победе над врагом. Особый акцент в содержании текстов делается на описании волевых качеств характера военного и профессионально значимых характеристик его личности (ответственности, чувстве долга перед страной и ее населением, внимательности к подчиненным и т.д.), поскольку именно они, как точно подчеркивает О.В. Милованова, становятся ведущими «среди других слагаемых боеспособности войск» [Милованова, 2023, с. 178]. В ходе коммуникативной деятельности данным аспектам содержания изучаемых материалов также отводится отдельное внимание: курсанты обсуждают в группе, какие

качества позволили военачальникам получить признание, реализовать себя как профессионалов своего дела.

Кроме того, исторической информацией наполняются и профессионально-ориентированные тексты (тексты военно-научной тематики). В частности, в русле освоения военной специальности по химико-биологическому профилю на подготовительном курсе обучающиеся знакомятся с циклом тем «Отравляющие вещества» и узнают о свойствах данных веществ, тонкостях их применения. В ткань такого рода текстов также вплетаются исторические сведения о первых опытах использования отравляющих веществ, отмечается их решающая роль в ходе сражений для уничтожения живой силы противника. Преподаватели русского языка как иностранного, таким образом, также имеют возможность приобщить курсантов к боевому опыту страны изучаемого языка, ознакомить их со славными страницами военной истории России. На послетекстовом этапе широко применяются фото и видеоматериалы, посвященные данной тематике, реализуется коммуникативная деятельность, в т. ч. и обращение к этнокультурному опыту иностранных обучающихся.

Исторический аспект обогащает содержание как текстов по специальности, так и профессиональной компетенции будущих военных, готовит их к перспективной академической деятельности, в рамках которой они повторно столкнутся с данной информацией на узко профилированных дисциплинах. Приведем пример. При изучении цикла тем «Отравляющие вещества» иностранные курсанты знакомятся с такими веществами, как иприт, зоман, зарин, хлор и некоторыми другими. В текстах, предназначенных для чтения, присутствуют небольшие исторические справки о синтезировании и применении ОВ во времена Первой мировой войны. Именно эти фрагменты (при условии, что группа обладает высокой языковой подготовкой и поэтому может работать в ускоренном темпе) позволяет преподавателю расширить содержание практического занятия и обратиться к военно-исторической информации о событиях Первой мировой войны, продемонстрировать фоторяд о местах боевой славы, предложить курсантам тезисно зафиксировать дополнительные сведения, не вошедшие в основное содержание прочитанного и в ходе самостоятельной работы использовать освоенные факты при пересказе текстов.

Информация о местах боевой славы вносится и в содержание текстов о крупных российских городах. Иностранцы знакомятся с достопримечательностями Москвы и Санкт-Петербурга. При изучении аспектов истории названных городов не обходится без внимания период военных конфликтов, во время которых население действительно совершало настоящий подвиг. Одним из примеров стойкости и мужества служит блокадный Ленинград. В тексте о Санкт-Петербурге иностранцы обучающиеся читают об этом непростом времени. Факты из текста зачастую сопровождаются на занятии многочисленными фотографиями из военной хроники. Фотоматериалы, соединенные в видеоряд средствами графических редакторов и снабженные музыкальным сопровождением, создают в учебной аудитории особую атмосферу, что также оказывает положительное влияние на речевую активность курсантов. В рамках тем о Великой Отечественной войне применяются и художественные тексты, в частности, стихотворения военных и послевоенных лет (например, «Родина» К. Симонова, «Мужество» А. Ахматовой, «Весь под ногами шар земной...» С. Щипачева, «Он не вернулся из боя» В. Высоцкого, «Реквием» Р. Рождественского, «Его зарыли в шар земной» С. Орлова и некоторые другие).

Особый интерес в иностранной аудитории имеют виртуальные экскурсии. Такой формат работы на занятиях РКИ, согласно справедливому мнению исследователей, способствует формированию «лингвострановедческой и интеркультурной компетенций обучающихся» [Пылкова, 2023, с. 646]. В условиях военного вуза, когда выход в Интернет запрещен и соответственно использование на занятиях «готовых» виртуальных экскурсионных туров затруднено, создание плана онлайн-посещения и, собственно, сама реализация технологии входит в задачи преподавателя РКИ. Поскольку такой формат работы обладает неоспоримыми преимуществами: развивает познавательный интерес, повышает мотивационную составляющую обучения [см.: Амлинская, 2020], позволяет органично вносить в процесс обучения историко-культурный компонент, способствуя реализации «принципа соизучения языка и культуры» [Бокатина, 2021, с. 23], он оказывается применим на занятиях по русскому языку как иностранному, например, в процессе изучения тем о крупных российских городах. Преподаватели Военной академии создают авторские презентации, по материалам которых курсанты могут в виртуальном режиме по-

сетить места боевой славы России, обсудить полученную информацию с педагогом и в группе посредством вопросно-ответной беседы. Наиболее применительной формой работы для самостоятельной деятельности обучающихся становится написание эссе, раскрывающее впечатление курсантов о полученных в ходе практического занятия сведениях.

Симптоматично, что работа с иностранной аудиторией в меньшей степени ориентирована на развитие патриотических чувств (по сравнению с процессом обучения российских граждан). Однако ознакомление со славными страницами военной истории России способствует формированию мультикультурной языковой личности, развивает навыки межкультурной компетенции, что особенно необходимо в современном обществе, характеризующемся полинациональностью. В связи с этим во время обучения на подготовительном курсе преподаватели (особенно к концу первого года освоения РКИ, когда инофоны достигают первого сертификационного уровня владения языком) предлагают для просмотра художественные фильмы о Первой и Второй мировых войнах. В рамках таких практических занятий проводится предварительная предпросмотровая лексическая работа, нацеленная на семантизацию неизвестной лексики, а после-просмотровая деятельность предполагает выполнение упражнений, оценивающих уровень понимания содержания фильма, а также выход в коммуникацию, где используется вопросно-ответная беседа, развернутый монологический ответ на вопрос, обсуждение содержания киноленты посредством дискуссионных технологий.

Таким образом, основным путем внедрения в процесс иноязычного образования историко-культурного компонента становится следование текстообразующему подходу в обучении. Информация о военной истории страны изучаемого языка обладает широким воспитательным потенциалом, оказывая при этом прямое влияние на развитие профессиональных качеств будущих военных специалистов. Подбираемые для практических занятий по РКИ тексты по военной истории, как и в целом все русскоязычные тексты, должны соответствовать уровню языковой подготовки группы, обладать языковой ценностью. Практика показывает, что факты военной истории могут сопровождать не только тексты собственно военно-исторической тематики. В условиях, если курсанты способны освоить в рамках урока

дополнительную информацию, педагоги обогащают ей обязательный для прочтения (находящийся на страницах основного учебного пособия) текст. Современные информационно-коммуникационные технологии позволяют преподавателю разнообразить визуальный материал, привнося в образовательный процесс элементы интерактивности, что в свою очередь развивает коммуникативные навыки иностранных обучающихся, повышает их мотивацию к изучению русского языка и познавательный интерес к дисциплине. Тексты военно-исторической тематики, заочные (виртуальные) экскурсии по музейным экспозициям, по местам боевой славы российского государства, ознакомление с видео- и фотоматериалами, художественными фильмами в рамках аудиторной и внеаудиторной деятельности с иностранными курсантами оказываются ведущими способами внедрения в образовательный процесс историко-культурного компонента, обладающего обширным воспитательным потенциалом.

В продолжение обучения пути погружения иностранных военнослужащих в славное военное прошлое России усложняются. На кафедрах функционирует кружок военно-научной работы с курсантами и слушателями ИВС, разговорные клубы и т.д. Для участия в такого рода мероприятиях, несомненно, требуется более высокий уровень языковой подготовки, нежели на подготовительном курсе. При дальнейшем обучении в российском военном вузе обучающиеся совместно с педагогами создают научно-исследовательские работы, тематика которых зачастую затрагивает вопросы проведения военных действий, изучение способов сохранения и популяризации мест боевой славы, выявление языковых закономерностей военной (официальной и неофициальной) речи и мн. др., что также влияет на степень формирования социокультурной, культурологической, межкультурной компетенций, на развитие личностных качеств будущих специалистов военной сферы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Амлинская Ю.Р. Способы повышения мотивации студентов в рамках онлайн-обучения РКИ // Русский язык за рубежом. 2020. № 5 (282). С. 19–26.

2. *Бокатина Ю.И.* Виртуальная экскурсия как форма интерактивного обучения русскому языку как иностранному // *Современные проблемы науки и образования.* 2021. № 6. С. 22–32. DOI: 10.17513/spno.31249.

3. *Дейкина А.Д., Анисина Ю.В.* Специфика культуроведческого компонента профессионально ориентированного обучения русскому языку иностранных военнослужащих // *Балтийский гуманитарный журнал.* 2021. Т. 10. № 1 (34). С. 98–102. DOI: 10.26140/bgз3-2021-1001-0023.

4. *Милованова О.В.* Военная история как основа воспитания военнослужащего (к вопросу аудирования на занятиях по РКИ) // *Русская литература в иностранной аудитории: материалы XIV международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 18 ноября 2022 г. Вып. 11.* Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2023. С. 177–184.

5. *Милованова О.В.* Textoобразующий подход в системе преподавания русского языка иностранным учащимся (из опыта работы с текстами военно-исторической тематики) // *Проблемы современного педагогического образования.* 2019. № 64–4. С. 130–133.

6. *Пылкова А.А.* Виртуальная экскурсия как инновационная форма обучения русскому языку как иностранному на довузовском этапе обучения при реализации регионального компонента // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2023. Т. 16. № 2. С. 645–651. DOI: 10.30853/phil20230074.

7. *Сороковых Г.В.* Специфика обучения иностранных студентов социокультурным особенностям современной России // *Язык, история, общество: сб. науч. тезисов и статей по материалам Международной научно-практической очно-заочной конференции, Орехово-Зуево, 30 апреля 2021 г.* Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2021. С. 188–193.

II

<https://www.doi.org/10.29003/m3651.khmelita-19/249-265>

<https://elibrary.ru/tfaiis>

Научная статья / Research Article

УДК 94

ББК 63.3(2)622.4

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NoDerivatives
4.0 (CC BY-ND)

ОТРАЖЕНИЕ СОБЫТИЙ В ВЯЗЕМСКОМ КОТЛЕ В 1941 г. В ВОСПОМИНАНИЯХ НАРОДНЫХ ОПОЛЧЕНЦЕВ МОСКВЫ (документы Научного архива ИРИ РАН)

© 2023. Б.У. Серазетдинов

Аннотация: В статье описываются и анализируются наиболее значимые черты повседневной жизни бойцов – народных ополченцев Красной Армии, призванных из Москвы и Московской области, в условиях окружения в Вяземском котле в 1941 г. Рассмотрены проблемы подготовки к отправлению на линию фронта, взаимоотношений, питания, морального состояния попавших в окружение войск, сделаны выводы об экстремальности самого пребывания в окружении и драматической насыщенности повседневной жизни попавших в него военнослужащих, их стойкости, героизме и вкладе в победу над немецкими захватчиками в Московской битве. Все использованные воспоминания хранятся в Научном архиве Института российской истории РАН.

Ключевые слова: Вяземский котел, Научный архив ИРИ РАН, военная повседневность, моральный дух войск, окружение, взаимоотношения, борьбы за выход из окружения, жизнь, смерть и плен.

Информация об авторе: Серазетдинов Борис Уразбекович – доцент, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, 117292 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7730-2769>

E-mail: sbu54@bk.ru

Для цитирования: *Серазетдинов Б.У.* Отражение событий в Вяземском котле в 1941 г. в воспоминаниях народных ополченцев Москвы (документы

Научного архива ИРИ РАН) // Первые Кулаковские чтения: На полях воинской славы России / отв. ред. М.В. Скороходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 249–265. <https://www.doi.org/10.29003/m3651.khmelita-19/249-265>

**REFLECTION OF THE EVENTS
IN THE VYAZEMSKY CAULDRON IN 1941,
IN THE MEMOIRS OF THE PEOPLE'S MILITIA OF MOSCOW
(Documents of the Scientific Archive
of the Institute of Russian History RAS)**

© 2023. Boris U. Serazetdinov

Abstract: The article describes and analyzes the most significant features of the daily life of the fighters – people's militia of the Red Army, called up from Moscow and the Moscow region, under the conditions of encirclement in the Vyazemsky boiler in 1941. The problems of preparation for departure to the front line, relationships, nutrition, morale of the encircled troops are considered, conclusions are drawn about the extremity of the stay itself surrounded by the dramatic richness of the daily life of the servicemen who got into it, their perseverance, heroism and contribution to the victory over the German invaders in the Battle of Moscow. All memories are used from the materials of the Scientific Archive of the IRI RAS.

Keywords: Vyazemsky cauldron, Scientific Archive of the IRI RAS, military everyday life, morale of troops, environment, relationships, struggles to get out of the environment, life, death and captivity.

Information about the author: Boris U. Serazetdinov – Associate Professor, PhD in History, Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Dmitry Ulyanov str., 19, 117292 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7730-2769>

E-mail: sbu54@bk.ru

For citation: Serazetdinov, Boris U. Reflection of the Events in the Vyazemsky Cauldron in 1941, in the Memoirs of the People's Militia of Moscow (Documents of the Scientific Archive of the Institute of Russian History RAS). *First Kulakov Readings: On the Fields of Russia's Military Glory*. Ex. ed. Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 249–265. (In Russian). <https://www.doi.org/10.29003/m3651.khmelita-19/249-265>

Вяземский котел 1941 г. – одна из катастроф Красной армии в начальный период Великой Отечественной войны. В котле оказались 36 стрелковых дивизий из 58, все девять танковых бригад и половина арtpолков, в плен попали более 500 тысяч человек. Оказались в окружении и бойцы Московского народного ополчения. Все они вели ожесточенные бои. Организованное сопротивление воинов продолжалось около недели, а затем разрозненными группами или в одиночку они стали пробиваться к своим на восток. Многие попали в плен. Всего из Вяземского котла сумели выйти не более 85 тысяч человек.

Согласно замыслу операции «Тайфун» 2 октября 1941 г. немцы перешли в наступление под Вязьмой, где 3-я танковая группа генерал-полковника Германа Гота нанесла удар от Духовщины одновременно с 4-й группой генерал-полковника Эриха Гепнера, наступавшей от Рославля. До Москвы оставалось около 200 км.

Немецкое наступление предусматривало два этапа: первый – окружение советских сил, прикрывавших столицу с запада; и второй – преследование остатков советских войск вплоть до самой Москвы. Отдельным пунктом Гитлер подчеркивал необходимость сокращения сроков подготовки и проведения операций¹.

Автор фундаментального труда «Вяземская катастрофа 41-го года» А.Н. Лопуховский отмечал: «Ставка явно запоздала с директивой о переходе к жесткой обороне». Более того, Генеральный штаб РККА, с одной стороны, подчеркивал ответственность командующих за удержание занимаемых рубежей, с другой стороны, 29 сентября направил в войска директиву о том, как готовить наступательные операции. «Высшее военное руководство допустило двойственность по такому важному вопросу, как создание прочной обороны». Энергичных мер по отражению вражеского удара предпринято не было, и немецкое наступление застало Западный, Резервный и Брянский фронты в основном в прежних наступательных группировках, включающих в себя дивизии, измотанные предыдущими боями [Лопуховский, с. 107–108].

В войска трех советских фронтов, прикрывавшие московское направление – Западного, Резервного и Брянского – входило свыше

¹ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 12462. Д. 72. Л. 38–41.

40% сил действующей Красной армии. Предыдущие оборонительные успехи в Смоленском сражении давали надежду выиграть время для переброски к столице новых резервов. Чтобы заставить немцев увязнуть в боях, строились Ржевско-Вяземский рубеж и Можайская линия обороны, глубина укреплений которых превышала 200 км [Великая Отечественная война... 2012, т. 3, с. 48]. Для оборудования этих позиций использовались дивизии народного ополчения (ДНО), которые одновременно занимались боевой подготовкой и сколачиванием частей и подразделений. Первоначально плохо вооруженные, лишенные необходимых средств связи и транспорта, в дальнейшем ополченческие соединения были доукомплектованы личным составом и основными видами вооружения. Иностранные образцы оружия заменялись на отечественные. 15 сентября ДНО Москвы были включены в состав регулярных соединений РККА. «Так что, вопреки еще бытующему мнению, – отмечает Лопуховский, – к концу сентября ополченческие дивизии оказались хорошо вооруженными и вполне подготовленными к решению боевых задач... Они, конечно, не имели боевого опыта, но обладали довольно высокими морально-политическими качествами. Неслучайно, что из этих добровольческих формирований после обучения и приобретения необходимого опыта сложились великолепные боевые соединения» [Лопуховский, с. 123–124].

В первые дни наступления войска группы армий «Центр» провали оборону и 7 октября под Вязьмой сумели окружить крупные группировки войск Красной Армии: соединения и части 16-й, 19-й, 20-й, 24-й и 32-й армий Западного и Резервного фронтов.

В составе 24-й и 32-й армий оказались и бывшие ДНО, которые попали в окружение: 2-я, 8-я, 29-я, 139-я и 140-я. Три дивизии (2-я, 139-я и 140-я) приказом Народного комиссара обороны № 00131 от 27 декабря 1942 г. были «исключены из состава РККА и расформированы» как погибшие на фронте Великой Отечественной войне¹.

Английский историк Роберт Кершоу в книге «1941 год глазами немцев. Березовые кресты вместо железных» писал, что азбучные истины блицкрика «оказались поставлены с ног на голову отчаянным, доходивших порой до фанатизма сопротивлением русских в, каза-

¹ ЦА МО РФ. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 13. Л. 6.

лось, безнадежнейших ситуациях» [Кершоу, с.207]. По его словам, гитлеровское военное командование неоднократно отмечало, что окруженные советские войска сдавались в плен, лишь находясь в безвыходном положении, когда заканчивались продовольствие, горючее и боеприпасы, а упорное их сопротивление привело к тому, что «половина наступательного потенциала немцев ушла не на продвижение к поставленной цели, а на закрепление уже имевшихся успехов» [Кершоу, с. 207]. Немецкий историк Клаус Рейнгард в книге «Поворот под Москвой» пишет, что в вяземском «котле» «русским... удалось сковать на длительное время немецкие танковые силы и тем самым исключить возможность их участия в немедленном преследовании в направлении Москвы...» [Рейнгард 1980, с. 92]. Он пишет следующее:

Только 7 октября 10-я танковая дивизия 3-й танковой группы соединилась с 7-й танковой дивизией 4-й танковой. Бои в вяземском «котле» были упорными и продолжительными. группы. Кольцо окружения восточнее Вязьмы было замкнуто. Однако, как докладывала немецкая воздушная разведка, значительные силы противника избежали окружения и большие колонны русских войск движутся в направлении Москвы. Русским снова, несмотря на большие потери, удалось своевременно вывести крупные силы из-под угрозы окружения. При этом, выходя из окружения, русские наносили очень большие потери немцам. Как доносил командир 7-й танковой дивизии, 11 и 12 октября дивизия потеряла 1000 человек, один батальон был буквально уничтожен... [Рейнгардт 2012, с. 57].

Главное командование сухопутных войск вермахта (ОКХ) 14 октября 1941 г. сообщало в сводке, что «Противник, окруженный... западнее Вязьмы полностью уничтожен...». Но на ежедневных отчетных картах ОКХ Lage Ost еще более двух недель показывалось, что несколько немецких дивизий (от 9 до 5) продолжали вести боевые действия с «уничтоженным» противником [Великая Отечественная война... 2010, т. 1, с. 196].

Хотя организованного сопротивления уже не было, советские войска продолжали сражаться в тылу у немцев еще как минимум десять дней. Выход из окружения стал возможен только незначительными по числу группами. Части делились на мелкие отряды и лесными тропами шли в направлении своих. Отдельные группы советских воинов продолжали попытки вырваться из кольца в различных на-

правлениях, и вплоть до 20 октября немцы не могли высвободить несколько своих дивизий для наступления на Москву.

Некоторым группам повезло. В донесениях Западного фронта конца октября – начала ноября 1941 г. сообщается о тысячах бойцов и командиров, соединившихся с основным фронтом под Москвой. В крайне ослабленном состоянии, потеряв большую часть своего состава, из кольца смогли прорваться и целые дивизии, как, например, 139-я и 160-я дивизии, пробившие брешь в районе Панфилово. Сумели избежать худшей участи 108-я, 144-я, 126-я и 129-я дивизии, которые докладывали Военному совету Западного фронта в конце октября о ходе восстановления своих сил. 5 ноября на участке 16-й армии, уже под Волоколамском, через линию фронта пробилась группа в составе около 800 человек во главе с генералом И.В. Болдиным. Сегодня нет точных данных о количестве наших военнослужащих, вышедших из вяземского и брянского котлов. Встречается цифра около 85 тысяч человек, не подтвержденная, однако, архивными документами. Известно также, что около 65 тысяч военнослужащих просочилось через линию фронта в составе мелких отрядов и в одиночку [Мощанский, Исаев].

Героическое сопротивление наших окруженных войск сковало около 28 дивизий противника, 14 из которых до середины октября не смогли продолжать наступление на Москву. Окруженные фашистами разрозненные группы продолжали сражаться в тылу противника, не дав ему продвинуться к Москве, но огромное количество солдат было убито или взято в плен. Среди окруженцев были и бойцы 12 дивизий, сформированных из народных ополченцев Москвы и Московской области.

Но правда в том, что Вяземская оборонительная операция ослабила и затормозила удары противника, нацеленные на Москву, лишив его первоначальной наступательной силы и дав советским войскам время и возможность на организацию обороны на Можайской линии и ближних подступах к Москве.

Наступление немецкой группы армий «Центр» во второй половине октября – начале декабря 1941 г. завершилось неудачей.

Данная тема привлекает внимание обилием воспоминаний непосредственных участников событий. Пройдя это тяжелое испытание, они напишут воспоминания, представляющие большой интерес для

исследователей возможностью изучить это достаточно неоднозначное сражение с разных ракурсов. Основой для подготовки статьи стали стенограммы бесед с бывшими участниками ДНО, которые оказались в Вяземском котле. Запись вели работники Института истории Академии наук СССР, члены группы Комиссии по истории Великой Отечественной войны под руководством профессора Исаака Израилевича Минца. Ученые разговаривали с окруженцами, провели многочисленные интервью и застенографировали беседы с командирами, комиссарами и рядовыми ополченцами.

Эти беседы в большей степени, чем какой бы то ни было другой известный источник, позволяют приблизиться к событиям Вяземского котла и предоставляют нам возможность более объемно и рельефно почувствовать события того времени, картину поступков, мыслей и чувств народных ополченцев Москвы и Московской области. Ополченцы рассказывают о том, как попали в состав народного ополчения, о своих первых шагах на фронте, об окружении, о первых потерях, о чувстве одиночества и попытках выхода из окружения противника.

В статье использованы прежде всего архивные материалы Научного архива Института российской истории РАН. Матрицы, накладываемые друг на друга, позволяют создать объемную картину попадания ополченцев в окружение, описать их взаимоотношения в то время, когда они только прибыли на фронт и когда прорывались, их моральный дух и конкретные поступки, их быт в разные отрезки жизни – до окружения и во время него.

Для удержания позиций на основном направлении, куда был нацелен главный удар немцев – Ржевско-Вяземский рубеж, у Красной армии было много возможностей, если были бы своевременные реакции на так называемые «маркеры опасности» действий противника. Но с каждым днем и с каждым упущенным «маркером» вероятность успеха становилась все более призрачной.

Столь подробная характеристика ситуации потребовалась для того, чтобы яснее стала основная мысль данной статьи: жизнь в окружении различного масштаба стала одной из констант повседневной жизни РККА в первый период войны, в такой ситуации оказалось несколько миллионов военнослужащих.

Следовательно, правомерно проанализировать эту страницу военной повседневности в качестве самостоятельной грани в исто-

рии военной повседневности в годы Великой Отечественной войны. Этот анализ обладает определенной спецификой. Число выживших в окружениях невелико. Архивные документы отрывочны и не могут отражать факты с той полнотой, которая характерна для периодов устойчивой обороны или успешного наступления. Основным источником информации о повседневной жизни в окружениях могут служить именно воспоминания бывших окруженцев, частично – публицистические произведения военных журналистов – таких как Евгений Долматовский и Сергей Смирнов, произведения которых, однако, также основаны на воспоминаниях непосредственных очевидцев и участников событий.

Само понятие «повседневная жизнь в окружении» является определенным эвфемизмом, поскольку окружение – по определению ситуация экстремальная. Нормальный уклад жизни армии в нем неизбежно нарушался. Однако в своей совокупности эти нарушения и экстремальные условия складывались в определенную картину, устойчиво повторяющуюся от «котла» к «котлу». Важнейшим, рубежным моментом являлось в данном случае осознание самого факта попадания в окружение солдатским и командным составом. Это осознание определяло взаимоотношения людей, их поведенческие реакции, моральный дух и конкретные поступки. Понимание того, что воинская часть, подразделение или соединение оказались в окружении, приходило по-разному, зависело от конкретных условий [Ларионов, с. 48].

Представителям рядового и младшего комсостава, чей оперативный кругозор ограничивался разграничительной линией с ближайшими подразделениями, информация поступала с более или менее значительным опозданием, когда было уже поздно что-либо менять, и окружение становилось печальной реальностью, в условиях которой приходилось приспособливаться и выживать. Характерным в этом смысле является рассказ о своем попадании в окружение московского ополченца Вадима Шимкевича, ветерана 2-й дивизии народного ополчения:

30 сентября батальон был поднят на ноги под гром орудий и бомбовых ударов. Откуда я мог предполагать, да и никто из нас не знал, что несколько часов назад к югу и северу от Ельни немецкие танковые корпуса прорвали Западный фронт и, давя наши армейские тылы, раз-

ворачивают наступление, пройдя десятки километров в глубину нашей обороны... Наконец мы дождались (7–8 октября), когда командиры объявили нам главное: батальон, сосредоточенный в районе Вязмы, в окружении [Шимкевич, с. 137, 152].

В лексиконе ополченцев появились слова «окружение», «ранение», «плен». Боевая обстановка быстро менялась, рядовым и даже младшим командирам оперативная информация приходила с опозданием. Многие командиры не знали, что делать. Окружение становилось реальностью, и ополченцам приходилось самостоятельно принимать решения и действовать по обстоятельствам. Многие проявляли лидерские качества, другие же совершали девиантные поступки. Ощущения безнадежности, безвыходности были у бойцов в окружении. Федор Поликарпович Тедди-Горшков, артист Московской государственной эстрады, командир взвода конной разведки 37-го стрелкового полка 13-й Ростокинской дивизии, описывает обстановку так:

В лесу людей собралось много, разбились кучками человек по 10–15. У каждого свое настроение, кто сидит скучный и грустный, кто достал какой-то напиток и выпивает. Вот в таком положении были бойцы. Ходили-ходили, бродили-бродили. Словом, каждый сам по себе. Подошел к одной группе в 6–8 человек воды напиться. Идет разговор о том, что делать. Несколько офицеров там было. Никто не знал, что делать¹.

Подробное описание боя дает Иван Андреевич Ивин, бывший комиссар 2-го батальона 37-й стрелковой дивизии 13-й Ростокинской ополченской дивизии, главный агроном в управлении Юга Наркомзема СССР. Он рассказывает, что бойцы заняли свои позиции рано утром, и, как только рассвело, немцы открыли сильный огонь с воздуха – посыпались бомбы. Противник вел сильный ружейный и пулеметный огонь, но советские бойцы упорно дрались. Так, истребительный взвод, вооруженный только бутылками с горючей смесью, подбил пять немецких танков, но остальные танки сумели продвинуться и пытались по лугу обойти советские части с правого и левого флангов.

Ивин со своим взводом оказался почти в полукольце. Боеприпасы были на исходе, к тому же был ранен один из пулеметчиков. Иван

¹ НА ИРИ РАН. Оп. 67. Д. 5, Л. 4 об.

Андреевич дал указание подносчику патронов связаться с командованием батальона или полка, доложить о положении и обеспечить подноску патронов к пулеметам. Но тот не успел выйти из пулеметного гнезда: прошел около сотни метров и был ранен в руку, вернулся обратно. Тогда Ивин послал своего связного – 18-летнего комсомольца, москвича Владимира. Рассказчик описывает его как замечательного бойца и верного патриота. Владимир был убит в 150 м от пулеметного гнезда «по-видимому, немецкими кукушками-снайперами, даже ни одного звука не подал». Далее Ивин пишет:

Бросать окоп я не решался. Приказал командиру взвода Яковлеву – лейтенанту немедленно сообщить командованию об обеспечении нас патронами. Лейтенант Яковлев тоже был ранен в ногу по дороге недалеко от нашего гнезда. Выйдя из пулеметного гнезда, я увидел, что нас окружают эсесовские части, с левой и с правой стороны. Мы бросили гранаты, чтобы дать себе возможность выйти из пулеметного гнезда, пробраться в лощину и таким образом выйти. Это нам удалось сделать. Почти весь наш пулеметный взвод, кроме одного раненого, которого мы вытащили в лощину и о дальнейшей судьбе которого я не знаю, вышел, чтобы связаться со своими частями. Части наши к этому времени уже рассыпались и трудно было найти. Командование было дезорганизовано, все части смешались¹.

Анатолий Владимирович Дарков, участник 6-й дивизии народного ополчения Дзержинского района города Москвы, кандидат технических наук, доцент кафедры строительной механики Московского института инженеров транспорта, описывает обстановку поиска выхода из окружения:

...я там обнаружил скопление повозок, много раненых там было, санбат, причем все было организовано, без всякой паники, и мы потихоньку, спокойно опять двинулись. Проехали мы с километр куда-то в сторону и остановились и простояли тут почти всю ночь. Затем, по-моему, около 4-х часов ночи был дан приказ этому обозу тронуться и прорываться через линию фронта.

Во время боя обоз низинами параллельно видимо, фронту двигался под страшным (с моей точки зрения) ураганным огнем противника. Поле боя было освещено бесконечным потоком трассирующих пуль. Эти пули летали сплошным потоком и освещали весь этот район, взрывались все ракеты. Наши части шли в наступление... К этому времени нас из дивизии оставалось только трое – я, Богданович и Осокин. И психологически

¹ НА ИРИ РАН. Оп. 67. Д. 9. Л. 6 об. – 7.

это был самый тяжелый для меня момент, потому что я почувствовал, что я оторвался от института, от товарищей, я почувствовал себя совсем одиноким и затерявшимся¹.

Важнейшей чертой пребывания в окружении, которая и определяла специфику повседневной жизни, была изолированность от главных сил своих войск и, как неизбежное следствие – отсутствие устойчивого снабжения, связи с высшим командованием, достоверной информации об оперативной обстановке. Как можно убедиться по воспоминаниям солдат и офицеров, переживших окружение, сам факт его осознания далеко не сразу отражался на процессе повседневной жизни отрезанных частей и подразделений. Немало примеров безукоризненного исполнения воинского долга, готовности претерпеть любые трудности, но выйти к своим либо оказать захватчикам все возможное сопротивление.

Тедди-Горшков вспоминает:

Среди командования были разговоры о том, что надо пробивать кольцо окружения, потому что в Вязьме немцы и уже за Вязьмой. Мы находимся в кольце. Подтянули танки, «катюши» и всякое другое вооружение. И три-четыре дня пробивали это кольцо. Бойня была большая. Кто возглавлял, сказать не могу. Моя деятельность там заключалась в том, что я собирал бойцов, сдавал и возвращался обратно. Пробить это кольцо не удалось, потеряли народу очень много².

Дмитрий Иванович Старцев, бывший участник 13-1 Ростокинской ДНО, описывает обстановку так:

Это было шестого октября. Отступили на новую деревню.... Весь день шестого мы простояли в этой деревне. Много народа было выведено из строя. Седьмого отступили другие части. И в этот же день мы узнали, что мы в окружении, до этого мы не знали. Связи с руководством полка не было. Связались мы с артиллерийской батареей, командиром, кажется, был Егоров... восьмого ночью шли лесом, девятого мы приняли бой и прорвали кольцо³.

Михаил Артемьевич Зубов – ответственный секретарь комсомола отдельного разведывательного батальона 6-й ДНО вспоминает:

Мы дошли до района Семлева. Там нам сказали, что Вязьма – 5–10 километров от Семлева – занята немцами, и мы получили сведе-

¹ НА ИРИ РАН. Оп. 41. Д. 3. Л. 7, 8.

² НА ИРИ РАН. Оп. 67. Д. 5, Л. 4 об.

³ НА ИРИ РАН. Оп. 67. Д. 11. Л. 4.

ния, что находимся в окружении. Нужно было организовать всех людей и все, что мы имели, чтобы пробиться к своим частям.

Мы организовали отряды и с помощью артиллерии и танков, которые действовали в разных направлениях, стали искать самое уязвимое место немцев, где можно было бы прорваться. Я командовал стрелковой ротой. Нашей группе было дано задание прорваться на Вязьму. Нас поддерживала тяжелая артиллерия. Нам удалось выбить немцев из траншей. После того, как наши выбили немцев из траншей, они двинули против нас танки. У нас были только стрелковые части, и нам пришлось отойти к деревне. Я со своей ротой прикрывал отход наших частей¹.

Зубов со своей группой потом попал в плен. Воины, используя обстоятельства боевой обстановки, разоружили двух охранников, присоединились к большой группе и благополучно вышли из окружения в районе Можайска. Еще одна группа действовала в другом направлении южнее от группы Зубова и успешно вырвалась из окружения.

Помимо морального состояния, в повседневной жизни попавших в окружение красноармейцев имелись и иные специфические стороны, касавшиеся также и материальных вопросов. Отсутствие постоянного снабжения выводило на первый план проблему обеспечения продовольствием. Чем продолжительнее было пребывание в окружении, тем острее она становилась. Нередко именно отсутствие еды служило побудительным мотивом для добровольной сдачи в плен. В определенный момент единственным источником получения пропитания для окруженцев становились контакты с местными жителями, что неизбежно повышало риск нарваться на немецких солдат, грозило пленением или смертью.

Подобных случаев одиночной или массовой гибели красноармейцев, оказавшихся в окружении, можно привести множество. Те же, кто уцелел, продолжали свой трудный и часто почти безнадежный путь на восток. Голодные дни, холодные ночи под открытым небом, в лесах и болотах, без надежды обсушиться и обогреться, постоянный страх нарваться на немцев или быть схваченным полицаями, почти полная неизвестность о нахождении линии фронта, очередные смерти товарищей или случайных попутчиков – все это сливалось в сплошную пелену, где уже не различалось время суток, притуплялось чувство голода, явь мешалась с голодными галлюци-

¹ НА ИРИ РАН. Оп. 41. Д. 33. Л. 11.

нациями – таковы были во множестве картины повседневной жизни в окружениях 1941–1942 гг.

Исход мог быть разным: безвестная гибель, плен и концлагерь, нахождение убежища у местных жителей и последующий уход в партизанские отряды, как самый счастливый вариант – прорыв к своим. Однако те, кто побывали в окружении, единодушно вспоминали о нем, как о самом тяжелом факте своей военной биографии, в котором события спрессовывались настолько плотно, что каждый прожитый день можно было смело приравнять к году обычной жизни.

Судьба А.В. Даркова, к сожалению, оказалась сложной, как и у многих окруженцев. Это прежде всего поиск выхода из окружения. Он отмечает:

...мы «партизанили» в течение нескольких дней. Питались сухарями в очень ограниченном количестве, делились друг с другом и т. д., а вообще с 6 октября дней десять, как мы перестали нормально спать, пить, есть и т. д. Это был очень тяжелый период. Никаких «организованных» пищу нам никто не приносил¹.

Потом 10 дней в плену и побег.

Воин вспоминает об этом времени с иронией:

Сказать, что немцы относятся к нам по-скотски – нельзя, в самом деле, скотину кормят, поят, за ней ухаживают и только в редких случаях ее бьют, когда она не выполняет приказаний человека. Нас не кормили, нас били палками, в нас стреляли из автоматов, нам не давали даже воды. За 8 дней моего пребывания в плену я ни разу не получал пищи, приходилось питаться грязными листьями от капусты и ягодами можжевельника. Нас, замученных, голодных заставляли бежать по несколько километров по глинистому большаку. Без всякой причины стреляли в нас и смертельно раненые, истекая кровью, кричали, обращаясь к нам «добейте братцы, добейте родные².

Дарков подметил, что при какофонии начального периода войны «только благодаря нашим колхозникам я остался жив: они, пренебрегая смертью, помогли мне на каждом шагу. Разоренные, ограбленные фашистами крестьяне делились со мной последним куском хлеба и предоставляли ночлег... В эти тяжелые дни я понял, вернее, почувствовал, что у меня есть настоящая, любящая меня Родина»³.

¹ НА ИРИ РАН. Оп. 41. Д. 3. Л. 10.

² НА ИРИ РАН. Оп. 41. Д. 3. Л. 33.

³ НА ИРИ РАН. Оп. 41. Д. 3. Л. 32.

Анатолий Владимирович отмечал:

Несколько дней бродил по лесам с небольшой группой красноармейцев и по ночам продвигался, ориентируясь по звездам на восток. В один из таких дней, в лесу, в котором мы находились, появилась группа немцев, и стала кричать: «Русь сдавайся»; мы залпом открыли огонь по немцам – немцы разбежались. Одну ночь пришлось пробиваться под ураганным артиллерийским огнем, здесь меня засыпало землей. Иногда приходилось ползти на животе; в одну из таких операций мне прострелили на спине шинель и пояс брюк. Кончилась 2-я декада октября. Утром на рассвете, я вместе с молодым красноармейцем, 2-мя девушками из Санбата, ополченцем по национальности еврей, и майором залегли в кустарнике. Слышали редкие выстрелы из автоматов. Майор ...приказал лежать в кустарнике до вечера и не двигаться, мы уставшие задремали. Вскочили мы от крика «Русь сдавайся», были в буквальном смысле этого слова окружены взводом немцев. Нас обезоружили и вывели на лужайку. Майор бросил в немецкого офицера гранату, которая его ударила по ногам и не взорвалась. Майор на месте был расстрелян. Начался кошмар. Немцы сорвали с меня шерстяные перчатки, сняли часы и красноармейский пояс. ...Попав в плен, я пробыл в нем около 10 дней; за все это время нас совершенно не кормили. С утра до поздней ночи нас измученных, голодных, больных гнали (именно гнали) по мокрым от дождя, глинистым скользким дорогам, заставляя иногда бежать по несколько километров. Всех, кто от усталости и потери сил отставал или падал – немцы на месте прикалывали штыками или расстреливали из автоматов. В лучшем случае били палками. До сих пор слышу голос одного из военнопленных, которого на моих глазах, без всякого к тому повода, смертельно ранили и он, истекая кровью, кричал, обращаясь к нам: «добейте братцы, добейте родные». На станции Пересна немцы ночью расстреляли около 200 человек. Это была одна из ужасных ночей. С невероятной невозмутимостью; методичностью немцы доводили нас военнопленных до полного истощения и смерти. Невыносимая, грубая жестокость царила вокруг нас. От истощения люди умирали на глазах. «Рус айда, айда рус, айда, айда, хальт, хальт» – вот единственное немецкое «приветствие», которое сопровождало нас в течение целого дня. Эти собачьи, лающие окрики добавлялись ежеминутной стрельбой из автоматов и ударами дубинкой по нашим спинам. Вообще кошмар и позор для немецкого народа. 27 октября 1941 г. в 40 километрах от Смоленска на станции Пересна я совершил побег. 22 декабря вышел в 60 километрах от Ефимова из окружения. 26 декабря был направлен Ефремовским пересыльным пунктом в Москву¹.

¹ НА ИРИ РАН. Оп. 41. Д. 3. Л. 31–32.

Личный состав ДНО Москвы и Московской области стремился вырваться из окружения, некоторым повезло. Они вырвались, но большинству пришлось испытать плен, концлагеря в Германии.

Через матрицы воспоминаний личного состава ДНО можно показать особенности повседневного быта в Вяземском котле. При всей трагедии событий эти люди не дали возможности захватить Москву. Они взяли на себя всю тяжесть бестолковости, слабого управления и суеты военного командования в первые месяцы войны и тем самым внесли огромный вклад в первую победу в Битве под Москвой. Изучение повседневной жизни личного состава ДНО Москвы в Вяземском котле во всем ее многообразии и противоречивости позволяет разбить старый стереотип об окруженцах, глубже понять человеческий фактор на войне.

Николай Петрович Дородный, полковник, комиссар 160-й стрелковой дивизии 6-й ДНО писал, что «дивизия родилась в среде рабочих и служащих города Москвы Дзержинского района, из ополченцев рабочих и служащих, специалистов, добровольцев всех возрастов. Поэтому дивизия наша дралась очень хорошо. Надо прямо сказать, что она своими телами преградила путь противника к Москве вплотную»¹. И это можно сказать обо всех ДНО, которые оказались в Вяземском котле.

К.М. Симонов в книге «Разные дни войны. Дневник писателя» отмечал:

Да, в 1941 году случалось и так, что мы бежали. Причем случалось это с теми самыми еще не обстрелянными тогда частями, которые впоследствии научились и стойко обороняться, и решительно наступать.

Но в том же сорок первом году многие наши части, перед которыми с первых дней была поставлена задача контратаковать и жестко обороняться, выполняли эту задачу в самых тяжелых условиях и именно в этих боях, а потом, при прорывах из окружения, приобретали первый, хотя и дорого обошедшийся им боевой опыт [Симонов, 118].

А вот что пишет в книге «Дело всей жизни» прославленный Маршал Советского Союза, Александр Михайлович Василевский:

Бессмертной славой покрыли себя наши войска, сражавшиеся в районе Вязьмы. Оказавшись в окружении, они своей упорной героической борьбой сковали до 28 вражеских дивизий. В тот необычайно

¹ НА ИРИ РАН. Оп. 41. Д. 1. Л. 9.

тяжелый для нас момент их борьба в окружении имела исключительное значение, так как давала нашему командованию возможность, выиграв некоторое время, принять срочные меры по организации обороны на Можайском рубеже» [Василевский, с.151–152].

Завершая настоящую небольшую статью, хотелось бы сказать о невозможности изложить все факты повседневной жизни солдат и офицеров Красной Армии в окружениях начального периода войны. По необходимости для иллюстрации важнейших тенденций и тезисов приходилось выбирать наиболее яркие и характерные примеры.

В заключение следует отметить также следующее. При всем драматическом накале, даже трагизме картин повседневной жизни советских окруженцев следует помнить, что своим героизмом и жертвенностью, страданиями за гранью возможного и мученической кончиной они внесли свой вклад в остановку ранее не знавшей сбоев машины германского блицкрига, а значит – и в конечную победу над фашизмом, хоть большинству из них не суждено было дожить до нее. Тем более благодарной и прочной должна быть наша память о них.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. М.: Кучково поле, 2012. 864 с.
2. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании и стратегические операции в цифрах: в 2 т. М.: Объединенная редакция МВД России, 2010. Т. 1. 608 с.
3. Кершоу Р. 1941 год глазами немцев. Березовые кресты вместо железных. М.: Яуза-пресс, 2009. 541 с.
4. Ларионов А.Э. Повседневная жизнь советских окруженцев в «котлах» 1941–1942 гг. // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. № 2. С. 46–53.
5. Лопуховский А.Н. Вяземская катастрофа 41-го года. М.: Яуза: Эксмо, 2007. 637 с.
6. Мощанский И.Б., Исаев А.В. Триумфы и трагедии великой войны, М.: Вече, 2010. 620 с.
7. Рейнгард К. Поворот под Москвой. М.: Воениздат, 1980. 383 с.
8. Рейнгардт К. Поворот под Москвой. М.: Вече, 2012. 396 с.

Источники

9. *Василевский А.М.* Дело всей жизни. Изд. 2-е, доп. М.: Политиздат, 1976. 607 с.

10. *Симонов К.М.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 8. Разные дни войны: Дневник писателя. Том первый: 1941 год. М., Худож. лит., 1982. 479 с.

11. *Шимкевич В.Н.* Судьба московского ополченца: фронт, окружение, плен, 1941–1945. М.: Центрполиграф, 2008. 442 с.

12. Научный архив Института российской истории РАН.

<https://www.doi.org/10.29003/m3645.khmelita-19/266-283>

<https://elibrary.ru/wouqvr>

Научная статья / Research Article

УДК 94

ББК 63.3(2)622,4

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NonCommercial
4.0 (CC BY-NC)

БОИ НА БОГОРОДИЦКОМ ПОЛЕ В ОКТЯБРЕ 1941 г. ГЛАЗАМИ БЫВШИХ МОСКОВСКИХ ОПОЛЧЕНЦЕВ: ПО МАТЕРИАЛАМ СТЕНОГРАММ БЕСЕД КОМИССИИ МИНЦА¹

© 2023. К.С. Дроздов

Аннотация: В статье впервые предпринята попытка ввести в научный оборот ранее неизвестные архивные материалы, в которых отражены бои на Богородицком поле в октябре 1941 г. Это взгляд на происходившие трагические события сквозь призму немногочисленных интервью 1947 г. с бывшими московскими ополченцами 140-й стрелковой дивизии, которым удалось вырваться из окружения и остаться в живых. Уникальные архивные документы, собранные научными сотрудниками Комиссии Минца, позволяют взглянуть на трагические события октября 1941 г. глазами самих ополченцев и воссоздать индивидуальный опыт их выживания в окружении и в ходе прорыва из него. Анализ интервью показывает, что бойцы, командиры и политработники дивизии ежедневно подвергались опасности быть убитыми или захваченными в плен, но все равно вели боевые действия с противником и стремились прорвать кольцо окружения. Ценой своих жизней ополченцы задержали продвижение к Москве ударных группировок вермахта и дали возможность советскому командованию в короткий срок фактически заново создать Западный фронт и новые рубежи на ближних подступах к столице.

Ключевые слова: Богородицкое поле, стенограммы бесед, Комиссия Минца, дивизии народного ополчения.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00637, <https://rscf.ru/project/23-28-00637/>

Информация об авторе: Дроздов Константин Сергеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, 117292, г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6617-5255>

E-mail: K-Drosdow@yandex.ru

Для цитирования: Дроздов К.С. Бои на Богородицком поле в октябре 1941 г. глазами бывших московских ополченцев: по материалам стенограмм бесед комиссии Минца // Первые Кулаковские чтения: На полях воинской славы России / отв. ред. М.В. Скороходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 266–283. <https://www.doi.org/10.29003/m3645.khmelita-19/266-283>

**THE BATTLES ON THE BOGORODITSKY FIELD
IN OCTOBER 1941 THROUGH THE EYES
OF FORMER MOSCOW MILITIAS:
BASED ON TRANSCRIPTS OF CONVERSATIONS
OF THE MINTS COMMISSION**

© 2023. Konstantin S. Drozdov

Abstract: For the first time, the article attempts to introduce previously unknown archival materials into scientific circulation, which reflect the battles on Bogoroditsky Field in October 1941. This is a look at the tragic events that took place through the prism of a few interviews in 1947 with former Moscow militia of the 140th Infantry Division, who managed to escape from the encirclement and stay alive. The unique archival documents collected by the scientific staff of the Mintz Commission allow us to look at the tragic events of October 1941. Through the eyes of the militia themselves and recreate the individual experience of their survival in the environment and during the breakthrough from it. The analysis of the interviews shows that the soldiers, commanders and political workers of the division were in danger of being killed or captured on a daily basis, but they still fought with the enemy and sought to break through the encirclement. At the cost of their lives, the militia delayed the advance of the Wehrmacht strike groups to Moscow and allowed the Soviet command to re-create the Western Front and new frontiers on the near approaches to the capital in a short time.

Keywords: Bogoroditskoye field, transcripts of conversations, Mints Commission, people's militia divisions

Information about the author: Konstantin S. Drozdov – PhD in History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Dmitry Ulyanov str., 19, 117292, Moscow, Russia.

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-6617-5255>

E-mail: K-Drozdov@yandex.ru

For citation: Drozdov, Konstantin S. The Battles on the Bogoroditsky Field in October 1941 Through the Eyes of Former Moscow Militias: based on Transcripts of Conversations of the Mints Commission. *First Kulakov Readings: On the Fields of Russia's Military Glory*. Ex. ed. Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 266–283. (In Russian). <https://www.doi.org/10.29003/m3645.khmelita-19/266-283>

В битве за Москву приняли участие 16 московских дивизий народного ополчения: 12 дивизий летнего формирования (июль 1941 г.) и 4 дивизии осеннего формирования (октябрь 1941 г.). В начале октября 1941 г., когда началось немецкое наступление на Москву, практически все ополченческие дивизии летнего формирования, к этому времени переформированные в стрелковые дивизии (за исключением одной – 4-й ДНО Куйбышевского района г. Москвы/110-й СД), оказались на направлении главного удара войск вермахта. Они попали либо в полное окружение (дивизии, входившие в состав 24-й и 32-й армий¹), либо в полуокружение (дивизии в составе 43-й и 33-й армий)².

¹ Из бывших дивизий народного ополчения, входивших в состав 32-й армии, только одна – 18-я стрелковая дивизия – смогла избежать попадания в «Вяземский котел». К 12 октября 1941 г. с упорными боями остатки дивизии вышли из окружения в направлении Гжатска.

² Из выступления Г.К. Жукова 22 ноября 1966 г. на конференции, посвященной 25-летию разгрома немецко-фашистских войск под Москвой: «Особенно невыгодное для нас соотношение было создано на участке Резервного фронта, где противник наносил один из главных ударов. Этот удар пришелся по 24-й и 43-й армиям Резервного фронта <...> Западный, Резервный и Брянский фронты понесли большие потери. В период со 2 по 10 октября Западный и Резервный фронты по существу

В результате 5 (из 12) бывших ополченческих дивизий – 2, 8, 29, 139, 140-я стрелковые дивизии – пришлось расформировать ввиду невосполнимых потерь. Дивизии, которым удалось избежать полного разгрома и окружения, также понесли огромные потери. Например, численность 17-й стрелковой дивизии (бывшая 17-я дивизия народного ополчения Москворецкого района) на 12 октября 1941 г. составляла всего 483 человека, а 60-й стрелковой дивизии (бывшая 1-я дивизия народного ополчения Ленинского района) – 669 человек [Разин, с. 170].

Многие современные авторы, которые по крупицам восстанавливают историю боевых действий ополченческих дивизий в Вяземской оборонительной операции 2–13 октября 1941 г., в той или иной степени касаются в своих исследованиях также и проблемы их выживания в тяжелых условиях окружения и прорыва из него [Лопуховский, с. 13–58; Михайлов, с. 74–125; Баранов, с. 126–147; Климанов, с. 148–154 и др.]. Однако следует признать, что до сих пор данная тема остается слабо изученной, прежде всего, из-за малочисленности либо вообще отсутствия архивных источников, отражающих эти события.

Нам удалось обнаружить интересный комплекс источников личного происхождения, который, наряду с послевоенными мемуарами и воспоминаниями, позволяет современным исследователям довольно подробно изучить и реконструировать основные моменты, связанные с тем, как бывшие ополченцы выживали, оказавшись в немецком окружении, как оставшиеся в живых пытались с боями прорваться из него, в том числе 11–12 октября 1941 г. в районе Богородицкого поля, северо-западнее Вязьмы. Речь идет о материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны при президиуме АН СССР (далее – комиссия Минца), хранящихся в Научном архиве Института российской истории РАН (подробнее о самой Комиссии и ее деятельности по сбору интервью в годы Великой Отечественной войны см.: [Вклад ученых-историков...]). Среди тысяч документов Комиссии Минца за 1942–1948 гг. сохранился небольшой массив интервью («стенограмм бесед») с теми, кто осенью 1941 г. воевал в дивизиях

перестали существовать. Была окружена [в районе Вязьмы. – К. Д.] значительная часть войск этих фронтов, и кроме окруженных войск были сильно потрепаны 30, 43 и 33-я армии, которые, понеся значительные потери, не имели возможности вести организованное сопротивление» [Москва прифронтовая, с. 180].

народного ополчения под Москвой и не погиб: чудом выбрался из «Вяземского котла» или же оказался в немецком плену. Мы обратимся к этим уникальным документам, а также к опубликованным в последние годы воспоминаниям бывших ополченцев, чтобы попытаться реконструировать и описать модели поведения, характерные для большинства бойцов, командиров и политработников бывших ополченческих дивизий, оказавшихся в начале октября 1941 г. в невероятно тяжелых условиях окружения и прорыва из него. Они ежедневно подвергались опасности быть убитыми или захваченными в плен, но все равно вели боевые действия с противником и стремились прорвать кольцо окружения.

В данной статье впервые предпринята попытка ввести в научный оборот ранее неизвестные архивные материалы, в которых отражены бои на Богородицком поле в октябре 1941 г. Это взгляд на происходившие трагические события сквозь призму немногочисленных интервью с бывшими московскими ополченцами 140-й стрелковой дивизии (бывшая 13-я дивизия народного ополчения Ростокинского района г. Москвы), которым удалось вырваться из вяземского окружения либо пережить немецкий плен. Оставшиеся в живых ополченцы в 1947 г. в Москве давали интервью сотрудникам Комиссии Минца, вспоминая вяземскую катастрофу осени 1941 г.

Борис Михайлович Рунин (1912–1994), ополченец, боец «писательской роты» 8-й дивизии народного ополчения Краснопресненского района, который попал в окружение под Ельней и которому посчастливилось в итоге вырваться из него (после месячных скитаний он с небольшой группой бойцов доберется до линии фронта и выйдет в расположение наших частей в районе Тула – Алексин), так вспоминал об увиденном и пережитом им в первые дни вяземской катастрофы:

Мне невольно вспомнилась наша вторая ночь в окружении. Представьте себе поле проигранного боя, поле, усеянное сотнями раненых, брошенных своими на произвол судьбы. Фронт откатился сразу куда-то далеко-далеко, его даже не слышно. А мы трое осторожно пробираемся среди несчастных, распростертых на подернутой инеем траве, среди испытывающих смертную муку, стонущих, проклинаящих все на свете людей. И мы лишены какой бы то ни было возможности облегчить их участь. Они знают – утром придут немцы хоронить своих. А к ним уже никто не придет... И все-таки они смотрят на нас с надеждой, с верой,

с мольбой. А у нас нет для них даже слов утешения, потому что любые слова тут – ложь. Ситуация, когда все тщетно... [Рунин, с. 29].

Точнее сказать, это было даже не поле боя, а скорее поле истребления. По словам несчастных, днем их отступающая часть наткнулась здесь на танковую засаду гитлеровцев, которые вовсе не были расположены обременять себя пленными и долго забавлялись, гоняясь за нашими бросившимися враспынную бойцами, стараясь никого не упустить, расстреливая их из пулеметов и давя гусеницами. Я и сейчас содрогаюсь, вспоминая нас троих, неопытных в военном деле интеллигентов, оглушенных военной катастрофой, голодных, потерянных, изнемогающих, двух евреев и армянина, безнадежно бредущих куда-то на восток и вот волею судеб попавших на это поле смерти. Видеть все это, ходить среди страдальцев, испытывающих адские муки, и не иметь возможности не только спасти, но хоть как-то облегчить их участь, – что может быть ужаснее! Тогда я впервые осознал, что обреченность на бездействие в подобных обстоятельствах разрушительна для сознания [Рунин, с. 77].

Попав в окружение, бывшие московские ополченцы оказались в экстремальной ситуации. На наш взгляд, очень хорошо психологическое состояние окруженца описал современный автор Б.И. Беленкин. Его родной дед Борис Львович Фаерман воевал в 7-й дивизии народного ополчения Бауманского района и погиб в вяземском котле:

В окружении – т. е. в замкнутом пространстве. Что означала эта «замкнутость»? – Невозможность обороняться (заканчивались боеприпасы); голод (невозможность раздобыть пищу, к тому же в условиях рано наступившей зимы, т. е. рано выпавшего снега); вынуждение к постоянной смене места дислокации (к чему побуждали – непрерывные, в течении всех дней существования еще хоть в какой-то степени боеспособных частей – непрерывные: танковые атаки, бомбежки и артобстрел противника), и потому невозможность хоть как-то согреться, обсушиться в условиях непрекращающихся: дождя, мороси, снега... Боевые порядки нарушены, воинские части перемешались. Москвичи-ополченцы (в возрасте от 17 до 55 лет) оказались рядом с солдатами-призывниками, последние же – по своему социальному происхождению – в основном крестьяне. Полуграмотные парни, с одной стороны, более приспособленные к выживанию в походных условиях, с другой – вовсе не горящие столичным патриотизмом. С неба – листовки про «жидов и комиссаров». – А жида-интеллигенты и коммунисты – их рядом в избытке... – ополченцы! В замкнутом пространстве вязьминского котла много чего обнаруживалось [Беленкин, с. 19–20].

В рамках изучения истории военной повседневности А.Э. Ларионов опубликовал статью «Повседневная жизнь советских окружен-

цев в “котлах” 1941–1942». Как справедливо отмечает автор статьи, «жизнь в окружениях различного масштаба стала одной из констант повседневной жизни РККА в первом периоде войны, в которую оказались вовлечены несколько миллионов человек военнослужащих» [Ларионов, с. 47]. Окружение – по определению ситуация экстремальная, нормальный уклад армии в нем неизбежно нарушался. «Важнейшей чертой пребывания в окружении, которая и определяла специфику повседневной жизни, была изолированность от главных сил своих войск и, как неизбежное следствие – отсутствие устойчивого снабжения, связи с высшим командованием, достоверной информации об оперативной обстановке» [Ларионов, с. 49]. Чем дольше находились люди в окружении, тем большим трансформациям могли подвергаться взаимоотношения между ними, определяемые в нормальных условиях воинскими уставами, служебной иерархией и субординацией.

В соответствии с директивой Генштаба от 15 сентября 1941 г. все московские дивизии народного ополчения были включены в состав кадровых войск РККА, а 26 сентября 1941 г., буквально за несколько дней до начала немецкого наступления на Москву в районе Западного и Резервного фронтов, они были преобразованы в стрелковые дивизии и получили общевойсковые номера. Так, бывшая 13-я дивизия народного ополчения Ростокинского района г. Москвы стала именоваться 140-й стрелковой дивизией в составе 32-й армии Резервного фронта.

Тридцатого сентября 140-я стрелковая дивизия получила боевой приказ командующего 32-й армией занять новый рубеж обороны: форсированным маршем выйти на западный берег р. Днепр в районе от устья р. Вязьма (д. Сумароково) до переправы через р. Днепр по дороге Харино – Михалево на второй линии Ржевско-Вяземского оборонительного рубежа. Дивизия 1 октября заняла позиции на левом фланге 19-й армии по левому берегу Днепра, сменив здесь части 194-й и 248-й стрелковых дивизий 49-й армии¹. На этом рубеже дивизия должна была влиться в состав 19-й армии генерал-лейтенанта М.Ф. Лукина.

¹ После того как 2 октября 1941 г. началось успешное немецкое наступление в полосе Западного фронта, командованию удалось вернуть большую часть подразделений 248-й СД, ожидавших погрузки в эшелоны.

К утру 3 октября брешь в обороне Западного фронта, пробитая в ходе начавшегося немецкого наступления между советскими войсками 30-й и 19-й армий, постоянно увеличивалась и достигла в ширину 30–40 км. Подвижные соединения противника из 3-й танковой группы Г. Гота успешно развивали наступление на Холм-Жирковский (50 км северо-западнее Вязьмы), Сычевку и Вязьму. В этот же день командующий войсками Западного фронта генерал-полковник И.С. Конев попытался восстановить утраченное положение по р. Вопь и ликвидировать прорыв немцев в районе Холм-Жирковского путем проведения контрудара. Для этого привлекалась оперативная группа войск под командованием генерал-лейтенанта И.В. Болдина, заместителя командующего фронтом, а также части 30-й армии генерал-майора В.А. Хоменко. Однако из-за несогласованности действий советских войск, отсутствия превосходства в силах и средствах над противником, отсутствия поддержки со стороны авиации и артиллерии, а также отсутствия средств ПВО оперативной группе Болдина (в составе одной стрелковой и одной мотострелковой дивизий, трех танковых бригад и одной кавалерийской дивизии) не удалось остановить продвижение противника к Днепру. Более того, немцы смогли захватить два неповрежденных моста через Днепр у деревни Глушково (8 км восточнее Холм-Жирковского) и у населенного пункта Тиханово – в 5 км ниже по течению, тем самым создав себе на восточном берегу Днепра плацдарм для наступления в ближайшие дни в тыл армиям Западного и Резервного фронтов. К концу дня 4 октября Холм-Жирковский был захвачен немцами, противник вышел в район южнее Булешова, где на первой полосе Ржевско-Вяземской линии обороны оборонялись дивизии 32-й армии.

Четвертого-пятого октября 1941 г. части 140-й стрелковой дивизии (совместно с частями 248-й стрелковой дивизии под командованием К.К. Сверчевского) безуспешно пытались выбить противника с левого берега Днепра в районе Тиханово. Утром 6 октября части 6-й и 7-й танковых дивизий противника возобновили свое наступление с плацдарма на восточном берегу Днепра у Тиханово и двинулись по шоссе на Вязьму. К вечеру того же дня они вышли к автострате Минск – Москва, в 2 километрах к северу от Вязьмы, которая в ночь на 7-е была занята немцами.

Получив приказ от генерала Болдина – стать арьергардом, прикрывающим отход всей сводной колонны на восток, начиная с 4 октября и вплоть до утра 9 октября, части 140-й стрелковой дивизии вели тяжелые оборонительные бои с немцами, защищая подходы к переправам через реки Днепр и Вязьма, к которым стали выходить уцелевшие части оперативной группы Болдина, понесшие большие потери за эти несколько дней кровопролитных боев.

С 7 октября остатки группы Болдина, 19-й и 32-й армий оказались в окружении западнее и северо-западнее Вязьмы. В течение 7–9 октября окруженные советские части совершали отход в район Лепешкино, Шутово, Богородицкое, где группировались для дальнейшего прорыва из окружения. К этому времени войскам, окруженным северо-западнее и юго-западнее Вязьмы, было приказано прорываться в сторону Сычевки – Гжатска, а общее руководство по выходу из окружения было возложено Ставкой на командующего 19-й армией М.Ф. Лукина. Утром 10 октября 1941 г. командующий Западным фронтом генерал-полковник И.С. Конев и представитель Ставки ВГК генерал армии Г.К. Жуков направили соответствующий приказ командующим 19-й, 32-й, 20-й, 24-й армий и группе генерал-лейтенанта И.В. Болдина.

О том, как разворачивались дальнейшие события 11–12 октября 1941 г., вспоминают в своих интервью командиры, политработники и бойцы 140-й стрелковой дивизии, участвовавшие в прорыве из окружения в районе Богородицкого поля. Так, Сергей Семенович Мусатов (1894–1971), кадровый военный, полковник, бывший начальник штаба 140-й стрелковой дивизии, в своем большом интервью научному сотруднику Комиссии Е.М. Грицевской и стенографистке О.А. Росляковой от 14 февраля 1947 г. подробно рассказывает о последних днях дивизии, о попытках ее отдельных подразделений прорваться из окружения, о судьбе командира дивизии полковника П.Е. Морозова (1896–1941) и др. Из стенограммы беседы с Мусатовым¹:

11 октября в большинстве подразделений полков дивизии люди были собраны, и дивизия была сосредоточена в районе Федоровка – 23–25 километров северо-западнее Вязьма. Здесь нас собрал командующий

¹ Следует отметить, что впервые большие фрагменты из стенограммы беседы с С.С. Мусатовым были опубликованы в: [Юшинский].

20-й армией¹ генерал-лейтенант Лукин, который рассказал обстановку и сказал, что эта группа, – а в этой группе было, примерно, дивизий восемь, – сегодня ночью и утром 12 октября будет пробиваться через тактическое кольцо окружения немцев на северо-запад, прорывая заслон немцев у с. Богородицкое и р. Бодря² и далее на северо-восток в районе станция Сычево³, т. е. основная цель, которую указывал Конев⁴, осталась прежней. 13-й дивизии поставлена была задача прикрывать действия по прорыву обороны на фронте: Починки – Лепешкино – Шутово – Ломакино – Годунов – Струйково – Костюково, то есть обеспечивать западный фас ударной группировки прорывавшихся войск. Командир дивизии решил, поскольку фронт большой, всю дивизию разбить на два участка: северный, который возглавил (сам) Морозов, и южный, который поручил мне. По сути дела, штаба не было. Начальник оперативной части майор Попов командовал полком, начальник разведчасти, сейчас подполковник, Зубенко стал командиром артиллерийского полка, помощник начальника оперативной части стал командовать батальоном. В течение 12 октября вели бои с немцами на указанном рубеже. Прорыв частей окруженной группировки в районе Богородицкое не удался. <...>

Поскольку я был начальником штаба, поэтому, несмотря на то, что я возглавил южный участок, я все-таки беспокоился о том, как действуют на севере и потому все время курсировал Костюково – Ломакино – Шутово – Починки и наблюдал такую картину <...> Идет бой... Метрах в сорока-пятидесяти наблюдаю такую картину: бойцы варят картошку или сидят и пришивают пуговицы, – воевать не хотят. Командир дивизии, комиссар, потом приехали я и Попов, с револьверами в руках выгоним их, построим из них правофланговые роты и направим в бой. Но что из этого получалось? Командир роты поведет их через лесок, и опять у него остается человек 15–20, остальные рассеиваются. Должен сказать, что это рассеивание проходило за счет того пополнения, которое мы получили из военкомата, и тех групп, которые отошли на нас из отступающих дивизий. Из кадров ополченцев никто никуда не ушел. В основном они, ополченцы, все и полегли на Днепре⁵.

Несмотря на все попытки, выйти из окружения в районе Богородицкого поля основным силам 19-й армии, в том числе и 140-й дивизии, не удалось, противник все сильнее сжимал кольцо. В итоге

¹ Правильно – 19-й армией.

² Правильно – река Бебря, правый приток реки Вязьма.

³ Правильно – Сычевка.

⁴ См. приказ Конева и Жукова от 10 октября 1941 г.

⁵ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 67. Д. 3. Л. 10–10 об.

командующий 19-й армией Лукин, ответственный за прорыв всей окруженной советской группировки, принял решение отдельными группами выходить на юг от Вязьмы, на соединение с 20-й армией Ф.А. Ершакова, и прорываться в сторону Юхнова. Мусатов так описывает последние часы существования дивизии:

К концу дня 12 октября в д. Федоровка было вновь поручено распоряжение генерал-лейтенанта Лукина. Там же был и бывший командующий 32-й армией генерал Вишневский. В общем, в Федоровке генерал-лейтенант Лукин собрал командиров и сообщил, что в ночь на 13 октября группа начинает прорыв не на северо-запад, а на юго-восток в направлении Лукьяново – Чепчугово с целью выйти через Пастиха¹ на Юхнов, причем приказано было стянуть всю артиллерию в район д. Федоровка – Нарышево. <...>

Лично я командира дивизии полковника Морозова видел еще раз в районе Шутова и наблюдал там такую картину. Видел я его вместе с комиссаром Тарасовым². Захожу в комнату, где находился и полковник Пискунов³, и являюсь свидетелем такого разговора.

– Где твой полк? – спрашивает Морозов полковника Пискунова.

Пискунов был или морально убитый, или выпивши, боюсь сказать, мне кажется, вернее первое, чем второе.

– Где мой полк, я не знаю.

Тогда Морозов говорит:

– Тогда иди сам в атаку и заведи Лепешкино.

И при мне Пискунов примерно с 15–20 солдатами и офицерами, вместе с женой, уже пожилой женщиной (она была медсестрой), пошел в бой. На этом судьба Пискунова⁴ закончилась. Он тоже был уже пожилой человек. (По-видимому, погиб.)⁵

Одновременно Мусатов отмечает в интервью тот факт, что к этому времени командир дивизии полковник П.Е. Морозов, по сути,

¹ Деревня в 10 км на юго-запад от Вязьмы. Ныне не существует.

² Тарасов Петр Григорьевич (1902–1963), в июле – октябре 1941 г. – военный комиссар 140-й стрелковой дивизии. В 2016 г. были опубликованы его послевоенные воспоминания «99 дней жизни 13 Ростокинской дивизии Народного Ополчения гор. Москвы» [Тарасов].

³ Полковник А.П. Пискунов был командиром 39-го стрелкового полка.

⁴ В своих воспоминаниях бывший военный комиссар дивизии П.Г. Тарасов говорит о героической гибели полковника Пискунова, который сам лег за пулемет и вел огонь по наступающему противнику до тех пор, пока у него не закончились патроны. Когда на него собирались напасть несколько гитлеровцев, Пискунов взорвал над собой гранату.

⁵ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 67. Д. 3. Л. 10 об. – 11.

потерял управление своими войсками и фактически устранился от командования:

Между прочим, в это время я встречался с секретарем партийного бюро Иванниковым, начальником политотдела...¹ Командир и комиссар дивизии были без погон², в красноармейской форме без знаков отличия. Иванников и начальник политотдела...³ говорили мне, что командир дивизии еще заранее решил, что надо спастись отдельными группами.

– А где же он?

– А вот.

Действительно, он стоял возле халупы. Я подбежал к нему.

– Как дела?

– Плохо, – отвечает т. Морозов.

– Ничего, все будет в порядке.

Это мой последний разговор с командиром дивизии.

– Все-таки, Павел Ефремович, – говорю я, – давай думать о том, чтобы собрать дивизию в кулак, потому что она у нас разбросана на двадцать километров. Фактически у меня один батальон лейтенанта Чередниченко, остальные силы с бору да с сосенки.

Он мне сказал на это:

– Ладно, в Нарышеве увидимся вечером.

– Слушаюсь.

Повернулся, а он поехал на машине к себе, и больше я его не видел⁴.

Но Мусатов в итоге пойдет на прорыв со своей группой не на юг от Вязьмы, как предписывал последний приказ Лукина, а в сторону Сычевки, как об этом говорилось в приказе Конева и Ставки от 10 октября:

Сам я лично утром 13 октября во главе с остатками дивизии решил идти в направлении Ломы, затем Сычево⁵. У меня были: один батальон Чередниченко, старшего лейтенанта, человек 40–50 дивизионной школы, человек 40 артиллеристов пеших и человек 60 <из> 39 полка. Я вышел с этими остатками, а командир дивизии, как мне докладывали позднее, ушел с комиссаром, и еще с ними два человека. По данным, которые я имею от Тарасова, (полковник, комиссар дивизии), они пошли группой в четыре человека. Никакой разведки не вели и, как говорил Тарасов, нарвались на немцев, причем нарвались в упор на автоматчи-

¹ Так в документе.

² Правильно – без петлиц.

³ Так в документе.

⁴ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 67. Д. 3. Л. 11 – 11 об.

⁵ Правильно – Сычевка.

ков. Автоматчики якобы выстрелили, Морозов упал убитый, они взяли труп и отнесли в деревню. Но логически я рассуждаю так. Если они направились на автоматчиков, те начали стрелять, конечно, трупа они не взяли, а спасались, давай бог ноги¹. По-моему, дальнейшая судьба Морозова такова: как он упал, так и остался лежать, а Тарасов ушел.

Упустил сказать, что в районе Лепешкино я от командира дивизии получил указание все приказы сжечь. Приказы были сожжены, печать я лично уничтожил. Со мною осталось несколько документов служебного порядка – два или три – и личные мои документы остались².

Размышляя о причинах того, «почему дивизия не вышла, как дивизия», почему командованию дивизии не удалось сохранить управление оставшимися боевыми частями, Мусатов приходит к следующему заключению:

Я повторяю, к 13 числу в дивизии было до тысячи человек. Со мною пошло человек 250. Попов вывел человек 800. Попов возглавил группу, которой командовал Морозов. Между прочим, Морозов его считал очень плохим командиром, что не совсем верно. Если бы было соответствующее распоряжение командира дивизии соединиться, можно было бы соединиться, но он просто сам бросил дивизию. Попов пошел на юг с севера, а я пошел с юга на север. Я выполнил поставленную задачу идти на Ломы и далее на Сычево³. Если бы командир дивизии в Лепешкино не паниковал, если бы мы вышли хоть немножко в другом составе, дивизия вышла бы на переформирование и стала бы существовать. 13 октября 1941 г. в 7 часов утра дивизия перестала существовать⁴.

Приведем еще несколько фрагментов интервью с участниками прорыва из окружения в районе Богородицкого поля. Из стенограммы беседы с Дмитрием Ивановичем Старцевым, бывшим ополченцем 1-й роты 39-го полка 140-й стрелковой дивизии, беспартийным:

Сказали, что есть возможность пробить кольцо левее Вязьмы. 12-го днем пошли пробивать это кольцо. Здесь погибло много народа. У нас было 12 или 16 танков. Немцы наши танки пропустили и закрыли кольцо. Тогда дано было распоряжение выходить мелкими группами, потому что целиком всю эту массу нельзя было вывести. Выводили таким образом: вперед пустили обозы, машины, потом шла пехота. Командного состава я не видел, кроме товарищей, которые вместе со мною работа-

¹ Так в документе.

² НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 67. Д. 1 Л. 11 об. – 12.

³ Правильно – Сычевка.

⁴ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 67. Д. 1 Л. 12 об.

ли в Наркомземе, Емельянова встретил. Когда немцы били снарядами, нам пришлось долго лежать вместе с этим Емельяновым в воде. По всей вероятности, это на меня подействовало. Я сильно заболел. У меня получилось с легкими неладно, после этого у меня был плеврит. 13 октября я сильно заболел. Меня товарищи оставили в лесу. Это Свинцов все время был со мною. В добавление ко всему в этом лесу я получил легкую контузию, был оглушен и на некоторое время потерял дар речи. Меня подобрал наш санитар Фрол...¹, положил на повозку, и я очутился вместе с повозкой у немцев. Это было в середине октября. Был я <с> обмороженными ногами»².

Старцев до конца войны находился в немецких лагерях и был освобожден Красной Армией в апреле 1945 г.

Схожая судьба постигла Прохора Ивановича Соболева, бывшего ополченца 37-го стрелкового полка 140-й стрелковой дивизии, который находился в хозяйственной части полка. Вот как он вспоминает о событиях в «Вяземском котле»:

Мы подошли к Вязьме. Нам сказали, что здесь мы примем бой. Ближко был неприятель, и нас повели в бой. Поблизости была небольшая речушка. Через день нам сказали, что мы в окружении. Командование нам не говорило, что мы в окружении. Первые дни командиры были с нами, а потом ни одного начальника не видать. Когда нам сказали, что мы в окружении, поднялась сильная паника, начали люди разъезжаться по всем местам. Чтобы прорваться, стали собираться кучками, но как ни пойдут на прорыв, их уничтожают. У меня была пара лошадей и обмундирование. Числа 9 октября стали готовиться к прорыву. Идут на прорыв, и я еду сзади. Позади наши начали по нас бить из артиллерии. Я кричу:

– Что вы делаете?! По своим из орудия бьете!

Командир говорит:

– Не может быть!

Они тут же прекратили огонь.

Мы прошли вперед и опять назад отступили, прорваться не удалось. Дня три-четыре ходили, ездили по всем местам и не могли прорваться. Тут уже все пошли – кто куда. Все разбились. Человека по два-три соберутся – как бы пройти где-нибудь. Немцы вылавливают наших понемногу и отправляют. Кольцо стало узким. Хотел я пойти лесом. Только из лесочка выглянул – человек пятнадцать нас было – нас схватили, оружие забрали. В плену я пробыл почти три года³.

¹ Так в документе.

² НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 67. Д. 11. Л. 4–4 об.

³ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 67. Д. 15. Л. 1–1 об.

Чудом удалось избежать плена и вырваться из «Вяземского котла» Дмитрию Федоровичу Медведеву, бывшему ополченцу, политруку роты, а затем комиссару 2-го батальона 39-го стрелкового полка 140-й стрелковой дивизии. Контуженный в бою, он оказался в районе Богородицкого поля в составе санчасти среди раненых бойцов. Вот как рассказывал он об этих событиях сотрудникам Комиссии 27 августа 1947 г.:

В районе Богородицка завязался сильный бой. Полковник Морозов, командир 13-й дивизии, опять собрал людей своей дивизии в отряд. Там еще сформировал кулак штаб 29-й¹ армии, чтобы пробиваться к своим. В районе Богородицка было побоище. Я об этом знаю по рассказам раненых бойцов, с которыми я лежал в госпитале. Противник не хотел дать нашим соединиться. Он бил со всех сторон, бросил авиацию. Сколько там людей осталось, на Богородицком поле! Мы, раненые и контуженные, находились в лесу, немного левее, но связь была все время, знали, что идет бой. Авиационные снаряды долетали до нас, и погибла часть раненых, потому что снаряды разрывались в лесу. После двухдневного напряженного боя, ночью, помню, что-то шепчут. Появилось много наших в лесу, в этом районе. Что-то неблагополучно. Смотрим, начинают ночью двигаться по лесу. Я был счастлив, потому что меня взяли, положили на какую-то подводку вместе с еще двумя товарищами, и мы двинулись по лесу. Много людей шло. Брошены были автомашины и всякие хозяйственные вещи. Народ двигался на восток. Так прошло несколько дней. Есть нечего было. Обозы оставили. Начали охотиться за картошкой. Я чувствовал себя очень плохо. Двигаться не мог. На одной ноге мог стоять, а другая не двигалась. У меня была сильная контузия, и почернела нога. Я был и ранен, но легко, перевязали и все. Без перевязки двигались, пока нас не передали госпиталю 5-й армии².

В «Вяземском котле» погибло, по разным оценкам исследователей, от 400 тыс. до 1 млн советских солдат и офицеров, в плен было захвачено от 500 до 700 тыс. человек, из окружения сумели прорваться только около 85 тыс. бойцов [Разин, с. 176]. Символом вяземской катастрофы стало Богородицкое поле, которое было названо «русской голгофой» для бойцов и командиров РККА. Но эти жертвы оказались не напрасными. Ценой своих жизней ополченцы задержали продвижение к Москве ударных группировок вермахта и дали возможность советскому командованию в короткий срок фактически заново соз-

¹ Правильно – 19-й армии.

² НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 67. Д. 18. Л. 3–3 об.

дать Западный фронт и новые рубежи на ближних подступах к столице. Именно так понимали роль и значение московского ополчения в битве за Москву сами ополченцы, те немногие счастливицы, кто сумел избежать «Вяземского котла» и остался жив. В беседе с сотрудниками Комиссии Минца 8 марта 1947 г. Петр Петрович Кулаков, бывший ополченец 2-й дивизии народного ополчения Сталинского района г. Москвы, а затем начальник политотдела тыла 32-й армии, сказал в заключение:

Я хочу высказать свою точку зрения на ополчение. Совершенно неправильно политически и неграмотно и даже вредно заявлять, что ополчение никакой роли не сыграло. Ничего подобного. Я утверждаю, что только из нашей армии две дивизии непосредственно вступили в бой¹. Другое дело, что они в бою были несколько дней. Я, хотя мало образованный в военном отношении, но видел, что в бою вообще подолгу не бывают. Подолгу бывает подготовка, а сам бой длится очень недолго. Это редкий случай, когда тридцать дней шел бой за Ельню. Максимальная длительность достигает десяти дней, затем части выводят на отдых, и в бой вступают новые части. Наша дивизия² исполнила свой долг: она вела организованный вооруженный бой, сдерживала противника, когда другие части отступали. Затем мы отвлекли колоссальные силы немцев. Немцы не могли сделать бросок на Москву благодаря тому, что у них в тылу остались артиллеристы и пехотинцы. Им надо было бросить колоссальную армию, чтобы окончательно разделаться с нами. Поэтому я считаю, что дивизии московского народного ополчения сыграли определенную роль в задержании того стремительного наступления, которое развивали немцы. Мы дали возможность выиграть время и подойти более оснащенным кадровым боевым частям³.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Баранов А.В.* Новые данные о действиях 2-й дивизии народного ополчения при прорыве из окружения // *Московские дивизии народного ополче-*

¹ Речь идет о 2-й и 13-й дивизиях народного ополчения Сталинского и Ростокинского районах г. Москвы, преобразованных к началу боевых действий во 2-ю и 140-ю стрелковые дивизии 32-й армии Резервного фронта.

² Речь о 2-й стрелковой дивизии под командованием В. Вашкевича.

³ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 67. Д. 12. Л. 11.

ния в Вяземской оборонительной операции октября 1941 г. (Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Вязьма, 10–11 октября 2016 г.) / сост. О.Е. Селявина, ред. Ю.Н. Шорин. МБУК «Вяземский историко-краеведческий музей». Вязьма: [Б. и.], 2016. С. 126–147.

2. *Беленкин Б.И.* Смерть в окружении: ополчение как способ «исправления» биографии // Биографика 20 века, 16–18 апреля 2008: Шестые чтения памяти Вениамина Иоффе. СПб., 2009. С. 12–24.

3. Вклад ученых-историков в сохранение исторической памяти о войне: на материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг. / Ин-т российской истории Российской акад. наук; [авт. текста и коммент.: А.Г. Гуськов и др.]. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 381 с.

4. *Климанов В.В.* 17-я дивизия народного ополчения Москворецкого района Москвы // Московские дивизии народного ополчения в Вяземской оборонительной операции октября 1941 г. (Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Вязьма, 10–11 октября 2016 г.) / сост. О.Е. Селявина, ред. Ю.Н. Шорин. МБУК «Вяземский историко-краеведческий музей». Вязьма: [Б. и.], 2016. С. 148–154.

5. *Ларионов А.Э.* Повседневная жизнь советских окруженцев в «котлах» 1941–1942 // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. № 2. С. 46–53.

6. *Лопуховский Л.Н.* Вяземская оборонительная операция (2–13 октября 1941 г.). Ход боевых действий и причины поражения // Московские дивизии народного ополчения в Вяземской оборонительной операции октября 1941 г. (Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Вязьма, 10–11 октября 2016 г.) / сост. О.Е. Селявина, ред. Ю.Н. Шорин. МБУК «Вяземский историко-краеведческий музей». Вязьма: [Б. и.], 2016. С. 13–58.

7. *Михайлов И.Г.* Пропавшая без вести армия // Московские дивизии народного ополчения в Вяземской оборонительной операции октября 1941 г. (Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Вязьма, 10–11 октября 2016 г.) / сост. О.Е. Селявина, ред. Ю.Н. Шорин. МБУК «Вяземский историко-краеведческий музей». Вязьма: [Б. и.], 2016. С. 74–125.

8. *Разин С.А.* Мобилизация и московское народное ополчение. 13 дней Ростокинской дивизии. 1941 г. М.: Центрполиграф, 2023. 223 с.

9. *Юшинский Ю.Т.* 13 Ростокинская дивизия народного ополчения в Вяземской оборонительной операции. Хронология боевых действий. М.: ИД Академии Жуковского, 2019. 137 с.

Опубликованные источники

10. Москва прифронтная. 1941–1942. Архивные документы и материалы / сост.: М.М. Горинов, В.Н. Пархачев, А.Н. Пономарев. М.: Изд-во объединения «Мосгорархив», 2001. 664 с.

11. *Рунин Б.* Записки случайно уцелевшего. М.: Возвращение, 2010. 318 с.

12. *Тарасов П.Г.* 99 дней жизни 13 Ростокинской дивизии Народного Ополчения гор. Москвы: воспоминания военного комиссара дивизии: формирование, обучение, участие в боевых действиях, гибель дивизии. М.: Сам полиграфист, 2016. 92 с.

Архивные источники

13. Стенограмма беседы с Мусатовым С.С. // Научный архив Института российской истории РАН (НА ИРИ РАН). Ф. 2. Разд. 1. Оп. 67. Д. 3.

14. Стенограмма беседы со Старцевым Д.И. // НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 67. Д. 11.

15. Стенограмма беседы с Соболевым П.И. // НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 67. Д. 15.

16. Стенограмма беседы с Медведевым Д.Ф. // НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 67. Д. 18.

17. Стенограмма беседы с Кулаковым П.П. // НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 67. Д. 12.

<https://www.doi.org/10.29003/m3646.khmelita-19/284-294>

<https://elibrary.ru/zohzsy>

Научная статья / Research Article

УДК 94

ББК 63.3(2)622,4

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NonCommercial
4.0 (CC BY-NC)

НЕСФОРМИРОВАННЫЕ ДИВИЗИИ НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ МОСКВЫ

© 2023. А.Ю. Безугольный

Аннотация. В статье представлен анализ особенностей комплектования личным составом 13 дивизий народного ополчения, сформировавшихся в Москве в начале июля 1941 г., однако не оконченных формированием и через некоторое время расформированных. Несмотря на обилие литературы по истории московского ополчения, данный аспект изучен недостаточно; литература, посвященная дивизиям народного ополчения Москвы, разрознена и фокусируется на истории отдельных соединений. История 13 несформированных дивизий народного ополчения совершенно неизвестна специалистам и общественности. Данное исследование опирается на архивные источники: как на традиционное военное делопроизводство Московского военного округа, ответственного за формирование ополчения, так и на массив документов Комиссии по истории Великой Отечественной войны при Академии наук СССР, в последние годы активно вводимые в научный оборот. Рассмотрены причины, по которым формирование ополчения было разделено на две волны, отмечены трудности подбора ополченцев в связи с избранным территориально-производственным принципом комплектования.

Ключевые слова. Великая Отечественная война, народное ополчение Москвы, комплектование.

Информация об авторе: Безугольный Алексей Юрьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, Россия; Государственный музей обороны Москвы, Мичуринский проспект, Олимпийская деревня, 3, Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4055-0563>

E-mail: abesu111@gmail.com

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00637, <https://rscf.ru/project/23-28-00637/>

Для цитирования: Безугольный А.Ю. Несформированные дивизии народного ополчения Москвы // Первые Кулаковские чтения: На полях воинской славы России / отв. ред. М.В. Скороходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 284–294. <https://www.doi.org/10.29003/m3646.khmelita-19/284-294>

UNFORMED DIVISIONS OF THE PEOPLE'S MILITIA OF MOSCOW

© 2023. Alexey Yu. Bezugolny

Annotation. The article presents an analysis of the peculiarities of staffing 13 divisions of the People's militia, formed in Moscow in early July 1941, but not completed the formation and disbanded after a while. Despite the abundance of literature on the history of the Moscow militia, this aspect of its history has not been studied enough; the literature on the divisions of the People's militia of Moscow is scattered and focuses on the history of individual formations. The history of 13 unformed divisions of the People's militia is completely unknown to specialists and the public. This study is based on archival sources: both the traditional military records management of the Moscow Military District, responsible for the formation of the militia, and the array of documents of the Commission on the History of the Great Patriotic War at the Academy of Sciences of the USSR, actively introduced into scientific circulation in recent years. The reasons why the formation of the militia was divided into two waves are considered, the difficulties of selecting militias in connection with the chosen territorial and production principle of recruitment are noted.

Keywords. The Great Patriotic War, the People's militia of Moscow, recruitment

Information about the author: Alexey Yu. Bezugolny – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Dmitry Ulyanov str., 19, Moscow, Russia; Moscow State Defense Museum, Michurinsky Prospekt, Olympic Village, 3, Moscow, Russia

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4055-0563>

E-mail: abesu111@gmail.com

Acknowledgements and funding: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00637, <https://rscf.ru/project/23-28-00637/>

For citation: Bezugolny, Alexey Yu. Unformed Divisions of the People's Militia of Moscow. *First Kulakov Readings: On the Fields of Russia's Military Glory*. Ex. ed. Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 284–294. (In Russian). <https://www.doi.org/10.29003/m3646.khmelita-19/284-294>

В июле 1941 г., как известно, было сформировано 12 дивизий народного ополчения из запланированных 25 дивизий, номера которых вошли в историю: 1, 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 13, 17, 18, 21-я. Нетрудно заметить в порядковой нумерации большие промежутки – это номера дивизий, которые формировались, но не были окончены формированием.

Постановление ГКО № 10сс от 4 июля 1941 г., давшие официальный старт ополченческому движению в годы Великой Отечественной войны, предусматривало формирование ополчения в две очереди – сначала 12 дивизий, затем – еще 13 дивизий. Каждый из 25 административных районов Москвы должен был сформировать по одной дивизии. Все дивизии начали формироваться одновременно специально созданными для этого чрезвычайными тройками в составе председателя райкома ВКП(б), районного военкома и районного начальника НКВД. Это произошло сразу же после совещания председателей райкомов ВКП(б) у председателя правительства В.М. Молотова, состоявшегося в ночь на 2 июля. В сохранившейся документации нигде не отмечается деление дивизий на две очереди. Это означает, что в дни формирования сами райкомы не были осведомлены о том, попадет ли их районная дивизия в первую или вторую очередь. Поэтому все райкомы приступили к формированию дивизий с одинаковым рвением. Формирование дивизий под номерами 3, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 19, 20, 22, 23, 24 и 25 не было завершено, хотя шло в первые дни июля наравне с другими дивизиями. Очевидно, когда пришло время для вывода из Москвы первых 12 дивизий (это произошло 8–10 июля),

были выбраны наиболее укомплектованные из них, в пользу которых в дальнейшем распределялись изыскивавшиеся материальные и людские (прежде всего в лице командного состава) ресурсы.

Судя по всему, процесс замедления, а затем и полной остановки процесса формирования дивизий второй очереди происходил постепенно: первоначально в городской комитет партии пообещали прислать недостающий личный состав из Подмосковья¹, однако в дальнейшем собранные на пунктах сбора бойцы были «распущены до особого распоряжения»². По свидетельству очевидца, «это было числа 11–12 июля»³. Из несформированных дивизий был изъят только кадровый командный состав, в то время как ополченцы распускались по домам. Кроме того, в ближайшие дни после этого формирования второй очереди становились донорами для дивизий первой очереди и, таким образом, их формирование неизбежно отодвигалось на более отдаленный срок. Большинство дивизий народного ополчения первой очереди пополнялись за счет второй. Так, из дивизии Свердловского района 16 июля 460 (по другим данным – 867⁴) человек было отобрано в дивизию Москворецкого района, которая уже находилась на лагерном положении в Подмосковье⁵. Советский район передал 600 своих добровольцев Ленинградскому району⁶; Тимирязевский передал в 9-ю Кировскую батальон численностью 718 человек [Битва за столицу Т. 1. С. 217] и т. д. Как правило, в батальоны отбирался наиболее качественный состав несостоявшихся дивизий. Конкретного решения о расформировании оставшихся 13 дивизий на данный момент обнаружить не удалось. Работники райкомов, чьи воспоминания об этом событии отложились в Научном архиве Института российской истории РАН еще по достаточно свежим следам (интервью с ними проводили специалисты Института истории СССР еще в годы войны), тоже высказываются достаточно туманно: «Потом нашему району сказали, что мы дивизию комплек-

¹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 9. Оп. 19. Д. 1. Л. 15 об.

² НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 9. Оп. 16. Д. 2. Л. 1 об.

³ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 9. Оп. 16. Д. 3. Л. 1.

⁴ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 9. Оп. 14. Д. 1. Л. 3.

⁵ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 9. Оп. 14. Д. 1. Л. 2.

⁶ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 9. Оп. 19. Д. 1. Л. 14.

товать не будем»; или же в том духе, что поступило некое «указание Московского комитета партии»¹.

Районным властям причины официально не разъясняли, однако они догадывались, что дело – в нехватке людей. Военком Советского района сообщал: «В различных районах дивизии были одинаковы по своему количеству [штатного состава. – А. Б.], хотя районы были неоднородны. Для нашего района дать 8–10 тысяч было очень трудно... Укомплектовали мы до 40%. Из-за этого наша дивизия не могла выйти на фронт»². Небольшие по числу жителей районы испытывали сложности в укомплектовании дивизий. Дивизии находились в различной степени готовности. Например, Калининский район на 6 июля смог отмобилизовать в формируемую им 10-ю дивизию только 1267 человек и планировал отмобилизовать еще 1600 человек³. Молотовский район при максимальном напряжении мог мобилизовать в свою 3-ю дивизию только 7 тыс. человек⁴. Тройка Коминтерновского района с 4 по 20 июля зачислила списочным порядком 4327 человек⁵. Советский район к вечеру 5 июля завербовал в 23-ю ДНО 4,5 тыс. человек⁶. Первомайский район к 10 июля собрал лишь 1,8 тыс. человек [Народное ополчение на защите Москвы..., с. 67]. Калининский район за все время записал около 3 тыс. человек, которые были затем распределены по другим дивизиям народного ополчения [Битва за столицу, т. 1, с. 210].

Если наложить друг на друга данные формирования ДНО с данными о численности населения Москвы по районам, между ними просматривается вполне определенная корреляция. Правда, следует иметь в виду, что попытка оценить расход людских ресурсов Москвы таким способом будет адекватна только в отношении правильно проведенной мобилизации, организуемой по признаку места жительства военнообязанных граждан. В этом случае территория деятельности

¹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 9. Оп. 19. Д. 1. Л. 14.

² НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 9. Оп. 19. Д. 1. Л. 15 об.

³ ЦАМО. Ф. 135. Оп. 12462. Д. 24. Л. 198.

⁴ ЦАМО. Ф. 135. Оп. 12462. Д. 24. Л. 207.

⁵ ЦАМО. Ф. 135. Оп. 12462. Д. 24. Л. 212; Народное ополчение на защите Москвы..., с. 70.

⁶ ЦАМО. Ф. 135. Оп. 12462. Д. 24. Л. 213.

районного военкомата совпадала с административными границами районов. В отношении же набора в ополчение она не релевантна, поскольку в данном случае запись шла по предприятиям, а не по районам. Следовательно, часть записавшихся в ополчение могла представлять население других районов и даже Подмоскovie.

Тем не менее, как показано ниже, взаимосвязь между данными о населенности районов и успешности формирования дивизий народного ополчения есть; это говорит о том, что районный признак объективно соблюдался в отношении многих ополченцев.

Итак, население Москвы в предвоенные годы быстро росло. Общая численность населения столицы согласно переписи населения 1939 г. составляла 4131,6 тыс. человек, в том числе мужского населения – 1915,2 тыс. человек¹. К 1 января 1941 г. по расчетным данным Центрального статистического управления (ЦСУ) СССР численность жителей выросла до 4357,8 тыс. человек [Жиромская, Исупов, Корнилов, с. 851].

Районирование Москвы в основном сложилось в 1936 г., когда после коренной административной реформы 10 районов столицы в соответствии с генеральным планом реконструкции Москвы 1935 г. были разукрупнены в 23 района. Еще два района появились непосредственно перед войной – Тимирязевский был выделен из состава самого большого района Москвы, Октябрьского, а Калининский – из состава Первомайского и Сталинского. В приведенной ниже таблице данные двух новых районов синкретичны с данными двух «старых». Условно районы Москвы делились на 12 центральных (Железнодорожный, Бауманский, Куйбышевский, Красногвардейский, Кировский, Фрунзенский, Краснопресненский, Советский, Свердловский, Коминтерновский, Калининский) и 13 окраинных. При этом непосредственно центральную часть города охватывали Советский, Коминтерновский, Куйбышевский, Красногвардейский, Молотовский и Краснопресненский районы. К окраинным районам, выходящим к границам города, относились: Сокольнический, Сталинский, Первомайский, Таганский, Пролетарский, Москворецкий, Ленинский, Киевский, Ленинградский, Октябрьский, Дзержинский, Тимирязевский и Ростокинский. Однако

¹ http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_39_3.php (дата обращения: 23.01.2023).

отметим сразу, что административное деление Москвы на центральные и окраинные в тот период было достаточно условно, потому что границы районов часто повторяли радиальную структуру Москвы и иногда лучами тянулись от центральной части города к самым окраинам вдоль вылетных трасс. Непосредственно с Кремлем и Красной площадью граничили сразу девять районов, а Ленинский район включал в свой состав сами Кремль и Красную площадь и вел на юго-западную окраину города, охватывавшую недавно присоединенные к Москве деревни. То же можно сказать и о ряде других районов (Ростокинский, Таганский и др.). Поэтому при формировании дивизии народного ополчения в таких районах в ее составе, как правило, оказывались самые различные люди.

Численность населения районов Москвы была зафиксирована Всесоюзной переписью населения, состоявшейся в январе 1939 г. В таблице приведены сравнительные данные 12 районов, сформировавших дивизии народного ополчения (колонка слева) и 13 районов, в которых формирование было прервано (колонка справа).

Из таблицы хорошо видно, что общая численность населения и численность мужского населения 12 районов Москвы, сформировавших ДНО, существенно превышала аналогичные показатели 13 районов, не окончивших формирование: в районах первой группы проживало 58,5 % всего населения столицы и 58,6 % мужского населения. Центральные и окраинные районы делились по этому признаку примерно поровну, но районы, сформировавшие ДНО, имели еще и значительно большую площадь (без учета данных Сталинского района).

Таким образом, определенная взаимосвязь между населенностью районов Москвы и успешностью формирования дивизий народного ополчения, безусловно, была. Многонаселенные и большие по площади (а значит, и имевшие на своей территории больше предприятий и учреждений) районы испытывали меньше сложностей с изысканием людских ресурсов. Однако, как видно из таблицы, дивизии успешно формировали и относительно небольшие по численности населения и площади районы, например, Куйбышевский, в то время как ряд крупнейших районов, таких, как Октябрьский, Сокольнический, Таганский и Советский, формирование не завершили.

Административное деление Москвы по состоянию на начало Великой Отечественной войны

Номер дивизии	Наименование района	Площадь, га	Общая численность населения, тыс. человек	Численность муж. населения, тыс. человек	Номер дивизии	Наименование района	Площадь, га	Общая численность населения, тыс. человек	Численность муж. населения, тыс. человек
1-я	Ленинский	1945	173,9	80,7	3-я	Молотовский	174	55,7	25,6
2-я	Сталинский	Нет данных	201,9	97,0	10-я	Калининский	Образован после января 1939 г.		
4-я	Куйбышевский	132	88,5	38,0	11-я	Железнодорожный	341	86,3	39,9
5-я	Фрунзенский	193,5	215,5	96,1	12-я	Свердловский	198	124,9	54,1
6-я	Дзержинский	1104	229,9	106,0	14-я	Первомайский	989	147,7	71,7
7-я	Бауманский	352	151,2	68,4	15-я	Пролетарский	862	112,3	53,6
8-я	Краснопресненский	1229	211,4	96,2	16-я	Октябрьский	3463	275,9	133,2
9-я	Кировский	551	138,3	64,3	19-я	Красногвардейский	244	94,2	41,4
13-я	Ростокинский	2500	309,4	144,9	20-я	Сокольнический	2692	240,3	111,6
17-я	Москворецкий	1695	269,8	129,0	22-я	Коминтерновский	192	106,4	47,5
18-я	Ленинградский	2200	146,4	72,0	23-я	Советский	490	224,9	97,3
21-я	Киевский	1936	280,6	129,4	24-я	Тимирязевский	Образован после января 1939 г.		
Всего		13837,5	2416,8	1122,0	25-я	Таганский	1950	246,2	117,3
							11595	1714,8	793,2

Очевидно, в дело вступали и иные факторы, среди которых следует отметить не только административные старания райкомов и военкоматов, но и производственный фактор. Некоторые районы были готовы отрапортовать об окончании формирования ДНО еще в первой половине июля. Например, Пролетарский район за несколько дней укомплектовал свою дивизию полностью (10 тыс. заявлений и 8 тыс. зачисленных¹); была даже «отдана команда, что дивизия завтра или послезавтра должна быть отправлена»². М. Чурбанов, секретарь одного из самых малонаселенных районов Москвы – Железнодорожного, тоже кратко упоминает, что его район сформировал дивизию численностью 8000 человек [Битва за столицу, т. 1, с. 211]. Секретарь Таганского РК ВКП(б) сообщал, что в дивизию района «добровольно записалось около 10 тыс. человек» [Битва за столицу, т. 1, с. 216], а секретарь Сокольнического РК ВКП(б) и вообще заявлял, что его дивизия насчитывала 11 тыс. человек [Битва за столицу, т. 1, с. 215].

Причиной расформирования могло стать формальное укомплектование подразделений. Например, в Свердловском районе обошлись только записью 12 тыс. человек, однако на казарменное положение ополченцы, в отличие от других районов, не переводились³. Таким образом, формирование дивизии фактически здесь ограничилось подбором командного и политического состава и составлением списков рядовых ополченцев. Нельзя сбрасывать со счетов и возможную другую причину. По мнению заведующего военным отделом Свердловского райкома И.В. Кирьякова, дивизия была расформирована в связи с тем, что один ее полк оказался полностью укомплектован рабочими важнейшего для армии завода ЗИС⁴. В свою очередь, заведующий военным отделом Пролетарского райкома партии Б.Я. Клопков считал это обстоятельство одной из причин расформирования дивизии Пролетарского района: «Когда речь шла о том, что нужно защищать Москву, то нельзя было принимать во внимание, что людей мы берем с заводов. Но когда речь стала идти о том, что-

¹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 9. Оп. 16. Д. 3. Л. 1.

² Там же.

³ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 9. Оп. 14. Д. 2. Л. 2 об.

⁴ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 9. Оп. 14. Д. 1. Л. 1.

бы дать людей для защиты дальних подступов к столице и вообще, уже не было такой крайней необходимости в людях, то, очевидно, было решено не оголять наши предприятия»¹. Иначе говоря, несколько спали панические настроения (в середине июля было задержано продвижение противника на киевском и смоленском направлениях, проведено несколько контрударов) и появилась возможность трезво оценить ситуацию. Взвесив все риски, связанные с чрезмерным использованием ресурсов московских предприятий, власти решили приостановить дальнейшее формирование дивизий народного ополчения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Жиромская В.Б., Исупов В.А., Корнилов Г.Е.* Население России в 1939–1945 гг. // Вестник РАН, 2020. Т. 90. № 9. С. 845–857.

Опубликованные источники

2. Битва за столицу. Т. 1. От обороны к контрнаступлению: Сб. док. / Ин-т воен. истории М-ва обороны РФ, Моск. гор. об-ние архивов, Центр архив М-ва обороны РФ; отв. сост. А.А. Гуров. М.: [Б. и.], 1994. 260 с.

3. Ополчение на защите Москвы. Документы и материалы о формировании и боевых действиях Московского народного ополчения в июле 1941 – январе 1942 г. / сост.: Л.С. Беляева, В.И. Бушков, И.И. Кудрявцев. М.: Московский рабочий, 1978. 408 с.

4. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Численность городского населения СССР по городским поселениям и внутригородским районам // http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_39_3.php (дата обращения: 23.01.2023).

Архивные источники

5. Материалы по деятельности Свердловского райкома ВКП(б) г. Москвы // Научный архив Института российской истории РАН (НА ИРИ РАН). Ф. 2. Разд. 9. Оп. 14.

¹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 9. Оп. 16. Д. 1. Л. 3.

6. Материалы по деятельности Пролетарского райкома ВКП(б) г. Москвы // НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 9. Оп. 16.

7. Материалы по деятельности Советского райкома ВКП(б) г. Москвы // НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 9. Оп. 19.

8. Сведения дивизий народного ополчения о потребности всех видов довольствия, заявки и планы на укомплектование личным и конским составом // Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 135. Оп. 12462. Д. 24.

<https://www.doi.org/10.29003/m3647.khmelita-19/295-308>

<https://elibrary.ru/zunvrb>

Научная статья / Research Article

УДК 94

ББК 63.2

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NoDerivatives
4.0 (CC BY-ND)

ВОИНСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ XIX–XX ВЕКОВ НА ТЕРРИТОРИИ ВИЛЕЙСКОГО РАЙОНА МИНСКОЙ ОБЛАСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

© 2023. А.Ю. Каркотко

Аннотация. В статье характеризуются воинские захоронения на территории Вилейского района Минской области Республики Беларусь, которые сохранились от войн и вооруженных конфликтов, прошедших в этой местности на протяжении XIX–XX вв. (Отечественная война 1812 г., польские восстания 1830–1831 и 1863–1864 гг., Первая мировая война, Советско-польская война, Вторая мировая война). Даются сведения об основных боях, происходивших в ходе этих исторических событий, и об их последствиях – воинских захоронениях. Приводятся данные о количестве и типах сохранившихся воинских захоронений, упоминаются те из них, которые не сохранились, но информация о которых зафиксирована в письменных источниках. Также в статье раскрывается краткая история двух в своем роде уникальных воинских кладбищ – в городе Вилейка и в агрогородке Долгиново. Уникальность их состоит в том, что на них похоронены противники, которые погибли в XX в. в ходе последних трех войн, прошедших через эти населенные пункты.

Ключевые слова: Вилейка, воинские захоронения, Отечественная война 1812 г., Первая мировая война, Советско-польская война, Вторая мировая война.

Информация об авторе: Каркотко Андрей Юрьевич – директор, ГУ «Вилейский краеведческий музей», пл. Свободы 1, 222410 г. Вилейка, Минская область Республика Беларусь.

E-mail: karkotko@tut.by

Для цитирования: Каркотко А.Ю. Военские захоронения XIX–XX веков на территории Вилейского района Минской области Республики Беларусь // Первые Кулаковские чтения: На полях воинской славы России / отв. ред. М.В. Скороходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 295–308. <https://www.doi.org/10.29003/m3647.khmelita-19/295-308>

MILITARY BURIALS OF THE 19th–20th CENTURIES ON THE TERRITORY OF THE VILEIKA DISTRICT OF THE MINSK REGION OF THE REPUBLIC OF BELARUS

© 2023. Andrey Yu. Karkotko

Abstract. The article deals with military burials on the territory of the Vileika district of the Minsk region of the Republic of Belarus, preserved from wars and armed conflicts that took place in this area during the 19th–20th centuries (War of 1812, Polish uprisings of 1830/18–31 and 1863–1864, World War I, Soviet-Polish war, World War II). Here is information about the main battles during these historical events and their result – military burials. Data are given on the number and types of surviving military graves, and those of them are mentioned that have not survived, but information about which is available in written sources. The article also tells a brief history of two unique military cemeteries in the city of Vileyka and in the agricultural town of Dolginovo. Their uniqueness lies in the fact that opponents who died during the last three wars and passed through these settlements in the 20th century are buried on them.

Keywords. Vileyka, War graves, Patriotic War of 1812, World War I, Soviet-Polish War, World War II.

Information about the author: Karkotko Andrey – Director of the State Institution *Vileika Museum of Local History*, pl. Svobody 1, 222410 Vileyka, Minsk region, Republic of Belarus.

E-mail: karkotko@tut.by

For citation: Karkotko, A.Yu. Military Burials of the 19th–20th Centuries on the Territory of the Vileika District of the Minsk Region of the Republic of Belarus. *First Kulakov Readings: On the Fields of Russia's Military Glory*. Ex. ed. Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 295–308. (In Russian). <https://www.doi.org/10.29003/m3647.khmelita-19/295-308>

Территория Беларуси из-за своего географического положения на протяжении всей своей истории являлась ареной боевых действий. На протяжении последних веков здесь прошла не одна война. Войны оставили неизгладимый след и на территории Вилейщины (г. Вилейка и территории вокруг его). Под Вилейщиной в разные периоды истории понимаются следующие административно территориальные единицы: Вилейский уезд, Вилейский повет, Вилейская область и Вилейский район. Так как территории уезда, повета и области были больше, чем границы современного Вилейского района, то в статье будем рассматривать только воинские захоронения, находящиеся на территории района. В настоящее время в районе числится 107 воинских захоронений, причем в Беларуси к ним приравнены и захоронения жертв войн и геноцида белорусского народа. В книге «Каталог воинских захоронений на территории Республики Беларусь. Минская область» приводятся данные на 92 воинское захоронение [Ломейко, с. 76–103]. Разница объясняется тем, что в каталоге не указаны иностранные захоронения и захоронения, взятые на учет в последние годы.

На протяжении XIX–XX вв. на территории Вилейщины проходили бои в ходе следующих войн и вооруженных конфликтов:

- Отечественная война 1812 г.;
- польские восстания 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг.;
- Первая мировая война (1914–1918 гг.);
- Гражданская война в России, а именно Советско-польская война (1919–1920 гг.);
- Вторая мировая война (1939–1945 гг.), причем именно с 1939 г., так как есть воинские захоронения, связанные с событиями сентября 1939 г.

В статье коротко рассмотрим прошедшие бои в ходе этих событий и отметим, какие воинские захоронения сохранились с тех пор.

Первые воинские захоронения XIX в. на Вилейщине связаны с войной между Россией и Францией в 1812 г. При отступлении зимой 1812 г. здесь произошел ряд небольших боев: около деревень Щуки и Чехи, у деревни Латыголь, у местечка Долгинов, у местечка Илья и под самой Вилейкой. В них русские войска смогли добыть ценные трофеи (знамена и штандарты) и взять в плен не только французских

офицеров, но даже генерала. Солдаты погибали не только в боях, но также от холода, голода и болезней.

Так на территории современного Вилейского района появился целый ряд захоронений 1812 г. Многие из них упоминаются в книге «Археологическая карта Виленской губернии». Известно, что французские могилы были в деревнях Илья, Вязынь, Кухты, Чехи, Селище и Тяпинцы [Покровский, с. 26–27]. Из них было обнаружено только захоронение в деревне Селище [Каркотко, 2010, с. 42–51]. Эксгумированные в ходе раскопок останки солдат наполеоновской армии, по просьбе властей Франции, были перезахоронены в Борисовском районе около места переправы через реку Березина. В деревне Селище на месте, где было захоронение, установлен памятный знак.

Польские восстания 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг. тоже оставили свой след на территории Вилейщины. Если могилы павших в 1830–1831 гг. в настоящее время неизвестны, то повстанцы 1863–1864 гг. покоятся в двух братских могилах – у деревни Владыки [Каркотко, 2019а, с. 133–147] и в агрогородке Куренец [Каркотко, 2019б, с. 129–142], захоронения солдат русской армии не сохранились.

Вероятно, наибольшее количество могил и целых военных кладбищ осталось от Первой мировой войны 1914–1918 гг. На Вилейщине боевые действия начались осенью 1915 г. и продолжались до выхода России из войны по итогам Брестского мира. Тут прошли бои таких крупных сражений, как Виленская оборонительная операция (ликвидация Свенцянского прорыва) в сентябре 1915 г. и Нарочская операция в марте 1916 г. Частью первой был бой за Вилейку, его хорошо описал генерал Баланин в своей статье «Бой за Вилейку 10 сентября 1915 г.» [Баланин, с. 41–52]. Про ход Нарочской операции есть несколько книг, в том числе: «Битва у Нарочи. 1916» [Богданов] и «Нарочская операция в марте 1916 года на русском фронте мировой войны» [Подорожный].

Захоронения Первой мировой войны представлены индивидуальными и братскими могилами, а также воинскими кладбищами или военными участками на гражданских кладбищах [Богданов, Каркотко, с. 58–128]. Причем многие кладбища сборные и смешанные, о некоторых из них расскажем ниже. На территории Вилейского района сохранились и захоронения немецких военнослужащих.

Многие воинские захоронения обустроены при поддержке Местного благотворительного культурно-исторического фонда памяти Первой мировой войны «Кроки». Также нужно упомянуть, что администрация Можайска (города – побратима Вилейки) выделяла денежные средства на обустройства некоторых воинских захоронений.

Захоронения периода Гражданской войны в России представлены могилами красноармейцев и польскими военными кладбищами, оставшимися после Советско-польской войны 1919–1920 гг. Захоронений красноармейцев сохранилось очень мало: братская могила у деревни Ковшевичи [Ломейко, с. 92] и несколько могил на смешанном кладбище в агрогородке Долгиново [Богданов, Каркотко, с. 90–97]. Могилы красноармейцев на польских кладбищах в Западной Беларуси подписаны сокращенно на польском языке как «неизвестные солдаты армии большевистской». Сами военные кладбища Советско-польской войны сборные, все польские солдаты похоронены в индивидуальных могилах, красноармейцы чаще всего в братских. Сами останки польских солдат собраны с разных мест и перезахоронены в 1920–1930-х гг., когда Вилейка и окрестности (1921–1939 гг.) входили в состав Польской Республики.

Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 г. На Вилейщине есть воинские захоронения, связанные с событиями сентября 1939 г.

17 сентября 1939 г. начался так называемый «Освободительный поход Красной армии». Хотя считается, что он был почти бескровным, но бои между РККА и польской армией все же были. Чаще всего это были столкновения между частями РККА и подразделениями НКВД (куда входили советские пограничники) и польскими пограничниками из Корпуса охраны пограничья (КОП). В Вилейке дислоцировались подразделения полка КОП «Вилейка». Некоторые из них приняли бой, и польские пограничники погибли (например, стражницы КОП «Пасеки» и «Погост») [Каркотко, 2021, с. 51–60]. Польских пограничников местные жители похоронили рядом с заставами, а погибших красноармейцев забрали, где их похоронили, точно неизвестно.

Уже на третий день Великой Отечественной войны Вилейка и ее окрестности были оккупированы нацистами. Боев за город не было,

но в его окрестностях разбилось при вынужденной посадке несколько советских самолетов. Их экипажи стали первыми похороненными из погибших в годы Великой Отечественной войны.

Следующая большая группа захоронений связана с партизанским движением и с боями, проведенными партизанами. Также сюда можно отнести многочисленные могилы мирных жителей, убитых и замученных в ходе антипартизанских операций, проводимых оккупационными властями.

В ходе операции «Багратион» 2 июля 1944 г. г. Вилейка был освобожден от немецких оккупантов подразделениями 3-го гвардейского Сталинградского корпуса (35-я гвардейская танковая бригада и 7-я гвардейская механизированная бригада) при поддержке партизан [Память, с. 331–336].

После освобождения на территории района осталось большое количество индивидуальных и братских могил военнослужащих РККА и партизан. Часть раненых в боях умерли в госпиталях и лазаретах, которые стали действовать в Вилейке.

После освобождения территории Чрезвычайными следственными комиссиями по фактам расследования злодеяний захватчиков в большом количестве стали обнаруживаться ямы с телами замученных (расстрелянных) советских граждан [Память, с. 285–336].

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. начался процесс обустройства и укрупнения воинских захоронений. В районных центрах стали делать большие сводные братские могилы и мемориалы, куда из близлежащих воинских захоронений стали свозить останки павших. Так крупные братские могилы появились в Вилейке, Куренце и Ильи [Ломейко, с. 91, 94].

Но не все военные захоронения были перенесены в братские могилы. На территории района есть и одиночные могилы на кладбищах, которые не переносили, а также индивидуальные и братские захоронения, выявленные позднее.

И хотя в годы войны в городе и окрестностях погибло относительно немного военнослужащих РККА, так как здесь не было больших и кровопролитных боев, какие бывают как во время захвата, так и при освобождении города, но жертвами нацистской оккупационной политики стали многие местные жители. Особенно много пострадало граждан еврейской национальности, которых в предвоенное время

много проживало как в городе, так и вблизи от него. Останки с мест массового уничтожения мирных жителей не переносились, в таких местах устанавливали памятные знаки.

Также памятные знаки установлены и в местах, где были деревни, которые сожгли со всеми мирными жителями. Населенных пунктов, которые разделили участь Хатыни, на территории района пять: Любча, Борки, Ключево, Рабцово и Яново [Память, с. 287–288; Ломейко, с. 80, 96]. Все они являются братскими могилами мирных жителей.

Рассмотрим подробно два в своем роде уникальных воинских кладбища – в г. Вилейка и в агрогородке Долгиново.

Воинское кладбище в агрогородке Долгиново обнесено капитальной оградой, пристроенной к часовне. На участке примерно 20 на 15 метров было установлено более двух десятков стандартных бетонных крестов с надписями на польском и немецком языках. Основная часть захоронений относится к периоду Советско-польской войны 1919–1920 гг. (похоронены солдаты обеих сторон). Надписи на польском языке это подтверждают: «4 *nieznanych zoln. bolszew. 1920*»; «2 *nieznanych zoln. W. P. 1920*».

Также здесь находится несколько захоронений периода Первой мировой войны: братская могила российских солдат и несколько могил немецких солдат, погибших в 1915 г. и умерших в 1918 г.

В центре кладбища на длинной огороженной могиле сохранился старый металлический крест высотой около 2 м, на котором до 2011 г. находилась медная табличка с трудночитаемой и неполной надписью: «...1915. 76 нижних чинов 115 пех. Вяземского ген. Несветава полка. Крест сооружен усердием рядового. 95 хлеб<опекарни> Карпом Голодудко». На обратной стороне: «...Спите братия наши и Опочивайте ибо Вы Умерли смертью Героя Защищая Православную Веру и Русь Святую?> Начало войны 1914 г. июля 18 дн<я> Воз. Памяти> в 1916 г. мая Гдн. 1915 14 с<ентября> 76-ть человек покоится». Ныне табличка демонтирована и передана в Вилейский краеведческий музей.

Нижние чины 115-го пехотного Вяземского полка погибли в дни ликвидации Свентянского прорыва немцев в сентябре 1915 г. Первоначально в 1915 г. надпись на кресте, установленном на могиле, была следующая: «Геройски павшие в бою под м. Долгиново 14 сен-

тября 1915 года. 76 н. ч. 115 пех. Вяземского полка». По архивным документам удалось установить фамилии русских солдат, погибших в том бою.

Перед металлическим крестом установлен бетонный крест с текстом на польском языке: «76 NIEZNANYCH ROS. ŻOŁ. 115 WIAZEMSK. P.P. + 14.8.1915». Бетонные кресты были поставлены при обустройстве кладбища в 1920–1930-е гг.

Рядом с большой братской могилой находится еще несколько братских могил поменьше, никак не отмеченных надписями. В 2004 г. на одной из них стоял деревянный крест. Можно предположить, что в этих могилах также были похоронены русские солдаты, погибшие в сентябрьских боях около Долгиново. Подтверждением этой версии служат списки погибших в бою 14 сентября 1915 г. солдат 115-го пехотного Вяземского генерала Несветаева полка. По архивным документам в том бою погибло 92 человека, причем они были представителями разных религиозных конфессий (православные, католики, мусульмане, иудеи, лютеране, старообрядцы). Возможно, эти могилы и предназначались для лиц не христианского вероисповедания – мусульман и иудеев. Так как они не были христианскими, то польские власти кресты на них не ставили и основания могил не бетонировали. Но также возможно, что здесь были похоронены мирные жители, погибшие в годы Великой Отечественной войны.

При обустройстве кладбища в 2015 г. одна из этих могил была огорожена бетонным бордюром, на ней поставлен металлический крест. В сентябре 2017 г. на кладбище были подзахоронены 5 польских пограничников, погибших в сентябре 1939 г. в бою у заставы Погост.

В 2020–2021 гг. на кладбище проведен капитальный ремонт с заменой бетонных крестов на каменные и с сохранением первоначальных надписей. Захоронение находится в удовлетворительном состоянии, регулярно осматривается. Более подробно о кладбище можно прочитать в: [Каркотко. О чем может рассказать...].

Одним из самых интересных является старое городское кладбище в г. Вилейка по улице 1 Мая, на котором кроме местных жителей хоронили противников, погибших и умерших от ран в ходе последних трех войн, прокатившихся по белорусской земле. Здесь находятся отдельные воинские захоронения и целые военные участки.

В конце XIX – начале XX в. в Вилейке не было постоянного воинского гарнизона (не считая местной уездной команды), а следовательно, не было и необходимости в гарнизонном кладбище или участке. Если погибал или умирал военнослужащий или отставной военный, его хоронили на одном из кладбищ города в зависимости от вероисповедания. На кладбище сохранились могилы офицеров Русской императорской армии: подполковника Евгения Федоровича Насекина (1824–1866) и генерал-майора Александра Федоровича Погорелова (1837–1902).

Первые захоронения погибших солдат относятся к событиям польского восстания 1863–1864 гг. [Ефимова, с. 4]. На кладбище похоронили и умерших от ран солдат русской армии, однако их могилы сохранились.

Летом 1915 г. русско-германский фронт подошел к Вилейке. Есть письменные упоминание о том, что уже в августе 1915 г. в церквях Вилейки отпевали и хоронили умерших от ран солдат. В сентябре 1915 г. на Вилейщине развернулись крупные боевые действия. Город на несколько дней оказался под оккупацией. В ходе боев за город солдаты и офицеры гибли десятками и сотнями, для их погребения потребовалось много места, поэтому за городским православным кладбищем, где ранее был выделен участок для погребения погибших военных, появилось Вилейское братское кладбище. До 1918 г. на кладбище продолжали хоронить воинов, умерших от ран и болезней в госпиталях и лазаретах, размещенных в городе Вилейка.

Количество солдат, погребенных на военном братском кладбище, помогли установить польские документы 1930-х г., которые хранятся в Центральном государственном архиве Литвы (ЦГАЛ). По сведениям польских документов на Вилейском братском кладбище было погребено 653 человека, а на одной из схем показано 520 могил. Благодаря документам из разных архивов удалось установить фамилии более 400 человек, погребенных на Вилейском военном братском кладбище. Из них 10 офицеров и классных чинов, 13 австрийских военнопленных, 6 гражданских лиц (работавших на строительстве укреплений), остальные – нижние чины русской армии [Богданов, Каркотко, с. 60–79].

В настоящее время сохранилась только одна могила погибшего – Альфера Федора Кондратьевича, прапорщика 266-го пехотного

Пореченского полка. Он родился в Вилейке, погиб в бою 1 апреля 1916 г. в районе озера Нарочь. Его тело было доставлено на малую родину родственниками и похоронено на Вилейском городском кладбище. Его могила состоит на государственном учете как воинское захоронение.

В марте 1921 г., после окончания Советско-польской войны, город Вилейка оказался в пределах Речи Посполитой. Польские власти занялись обустройством могил погибших польских солдат. На площади 43 на 50 м образовался участок польского военного кладбища. На этом участке находятся 234 одиночные могилы.

На всех могилах были сделаны стандартные бетонные надгробия и установлены металлические кресты. Границы польских захоронений были огорожены бетонными столбиками, между которыми протянуты металлические трубы, на входе была поставлена центральная бетонная брама с коваными воротами. В центре участка был сооружен высокий четырехгранный обелиск, на верху которого были четыре креста, в их центральных медальонах изображены орлы.

На могилах нет табличек с именами, но по данным из «Списка потерь Войска Польского» установлены имена 64 военнослужащих польской армии, похороненных на кладбище в Вилейке, их имена помещены на центральном памятнике.

Кроме того, на городском кладбище был создан отдельный участок, на котором хоронили польских пограничников и полицейских. Он размещался между участками военным братским 1915–1918 гг. и польским военным 1919–1920 гг. На этом участке покоятся сотрудники государственной полиции, павшие на службе в 1920–1939 гг. Первоначально участок насчитывал 20 земляных могил, расположенных в два ряда. Каждая могила имела бетонное побеленное надгробие и высокий железный крест. С течением времени количество захоронений увеличилось. Новые могилы внешне оформлялись так же, как и более ранние.

Прямо перед входными воротами на полицейский участок находится памятник – конический пьедестал высотой 2,5 м, выполненный из обработанных полевых камней. Сверху на пьедестале находился одноглавый орел. На данный момент удалось установить сведения о 36 лицах, предположительно погребенных на этом участке кладбища в 1920–1936 гг.

Для обустройства военного братского кладбища периода Первой мировой войны и поддержания на нем порядка в 1938 г. были закреплены военнослужащие полка КОП «Вилейка» (ранее за кладбище отвечала православная община города). Пограничникам было дано право проводить на территории военного братского кладбища захоронения погибших и умерших сослуживцев, т. е. этот участок кладбища планировалось превратить в гарнизонный. Предполагалось обустроить кладбище, установив новые бетонные кресты и надгробия. Навести порядок на кладбище польским властям и пограничникам помешали события сентября 1939 г. – началась Вторая мировая война.

В годы Второй мировой войны городское кладбище продолжало действовать, на нем появились новые воинские захоронения. В годы Великой Отечественной войны кладбище использовалось для погребения как солдат и полицейских немецких оккупационных властей, так и погибших солдат Красной армии.

В немецких архивах это кладбище проходит как кладбище в городе Вилейке на улице Виленской (Wilnastr.). Так немцы назвали улицу 1 Мая, поскольку она выходит из города в направлении города Вильнюс (Вильно).

Немцы хоронили здесь в основном солдат и полицейских, погибших в боях и стычках с партизанами. Затем здесь были погребены солдаты, погибшие и умерших от ран в ходе боев июня – июля 1944 г. Немецкие захоронения на кладбище не сохранились.

После освобождения города от немецкой оккупации в июле 1944 г. на территории Вилейского братского кладбища похоронили воинов, погибших при освобождении Вилейки и умерших позже в лазаретах и госпиталях. Причем эти захоронения производились на участке, не занятом захоронениями Первой мировой войны, там, где ранее была дорога, ведущая к кладбищенской церкви Иоанна Предтечи (построена для отпевания погибших солдат в 1917 г. и разобрана в 1938 г.). К тому времени почти все могилы периода Первой мировой войны заросли, а кресты на них сгнили и попадали.

В 1950-е гг. на территории военного кладбища были перезахоронены останки воинов Красной армии и партизан, погибших в годы Великой Отечественной войны, которые были похоронены в Вилейке и ее окрестностях. В том числе перенесли братскую могилу с площади Свободы.

Количество погребенных в братской могиле военнослужащих РККА точно неизвестно, цифры в разных источниках разнятся. По первоначальным сведениям здесь были погребены 15 солдат и 2 партизана. В «Каталоге воинских захоронений на территории Республики Беларусь. Минская область» указано, что тут похоронены 29 человек [Ломейко, с. 82].

В 1952 г. на месте погребения был поставлен обелиск. Данная братская могила стоит на государственном учете как воинское захоронение. Кроме нее на государственном учете стоят еще три одиночные могилы солдат и офицеров Красной армии [Ломейко, с. 82].

Некоторые воинские захоронения относятся к послевоенному периоду, в них похоронены солдаты и офицеры, убитые бандитами после войны. Одни из них взяты на государственный учет, другие нет.

На сегодняшний день кладбище закрыто, горожан хоронят на новом кладбище «Лесное», где тоже есть воинские захоронения [Ломейко, с. 83].

По благословию Его Высокопреподобия Митрополита Минского и Слуцкого Патриаршего Экзарха всея Беларуси Филарета при входе на вилейское городское кладбище с ул. 1 Мая возведена надвратная часовня-памятник в память русских воинов, погибших в годы Первой мировой войны. Торжественное открытие этого памятника состоялось 26 сентября 2015 г. и было приурочено к 100-летию освобождения города от кайзеровских войск. Важно, что на плитах, размещенных на колоннах надвратной часовни-памятника, выбиты имена тех, кто погиб в боях и умер от ран и болезней в Вилейке в годы Первой мировой войны.

Более подробно об этом кладбище можно прочесть в статьях: «Вилейское военное братское кладбище» [Колосова 2014, с. 419–422]; «Восстановление имен воинов, погребенных в годы Первой мировой войны на Вилейском братском кладбище» [Каркотко 2018, с. 51–52]; «Восстановление имен погребенных в воинских захоронениях Первой мировой войны на примере Вилейского братского кладбища» [Каркотко 2022, с. 186–197].

Из проведенного обзора можно сделать выводы о том, что в Вилейском районе бережно относятся к памяти павших в любых войнах и вооруженных конфликтах. Если не помнить о погибших, о разрушениях и горе, которые несут войны, то они будут вспыхивать вновь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Баланин Д.В. Бой за Вилейку 10 сентября 1915 г. // Военный сборник. 1916. № 10. С. 41–52.
2. Богданов В.А. Сражения Первой мировой войны на территории Беларуси. Битва у Нарочи. 1916: немецкие источники о русском весеннем наступлении (Нарочская операция). Мемориал / сост. В.А. Богданов. Брест: Полиграфика, 2016. 375 с.
3. Богданов В.А., Каркотко А.Ю. Воинские захоронения на территории Республики Беларусь. Минская область. Первая мировая война / Министерство обороны Республики Беларусь: сост. В.А. Богданов, А.Ю. Каркотко. Мн.: СтройМедиаПроект, 2018. 200 с.
4. Ефимова Н.А. Церковная история города Вилейки / сост. Н.А. Ефимова. Мн.: Ковчег, 2013. 142 с.
5. Каркотко А.Ю. Война 1812 года на Вилейщине // Отечественная война 1812 года: взгляд через столетия (к 210-летию Бородинского сражения русской армии): Сб. материалов междунар. науч. конф. / ред. совет: Г.И. Авдеенко, И.А. Мороз, О.Е. Никонец, С.Г. Дмитриев. М.: РУСАЙНС, 2023. С. 47–51.
6. Каркотко А.Ю. Восстановление имен воинов, погребенных в годы Первой мировой войны на Вилейском братском кладбище // Военная археология. 2018. № 3 (54). С. 51–52.
7. Каркотко А.Ю. Восстановление имен погребенных в воинских захоронениях Первой мировой войны на примере Вилейского братского кладбища // Беларусь в пламени Первой мировой войны: сб. науч. ст. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории; гл. ред. А.А. Коваленя; сост. М.М. Смольянинов. Мн.: Беларуская навука, 2022. С. 186–197.
8. Каркотко А.Ю. О чем может рассказать табличка из Долгинова // Сайт Местного благотворительного культурно-исторического фонда памяти Первой мировой войны «Кроки». URL: <http://krokiww1.by/О-чем-может-рассказать-табличка-из-Дол/> (дата обращения: 20.07.2023).
9. Каркотко А.Ю. Полк КОП «Вилейка» 1929–1939 гг. Часть 2 // Военная археология. 2021. № 1 (70). С. 51–60.
10. Каркотко А.Ю. Тайна песчаного карьера // Военная археология. 2010. № 5 (8). С. 42–51.
11. Каркотко А.Ю. Эпизоды польского восстания 1863–1864 гг. на Вилейщине. Часть 1. Бой у деревни Владыки // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 1. С. 133–147.

12. *Каркотко А.Ю.* Эпизоды польского восстания 1863–1864 гг. на Вилейщине. Часть 2. Битый Лог // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 3. С. 129–142.

13. *Колосова О.А.* Вилейское военное братское кладбище // Первая мировая война в исторических судьбах Европы: сб. материалов Междунар. науч. конф., г. Вилейка, 18 окт. 2014 г. / редкол.: В.А. Богуш (пред.) [и др.]. Мн.: Изд. центр БГУ, 2014. С. 419–422.

14. *Ломейко О.В.* Каталог воинских захоронений на территории Республики Беларусь. Минская область / Министерство обороны Республики Беларусь; сост. О.В. Ломейко. Мн.: 2016. 576 с.

15. Памяць: Гісторыка – дакументальная хроніка Вілейскага раена. Мн.: БЕЛТА, 2003. 702 с.

16. *Подорожный Н.Е.* Нарочская операция в марте 1916 года на русском фронте мировой войны. М.: Госвоениздат, 1938. 176 с.

17. *Покровский Ф.В.* Археологическая карта Виленской губернии. Вильна: Типография А.Г. Сыркина, 1893. XVIII с. + 163 с.

<https://www.doi.org/10.29003/m3648.khmelita-19/309-319>

<https://elibrary.ru/xxhhcl>

Научная статья / Research Article

УДК 379:4

ББК 63.2

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NoDerivatives
4.0 (CC BY-ND)

СОВЕТСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ОПЫТ СОЗДАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО СВОДА ПАМЯТНИКОВ СОВЕТСКИМ ВОИНАМ

© 2023. А.И. Ельчанинов

Аннотация. В статье рассматриваются памятники и захоронения советских воинов, павших во Второй мировой войне на территории Китайской Народной Республики. В 45 городах Китая установлено более 50 памятников погибшим советским воинам. Охарактеризованы подвиги Г.А. Кулишенко, А. Фирсова и Галины Дубеевой (Чжан). Описываются события, ознаменовавшие окончание Второй мировой войны и посвященный этому памятник, который установлен на вершине горы Мэнху, надпись на нем гласит, что именно здесь был погашен последний огонь Второй мировой войны. Граждане России, посещая Китай в качестве туристов, знакомятся с памятниками и захоронениями советских воинов и находят места погребения своих родственников.

Ключевые слова. Китайская Народная Республика, памятники, захоронения советских воинов.

Информация об авторе: Анатолий Иванович Ельчанинов – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра картографии и геоинформационных систем, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (Институт Наследия) Министерства культуры Российской Федерации, ул. Космонавтов, д. 2, 129366, г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6676-4690>

E-mail: aelchaninov@mail.ru

Для цитирования: Ельчанинов А.И. Советские захоронения в Китайской Народной Республике: опыт создания информационного свода памятников советским воинам // Первые Кулаковские чтения: На полях воинской славы России / отв. ред. М.В. Скороходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 309–319. <https://www.doi.org/10.29003/m3648.khmelita-19/309-319>

**SOVIET BURIALS
IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA:
EXPERIENCE IN CREATING
AN INFORMATION COLLECTION
OF MONUMENTS TO SOVIET SOLDIERS**

© 2023. Anatoly I. Elchaninov

Abstract: The article deals with monuments and burial sites of Soviet soldiers who fell in the Second World War in the People's Republic of China. In 45 cities of China more than 50 monuments to fallen Soviet soldiers are established. The exploits of G.A. Kulishenko, A. Firsov and Galina Dubeeva (Zhang) are characterised. The historical events and the monument dedicated to the end of the Second World War are described – on the top of Mankhu Mountain there is a monument, the inscription on which says that it was here that the last flame of the Second World War was extinguished. Russian citizens visiting China as tourists get acquainted with the monuments and graves of Soviet soldiers and find their relatives or acquaintances.

Keywords: People's Republic of China, monuments, burial places of Soviet soldiers.

Information about the author: Anatoly I. Elchaninov – PhD in Geography, leading researcher, head of the Center for Cartography and Geographic Information Systems, Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev (Heritage Institute) of Ministry of Culture of the Russian Federation, st. Kosmonavtov, 2, 129366, Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6676-4690>

E-mail: aelchaninov@mail.ru

For citation: *Elchaninov Anatoly I. Soviet Burials in the People's Republic of China: Experience in Creating an Information Collection of Monuments to Soviet Soldiers. First Kulakov Readings: On the Fields of Russia's Military Glory.*

Ex. ed. Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 309–319. (In Russian). <https://www.doi.org/10.29003/m3648.khmelita-19/309-319>

Советский и китайский народы, издавна живущие по соседству, имеют богатые традиции взаимного общения и дружбы. Это проявляется в их совместной борьбе против внутренних и внешних врагов за свободу и независимость.

Статья посвящена памятникам российским и советским воинам, павшим в Русско-японской войне и в период японо-китайской войны. Создана карта Китайской Народной Республики (КНР), на которой выделены населенные пункты, в которых имеются памятники павшим советским и российским военнослужащим, а также памятники на братских могилах.

Китайско-российские отношения – взаимоотношения между Китаем и Россией, а в исторической ретроспективе – между государствами-предшественниками – развиваются на современной территории этих государств на протяжении последних 400 лет.

В 1896 г. правительство России подписало с Китаем договор о дружбе. В результате Китай разрешил России построить железную дорогу к Владивостоку через Северную Манчжурию (Китайская восточная железная дорога – КВЖД). В 1898 г. Россия в рамках русско-китайской конвенции на 25 лет арендовала у Китая Ляодунский полуостров, однако заинтересованность в данной территории других стран привела к нескольким серьезным военным конфликтам и войнам. В 1902 г. царская армия вошла в Маньчжурию, что не устроило Японию, которая разорвала дипломатические отношения с Россией и 27 января 1904 г. напала на российские военные корабли под Порт-Артуром. Это стало началом войны. Русско-японская война – одна из важнейших страниц в истории Российской империи. Бои происходили на нынешней территории Китая и в прилегающих акваториях.

В 1927 г. после подавления Кантонского восстания войсками Гоминьдана было разгромлено Генконсульство СССР в Гуанчжоу, 14 декабря 1927 г. были расстреляны пятеро сотрудников Генконсульства.

Японо-китайская война 1937–1945 гг. остается актуальной темой как в Китае, так и в России, она важна с позиций осознания китайским народом своей роли в мировом историческом процессе и определения дальнейших путей построения внешней политики государства. Советский Союз оказал неоценимую помощь китайскому народу. Подписанный в Нанкине 21 августа 1937 г. Договор о ненападении между СССР и КНР предусматривал помощь Китаю вооружениями и специалистами [Белолипецкий].

Первая помощь пришла уже в октябре: в 1937–1941 гг. СССР поставил в Китай 1235 боевых самолетов, а также учебные самолеты. Для участия в боевых действиях в те годы в Китай было направлено более 2000 человек летного состава [Окороков, с. 152].

Советские и китайские летчики-истребители вели воздушные бои над Нанкином, Ханькоу, Наньчаном, Ланьчжоу и Гуанчжоу. Летчики-бомбардировщики бомбили вражеские объекты, топили и повреждали японские военные корабли и транспорты. Объединенный советско-китайский отряд бомбардировщиков совершил успешный налет на Тайвань. Сотни китайских летчиков прошли обучение в летных школах у советских инструкторов.

С осени 1937 г. начались поставки боевых самолетов и военных грузов по трассе Алма-Ата – Ланьчжоу. Поставка проходила в сложных условиях: японская авиация неоднократно осуществляла налеты на авиабазу в Ланьчжоу. В 1938 г. советские и китайские летчики обороняли Ухань от налетов японской авиации.

За время японо-китайской войны в тяжелых боях с численно превосходящим противником погибло и захоронено на территории Китая более 200 советских летчиков и добровольцев [Назаренко, с. 224; Чудодеев].

В 1938–1940 гг. 14 советским летчикам-добровольцам за проявленный в ходе боевых действий в Китае героизм было присвоено звание Героя Советского Союза.

Рассмотрим биографии нескольких героев, павших на полях сражений.

В городе Ваньчжоу провинции Чжэцзян установлен памятник военному летчику-добровольцу капитану Красной Армии Григорию Акимовичу Кулишенко [Окороков, с. 152]. Два поколения жителей Ваньчжоу заботятся о его могиле.

В 1939 г. Кулишенко по программе помощи Китаю в японо-китайской войне был направлен на Восточный фронт. Эскадрилья под командованием Кулишенко сбила в общей сложности сотню японских самолетов. 14 октября 1939 г. группа японских самолетов смогла перехватить Кулишенко в воздушном пространстве города Ухань. Самолет был поврежден. У пилота оставалась возможность спастись, выпрыгнув с парашютом, но он этого не сделал, поскольку не мог допустить, чтобы самолет рухнул на дома мирных жителей. Кроме того, ему было важно спасти военный самолет. На пределе возможностей он посадил машину на реку Янцзы, однако выплыть на берег уже не смог. Его семья ничего об этом не знала, т. к. в то время антияпонская помощь Советского Союза Китаю была засекречена.

Только в 1955 г. дочь летчика Инна, встретив в Москве китайскую студентку, узнала истинную историю подвигов отца. Через три года жена и дочь Григория Кулишенко были приглашены на празднование Национального дня КНР. Они впервые приехали в Китай и посетили места сражений своего мужа и отца. Премьер Чжоу Эньлай сказал семье героя: «Китайский народ никогда не забудет подвиг Григория Кулишенко».

Семья оказалась на могиле Кулишенко только через 19 лет после его гибели. Родных тронула забота местных жителей о месте захоронения Кулишенко, они решили не перевозить останки летчика на родину. За могилой солдата более 60 лет ухаживала жительница Ваньчжоу Тан Чжунхуэй, затем заботиться о захоронении продолжил ее сын Вэй Инсян. «У нас особые чувства к Кулишенко. Он пожертвовал собой ради нашей страны и жителей города. Матушка всегда говорила, что я должен быть благодарен за его подвиг. Мама каждый день в шесть утра приходила на его могилу, сидела там. Я обязан продолжить ее дело», – сказал 65-летний Вэй Инсян [Око-роков, с. 152].

В городе Далянь района Льюшунь находится Русское воинское кладбище – крупнейшее захоронение иностранцев в Китае и самое большое русское воинское кладбище в Азии. Здесь похоронено более 20 тысяч солдат и офицеров русской армии, погибших при исполнении служебных обязанностей в 1898–1904 гг. и во время Русско-японской войны 1904–1905 гг.

После 1945 г. рядом со старым кладбищем были похоронены советские воины, умершие от ран и погибшие в период временного пребывания частей Советской Армии на Ляодунском полуострове. Всего, по данным китайской стороны, в тот период в 1323 могилах было похоронено 2030 человек, в том числе 1400 военнослужащих и свыше 630 родственников военных.

В 1955 г. Советская Армия перед уходом из Порт-Артура (Люй-шуня) отремонтировала входные ворота кладбища, сделав их своеобразным памятником архитектуры. В 1999 г. перед входом на кладбище был поставлен величественный памятник, перемещенный с центральной площади Даляня.

В уезде Дуннин города Муданьцзян провинции Хэйлуцзян располагается Дуннинский мемориальный музейный комплекс. Здесь находится памятник пулеметчику 567-го стрелкового полка младшему сержанту Александру Яковлевичу Фирсову, который 11 августа 1945 г. в бою за город Дуннин первым проник к вражескому доту и, израсходовав боеприпасы, закрыл своим телом его амбразуру. Звание Героя Советского Союза ему присвоили посмертно 30 августа 1945 г. Он награжден орденом Ленина и навечно зачислен в списки личного состава воинской части. Похоронен в поселке Полтавка Октябрьского района Приморского края [Фирсов Александр Яковлевич].

В городском уезде Суйфэньхэ провинции Хэйлуцзян находятся: парк Мира, памятник советским воинам и памятник «Посланник Дружбы и Мира».

Памятник «Посланник Дружбы и Мира» – 12-метровый монумент девушке Галине Дубеевой (Чжан), которая в военное время была советской переводчицей. Она была убита японскими солдатами 12 августа 1945 г. во время попытки проведения переговоров между советской и японской сторонами. Памятник представляет девушку в образе ангела с крыльями, охраняющего планету от конфликтов. Китайцы называют Галину Дубееву «ангелом мира».

Галина Дубеева (Чжан) родилась 18 февраля 1928 г. в городе Суйфэньхэ в Китае. Ее мать – русская, отец – китаец. В возрасте восьми лет Галина поступила в русскую эмигрантскую школу. Уже с 13 лет она начала работать и помогать кормить семью – читала лекции в школе и была помощницей отца. К этому времени она в совершенстве владела русским, китайским и японским языками.

Утром 9 августа 1945 г. СССР объявил войну Японии. Продвижение советских войск было стремительным. Люди, знающие китайский и японский языки, были очень востребованы. 17-летнюю Галину взяли переводчиком в политотдел армии, которая наступала на японцев со стороны Приморского края.

На пути этой армии в горах находилась крепость Тяньчаншань. Галина 12 августа в качестве переводчика вместе с четырьмя советскими солдатами направились в горы на переговоры с окруженным японским гарнизоном крепости, чтобы убедить их капитулировать. Галина начала говорить в сторону японской армии: «Мы – делегаты советской Красной Армии, отвечающие за мирные переговоры, не стреляйте, выйдите на переговоры». Японцы с белыми флагами потребовали, чтобы к ним подошла только переводчица. Галя с тревогой смотрела на капитана и молча плакала. Командир советской группы Федорченко обнял ее: «Не бойся, ты добрая, думай о том, что японцы согласились на переговоры. Они поверят в нашу искренность». Тогда Галя взволнованно сказала: «Может быть, я не вернусь». «Но ведь никто из нас не говорит по-японски, только ты можешь переводить. Иди и возвращайся».

Галя перестала плакать. С белым флагом и текстом пакта о капитуляции она направилась к японским позициям. Федорченко видел, как Галя подошла к японскому солдату и исчезла в лесу. Вдруг он услышал ругань, а затем безумный крик. Послышался выстрел, Федорченко, почувствовав неладное, начал звать Галю.

По рации он доложил о происходящем в штаб и приказал отряду отступить. Японцы начали стрелять, убили двух и ранили трех красноармейцев. Федорченко вывел отряд из-под обстрела. Вечером в штабе было принято решение атаковать крепость Тяньчаншань. Бои продолжались четыре дня. Японский гарнизон был полностью уничтожен, живыми в плен попали только 26 японских солдат.

В 1984 г. записи о трагической гибели Галины Дубеевой случайно обнаружил в архиве местный историк Сунь Боянь. До 1997 г. он тщательно восстанавливал подлинную картину событий тех дней, а затем решил возвести в Суйфэньхэ памятник в честь этой талантливой и смелой девушки. Чтобы больше людей узнали о ее подвиге, Сунь Боянь с 1998 г. начал публиковать в местных газетах статьи о Галине. Вместе с тем он использовал все возможности для сбора

денежных средств на возведение памятника. В 2004 г. удалось собрать достаточное количество денег.

После этого у Сунь Бояня появилась идея создать памятник со словами президента России (скульпторы В.Д. Свешников и Ли Фуцзюнь).

Президент Российской Федерации В.В. Путин 14 мая 2007 г. направил жителям города Суйфэньхэ послание, в котором предложил выгравировать на памятнике Галине следующие слова: «Наша дружба – это взаимопонимание, доверие, общие ценности и интересы. Мы помним о прошлом и думаем о будущем».

В 2009 г. в городе Суйфэньхэ на средства, собранные горожанами, установлен памятник Галине Дубеевой «Посланник Дружбы и Мира». Также в Суйфэньхэ в 2013 г. открыт мемориальный музей имени Галины Дубеевой [Забятая героиня Второй мировой].

И еще одна история. Уезд Хутоу расположен на склоне горы Хутоушань. Это место, где был потушен последний очаг Второй мировой войны. Японцы в свое время называли хутоуские укрепления «восточной линией Мажино».

Командование Квантунской армии придавало большое значение стратегическому расположению уезда Хутоу. С одной стороны, крепость блокировала путь в центр китайского Северо-Востока, с другой стороны, уезд служил «ножом, приставленным к горлу» советского Приморья. Прямо напротив Хутоу расположен город Дальнереченск (тогда – Иман), к северу и к югу от Хутоу – города Хабаровск и Владивосток.

Японцы захватили Хутоу в 1933 г. Уже в следующем году они приступили к превращению Хутоу в неприступную крепость. Советские войска 6 августа 1945 г. блокировали наблюдательный пункт на берегу Уссури. Девятого августа был начат массированный обстрел японских позиций, одновременно подразделение советских погранвойск переправилось через Уссури и Сунгача. Все военные наблюдательные пункты японцев были захвачены спустя час после начала операции. В тот же день пехотные подразделения Красной Армии форсировали Уссури и вступили на ее левый берег. Масштабная операция с применением авиации и артиллерии началась 10 августа. Японские войска сильно сопротивлялись, используя подземную инфраструктуру крепости, на строительство которой ушло 6 лет.

Несмотря на объявленную 15 августа японским императором безоговорочную капитуляцию и приказ сдаться на милость союзников, засевшие в крепости солдаты и офицеры отключили радиоприемники и продолжали сопротивление.

Советская Армия 19 августа начала массированное подавление сопротивления засевших в крепости японцев. В 15 часов 30 минут 26 августа 1945 г., на 11 дней позже даты безоговорочной капитуляции, последние из оставшихся в живых защитники крепости (53 человека) были взяты в плен. Так закончилась Вторая мировая война.

На вершине горы Мэнху высится памятник, надпись на котором гласит, что именно здесь был погашен последний огонь Второй мировой войны [Крепость Хутоу].

В Хутоу 15 августа 2005 г. состоялся Международный форум мира, в ходе которого российские, китайские и японские ветераны войны зажгли священный Огонь мира и выпустили в небо белых голубей. Это символизировало стремление к миру, желание извлечь уроки из прошлого и с уверенностью смотреть в будущее.

В 50-летнюю годовщину окончания Второй мировой войны, 3 сентября 1995 г., на военном кладбище в Нанкине воздвигли величественный памятник-мемориал авиаторам, погибшим в 1937–1945 гг. в войне с Японией.

На современном этапе китайско-российское взаимодействие характеризуется широким спектром областей сотрудничества, включая интенсивные контакты на высшем уровне, торгово-экономические и гуманитарные связи, взаимодействие на международной арене.

В последние десятилетия в результате развития в Китае въездного познавательного туризма и укрепления дружеских отношений с Россией интерес к объектам, связанным с историей российско-китайских отношений, значительно возрос. К настоящему времени большинство памятников в Китае поставлено на государственную охрану, многие отреставрированы и используются для культурных, образовательных и просветительских целей. В крупных городах при активном взаимодействии китайских и российских государственных и общественных организаций приведены в порядок российские и советские захоронения, отремонтированы или восстановлены памятники и могилы.

Важной целью данного исследования было описание того, как в городах Китая увековечена память о российских и советских героях. Памятники советским героям в Китае уже давно стали символами дружбы двух стран. В Китае свято чтут память о советских воинах, которые помогли отстоять независимость государства. Эти памятники содержатся в идеальном порядке. За ними ухаживают.

В последнее время некоторые страны проводят политику, направленную на пересмотр итогов Второй мировой войны в ущерб интересам России. На этом фоне отрадно то, что в 45 городах Китая установлено более 50 памятников погибшим советским воинам. Большинство из них расположено на воинских кладбищах в городах на северо-востоке Китая, где в августе – сентябре 1945 г. развивалось наступление Красной армии против милитаристской Японии. Во время этой операции погибло более 12 тысяч советских воинов. Памятники в их честь начали устанавливать уже в победном 1945 г. [Ельчанинов].

Один из самых представительных монументов советским воинам-освободителям находится в Харбине. Его установили в 1955 г. Памятник представляет собой трехступенчатый пьедестал, на котором расположена скульптура солдата и матроса, держащих над головой орден Победы.

К настоящему времени на территории Китайской Народной Республики учтено 42 захоронения советских воинов. Здесь покоятся останки 24779 советских и российских военнослужащих, погибших на территории Китая, начиная с 1904 г., из них 17843 похоронены как неизвестные. Китай полностью соблюдает межправительственное соглашение по уходу за воинскими захоронениями, в т. ч. при переносе памятников и воинских захоронений.

Рассмотренные в данной работе памятники, мемориалы и захоронения погибших российских и советских воинов посещают не только жители Китая, в т. ч. школьники, но и российские граждане. Ежегодно для того, чтобы почтить память героев, в Китай приезжают сотни тысяч российских туристов, многие из которых надеются найти сведения о погибших во время войны родственниках. Совместными усилиями России и КНР удастся восстановить данные о некоторых участниках войны. Это очень важно для всех жителей не только Поднебесной и России, но и всего мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Белолипецкий С.С. В сражающемся Китае // По дорогам Китая. 1937–1945: Воспоминания / сост., отв. ред., авт. предисл. и примеч. Ю.В. Чудодеев. М.: Наука, 1989. С. 149–199.
2. Ельчанинов А.И. Китайская Народная Республика. Памятники известным российским и советским деятелям и военно-историческим событиям. М.: Институт Наследия, 2023. 404 с., ил.
3. Забытая героиня Второй мировой: в Китае чтут память о подвиге русской переводчицы, которую не знают в России <https://kulturologia.ru/blogs/211015/26797/> (дата обращения: 14.11.2022).
4. Крепость Хутоу, или Последнее сражение Второй мировой войны // <http://japanesedolls.ru/index/0-1860> (дата обращения: 14.11.2022).
5. Мильбах В.С., Назаренко И.С. Участие в боевых действиях и потери советских военных специалистов (советников) в Китае в 1937–1941-е гг. // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. СПб.: Михайловская военная артиллерийская академия, 2021. № 2. С. 224–236.
6. Огороков А.В. Русские захоронения в Китае. М.: Институт Наследия, 2023.
7. Фирсов Александр Яковлевич https://warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=6462&yyclid=lnrb1fhm4t755200736 (дата обращения: 14.11.2022).
8. Чудодеев Ю.В. На земле и небе Китая. Советские военные советники и летчики-добровольцы в Китае в период японо-китайской войны 1937–1945 гг. М.: Ин-т востоковедения, 2017. 216 с.

<https://www.doi.org/10.29003/m3649.khmelita-19/320-329>

<https://elibrary.ru/yoqkvz>

Научная статья / Research Article

УДК 93/94

ББК 63.2

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NoDerivatives
4.0 (CC BY-ND)

«ОКОПНОЕ ТВОРЧЕСТВО» ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. ПРИМИТИВНОЕ ИСКУССТВО ПО ОБЕ ЛИНИИ ФРОНТА

© 2023. С.Ф. Жижиян

Аннотация: в статье предпринята попытка раскрыть наиболее характерные черты «окопного творчества» как вида примитивного искусства периода Великой Отечественной войны и его роль в истории повседневности и в военной истории. Сквозь призму анализа артефактов, хранящихся в фондах ГУК «Быховский районный историко-краеведческий музей», и находок поисковиков поисковой группы «Быховский рубеж» рассказывается о предметах, изготавливаемых солдатами в окопах по обе линии фронта. Автором предпринята попытка типологизации предметов «окопного творчества», рассматриваются аспекты их создания и применения, охарактеризована методика производства и подбора материалов для изготовления исследуемых предметов. Несмотря на то, что комплексы данных предметов, хранящиеся во многих музеях мира, все еще не признаются отдельным видом искусства в классическом его понимании, их роль в военной истории и в повседневной жизни солдата на войне неоспорима и заслуживает внимания со стороны исследователей – историков и искусствоведов.

Ключевые слова: «окопное творчество», музеи, Быхов, поисковая работа, военная археология.

Информация об авторе: Сергей Филиппович Жижиян – магистр исторических наук, директор, Быховский районный историко-краеведческий музей, ул. Ленина, д. 40, 213352 г. Быхов, Республика Беларусь.

E-mail: bychov-museum-dir@yandex.by

Для цитирования: Жижиан С.Ф. «Окопное творчество» периода Великой Отечественной войны. Примитивное искусство по обе линии фронта // Первые Кулаковские чтения: На полях воинской славы России / отв. ред. М.В. Скороходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 320–329. <https://www.doi.org/10.29003/m3649.khmelita-19/320-329>

**TRENCH ART THE PERIOD
OF THE GREAT PATRIOTIC WAR.
PRIMITIVE ART ON BOTH FRONT LINES**

© 2023. Sergey F. Zizhiyan

Annotation: this article attempts to reveal the most characteristic features of “trench art” as a type of primitive art of the period of the Great Patriotic War and its role in the history of everyday life and military history. Through the prism of the analysis of artifacts stored in the funds of the GUK “Bykhovsky District Museum of Local Lore”, the finds of the search engines of the search group “Bykhovsky Frontier” tells about the items made by soldiers in the trenches on both front lines. The author attempts to typologize the objects of “trench art”, discusses the aspects of the creation and use of such artifacts, provides the main features regarding the methods of production and materials for manufacturing. Despite the fact that the complexes of these objects stored in many museums around the world are still not recognized as a separate art form in its classical sense, their role in military history and the history of everyday life of a soldier in war is undeniable, and deserves attention from researchers, historians and art historians.

Keywords: “trench art”, museums, Bykhov, search work, military archaeology.

Information about the author: Sergey F. Zizhiyan – Master of Historical Sciences, Director of the State Institution, “Bykhovsky District Museum of Local Lore”, Lenin str., 40, 213352 Bykhov, Republic of Belarus.

E-mail: bychov-museum-dir@yandex.by

For citation: Zizhiyan, Sergey F. *Trench Art the Period of the Great Patriotic War. Primitive Art on both Front Lines. First Kulakov Readings: On the Fields of Russia’s Military Glory*. Ex. ed. Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 320–329. (In Russian). <https://www.doi.org/10.29003/m3649.khmelita-19/320-329>

«Окопное творчество» – один из образцов примитивного искусства, который не так давно стал изучаться исследователями на постсоветском пространстве, несмотря на то, что в фондах и экспозиционных залах многих музеев подобные артефакты хранятся довольно давно и представлены весьма обильным разнообразием. Сегодня интерес к подобной теме во многом обусловлен также развитием поискового движения.

При ГУК «Быховский районный историко-краеведческий музей» более десяти лет работает поисковая группа «Быховский рубеж», структурное подразделение общественного объединения «Могилевский областной историко-патриотический поисковый клуб ВИККРУ». За это время фонды музея пополнились многими предметами «окопного творчества», выявленными поисковиками при проведении археологических работ на территории района. Часть данных артефактов экспонируется в военном зале музея, частьполнила фонды [Жижиян, с. 85].

В процессе поисковых разведок, проведения раскопок на местах боевых действий военным археологам довольно часто попадаются артефакты, которые несут в себе срез некоей истории, порой не только военной, но и бытовой, отображающей историю повседневности.

Одним из таких типов находок является «окопное творчество». Этот термин прочно вошел в лексикон поисковиков, музейных работников, коллекционеров. В западной историографии этот вид военного творчества называют трэнш-арт (trench art) [Saunders, p. 12].

В целом спектр рассматриваемых предметов довольно прост и утилитарен – это, как правило, различные поделки, изготовленные солдатами во время отдыха в тылу, во время лечения в госпиталях или на фронте – в перерывах между боями.

Эти предметы изготовлены порой довольно примитивно, из подручных материалов, чаще всего из фрагментов амуниции или боеприпасов. Вместе с тем они очень четко отражают не только бытовые нужды солдата, но и настроение бойцов, их мысли и чаяния. Подобные находки хорошо дополняют картину понимания социальной и психологической ситуации в армии того времени, а иногда раскрывают некоторые стороны судьбы солдата лучше, чем любой документальный источник [Окопное творчество красноармейцев].

Типологию предметов «окопного творчества» можно условно представить в таком ключе:

– предметы быта, украшения (военной формы, в том числе амуниции) для повседневного личного использования (утилитарные предметы);

– безделушки, украшения и декоративные предметы быта, изготовленные для себя, интерьера или в подарок;

– холодное (как правило) оружие, аксессуары и принадлежности для предметов военного назначения либо для их усовершенствования в условиях боя.

Два первых выделенных типа артефактов, как правило, могут отличаться лишь по косвенным признакам, в контексте археологических изысканий, либо благодаря неким надписям на предмете, позволяющим понять его предназначение.

В целом же это огромное количество самых разнообразных изделий: зажигалки, пепельницы, спичечницы, получехлы на спичечные коробки, портсигары, подсвечники, шкатулки, мундштуки, табакерки, лампы-коптилки из снарядных гильз и многое другое.

Отдельным подвидом среди вышеназванных предметов можно считать столовые приборы и посуду. На фронте солдаты не только производили сами, но и усовершенствовали или украшали уставную посуду – котелки, стаканы, кружки, рюмки, фляги, ложки, вилки и ножи.

Наиболее популярными среди мелкого, чаще памятного или сувенирного «окопного творчества», являются поделки из наград либо их копии, нательные крестики, брелоки, кольца, игрушки и прочее.

К последнему типу можно отнести ножи, кастеты, стилеты, дубинки, кистени, комбинированное, а порой и огнестрельное оружие – пистолеты и даже автоматы, которые иногда изготавливали и партизаны. Кроме самодельных предметов, солдаты в окопах неким образом усовершенствовали «под себя» уставное холодное и стрелковое оружие, а также крупногабаритное оружие и даже элементы военной техники. Достаточно вспомнить рисунки на самолетах – традиция, появившаяся еще в годы Первой мировой войны и сохранившаяся в армии до сих пор [«Окопное искусство» Первой мировой].

«Окопным творчеством» занимались, безусловно, по обе линии фронта. Во многом ассортимент предметов коррелировался в зависи-

мости от бытовых армейских традиций и количества (разнообразия) амуниции и боеприпасов.

Для вермахта были характерны «окопные» шутейные предметы – примитивные фельдмаршальские жезлы или «железные кресты», которыми солдаты с иронией награждали друг друга, что было не характерно для бойцов РККА. В то же время для окопного быта солдат Красной армии характерно очень много посуды и столовых приборов с интересными надписями и в различном творческом исполнении, что крайне нетипично для вермахта.

Также довольно заметны различия относительно материала: если в поделках немецких солдат преобладают предметы из цветных металлов (латунь, медь, а порой и серебро), то для красноармейцев в большей степени характерны артефакты, сделанные из алюминия.

На войне, как правило, материалов для творчества хватало. В ход шло все, что было под рукой: гильзы, фрагменты обшивки и деталей самолетов и иной техники, осколки снарядов, предметы солдатского обихода и амуниции и многие другие подручные материалы. Порой использовались и природные материалы – камень, дерево, кость, глина, мел.

Каждый из предметов «окопного творчества» по-своему уникален, так как он не просто «hand made» – изготовлен вручную, но и, как правило, делался персонально бойцом для себя либо для близких как память о войне.

Отдельно стоит остановиться на рисунках и надписях, присутствующих на рассматриваемых предметах. Весьма интересна их многовекторность, но вместе с тем и скудность тематического ряда, отображаемых знаков и символов, целей и задач, с которыми наносился тот или иной текст или изображение.

Большинство авторских рисунков были самыми разнообразными, они наносились практически на любой предмет и имели разную тематику – от ностальгической, с изображениями родной природы, до хулиганской, а зачастую и откровенно пошлой.

Отдельная тема «окопного творчества», очень заметная особенно в период Великой Отечественной войны, – тема так называемой «патриотики» на сувенирах и повседневных предметах. Если в период Первой мировой войны патриотические лозунги, символы и рисунки

на «окопных» предметах были присущи каждой из воюющих сторон, то во время Второй мировой войны это уже не столь широко распространено. Так, например, у бойцов РККА начертание звезд, серпа и молота, лозунгов и т. д. было очень характерно не только для бытовых предметов, но практически для всех изделий, изготавливаемых в окопах. У солдат Вермахта, напротив, изображение свастики или неких лозунгов, скорее редкость; большей популярностью пользовались бытовые рисунки и надписи, напоминающие о семье и доме, окопной жизни, о жизни и смерти и т. д.

Чаще всего рисунки встречались на портсигарах, преподносимых в подарок друзьям или командирам, или на зажигалках из гильз, которые использовались как сувенир. Реже рисунки можно увидеть на обиходных вещах – котелках, флягах, ложках и т. д.

Надписи же, напротив, чаще всего присутствовали на личных вещах солдат (как, впрочем, и на любом изготовленном «в окопах» предмете). Они, как правило, персонифицировали владельца либо дарителя артефакта. Порой это имя и фамилия хозяина предмета или автора поделки, однако частым явлением было и простое нанесение инициальной аббревиатуры, реже одного только имени или фамилии.

Надписи чаще всего делались на котелках, ложках, вилках, кружках, флягах и т. д. Характер надписей на изделиях колебался от патриотических – «Смерть фашистским оккупантам» или «За Родину», до юмористических: «Кури свой» – надпись на портсигаре (кисете) для хранения табака или «Ешь мясо и макароны» – на ложке.

Если говорить о качестве нанесенных изображений и надписей, то, как и во всем «окопном творчестве», этот аспект также нельзя каким-то образом классифицировать – все надписи и рисунки наносились тем, что было «под рукой» у мастера, а их творческая и эстетическая составляющие зависели от вкуса, знаний, навыков и профессионализма изготовителя.

Так, в фондах ГУК «Быховский районный историко-краеведческий музей» хранится несколько надмогильных табличек, созданных, безусловно, в «окопных мастерских». Три из них экспонируются в зале музея, посвященном событиям Великой Отечественной войны. Даже беглого взгляда, обращенного на них, достаточно для того, чтобы увидеть разницу в их исполнении, как с эстетической

точки зрения, так и с точки зрения наличия у «мастера» достаточного набора инструментов и материала.

Все они изготовлены из самого удобного для нанесения рисунков и надписей материала – стенок (крышек) снарядных ящичков. Но если две таблички изготовлены из трофейного алюминия, материала более податливого и простого в обработке, и представляют собой просто прямоугольные пластины, то третья выполнена из латуни, с вкраплением на лист погонной эмблемы в виде скрещенных артиллерийских пушек как символа того, к какому роду войск принадлежал погибший солдат, и сделана в форме ромба с креплением сверху.

Аналогичные параллели можно провести и относительно надписей. Если на алюминиевых табличках текст просто выбит пунктирно точками (возможно, обычным гвоздем), то латунная имеет орнамент по периметру, рисунки звезд в углах ромба и текст, который написан, видимо, гравировальными приспособлениями с неким подражанием машинописным буквам с элементами растительного орнамента.

Отметим, что вышеописанное разнообразие надмогильных табличек ни в коем случае не говорит об отношении солдат к погибшим товарищам, а лишь подтверждает нашу версию о разнообразии и влиянии на процесс «окопного творчества» как материально-технической базы, так и образования, умений и навыков «окопных мастеров».

Солдатский образ жизни не предполагал изобретения чего-то уникального, учитывая уровень образования того времени. Но, тем не менее, среди бойцов было достаточно людей творческих, порой с художественным даром, что давало возможность творить даже при скудности выбора технологий и материала.

Поэтому «окопное творчество» – это, как правило, различные варианты исполнения одного и того же предмета, кем-то у кого-то подсмотренного либо сделанного по необходимости. Тем не менее, каждый мастер имел свой уникальный почерк и свои технологические изыски, поэтому один и тот же по назначению предмет выходил весьма оригинальным.

Безусловно, в каждом армейском соединении были свои «мастера», которые делали подобные вещи под заказ и в определенном количестве. Предмет «окопного творчества» вполне мог быть изготовлен и в ротной мастерской, где были и походные кузнечные горны, наковальня и всевозможный инструмент, и в блиндаже, где

у солдата мог быть обустроен свой уголок, «верстачок» с нехитрыми тисками, наковальней и другими приспособлениями.

В данном контексте интересен исторический документ – письмо по 8-й Гвардейской армии № 0284 от 29.05.1943 г. [Солдатские кружки Красной Армии], в котором заместителям командиров соединений по тылу, командирам отдельных частей и начальникам учреждений разъяснялось следующее (текст письма напечатан на печатной машинке, стилистика и орфография сохранены. – С. Ж.):

Перспектив на получение котелков и фляг для удовлетворения полной потребности нет.

Предлагаю немедленно приступить к изготовлению в течении июня месяца с/г, силами частей и подразделений металлических фляг и котелков по «300» [подписано шариковой ручкой. – С. Ж.] штук из консервных банок и другого подручного материала. /Листового железа/.

Взамен фляг разрешается использовать стеклянную посуду /бутылки и пр./ вложив ее в чехлы для фляг.

О количестве изготовленных металлических фляг и котелков а также замененные фляги стеклянной посудой доносить интенданту Армии каждую пятидневку 4, 9, 14, 19, 24, и 29 числа июня месяца.

Излишествовавшие консервные банки и подручный материал сдать в мастерскую «ПОРЕМ» – ПОКРОВСКОЕ.

За хорошую работу организацию работы и выполнение полностью плана по изготовлению указанных предметов, предоставить мне материал на лиц заслуживающих поощрения и награждения.

Задача – обеспечить каждого бойца котелком.

Из тыловых частей и учреждений котелки изъять и передать боевым частям

п/п

Зам. ком. войсками по тылу
8 Гв. Армии
гвардии полковник /Плетнев/

Данное письмо подтверждает и без того очевидные факты наличия порой даже примитивных мастерских в различных частях и соединениях, не только сувенирную, но и практическую сторону создания объектов «окопного творчества».

Однако, исходя их полевых изысканий, музейных и семейных коллекций, процент подобных «типовых» предметов категорически мал относительно разнообразия единичных, уникальных в своем роде артефактов.

Таким образом, эти изделия могли быть как примитивными, выполненными неумело и на скорую руку (опять же, исходя из их

утилитарного предназначения), так и настоящими произведениями искусства – всё зависело от способностей мастера, наличия у него времени, материалов и инструментов.

Зачастую при археологических работах на территориях тыловых частей РККА или блиндажных городков Вермахта находят поломанные предметы «окопного творчества» или заготовки для них. Как правило, большую часть поломанных предметов можно отнести к «выбраковке». То есть, когда в процессе создания артефакта что-то не получилось либо созданная вещь не устроила мастера по каким-либо критериям [Поисковая группа «Быховский рубеж»].

Иногда к «окопному творчеству» относят и предметы, созданные солдатами в плену, либо послевоенное творчество – «hand made» подарки как символ «фронтового братства». Поэтому для полной атрибуции подобных артефактов очень важен контекст находки.

Особенно важны подобные предметы, когда они выявляются в процессе эксгумации солдат. Порой подписанный котелок, фляга, ложка или что-то иное – единственная возможность установить имя погибшего [Жижиян, с. 85].

Тем не менее, существует огромная проблема, касающаяся подобных артефактов, хранящихся в музейных фондах. Зачастую в прошлом музейные предметы, связанные с «окопным творчеством» и способные стать «маркером» для определения судьбы солдата, были принесены в музей людьми, которые не рассказали историю обретения либо не охарактеризовали место находки предмета, а музейные работники не посчитали нужным уточнить данные факты. В итоге эти вещи стали просто интересными экспонатами, а ниточка, ведущая от них к установлению судеб погибших бойцов, оказалась порвана навсегда...

В местах современных военных конфликтов, а также срочной службы в армии сохранились традиции «окопного творчества», особенно как изготовления памятной атрибутики, однако количество и разнообразие создаваемых предметов в наши дни гораздо скромнее.

Сегодня «окопные произведения» периода Великой Отечественной войны хранятся в семейных архивах, частных коллекциях, музейных собраниях и являются неотъемлемой частью истории воины, а скорее – истории повседневности и быта на войне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Жижиян С.Ф. Вернуться с войны... // Операция «Багратион» – пролог Великой Победы: Материалы Междунар. научно-практич. Конф., посвящ. 75-летию освобождения Беларуси, Могилев, 23–24 мая 2019 г. / Министерство образования Республики Беларусь, Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Белорусско-Российский университет; ред. кол.: М.Е. Лустенков (гл. ред.) [и др.]. Могилев: Белорусско-Российский университет, 2019. С. 183–186.
2. «Окопное искусство» Первой мировой. URL: <https://warspot.ru/6141-okopnoe-iskusstvo-pervoy-mirovoy> (дата обращения: 27.08.2023).
3. Окопное творчество красноармейцев. URL: <https://rk.karelia.ru/special-projects/vystavka-pobedy/okopnoe-tvorchestvo-krasnoarmejtsev> (дата обращения: 27.08.2023).
4. Поисковая группа «Быховский рубеж». URL: <http://mogilev-region.gov.by/category/poiskovyie-gruppy-i-otryady-oblastnogo-istoriko-patrioticheskogo-poiskovogo-kluba-vikkru-1> (дата обращения: 27.08.2023).
5. Солдатские кружки Красной Армии. URL: <https://smolbattle.ru/threads/Солдатские-кружки-Красной-Армии.39138/page-13> (дата обращения: 27.08.2023).
6. *Saunders, N.* Trench Art: Materialities and Memories of War. Berg Publishers, 2003. 254 p.

<https://www.doi.org/10.29003/m3650.khmelita-19/330-342>

<https://elibrary.ru/jftuqa>

Научная статья / Research Article

УДК 159.922.24

ББК 26.89(2Рос)

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons Attribution-NoDerivatives
4.0 (CC BY-ND)

ПОЛЯ СРАЖЕНИЙ КАК АССОЦИАТИВНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ

© 2023. Г.А. Зайцева

Аннотация: На основе анализа российского и международного опыта работы с культурным и природным наследием обоснованы основные подходы и принципы изучения, консервации, ревитализации и музеефикации культурных ландшафтов полей сражений, входящих в состав музеев-заповедников России. Рассмотрен позитивный опыт России в разработке стратегий развития и применения концепции культурного ландшафта для создания и укрепления музеев-заповедников, в экологическом обследовании объектов наследия. Выявлены подходы ЮНЕСКО к управлению объектами всемирного наследия и перспективному планированию их деятельности.

Ключевые слова: изучение, восстановление, музеефикация, культурное и природное наследие, подходы и принципы, культурный ландшафт, стратегия развития, экологическое исследование.

Информация об авторе: Галина Алексеевна Зайцева – кандидат биологических наук, генеральный директор ООО «Экокультура», Москва, Россия.

E-mail: arteco@yandex.ru

Для цитирования: Зайцева Г.А. Поля сражений как ассоциативный культурный ландшафт // Первые Кулаковские чтения: На полях воинской славы России / отв. ред. М.В. Скорыходов. М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. С. 330–342. <https://www.doi.org/10.29003/m3650.khmelita-19/330-342>

BATTLEFIELDS AS ASSOCIATIVE CULTURAL LANDSCAPE

© 2023. Galina A. Zaitseva

Abstract: Based on the analysis of Russian and international experience in working with cultural and natural heritage, the main approaches and principles of studying, conservation, revitalization and museification of the Battlefields are substantiated; the composition of priority works is determined. The positive experience of Russia in the development of strategies for the development and application of the concept of cultural landscape for the creation and strengthening of museums-reserves and museums-estates, in the environmental survey of heritage sites is considered. UNESCO approaches to the management of World Heritage sites and long-term planning of their activities are proposed.

Keywords: Battlefields associative cultural landscape, study, restoration, museification, cultural and natural heritage, approaches and principles, cultural landscape, development strategy, environmental research.

Information about the author: Galina A. Zaitseva – PhD in Biology, LLC “EcoKultura”, general Director, Moscow, Russia.

E-mail: arteco@yandex.ru

For citation: Zaitseva, Galina A. Battlefields as Associative Cultural Landscape. *First Kulakov Readings: On the Fields of Russia's Military Glory*. Ex. ed. Maxim V. Skorokhodov. Moscow: MAX Press Publ., 2023. pp. 330–342. (In Russian). <https://www.doi.org/10.29003/m3650.khmelita-19/330-342>

1. Музеи-заповедники и российский опыт работы с комплексом культурного и природного наследия

За последнее время в музеологической теории и в практической деятельности музеев России окрепла и утвердилась тенденция к музейному освоению целых территориальных комплексов в их целостности, включающих природное и культурное, материальное и нематериальное наследие.

Данная тенденция полностью отвечает представлению о том, что наследие – это системное образование, а объекты наследия должны быть сохранены и представлены во взаимной связи друг с другом и с окружающей их средой. Оптимальной отечественной моделью для комплексного сохранения и актуализации историко-

культурного и природного наследия в интересах посетителей и местного населения является музей-заповедник. Всем хорошо известна его разновидность – музей-усадеб.

Комплексный подход к сохранению наследия в его целостности вносит коррективы в музейную практику. Так, музеи-усадеб возрождают характерные для мест их расположения виды деятельности: традиционные занятия, ремесла, обряды и т. д. Это определяет активную работу с волонтерами-реконструкторами, а также установление партнерских отношений с местным сообществом.

Главной экспозицией музея-заповедника становится сама территория со всеми расположенными на ней памятниками истории, культуры, природы. Например, музей-заповедник А.С. Грибоедова «Хмелита» по классификации Международного совета музеев (ИКОМ) можно отнести к историческим музеям, которые представляют жизнь и творчество выдающейся личности или исторические события [Каулен, с. 14]. Традиционно успешной для России надо признать музеефикацию музеев-усадеб, связанных с жизнью исторических личностей, отечественных деятелей литературы, искусства, науки.

Основатель и первый директор музея-заповедника А.С. Грибоедова «Хмелита» Виктор Евгеньевич Кулаков делал все для восстановления и музеефикации усадебного комплекса, вместе с этим он долгие годы добивался музейного освоения Богородицкого поля. Это место, где осенью 1941 г. благодаря героическому сопротивлению ополченцев и воинов частей Резервного и Западного фронтов и ценой их жизни был внесен серьезный вклад в срыв гитлеровского плана Blitz-Krieg.

Важной тенденцией в развитии музеев-заповедников России стало расширение институциональных функций: сохранение и актуализация наследия дополняется его освоением, включением в музейные проекты и программы в интересах посетителей и местного населения.

Просветительская и экскурсионная деятельность обогащается новыми формами работы с целевой аудиторией, к которой чаще всего относят детей и молодежь. Деятельность по сохранению наследия проявляется в реставрации, реконструкции, консервации, приспособлении объектов наследия для современного использования, в разработке зон охраны и достопримечательных мест.

2. Принципы охраны всемирного культурного наследия, которые должны быть учтены при разработке и реализации стратегии развития музеев-заповедников, созданных на полях сражений

Принципы охраны объектов всемирного культурного наследия – основополагающие установки, нормы и правила, которые предназначены для закрепления их в национальном законодательстве стран [Шестова, с. 122–127].

Наследие, включенное в Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, согласно Конвенции «Об охране всемирного культурного и природного наследия» (Париж; 1972) является всеобщим, поэтому для его охраны обязано сотрудничать все международное сообщество. Конвенция декларирует, что разрушение или повреждение объектов культурного или природного наследия приводит к обеднению достояния всех народов мира.

Российская Федерация признает все принципы международной охраны всемирного культурного наследия. Отечественное законодательство охватывает практически все виды и формы охраны культурного и природного наследия, регламентирует охрану окружающей среды и территорий, достопримечательных мест, музейных предметов, а также определяет порядок использования культурного наследия в целях воспитания и образования граждан. Кроме того, Россия придает большое значение популяризации объектов культурного и природного наследия. Сохранение их образов в кино-, фото-, фоносистемах, в цифровых изображениях обогащает культуру и расширяет ее возможности.

Анализ международных актов позволяет выделить общие принципы и установки, которые необходимо учитывать при охране всего разнообразия объектов всемирного культурного наследия. Важнейшие из них:

- учет и популяризация культурного наследия;
- обеспечение доступности;
- информирование общественности;
- воссоздание (возведение утраченного) или восстановление (реставрация) культурного наследия;
- сохранение культурного наследия (консервация);
- контроль над охраной культурного наследия.

3. Концепция культурного ландшафта

Общее признание термин «культурный ландшафт» приобрел после выхода в свет в 1992 г. Руководства ЮНЕСКО по применению Конвенции о Всемирном наследии, в котором культурный ландшафт отнесен к объектам Всемирного наследия [Белкина, с. 89–90]. В названном документе культурный ландшафт рассматривается как интегральный показатель развития человеческого общества, отражающий взаимовлияния природной среды и различных культурных, экономических и социальных процессов [Культурный ландшафт, с. 18].

В руководстве по выполнению Конвенции об охране Всемирного наследия выделены три основные категории ландшафтов:

1. Спланированные и выполненные человеком (например, регулярные парки и садовый ландшафт);
2. Ландшафты развивающиеся (в т. ч. реликтовые);
3. Ассоциативный культурный ландшафт, к которому отнесены мемориальные усадебные комплексы и поля сражений.

Понятие «культурный ландшафт» присутствует в статье 3 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», где указано, что культурные и природные ландшафты относятся к категории достопримечательных мест.

Всестороннее изучение культурных ландшафтов планомерно проводилось до 2014 г. в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева. На основании информационно-аксиологического подхода Ю.А. Ведениным, М.Е. Кулешовой и Р.Ф. Туровским была сформулирована отечественная концепция культурного ландшафта. Согласно авторскому определению «культурный ландшафт – это природно-культурный территориальный комплекс, сформированный в результате эволюционного взаимодействия природы и человека» [Берестовская, с. 12–13]. Ю.А. Веденин является основоположником научной концепции культурного ландшафта как комплексного объекта природного и культурного наследия [Кулешова, с. 11], обладающего высокой степенью информативности. Согласно его мнению культурный ландшафт обладает пространственными и временными характеристиками; его структура включает в себя совокупность взаимосвязанных

подсистем. Изучение культурного ландшафта опирается на целостное восприятие окружающего пространства, признание взаимосвязи и взаимозависимости природы и культуры [4, с. 140–141]. Надо добавить также, что всестороннее изучение культурного ландшафта, представляющего собой сложную систему, возможно только при участии исследователей разных специальностей: культурологов, историков, географов, экологов, социологов, искусствоведов и др.

В случае с музеем-заповедником «Хмелита» мы имеем дело с ассоциативным культурным ландшафтом со следующими характеристическими особенностями:

- относится к антропогенному ландшафту;
- носит мемориальный характер, отражая художественные вкусы, творческие устремления и экономические потребности владельцев усадьбы;
- обладает универсальной культурной ценностью, аутентичностью и целостностью.

Такое представление о культурном ландшафте лежит в основе разработок и планирования экологических научно-исследовательских и практических работ, нацеленных на решение проблем окружающей среды в музеях-заповедниках и музеях-усадьбах [Зайцева, с. 187–190].

4. Методологические подходы в экологических исследованиях

Разработанная и апробированная нами методология экологического мониторинга и экологических исследований в музеях-заповедниках и музеях-усадьбах служит наглядным примером междисциплинарного подхода к наследию.

Свойства и взаимосвязи между организмами внутри экосистем почти всегда оказываются сверхсложными, а их исследование требует особых методологических подходов, среди которых: экосистемный, эволюционный, исторический, эколого-правовой, эстетический, аксиологический.

Главные характеристические особенности **экосистемного подхода** – системность и комплексность. Он предусматривает комплексное изучение на конкретной территории сообществ организмов с учетом влияния лимитирующих факторов внешней среды (климат, горная порода, физико-химический состав почв, влаго- и светообеспечен-

ность, степень загрязнения и др.), которые фиксируются известными методами анализа.

Другими применяемыми подходами являются **эволюционный** (например, изучение сменяющих друг друга лесных сукцессий под влиянием природных факторов или человека) и **исторический** (например, учет в анализе современной ситуации предшествующих изменений климата или смены характера традиционных технологий, интродукции новых пород деревьев и др.).

В музеях-заповедниках ситуация еще сложнее. Кроме центральной усадьбы, они включают в себя разнообразные, прежде всего сельские ландшафты, а также природные ландшафты других типов – окружающие их леса, луга, озера, болота, реки и др. Нередко мы встречаемся с тем, что статус территории по видам землепользования не определен. Поэтому еще одним методологическим подходом является **эколого-правовой**, позволяющий определить границы права, установить предотвращаемый экологический ущерб и др. Экологическое воспитание основано на аксиологическом (нравственно ориентированном) подходе. В целом применение данных методологических подходов позволяет выявить закономерности структуры и функционирования экологических систем, основные проблемы их устойчивого развития и наметить пути их решения.

Важное значение при сохранении экосистем имеет мониторинг, т. е. система периодических научных наблюдений, позволяющая выяснить изменения в экосистеме под влиянием природных факторов или деятельности человека.

К базовым элементам мониторинга относят:

- разработку ландшафтных планов и ландшафтных профилей, проведение зонирования территории;
- составление дендропланов; в которых указываются конкретные места произрастания всех видов деревьев и кустарников, различные аспекты жизни экосистемы: жизненное состояние деревьев, характер подлеска и подроста, почвенные условия и т. д.;
- таксацию насаждений, при которой производится учет каждого дерева, осуществляется ряд морфологических измерений (диаметры стволов, высота, параметры крон, оценка патологического состояния и его предполагаемые причины);

- применение частных экологических методов для изучения состояния деревьев, почв, воздушной среды, климатических, антропогенных и др. факторов с целью выявления различных аспектов жизни экосистемы.

В результате исследователь получает представление об основных экологических проблемах территории. Кроме того, нередко встречаются следующие проблемы: нарушение видового раскрытия объектов культурного и природного наследия (например, соотношение облепешенных и открытых пространств на Бородинском поле); нерациональная хозяйственная деятельность; нерешенность эколого-правовых проблем, связанных с правом землепользования.

По завершении мониторинговых исследований проводится анализ их результатов, и намечаются пути решения экологических проблем, выстраивается иерархия причинно-следственных связей и разрабатывается комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленных на ликвидацию экологических вызовов. Например, предлагаются разнообразные методы лечения и поддержки жизненного состояния мемориальных деревьев.

5. Специфика, генезис и систематизация ландшафтных элементов культурного ландшафта полей сражений (по А.В. Горбунову)

Обобщая актуальные разработки, можно представить культурный ландшафт с точки зрения современной культурологии в виде сложной природно-культурной системы, которая формируется и развивается за счет непрерывного взаимодействия природы и человека, базируется на материальных и нематериальных ценностях и содержит высокую степень информативности.

Специалисты по культурному ландшафту единодушны в том, что в настоящее время поля сражений – это наиболее уязвимый тип культурного наследия. Вследствие цивилизационных сдвигов они стремительно теряют свою культурную, просветительскую и рекреационную привлекательность. В России из-за разрушения советских форм ведения сельского хозяйства и исчезновения колхозов и совхозов происходит стремительное зарастание бывших сельскохозяй-

ственных угодий до превращения их в мелколесье. Меняется соотношение открытых и закрытых пространств, что играло важную роль при выборе места сражения. Таким образом, полностью сохранить целостность и аутентичность военно-исторического ландшафта невозможно в принципе.

Анализ полей сражений позволил А.В. Горбунову выявить ряд их общих особенностей и генезис [Горбунов].

Место, выбранное для сражения, обладает, как правило, значительным военно-оборонительным потенциалом и трактуется как «первичный ландшафт поля сражения». Функциональное назначение поля сражения – военное – кратковременно и неповторимо. Степень разрушения элементов первичного ландшафта зависит от численности войск, используемых видов вооружения, интенсивности боевых действий. К основным процессам, разрушающим военно-исторический ландшафт, отнесены:

- природные процессы;
- процессы возвращения к мирному использованию территории поля сражения;
- мемориализация событий военного времени, героев и подвигов, выражающаяся в установке памятников и памятных знаков, в музеефикации оборонительных сооружений и др.

Культурно-историческая ценность полей сражений увеличивается благодаря включению их территорий в состав достопримечательного места, а также в результате их музейного освоения. Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник – старейший в мире музей, созданный на полях сражений (1839). Начало его коллекции положил План Бородинского сражения из Военно-топографического департамента. Военно-исторический ландшафт поля сражения постепенно становится музейно-мемориальным ландшафтом, который является ассоциативным типом культурного ландшафта. Значимой вехой в этом превращении стало празднование в 1912 г. Российским государством 100-летия Бородинской битвы.

А.В. Горбуновым [Горбунов] предложена следующая систематизация ландшафтных элементов полей сражений:

1. *Памятники – свидетельства*, которые подтверждают факт сражения и выступают источниками научной реконструкции хода боевых действий.

2. *Памятные места и памятные объекты* – сохранившиеся элементы первичного ландшафта. Они представляют основу музейно-мемориального ландшафта поля сражения, обладая информационной, эстетической и экологической ценностью. Следует отметить, что для туристов существенное значение имеет отсутствие в памятных местах дисгармонирующих современных объектов и целостность их визуального восприятия с обзорных точек.

3. *Памятные знаки* фиксируют на местности информацию о событиях и их участниках, являясь гарантией их сохранения. Нередко они имеют самостоятельную художественную ценность. К ним относятся: символические монументы, мемориально-архитектурные комплексы, памятники воинским частям и участникам сражения, информационные знаки и др.

4. *Объекты наследия других исторических периодов*, включая:

- памятники природы;
- археологические памятники;
- памятники архитектуры и ансамбли;
- военно-исторические памятники.

Все они образуют современный культурный ландшафт поля сражения.

Под развитием ассоциативности культурного ландшафта понимается использование всех композиционных элементов культурного ландшафта «в целях сохранения и создания ассоциативного образа сражения, адекватного его выражению в исторической науке, народной памяти и культурной традиции» [Горбунов].

6. Подходы к разработке Концепции комплексного развития музеев-усадб на полях сражений на примере Бородинского военно-исторического музея-заповедника

Представляется оптимальным не только использовать российские подходы к разработке и реализации программ комплексного развития музеев-заповедников, но и учитывать требования ЮНЕСКО к разработке Планов управления объектами Всемирного культурного наследия.

План управления объектом Всемирного наследия (или номинантом на включение в Список Всемирного наследия) опирается на ре-

комендации, включенные в Руководство по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия.

Комплексный подход к планированию и управлению является ключевым для руководства эволюцией объектов и обеспечения сохранения всех аспектов их всемирной универсальной ценности. Такой подход выводит за пределы объекта и включает детальное рассмотрение прилегающих поселений и природных ландшафтов, входящих в буферные зоны, а также в более широкое окружение. Создание плана управления становится результатом коллективного и интерактивного подходов, которые учитывают специфику номинируемого объекта.

Одним из важнейших законодательных актов, отражающих особенности программно-целевого управления культурой в Российской Федерации, стал Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Под стратегическим планированием понимается деятельность по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития. Программы комплексного развития являются инструментом реализации стратегий развития всех учреждений культуры России. Такие программы представляют собой комплекс поэтапно разрабатываемых взаимоувязанных частей. Этот комплекс состоит из Концепции (стратегии) развития, Системы мероприятий или приоритетных проектов с технико-экономическим обоснованием, раздела «Этапы и механизм реализации», а также Дорожной карты реализации программы.

7. Заключение

Анализ принципов и подходов, направленных на сохранение и презентацию всемирного культурного наследия, на реализацию ресурсного потенциала российских музеев-заповедников, созданных на полях сражений, позволяет обосновать и определить приоритетные виды деятельности и последовательность работ российских специалистов.

В план первоначальных работ входят:

1) Проведение комплексных научных исследований объектов культурного и природного наследия, составляющих культурный

ландшафт полей сражений в соответствии с предложенной систематизацией ландшафтных элементов (памятники-свидетели, памятные места и памятные объекты, памятные знаки, объекты наследия других исторических периодов).

2) Разработка Концепции комплексного развития музея-заповедника, которая в числе приоритетных проектов будет включать деятельность по сохранению, поддержанию и музейному освоению культурного ландшафта полей сражений.

3) Создание и укрепление интегральных маркетинговых коммуникаций (ИМК) проекта, что предполагает привлечение в проект целевой группы (дети и молодежь 18–35 лет) через мероприятия проекта и социальные сети; осуществление брендинга, установление прочных деловых связей с общественностью (волонтеры, реконструкторы) и многое др.

Общественная значимость внедрения таких подходов к культурному ландшафту лежит в области создания на основе музеев-заповедников нового уникального объекта культурного туризма, позволяющего донести историческую память до новых поколений, развиваться в качестве центра патриотического воспитания на региональном и федеральном уровнях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Белкина С.В. Основные подходы к изучению культурных и природно-культурных ландшафтов // Культура и цивилизация. 2020. Т. 10. № 2А. С. 89–98.

2. Берестовская Д.С. Культурные ландшафты Крыма: коллективная монография. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. 380 с.

3. Горбунов А.В. Историко-культурный ландшафт полей сражений как объект наследия. [Интернет-источник] Режим доступа: https://www.borodino.ru/wp-content/uploads/2017/08/2_gorbunov.pdf (дата обращения: 10.08.2023).

4. Зайцева Г.А. Анализ экологической деятельности музеев-заповедников // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия: Материалы Восьмой Всерос. научн. конф. (Бородино 12–14 ноября 2003 г.). Сб. научн. ст. М.: Институт Наследия, 2004. С. 184–191.

5. *Каулен М.Е.* Музеи под открытым небом: многообразие моделей и проблема выбора // Музеи-заповедники – музеи будущего: Междунар. научно-практич. конф. Елабуга, 18–22 ноября 2014 г.: материалы и доклады / отв. ред. М.Е. Каулен, Г.Р. Руденко, И.В. Чувилова. Елабуга: ООО «ЕлТИК», 2015. С. 10–34.

6. *Кулешова М.Е.* Введение // В фокусе наследия: Сб. ст., посвящ. 80-летию Ю.А. Веденина и 25-летию создания Российского научно-исследовательского ин-та культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева. М.: Институт географии РАН, 2017. С. 10–17.

7. Культурный ландшафт как объект наследия / ред. Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова. М.: Ин-т Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004: 620 с.

8. *Шестова С.М.* Принципы охраны всемирного культурного наследия и глобальные вызовы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 6 (68). С. 122–127.

Научное издание

ПЕРВЫЕ КУЛАКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ:
НА ПОЛЯХ ВОИНСКОЙ СЛАВЫ РОССИИ

Сборник статей

Отв. редактор М.В. Скороходов

Подготовка оригинал-макета:

Издательство «МАКС Пресс»

Главный редактор: *Е.М. Бугачева*

Компьютерная верстка: *А.В. Кононова*

Обложка: *А.В. Кононова*

Подписано в печать 15.11.2023 г.

Формат 60/90 1/16. Усл.печ.л. 21,5.

Тираж 300 экз. Заказ № 183.

Издательство ООО «МАКС Пресс»

Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.

119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы,

МГУ им. М.В. Ломоносова, 2-й учебный корпус, 527 к.

Тел. 8(495)939-3890/91. Тел./Факс 8(495)939-3891.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н